

"Магнатъ"

**Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org**

В жаркий летний день от городской окраины к проходной оружейной фабрики приближались трое высоких, статных и удивительно жилистых мужчин. А еще вернее, полноправных казаков – чем ближе они подходили, тем отчетливее можно было различить фуражки и широкие синие лампасы на шароварах. На проходной они и вовсе развеяли все возможные сомнения, с врожденной казачьей непринужденностью проигнорировав как турникет, так и самого охранника при нем. Миновали первый, попытались обогнуть второго...

– Ну-ка, замерли! Теперь на две сажени назад. Живо!

Особенную убедительность этой просьбе придавала рукоятка револьвера, торчащая из открытой кобуры, и правая ладонь охранника, зацепившаяся большим пальцем за ремень аккурат рядом с этой самой кобурой. Казачки переглянулись, пожали плечами и все так же непринужденно вернулись обратно, причем один успел с насмешкой шепнуть другому что-то вроде: «Какие грозные сторожа на фабрике!»

– Служивый, а как бы нам самого главного увидеть, а?

– Вам назначено?

– Да вроде нет.

– Запись на прием вон за той зеленой дверью.

Гости Сестрорецка опять переглянулись, на сей раз озадаченно. Затем пожали плечами, переваривая непонятный ответ, и повторили попытку:

– Да ты не понял, служивый. Мы сродственники его, нам *так* можно, без всяких там... этих ваших штук.

– Запись на прием вон за той зеленой дверью.

– Да поняли мы уже, поняли. Ну а письмецо-то от батюшки передать ему можешь? Или что братья сродные [1] до него приехали?

После этих, в сущности, простых и уж точно необидных слов в глазах подтянутого мужчины в черной форме появилось очень нехорошее выражение. А рука, отцепившись от ремня, прочно обосновалась на ладно изогнутой рукояти револьвера. И неизвестно, чем бы закончился столь неудачно начавшийся разговор, если бы из темной прохлады караулки под жаркое августовское солнышко не вышел начальник охранной смены. Выслушал рапорт от подошедшего к нему подчиненного, внимательным взглядом буквально ощупал троицу мужчин, а напоследок даже попросил документы – видимо, захотел блеснуть перед ними своей грамотностью. Ну что сказать – блеснул, после чего ненадолго задумался, затем, сделав им знак обождать, скрылся на пару-тройку минут в караулке. Вернулся с явным удивлением на лице и, как-то странно косясь на синелампасников, отрядил одного из подчиненных в провожатые:

– Идите за ним.

Трое «сродственников» спокойно миновали грозного стража проходной и вразвалочку зашагали, активно вертя головами по сторонам. На пути до неведомого пункта назначения им встретилось немало интересного и еще больше непонятного, но больше всего запомнилась артель юных тружениц швейного цеха, небольшим табунком направлявшаяся в столовую. И красотой лиц, и очень даже упруго-фигуристыми статьями, дополненными острыми и смешливыми язычками – а еще тем, что внимание столь хорошеньких (прямо как на подбор!) дивчин, вкупе с парой-тройкой приветливых фраз, получил только и исключительно их провожатый в черной униформе. Нет, на них тоже посмотрели... равнодушно и мельком, словно бы на пустое место. Отчего brave казаки, немало озадаченные последним обстоятельством, почти и не заметили, как поменялся их сопровождающий. И пришли в себя только при виде группы мужчин, развлекающихся привычным и, самое главное – насквозь понятным делом. У них дома тоже любили почесать кулаки о соседа – в небольшой дружеской потасовке, разумеется. Правда, станичники «дружили» один на один, на крайний случай ватажкой на ватажку, а не трое против одного. Да и на руки обычно ничего смягчающего удары не надевали... Но кто их знает, какие в Сестрорецке порядки насчет немудреных мужских развлечений? Тем более что одинокий боец против такого неравенства сил явно не возражал. Хотя напор на него был весьма велик, да и удары прилетали очень даже увесистые – он же только весело скалился и постоянно перемещался, старательно прикрываясь ближним противником от всех остальных.

Бац! Бац!

Бац!..

Ну то есть очень старался, чтобы оно так и выходило, и уж точно не жадничал на ответные «плюшки». Не рискуя, впрочем, задерживаться на одном месте больше секунды-двух.

– Хоп! Северьян.

Теперь уже недавний агрессор запрыгал веселым козликом, уходя от настойчивого внимания все той же троицы бойцов – вот только состав был немного другим. И его неудавшаяся жертва проявляла себя в нападении ничуть не хуже, а скорее даже куда лучше, нежели в обороне: все-таки личная заинтересованность – великая вещь! Так что уже через десяток секунд «зайчик-попрыгайчик» пропустил мощную плюху в челюсть и слегка поплыл. За первой с минимальным отставанием последовала вторая, слегка подровнявшая левую скулу (небольшой привет от подоспевшего «загонщика»). Ну а потом и третий противник отметился, ловко сбив Северьяна подсечкой на землю, а потом резко ударив ногой. Все по той же утопанной глинистой земле, но в то же время и рядом с тоненькой височной костью.

– Хоп! Пять минут перерыв.

Победитель тут же просиял довольной улыбкой и протянул руку, помогая подняться жестоко и, главное – быстро «убитому» супротивнику. Трое казачков подошли уже достаточно близко для того, чтобы услышать недовольное и немного непонятное ворчание проигравшего:

– Зато я в стрелковке лучше!

– Да кто бы сомневался. Но пятерку ты мне вынь да положи, хе-хе!

– Жадюга!..

– На том стою.

- Кхм?..

Новоприбывшие дружно повернули головы и с нарастающим интересом (хотя, казалось, куда уж больше!) уставились на подошедшего к ним мужчину. В запыленной и измятой форме, с «голым» лицом (впрочем, усы отсутствовали как минимум у трети присутствующих на воинском поле бойцов) и с еле заметным мазком грязи на шее. Вдобавок в его глазах светилось явное узнавание – хотя до сего дня они видятся ну никак не могли.

- Чем могу помочь?

Самый старший из гостей Сестрорецка вздохнул про себя (ну опять, то же самое мочало – начинай рассказ сначала) и повторил все, что говорил сторожу у ворот и его начальнику.

- Главного?.. Хм. А какого именно? У нас на фабрике главных много. Есть по станкам, в столовой есть главная, над кладовщиками, над грузчиками...

- Да нет, я ж говорю – нам самый главный нужен. Грегорей Дмитрич Долгин! Дело у нас до него.

Мужчина понимающе и уважительно покачал головой, принимая свою оплошку:

- То-то я смотрю, вы так похожи... Родственники, значит?

Еще раз качнул головой и сожалеющим тоном выдал:

- Григорий Дмитриевич вернется в Сестрорецк только послезавтра. Вы можете пока подождать, места в гостинице я вам обеспечу. Или сказать мне, – может, и сумею чем-то помочь в этом вашем деле.

Парни переглянулись.

- Ну?.. А что, вы и есть экспедиторы?

- Они самые.

Видя, как они мнутя в сомнении, мужчина слегка изменил осанку и малость построжевшим голосом представился:

- Старший экспедитор Демид Сошников.

Вопросительно посмотрел...

- Дмитро.

- Василий.

- Петр.

И удовлетворенно кивнул:

- Так что за дело у вас?

Уже без сомнений и сопутствующих им колебаний двадцатипятилетние казачки признались. Что все они, как один, желают поступить на службу в отдел экспедирования. С чем,

собственно, и прибыли к двоюродному брату.

– Угум.

Сошников как-то странно скосил глаза влево, где отдыхали от трудов мордобойных его подчиненные, и без паузы кивнул:

– Можно попробовать. Пройдете собеседование – лично замолвлю за вас словечко перед Григорием Дмитричем.

Жилистые станичники опять запереглядывались:

– Как-то оно... Гхм. А что за собеседование такое, старшой? Ты уж растолкуй, сделай милость.

– Да просто все. Выйдете в круг, против вас один из моих ребяташек встанет. Как его носом в пыль макнете, ну или там юшку [2] пустите – все, собеседование прошли.

вернуться

1

Двоюродные. – *Здесь и далее примеч. авт.*

вернуться

2

Кровь.

Петр довольно улыбнулся, орлом поглядывая по сторонам – почесать кулаки о достойного противника он любил. И умел. Многочисленные дядьки (среди которых был и отец двоюродного брата Грегорея), иногда батька, а временами так даже и сам дед – все они на совесть вдолбили в него трудную казацкую науку, так что предстоящего, хе-хе, «собеседования» он не боялся. И в спутниках своих был крепко уверен. Да и то сказать – им ли, потомственным воинам, бояться вчерашних крестьян? Пусть и поднабравшихся кое-каких ухваток? Нет, кровь казацья – не водица...

– Ну эт можно.

– Хоп!

Отдыхающие в теньке экспедиторы тут же выстроили круг, с интересом приглядываясь к соискателям должности. Отметили поразительное сходство облика каждого с господином главным инспектором, прошлись по фигурам, оценили определенную плавность и легкость движений...

– Кто первый, ты? На вот, надень.

Пока казак натягивал на руки перчатки толстой кожи, старший экспедитор коротенько перечислил все правила предстоящей «беседы»:

- Не калечить.

Почти не глядя, ткнул пальцем в молодого (пожалуй, даже помладше их самих) экспедитора, тут же сделавшего пару шагов вперед:

- Готов?

Петр покрутил головой и плечами, чуток разминаясь, несколько раз сжал-разжал кулаки, привыкая к перчаткам, и плавно протанцевал-шагнул в круг, сделав все те же два шага.

- Готов, старшой.

- Вот и славно. Хоп!

Глава 1

- Все собрались?

Три десятка слушателей рабочих курсов Сестрорецкой оружейной фабрики, столпившиеся в одном из коридоров поселкового клуба, тут же замерли. А потом начали переглядываться, старательно определяя - кому же именно задали этот вопрос? Меж тем господин в неброской, но весьма дорогой одежде удовлетворенно кивнул, щелкнул замком, открывая дверь в учебный класс, и приглашающе махнул рукой:

- Ну же! Прощу, заходите.

Дождавшись, пока недавние крестьяне устроятся за партами и притихнут, аккуратно притворил за собой дверь и прошел на место лектора. Отодвинул в сторону длинную указку, легонько мазнул кончиками пальцев по стулу, проверяя его чистоту...

- Что же, начнем. Все вы, в недавнем прошлом, были крепкими, справными хозяевами. У каждого своя история и свои причины, заставившие уйти из родного дома в поисках лучшей доли. Что ж, вы ее нашли. В довольно скором будущем вы сможете стать вполне квалифицированными мастеровыми. Не голодать, честно зарабатывать себе на хлеб насущный, растить детей... Вы ведь этого хотели?

Недавно появившаяся привычка отвечать на поставленный преподавателем вопрос заставила будущих работников компании утвердительно кивнуть.

- А ведь земля-то зовет. Вы же всю жизнь ее пахали, с нее жили, своей головой да хозяйством. Тоскуете небось по прежнему укладу?

Человек за конторкой лектора сделал небольшую паузу, покатав перед собой березовую указку:

- Так я прав или нет? Вы...

Поднявшийся для ответа мужчина средних лет степенно огладил широкую бороду, вздохнул и согласился, чувствуя всей спиной молчаливую поддержку:

- Все так. Зовет, родимая. Только что ж делать, коли жизнь так сложилась?

Человек в дорогой одежде сочувственно покивал головой. И резко сменил тему:

- А теперь поговорим о том, зачем вас всех тут собрали. Наша компания, которая, надеюсь, со временем станет и вашей, имеет определенные интересы на Дальнем Востоке империи. В частности, на торговлю лесом. И конечно, она желает получать всю возможную от этого дела прибыль. А для этого крайне желательно... Кто может сказать?

Разговор, построенный в форме привычного для будущих мастеров занятия, с ходу дал результат - сразу несколько слушателей дисциплинированно подняли руки, желая поделиться своими соображениями.

- Вы...

- Кгхм! Ну знамо дело - надо лесины на доски распускать. Доски, они того, завсегда дороже стоят!

- Очень хорошо. Кто еще?

Увы, идея с досками оказалась одной на всех, и больше поднятых рук не наблюдалось.

- Что же, я немного дополню. Шпалы. Брус, фасонные рейки, арборит, столярная плита, смола, шпон, бумага, спирт...

Услышав последнее, мужики слегка оживились, удивленно покачивая головами. Надо же, неужели даже из веток и корневищ наловчились это дело гнать? Чудны дела твои, господи!..

- Все это будет выделяться на дюжине лесопилок и двух небольших заводах. Которым, в свою очередь, потребуются... кто? Правильно, работники.

Слушатели курсов дружно перекрестились - наконец-то в их жизни появилась хоть какая-то определенность! Конечно, далеко не все были счастливы от перспективы добровольно поехать туда, куда отправляют на каторгу да под конвоем разных там душегубов и воров. Но уж лучше работать и получать хорошую задельную плату в далекой и (по слухам) весьма холодной Сибири, чем терпеть постоянную нужду и вечный голод в центральных губерниях.

- Но!

Взяв в руки указку, мужчина взмахнул ею на манер дирижера - и многоголосые перешептывания тут же послушно стихли:

- Работникам надо где-то жить. Что-то надо есть. И не только им, но и их семьям. Съестное же везти далеко, да и накладно. Следовательно, что?..

Некоторые бородачи даже затаили дыхание, напряженно ожидая ответа. И дождались - очередной «плавной» смены темы:

- А ведь по русскому берегу Амур-реки есть не только густые леса, камни да болота, но и плодородные, не тронутые сохой земли. Не сильно много, но есть.

Попробовав указку на излом, мужчина разочарованно отложил ее в сторону - не поддалась.

- Вот и решила компания отобрать десяток-другой работников с нужным опытом, сколотить из них сельскохозяйственную артель и отправить на Дальний Восток. С тем, чтобы они обрабатывали земли компании и поставляли ей столь необходимое продовольствие.

Оратор недовольно покосился на указку, затем на слушателей и уселся на свое место.

- Условия контракта простые. Компания предоставляет работнику: дом с хлебом и амбаром, кое-какую живность, всю нужную для жизни и работы утварь и одежду. Ну и прокорм до первого урожая. Тихо!

Шлеп!

На столешницу перед змеем-искусителем в человеческом облике звучно приземлилась стопка брошюрок, извлеченных из неприметного ящичка, все в той же самой конторке. А слева от стопочки аккуратно легли лист чистейшей белоснежной бумаги и остро отточенный карандаш.

- Подробности вот в этих книжках, читать вас научили. Я сейчас схожу до столовой, а через... ну, скажем, часа два вернусь обратно. Кому НЕ интересно это предложение компании, может спокойно уйти. Остальные, если таковые будут, записывают свое имя с фамилией на вот этот листок и дожидаются, чтобы задать вопросы.

Легкий перекус, чаепитие, а затем и всякие мелкие дела задержали Валентина Ивановича Грее на целых три часа. Да и обратно он шел, очень даже не торопясь - в клубе же первым делом завернул в курительную комнату, а потом и в уборную.

- Ну-с, продолжим?

Двадцать восемь человек послушно расселись за парты.

- Вопросы есть? О!

Из всех присутствующих только один кандидат в переселенцы поднял руку.

- Прошу.

Сухощавый (вернее сказать - тощий как жердь) мужчина, с реденькой и какой-то клочковатой бородачкой, солидно откашлялся. Огляделся по сторонам, тихонечко вздохнул и очень бережно листнул брошюрку:

- Вашество. А вот, положим, сколько же землицы на это дело определяют?

- ВАШЕЙ артели определен участок в пятьсот десятин пахотной земли, плюс пастбища и сенокосы, плюс приусадебные участки каждому из работников. Гхм, не установленного пока размера.

Гу-у!..

Аудитория наполнилась тихим гулом шепотков. Подавшиеся «на вольные хлеба», в том числе и по причине полной недостаточности (для прокорма) общинного надела, вчерашние крестьяне с трудом переваривали прозвучавшие слова. Столько земли! Для тех, кто всю жизнь кормился и жил с трех-четырех (а то и меньше) десятин тощей донельзя пашни, такое количество непаханой плодородной землицы было чем-то очень сложно представимым.

- Кхм?

Грее кашлянул с отчетливым намеком. И тут же выяснилось, почему вопросы задавал один, а остальные молчали да слушали - мужичок набрал воздуха в узкую грудь и на удивление звучно гаркнул, разом перекрывая все шепотки:

- Тихха!

Звуки как отрезало.

- А вот тут говорится, что через десять лет работы, без нареканий и взысканий, человек может получить собственный надел, аж в двадцать десятин. Это так, вашество?

Валентин Иванович кивнул, приветствуя правильные вопросы:

- Что-то я запамятовал, как вас звать-величать, уважаемый?..

Мужичок едва заметно расправил плечи и чуть громче, чем следовало, представился:

- Азарий Пантелеич! Гхм, Карасев.

Кашлянул и зачем-то добавил:

- У нас на речке, что рядом с селом, знатные караси ловились...

- Так вот, Азарий Пантелеевич, по поводу собственных наделов. Через десять лет работы на компанию - особо замечу, хорошей работы - вы сможете у нее взять кредит под минимальный процент. В виде того самого земельного надела, расположенного или в Сибири, или на Дальнем Востоке империи, или же в ее центральных губерниях. Выплаты за кредит - десятая часть урожая, мяса и молока. Можно и больше, тогда соответственно срок выплат сокращается. Если захотите продать еще какой излишек - компания приобретет и его, по хорошей цене.

Гу-у!!!

- Тихо!

Будущий (а может, и бывший) староста умело руководил переговорным процессом, вовремя затыкая самых говорливых - а Грeve, с интересом его оглядев, сделал себе мысленную пометочку. Ценный кадр, однако!

- И еще. Сейчас вы мне, конечно, не поверите - но, распробовав и привыкнув работать по-новому, так, как принято в нашей компании, многие из вас не захотят и думать о своем наделе. М-да. Еще вопросы?

Сельский активист впал в глубокую задумчивость и вышел из нее только после незаметного тычка в спину.

- А?

Склонил голову, прислушиваясь к неразборчивому нашептыванию окружающих, кивнул и тут же озвучил общественный интерес:

- Вашество, а ружьишки нам зачем? Для каких таких, извиняюсь, надобностей?

- Винтовки Бердана, переделанные в дробовые ружья, полагаются вам для целей самообороны. Граница рядом, а китайцы - народец пакостливый, да и вороватый без меры. К тому же на ногу легкий, и Амур-река им в этом не помеха. Набегут, что-то там попортят, что-то стащат, скотину угонят, набезобразничают... Оно вам надо? А так, будут опаску иметь да десятой стороной обходить. По тем же соображениям и расселять вас будем - скопом, в крепкие дома с высоким

тыном. Если и набежит кто, так миром всегда отбиться легче. Но вы за это особо не переживайте, там будет кому о вашем спокойствии подумать. Так что если и будете стрелять, так только на охоте – места там дикие, зверя пока хватает. Кстати, пушнину компания тоже принимает, по очень даже недурственным ценам. Как и орехи, ягоды, грибы, кости, рога и прочие дары природы. Нам интересно все!

– О как.

Видя, что слушатели поголовно впали в тяжкие раздумья, а их предводитель вдобавок еще и нещадно терзает свою рыжеватую бороденку, Валентин Иванович решил потихоньку закруглять агитацию:

– Первый год поедете только вы, ну и старшие сыновья – из тех, кто уже в подходящем возрасте. Вначале железной дорогой до Одессы, потом на пароходе до Владивостока, оттуда до устья Амура. До поездки все вы пройдете особый курс обучения – на Дальнем Востоке хозяйствовать надо не так, как вы привыкли, там все по-другому.

Греве взял паузу, окинул всех взглядом и, сделав значительное лицо, «добил» аудиторию:

– Справитесь – и компания организует еще несколько артелей. Так что – зубами там вцепляйтесь, руками и ногами! Сделайте все возможное, и компания вас не забудет!..

На этом личный порученец князя Агренева наконец-то закруглился, без особой спешки покинув аудиторию. А те, перед кем он так долго распинался, до самой темноты сидели и рядили, шумно обсуждая свою дальнейшую судьбу. Так ничего и не решив, постановили собраться всем обществом еще раз, с утра – которое, как известно, куда как мудренее вечера.

– Смотри-тка, какие хоромины себе Грегорей отстроил!

– Да, разбогател...

– Чего встали, шагай вперед!

Петр, заметив, как прячет усмешку их провожатый, едва не поддал своим братьям коленом под зад. Ишь, рты пораззявили, словно деревенщины какие! Казаки и не такое видали, едали да пивали. Это утверждение старший из трех братьев старательно оправдывал и дальше, невозмутимо разглядывая внутреннюю обстановку двухэтажной «лачуги» и ожидая, когда же наконец появится ее хозяин.

– Ох и красавцы!

Незаметно подобравшийся к гостям Григорий замер на месте, еще раз окинул троицу взглядом, затем улыбнулся:

– Ну поздорову, что ли, братья.

Минут через пять, когда утихли все возгласы и прекратились похлопывания по плечу и даже (временами) суровые мужские объятия, родственники расселись вокруг овального стола и дружно (почти) усадились на молодую и весьма привлекательную девицу в платье горничной. Пока та освобождала поднос от четырех стопочек, графинчика с водкой и немудреного набора закусок, ее упругие стати оценили, одобрили и даже слегка позавидовали... кое-кому, у кого губа явно не дура. Ой, не дура!.. Проводив девицу

понимающими глазами, гости одобрительно заулыбались (кто как мог), а Василий тоном опытного сердцеда определил:

– Огонь-девка. Как, Грегорей, угадал?

– Не знаю.

– Шо, совсем?!

Хозяин вздохнул с непонятными интонациями и сказал, как отрезал:

– С работницами компании не сплю.

Пока три брата недоуменно переглядывались, Григорий Долгин налил по первой, поднял стопку, пригубил, а затем требовательно ждал, пока остальные три не опустеют. Молча повторил, опять подождал...

– Где письмо-то?

Приняв послание, на пару мгновений о чем-то задумался, а потом отложил послание из родной станицы и с намеком поинтересовался:

– Ну что, как оно?

Вопрос поняли правильно. Петро кривовато усмехнулся половинкой лица (вторая половина заметно распухла и отсвечивала лиловым) и осторожно пошевелил правой рукой – отбитые ребра не позволяли излишне резких движений. Дмитрий зеркально повторил все его движения, только берег он не правый бок, а левый. А вот Василий отделался легче всех. Всего лишь еле заметной хромотой и самую малость заплывшим правым глазом.

– Да нормально. Ты мне вот что скажи, Грегорей: это всех так «тепло» принимают или только мы удостоились?

– Хм. Всех, кто с ходу требует самого главного.

– А что, рази ж мы что не то сказали?

Отставной унтер-офицер медленно и демонстративно окинул взглядом «украшения» своих родственников, вышедших в отставку рядовыми.

– Не то. Самый главный у нас один. Его сиятельство князь Агреньев, Александр Яковлевич. Живых родственников у него двое – тетя да двоюродная сестра. А ты: письмецо от батюшки передать, братья приехали...

Долгую минуту все молчали.

– Да, неладно как-то все вышло. Ты уж извинись за нас, не со зла мы, по незнанию.

Хозяин опытной рукой разлил остатки водки по стопкам и проворчал:

– Уже извинился.

– И чего?

- И ничего. Он на вас и не сердился; наоборот, похвалил. Особенно тебя, Петро. Быстрый, говорит.

- Так он же нас и в глаза не видывал!..

Вместо ответа зазвенел колокольчик, тихо и мирно лежащий до этого на краю стола.

Динь-динь-динь!

Казаки удивленно наблюдали за господскими замашками родича. Вначале. Потом чувство удивления прошло, оставив после себя одно одобрение – как только появилась все та же дивчина, с подносом, причем раза в два больше первого. Не обращая никакого внимания на откровенно ласкающие взгляды гостей, расставила горшочки, переложила на стол тарелку с небольшими пшеничными лепешками, большой графин с ягодным морсом и четыре гладких и высоких бокала – после чего и вышла, унося сожаление, а также тайное вождение трех мужчин. Да уж! Такая красота могла бы и помедленнее поднос разгружать, а то не все успели вдоволь налюбоваться.

- Как же он не видел, когда лично с вами «побеседовал»?

Петр от такой новости аж приподнялся, разом позабыв свои недавние мысли:

- То-то я смотрю, парень этот все наши ухватки да подходцы знал, даже тайные! Еще попенять тебе хотел, что чужих учишь казацкому спасу...

Григорий взял в руки вилку, аккуратно снял крышечку с горшочка – и по комнате поплыл до одури вкусный запах свинины, запеченной под сыром пармезан.

- Чему-то я научил, чему-то меня научили.

Вслед за ним и остальные принялись угощаться, дружно проигнорировав вилки. В одной руке ложка, в другой кус хлеба – все, как и полагается за нормальным столом, без всяких там господских замашек. Примерно с десятков минут царило деловитое молчание, разбавленное перестукиванием столового серебра и легким позвякиванием стаканов. Затем вновь прозвенел колокольчик, все те же ловкие руки горничной убрали опустевшую посуду со стола и поставили новый графинчик с водкой, мисочку с копченостями и все те же четыре стопки. Наблюдая, как три пары глаз провожают фигуристую прислугу, хозяин покачал головой:

- Вы прямо как с голодного края прибыли.

- Хех! Не всем так везет, такую кралю под боком иметь!..

- Гм.

Господин главный инспектор машинально промокнул уголки губ накрахмаленной салфеткой и, начисто игнорируя очередные многозначительные переглядывания братьев, отстраненно заметил:

- Это вы еще в наш швейный цех не заглядывали. Вот уж где цветник-палисадник!

Все так же тихо и незаметно появившаяся горничная одним своим видом невольно оспорила последнее замечание. Все же кое-какие «цветы» растут и на «клумбе» сродственника!.. Хотя, конечно, гости и к швеям заглянуть не откажутся. Хотя бы потому, что от такого

отказываться – дураков нема. Меж тем стол в третий раз обновился – рядом с графинчиком «беленькой» появился еще один, наполненный рубиновой жидкостью. Затем беззвучно легла на скатерть хрустальная пепельница, прибавилось тарелочек с закуской, а опустевшие горшочки перекочевали на поднос. Последним штрихом стала изящная резная шкатулка, поставленная по правую руку Григория.

По-прежнему игнорируя взгляды гостей (и безмерно их этим огорчая), молодая красавица ушла, прихватив свою ношу. А глава застолья откинул крышку шкатулки, открывая заинтересовавшимся взорам целые залежи разнообразных табачных богатств, не глядя, подхватил несуразно длинную папиросу и щелкнул зажигалкой. Золотой, между прочим! Придирчиво внюхиваясь в неприлично мягкий и вкусный дымок, братья слегка попривередничали в своем выборе, затем все же решили последовать примеру более удачливого родича. Пока они по очереди раскуривали свои сигариллы и крутили в руках приятную тяжесть «Бензы», хозяин налил себе полный бокал вина, тут же его ополовинил, довольно вздохнул и принялся читать весточку из родной станицы.

– Надо же!.. Когда служить поверстали, дядько Онуфрий даже на проводы не пришел, а теперь, гляди-ка ты, добрым словом поминает, поклон передает. Неужто забыл мне свою яблоню?

Казаки дружно фыркнули, вспоминая, как шлепнулся вместе с обломившимся прямо под ним суком (с полуторасаженной высоты, между прочим, навернулся!) одиннадцатилетний любитель наливных яблочек. Прямо в объятия вышеназванного дяди, который после такой помощи в сборе урожая изрядно рассвирепел и обломал очень даже увесистую хворостину об зад «помощника». Да, славные были денечки...

– М-да.

Григорий аккуратно отложил письмецо в сторонку и раздавил остаток сигариллы в пепельнице, одновременно не без усмешки поглядывая на Петра – с видом опытного ценителя тот «дегустировал» рейнское, изрядными такими «глоточками».

– Эх, слабовата водичка! Водочка, пожалуй, куда как лучше будет. А, братья?

В ответ на незамысловатую подковырку отставной унтер-офицер пограничной стражи ответил просто и честно:

– Я привык.

И, предупреждая все остальные вопросы, продолжил:

– Все то, что вас так удивляет или просто непривычно, для меня уже давно стало обыденностью. Потому что я занимаю значимый пост в компании, и мне до?лжно соответствовать своему месту. Поведением, речью, обликом – всем. Я специально этому учился, да и учусь по сию пору.

– Эва как!..

Петр одним только взглядом заткнул Василия, продолжая внимательно слушать.

– Весь этот достаток, что занимает ваши мысли, горничные, дом – все это положено мне просто по должности. И та же зажигалка, на которую все никак не может наглядеться Дмитро, сущая мелочь по сравнению с... ну, например, пепельницей в виде золотого лаптя, причем последний отлит в натуральную величину.

Василий все же не утерпел:

- Что, у тебя и такое имеется?!

- Не у меня, а у нескольких знакомых мне купцов первой гильдии. Но если только возникнет подобная блажь - и у меня в кабинете появится точно такая же безделушка.

Тут уже не удержался и сам Петр:

- Что, и это тоже компания даст?

Хозяин еще раз отпил из бокала и равнодушно согласился:

- Если это будет действительно необходимо - даст, хоть дюжину. Впрочем, на подобные мелочи хватит и моих личных денег. Ладно, со мной закончили, теперь поговорим о вас.

Казаки непроизвольно вытянулись и расправили плечи, ибо властности в голосе кровного родича заметно поприбавилось. Как и их веры во все, что он только что им говорил:

- Почему не хотите обратно в станицу?

- Да ну! Толком и мир-то еще не повидали, не нагулялись, а в станице... И так-то нас, пока новиками были, едва не оженит. Теперь же, стоит только вернуться, так враз окрутят - старики, поди, уже и невест нам присмотрели. Сам ведь знаешь, как оно!..

Григорий понимающе потер подбородок, мимоходом огладил усы и согласился:

- Знаю.

Действительно, гулять в одиночестве молодым казакам долго не давали - уж за чем-чем, а за этим многочисленная женская родня и самые старые, а следовательно, и авторитетные казаки следили пристально и строго. Насильно, конечно, никого в храм божий не тащили - но уговорами и постоянными намеками жизнь портили весьма основательно.

- Что же, тогда давайте подумаем. В экспедиторы вам путь заказан, потому что «собеседование» вы не прошли.

- Так уж и не прошли!.. Подумаешь, на кулачках уступил! Для казака это не главное - шашкой я кого хошь на шматки попластаю!

- Чтобы кого-то там напластать, по нему еще попасть надобно... М-да. Что у нас дальше? Охрана. Можно, но я бы не советовал: служба там по большей части рутинная, строгостей много, начнете вы с рядовых... А раз жениться вы не хотите, то и фабричные работницы без вас обойдутся. Так, дальше. Та же охрана, но на Кыштымских заводах компании - рутины поначалу мало, но потом все одно появится, а строгостей как бы не больше, чем в Сестрорецке. Еще можно устроить вас младшими фабричными инспекторами - но прежде придется где-то с полгодика отработать на производстве простыми мастерами.

- Это еще зачем?

- Чтобы что-то инспектировать, Василь, надо в этом хоть немного разбираться. У меня сейчас всего два младших инспектора, и оба вышли из мастеровых... Идем дальше. Из вас получатся неплохие инструкторы физподготовки, для охраны и переселенцев. Как?

Братья уже привычно переглянулись:

- Это чего такое ты сейчас сказал?..

- Будете учить охранников, как нарушителей и дебоширов без смертоубийства скручивать. А переселенцев - натаскивать в стрельбе из дробовика.

Пользуясь небольшой паузой в разговоре, Григорий пригубил вина.

- Что там у нас дальше? А дальше у компании намечается важное и долгое дело, в местечке под названием Клондайк. Но и там вы тоже начнете с рядовых, да и порядки будут еще строже, чем в охране.

От таких «блестящих» перспектив троица заметно приуныла.

- Ну и последнее. Компания собирается устроить несколько предприятий на Дальнем Востоке империи. При этих самых предприятиях и вокруг них будут поселки, для рабочего и крестьянского люда. А места там дикие, шатается кто ни попадя - хунхузы, дикие старатели, скупщики золота, охотники с китайского берега Амура, спиртоносы, контрабандисты, беглые каторжане... Поговаривают, что и местные казачки иногда позволяют себе лишнее. А компании надо, чтобы там была тишь да гладь да божья благодать. Кое-кого мы уже туда отправили, но опытные казаки все одно будут очень даже к месту.

Братья переглянулись, посовещались мимикой и взглядами...

- Насчет последнего - нам бы поподробней...

- Это можно. Дадим каждому из вас десяток солдат-отставников из пограничной стражи. ПОКА десяток. Снарядим всем необходимым, месяца три поучим да погоняем, чтобы сладились, а потом поедете на Дальний Восток. Там опять полгода поучитесь...

- Чему?

- Например, тому, Дмитро, как не перебивать старшего, хотя бы и сродного брата. Ну или тому, как оказывать первую медицинскую помощь, читать карты, ходить по тайге и лесостепи, повадкам опасного зверья, которого там хватает, ну и прочим полезным мелочам. Походите с местными инородцами, пооботретесь, местность разведаете, основные тропы узнаете... А где-то через годик выйдете на свободную охоту.

Вот тут уже разговор перешел на знакомые каждому казаку вещи:

- На кого?

- На землях компании без ее предварительного уведомления и получения соответствующего разрешения могут находиться представители власти, духовенство, коренное население и собственно служащие компании.

- И?

- И все. Меры пресечения для нарушителей определяют полномочные представители Дальневосточного лесного департамента компании. То есть егеря, которыми вы, возможно, станете. Возглавляет онный департамент Дымков Игорь Владиславович, проживающий в Николаевске-на-Амуре, но не разорваться же ему? Так что решать будете сами,

по обстоятельствам. И отвечать за свои решения – тоже сами, причем головой.

– Вот это да!.. А это что за зверь такой дивный – ну мера пресечения? Для нарушителей?

Григорий вздохнул:

– Или отпустите, или заставьте отработать ущерб, или похороните.

Казаки быстро переглянулись, резко теряя веселый настрой.

– Да, братья, у компании все серьезно. Она никогда, запомните это – никогда не бросает своих людей в беде. И всегда находит и спрашивает с виновника. И еще запомните, как «Отче наш» [3]: хорошо компании – хорошо и вам. И наоборот.

– Да уж.

Петро, а вслед за ним и остальные братья покачали головой.

– А как насчет хабара? [4] Да и будет ли он?

– Что с боя взято, то свято! Но продавать можно только компании. А насчет второго... С китайской стороны приходят искатели одного очень редкого и ценного корня – вам его особо покажут. Тигра добывают, ради шкуры и требухи, пушнину, оленьи рога к себе тащат, крестьян обворовывают, а зачастую просто грабят. Что можно взять со спиртоносов, скупщиков золота и диких старателей, я даже и говорить не буду, чай, вы не дети малые.

Гулко пробили напольные часы в соседней комнате, словно бы эхом щелкнула крышка наручных (эко диво!) часов хозяина, и он резко закрутился:

– Ладно, думайте, а мне бежать пора. Допивайте-доедайте, потом вас ждет сауна... гхм, то есть баня. А к вечеру уже и я вернусь.

У самого выхода из столовой господина главного инспектора догнал прихрамывающий Василий. Глянул на братьев, по сторонам...

– Гриш, а этот твой начальник... ну его сиятельство – он вообще как, норовом крут?

– Когда как, Василь, когда как. Но насчет вас высказался вполне определенно – мол, таким орлам любой рад будет.

Уже выходя из дома, Григорий Долгин на секунду остановился перед зеркалом, ища возможные огрехи в своем облике. Поправил галстук и невольно вспомнил, что на самом деле сказал ему командир насчет родственного пополнения: «Интересно было бы послушать байки, которые ты в своей станице трaviшь...»

По старым московским улочкам, видевшим на своем веку и Великих князей Московских, и Царей всея Руси, и даже Императоров, неспешно передвигались двое господ – старый (вернее будет сказать – пожилой) и молодой. Занятые своей прогулкой и сопутствующей ей беседой, они даже не заметили, как их внимательно разглядывает городской, развлекающийся таким вот нехитрым способом прямо на своем боевом посту. С первого взгляда и впечатления заскучавшего труженика полиции к нему приближались благодушный по причине летнего времени профессор и его любимый студент. Со второго взгляда становилось понятным, что профессор этот далеко не бедствует (впрочем, как и его спутник) и вдобавок пользуется

немалым авторитетом у своих учеников – молодой человек слушал его очень внимательно, не забывая кивать в нужных местах. Ну а на третий... Впрочем, парочка подошла уже достаточно близко, чтобы к внимательным глазам присоединился не менее чуткий слух:

– Двое отказались сразу, еще семеро – в течение следующих трех дней. Но на их место почти сразу попросилось полтора десятка человек, да и сейчас время от времени подходят новые просители. В общем и целом, можно... с известными оговорками конечно же! Да-с. Так вот, я считаю, что костяк дальневосточной сельхозартели уже вполне образовался, и пора переходить к следующему этапу проекта.

«Надо же, какие слова мой порученец выучил! Формирование, этап, проект... Откуда чего и нахватался... Впрочем, понятно и откуда, и от кого. М-да, испортил я карму Валентину Ивановичу. Или наоборот, выгнул в правильную сторону?»

Александр мимолетно глянул на городского, отчего тот моментально утратил все свое любопытство и преисполнился служебного рвения (уж больно тяжел был этот мимолетный взгляд), и одобрил «переход к следующему этапу»:

– Согласен.

Со сдержанным интересом оглядев Гагаринский пассаж и красочную рекламу занимающего его целиком и полностью торгового дома «Мюр и Мерилиз», славного не только качеством товара, но и удивительно хорошеньким женским персоналом, молодой промышленник равнодушно отвернулся. Но только для того, чтобы внимательно и не спеша рассмотреть здание напротив пассажа, обильно украшенное вывесками с неприметными (ага, белые буквы на черном фоне) надписями. Которые, в свою очередь, разнообразием текста не поражали, всего лишь извещая всех желающих утрудить глаза, что перед ними – «Магазинъ и фабрика Федора Борисовича Швабе». Для тех, кто неподдельно заинтересовался данным фактом, на фасаде здания имелись также дополнительные уточнения о том, что господин Швабе ко всему еще и «физик-механик, а также оптик двора Его Императорского Величества». Причем хороший, о чем, собственно, и свидетельствовала небольшая отдельная витринка при входе, с многочисленными благодарственными грамотами и медалями.

«Вывесок-то сколько! И везде почти одинаковый текст. Для тех, кто не понял с одного раза, что ли?»

– Вот мы и пришли, Александр Яковлевич. Так-с, начнем знакомство! Здесь расположен отдел геодезических инструментов, сразу за ним – физических, затем химических, а медицинские...

Пройдя вслед за личным порученцем в царство оптики и полированного металла, князь быстро и вместе с тем очень внимательно огляделся, почти не вслушиваясь в речь Валентина Ивановича.

– Добрый день, господа! Могу ли я чем-либо вам помочь?

Приказчик, поспешивший навстречу постоянному клиенту магазина, еще на подходе изобразил учтивый поклон куда-то посередине между господином Гreve и его спутником. А когда подошел совсем близко, то получил и ответ на свое предложение, причем на чистейшем немецком языке:

– Благодарю вас, герр?..

– Вильгельм Йохман, приказчик первого класса, к вашим услугам.

Пока он в очередной раз сгибал голову и (совсем немного) спину, Александр проследил направление взгляда своего спутника. Проследил и почти незаметно улыбнулся – самыми кончиками губ.

– Еще раз вас благодарю, но нам поможет фройляйн Розенвальд.

Ничем и никак не выразив своего удивления или недовольства, старший приказчик тут же отошел в сторонку, не забыв при этом поклониться еще разок. Видимо, следуя проверенному принципу – каши маслом не испортишь.

– Ну что же, Валентин Иванович, ведите меня к своей... гм, избраннице.

Неподдельное удивление на лице мастера-оружейника и легкая тень смущения в его же глазах подсказали аристократу – он угадал. Хотя слово «угадал» в данной ситуации подходило мало. Точнее было бы – проверил и успешно подтвердил одно из своих предположений. Ну а всякие там подозрения, двухмесячная наружная слежка и прочие некрасивые, но очень успокаивающие княжескую паранойю мероприятия были мелочами, даже и недостойными какого-либо упоминания.

вернуться

3

Молитва.

вернуться

4

Хабар – добыча, трофеи с противника.

– Я не вполне вас понял, Александр Яковлевич...

– Ну вы ведь именно через госпожу Розенвальд размещаете все наши заказы? Постоянный клиент и все такое прочее?

– Э?... Да, так точно.

«Господи, он еще и краснеть не разучился! Воистину мой порученец – просто кладезь скрытых талантов. А вот и та особа, к которой он так неровно дышит. Хм?...»

Как докладывала в своей служебной записке старший делопроизводитель отдела экспедирования госпожа Зеринг – приказчица второго класса Шарлотта Розенвальд обладала как минимум двумя несомненными достоинствами. Во-первых, она весьма хорошенькой. Причем как на фигуру, так и на лицо (что уже само по себе немало!). А во-вторых, она получила отличное образование – кое и позволило ей устроиться на свою нынешнюю должность. Можно даже сказать, что ей повезло дважды: некрасивую девушку никогда бы не взяли приказчицей на Кузнецком Мосту (больно уж место престижное), а без нужных знаний и сообразительности – в магазин приборов.

Впрочем, были у нее и отдельные недостатки. Например, в свои неполные двадцать три года

Лотта была сиротой. Мало того, она была БЕДНОЙ сиротой, то есть без малейшего приданого. Вдобавок потенциальная невеста была лютеранского вероисповедания. А еще гордая. И вроде как умная. Одним словом, все эти печальные обстоятельства надежно отпугивали большую часть ее возможных ухажеров, а меньшую часть она и сама успешно отшивала, почему-то абсолютно не прельщаясь карьерой содержанки.

«Как там бишь? Проживает на Воронцовом Поле, до магазина ходит исключительно пешком. Хм, вот он, секрет ее хорошей фигуры! Часовая прогулка утром, такая же вечером, а между ними – весь день на ногах, и вместо обеда – булочка с чаем. М-да. Снимает комнату, а заодно и столуется в небогатой немецкой семье. По воскресеньям посещает Петропавловский евангелический лютеранский собор, иногда, впрочем, позволяя себе немножко прогулять это дело. Что же, общий итог – бедная, умная, гордая. Вдобавок сирота, что для моего личного оружейника есть один большой и жирный плюс. Хм, а улыбка у нее приятная...»

Александр специально приотстал, чтобы посмотреть на встречу двух... хм, одиноких сердец, – и опять-таки остался доволен. Как минимум его порученец не противен строгой и уж-жасно деловитой хозяйке небольшого отдела оптики – а это, знаете ли, открывало кое-какие интересные перспективы.

– ...как я понимаю, у вас очередной срочный заказ?

– В некотором роде, фройляйн Розенвальд, в некотором роде.

– И в каком же, герр Греве?

Приняв протянутый ей листок, госпожа приказчица второго класса погрузилась в его содержимое. И если поначалу ее взгляд скользил по строчкам машинописного текста легко и свободно, то чем дальше, тем больше затруднений у нее возникало.

– Что же вы, Валентин Иванович, вот так взяли и с ходу озадачили свою собеседницу?.. И кстати, будьте добры, представьте меня.

Порученец князя в легкой растерянности посмотрел на начальство (причем, судя по тону, чем-то слегка недовольное), затем на моментально переставшую улыбаться Шарлотту и предупредительно кашлянул, разминая горло:

– Его сиятельство князь Агренов, Александр Яковлевич.

– Весьма рад нашему знакомству.

Учтивое наклонение головы и внимание в глазах наглядно подтверждали это заявление, вот только едва различимая нотка равнодушия в его голосе вносила в приветствие легкий диссонанс. Вежливость аристократов в действии...

– Хорошо. Пожалуй, теперь мы можем перейти непосредственно к интересующему меня вопросу.

Краем глаза фабрикант подметил, как старший приказчик, медленно разгуливающий по просторам торгового зала, в который уже раз сместился в их сторону.

– Моя компания осваивает новое направление... Наверняка вы слышали о кинематографе, не так ли?

Шарлотта непроизвольно кивнула – кто же не слышал об этом чуде! А также об очередях у касс и бешеной стоимости билетов.

– Тогда вам не надо объяснять, что компании требуются поставки оптики и ряда приборов. Особо отмечу – на постоянной основе. Что именно нас интересует и в каком количестве, изложено вот тут, пункты с первого по двенадцатый включительно.

Подождав, пока девушка еще раз пробежится глазами по листку, аристократ продолжил:

– Отдельным списком идут геодезические инструменты для топографических работ...

Греве немного повернул голову и осмотрел недлинный модельный ряд теодолитов и нивелиров.

– Кое-какие научные приборы...

Взгляд оружейника перепрыгнул на микроскопы, мимоходом задев увеличительные стекла и небольшой телескоп.

– А также мелкие партии биноклей, монокуляров и подзорных труб.

Слегка растерявшаяся от такого количества пожеланий приказчица призывно глянула в сторону начальства – и помощь немедленно прибыла. Благо что стоял старший приказчик от нее всего лишь в пяти шагах, чрезвычайно занятый осмотром витрин. Гм, на предмет возможного беспорядка.

– Господа, подобные вопросы лучше всего будет обсудить с управляющим. Прошу вас последовать за мной.

Дернувшегo было за князем отставного мастера-оружейника остановили негромкие и спокойно-равнодушные слова:

– Валентин Иванович, пока я буду занят, пройдитесь с фройляйн Розенвальд по списку еще раз. Не хотелось бы что-нибудь упустить.

Спустя полчаса сиятельный аристократ опять появился в торговом зале. Не один – компанию ему составляли фактический владелец торговой марки «Федор Швабе» Альберт Иванович Гамбургер и все тот же приказчик первого класса. Они еще раз коротко о чем-то переговорили, поулыбались друг другу, пожали руки и разошлись – бывший баварский подданный и временно московский купец вернулся обратно в свой кабинет, а русский аристократ Агренов и подольский мещанин Вильгельм Йохман (и такие чудеса бывают на белом свете) направились в сторону непринужденно общающихся подчиненных.

Вернее будет сказать, что непринужденно общалась одна лишь только приказчица. Сам же Греве в основном отвечал на ее вопросы, при этом старательно (и небезуспешно) делая вид, что он ну совсем-совсем на нее не смотрит.

«Этак он скоро косоглазие заработает, скромняга. Хм, пожалуй, в отношении моего порученца затайник Амур использовал не штатные стрелы, а увесистую дубинку. Или даже целый гарпун – чтобы, значит, наверняка».

– Валентин Иванович.

Порученец с готовностью отвернулся от предмета своих грез и приготовился впитывать ценные

указания.

– Заказ откладывается.

Греве держался молодцом и даже не удивился столь резкому изменению планов – привык. Вот огорчение в глазах присутствовало, едва заметной тенью.

– Направьте наших стряпчих к господину Гамбургеру, для оформления договора о сотрудничестве.

Огорчение сменилось пониманием.

– Когда все формальности будут улажены, пригласите фройляйн Розенвальд в представительство компании и согласуйте с ней список первоочередных поставок.

Понимание сменилось радостным удивлением, отразившимся удивлением недоуменным в лицо приказчицы второго класса. Пригласить? Её?!

– Что же, пожалуй, на этом пока все.

Йохман тут же вострепнулся, абсолютно правильно поняв последние слова.

– Позвольте проводить ваше сиятельство!..

Закрыв за дорогими посетителями входную дверь, герр Вильгельм еще немного постоял рядом с ней. Затем глянул в сторону кабинета управляющего и только после этого вернулся к подчиненной, терпеливо ожидающей хоть каких-нибудь объяснений.

– Шарлотта... как вы, наверное, уже поняли, нам только что предложили крупный заказ. На постоянной основе.

Видя, как задумчив главный приказчик компании, девушка осторожно уточнила:

– Это ведь хорошо?

– Это прекрасно! А то в последнее время конкуренты совсем... Кгхм. Вот только его сиятельство...

Йохман непроизвольно оглянулся на вход и слегка понизил голос – недавний посетитель произвел впечатление и на него:

– ...поставил одно достаточно необременительное условие. заключающееся в том, что все дела с его компанией у нас будет вести специально назначенный человек. Вы, Лотта.

На белой коже приказчицы второго класса выступил едва заметный румянец. От возмущения при мысли, что очередной титулованный «ухажер» посчитал ее легкой добычей! Впрочем, вспомнив тяжелый холод его глаз и неподдельное равнодушие в голосе, Шарлотта тут же засомневалась.

– А почему именно я?

– Князь сослался на лестные рекомендации своего помощника. Разумеется, дополнительные обязанности будут отражены в вашем жалованье. Заключаться же они будут в следующем...

Попадая в этот кабинет, люди чудесным образом менялись. Чиновники становились скромны и вежливы до необычайности, царедворцы выказывали редкую предупредительность, военные чины и гвардейцы проявляли несвойственную им в обычной жизни осторожность... Одним словом, посетители никогда не кричали, никогда не врывались без стука и отвечали на все вопросы исключительно четко и по существу. А все потому, что из окон кабинета товарища [5] министра внутренних дел Российской империи, сенатора и генерал-лейтенанта Шебеко, по совместительству являвшегося командиром Отдельного корпуса жандармов, с необычайной легкостью можно было узреть как далекую Сибирь, так и еще более далекую Сахалинскую каторгу. При некоторой доле фантазии, разумеется.

– Кхм!

Убедившись, что внимание привлечено, адъютант коротко напомнил:

– Князь Агренов.

– Что, уже полдень?

Николай Игнатьевич слегка повел плечами и шеей, сбрасывая накопившееся напряжение, захлопнул папку с многостраничным рапортом, вдумчиво изучаемым последние полчаса, и кивнул адъютанту:

– Проси.

С благожелательной миной на лице сенатор подождал, пока молодой мужчина устроится на монументальном (как, впрочем, и вся остальная мебель в кабинете) стуле, и нейтральным тоном поинтересовался – чем обязан визиту.

– Благодарю, что нашли время для того, чтобы принять меня, ваше превосходительство. Дело же мое заключается в следующем.

Оружейный магнат на секунду замолчал, слегка шевельнув пальцами, словно бы подбирая правильные слова.

– В одной из лабораторий моей компании в данный момент разрабатывается некое устройство, называемое детекторной аркой. Суть этого устройства в том, что при прохождении человека сквозь нее становится возможным определить – есть ли при нем оружие. Быстро, незаметно и без всякого обыска.

Недолгое молчание помогло замминистра собраться с мыслями.

– Так-так, любопытно-с. Но что же вы замолчали, князь, я слушаю вас со всем вниманием...

– Для того чтобы работы над аркой завершились в кратчайшие сроки, мне нужно содействие одного довольно известного электротехника. В настоящее время тот живет в САСШ, но готов немедленно выехать на родину. Его останавливает только одно – он всерьез опасается преследования с вашей стороны.

Генерал-лейтенант недоуменно вскинул брови, одновременно по давнишней своей привычке оглаживая правую бакенбарду:

- С моей?!..

- Пожалуй, я неправильно выразился, ваше превосходительство. Со стороны возглавляемого вами учреждения. Видите ли, в свое время господин Лодыгин немного сочувствовал идеям печально известной «Народной воли».

- Так!..

- К счастью, ничего серьезного за ним не числится. Ошибки молодости, не более того.

Аристократ, сам находящийся в обсуждаемом возрасте, слегка переменял позу, закинув ногу на ногу.

- Ныне же он полностью осознал всю пагубность своих заблуждений и желал бы вернуться в пределы империи, дабы работой на ее благо искупить свои невольные прегрешения. Я готов поручиться за благоразумие Александра Николаевича.

- Вы уверены, князь?

В ответ «сестрорецкий затворник» (многие называли его именно так) вздохнул:

- Лодыгин весьма сведущ во всем, что касается электротехники... Кстати, в свое время за достижения в этой области его даже удостоили Станислава третьей степени – довольно редкий случай, не правда ли?

Он еще помолчал и с едва ощутимым нажимом закончил:

- Он **НУЖЕН** мне. И я, вне всякого сомнения, **СМОГУ** обеспечить его лояльность.

Теперь уже помолчал Шебеко – но только лишь для того, чтобы еще больше подчеркнуть весомость своего ответа:

- В таком случае, князь, мое ведомство не имеет никаких вопросов к господину Лодыгину.

- Благодарю, ваше превосходительство.

Николай Игнатьевич наклонил голову, принимая благодарность, и даже подумал было встать, дабы продемонстрировать свою приязнь уходящему магнату. Однако, как оказалось, это еще было не все.

- Кстати!.. Детекторная арка – не единственное, над чем работает моя компания. Некоторое время назад я задумался о массовых беспорядках или волнениях...

Взгляд хозяина кабинета на несколько мгновений стал пронизывающе-острым, а юный промышленник безмятежно улыбнулся:

- Виноват, я опять неточно выразился. Конечно же – о том, как в случае чего их пресекать. Ведь что у полиции есть на данный момент? Почти что и ничего. Тупые сабли, один-два револьвера на участок, в самом крайнем случае – несколько винтовок Бердана. Конечно, есть еще и казаки, с их нагайками, отточенными шашками и карабинами.

Генерал-лейтенант слушал с нескрываемым интересом, машинально пощипывая многотрадальную бакенбарду.

- Но согласитесь, это уже меры чрезвычайного порядка.

- Хм-хм. А вы можете предложить что-то иное?

- Специальные гранаты с очень едким дымом – довольно трудно кричать и бесчинствовать, когда легкие буквально разрываются от кашля. Защитная амуниция, в том числе и для ареста особо опасных преступников – вроде стальных наручников особо быстрого одевания. Ну и еще кое-что, по мелочи. Но уверяю вас, эти мелочи позволят сохранить немало жизней, причем как нижним чинам полиции, так и тем, против кого оные будут действовать. Опять же пресечь беспорядок с помощью казаков, с неизбежными жертвами, или же обойтись силами только и исключительно полиции, без серьезной крови и привлечения воинских частей... Разница все же существенная. Особенно в глазах общественности.

Шебеко не удержался и кивнул.

- Также у меня есть ряд новинок непосредственно для Корпуса жандармов – например, оружие скрытого ношения, небольшие переносные фотоаппараты и ряд других, крайне полезных приспособлений.

Заместитель министра внутренних дел, курирующий как полицию, так и жандармов, оставил в покое растительность на лице и деловито уточнил:

- Где и как можно будет ознакомиться со всем тем, что вы мне сейчас перечислили?

- В следующий понедельник я как раз устраиваю в Ораниенбауме небольшое мероприятие для начальника дворцовой охраны... Скажу вам по секрету, Петр Александрович весьма заинтересовался кое-какими образчиками пистолетов-карабинов. Так вот – если бы вы только сочли возможным посетить предстоящее действо или же послать доверенного человека, то можно было бы устроить наглядную демонстрацию и для вас.

Сенатор и генерал-лейтенант в одном лице ненадолго задумался, перебирая в уме запланированные дела.

- Ну что же, не вижу в этом ничего невозможного.

Посетитель тотчас поднялся и учтиво склонил голову:

- Польщен.

Хозяин кабинета в ответ не поленился встать и сделать пару шагов, обходя стол и вставая сбоку – и даже руку пожал, демонстрируя чуть ли не крайнюю степень приязни.

- Позвольте еще раз поблагодарить, ваше превосходительство, за то, что смогли уделить мне немного своего драгоценного времени.

Стоило князю уйти, как дружелюбная улыбка тотчас покинула лицо сенатора, сменившись нахмуренными бровями. Пара минут – и в дверь с легким предваряющим стуком прошел адъютант. И не один, а с очень даже объемистой папочкой в руках – была у его шефа небольшая слабость, давно уже переросшая в привычку. Любил Николай Игнатьевич после ухода очередного посетителя полистать все то, что смогли насобирать его трудолюбивые подчиненные касательно недавнего гостя. А так как простые люди к нему не заходили, то интересным чтением он был обеспечен всегда – увы, не бывает безгрешных или хотя бы просто скучных людей. Правда, его недавний гость и здесь смог выделиться – закрыт, вернее,

чрезвычайно скрытен, нелюдим, чурается публичности и очень не любит, когда интересуются его личной жизнью. Но от интереса государственной службы его это все равно не спасло, как, впрочем, и от постоянного пригляда.

вернуться

5

До 1917 года так обозначалась должность заместителя министра.

- Осмелюсь заметить, в последнем рапорте есть кое-что интересное.

- Своими словами, голубчик.

- При очередной перлюстрации писем один конверт не поддавался обычным мерам. Пар, просвечивание, тонкое лезвие, иные методы - все оказалось бессильным. Исключительный случай!

- Так.

- Ротмистр под свою ответственность приказал вскрыть конверт. Вот его содержимое, ваше превосходительство.

На стол перед Шебеко лег лист веленовой бумаги, на которой прекрасным типографским шрифтом были отпечатаны положения Всемирной почтовой конвенции. А кое-какие так даже были дополнительно обведены ярким красным карандашом, видимо, для лучшего понимания:

«...Гарантируя тайну частной переписки, участники конвенции принимают на себя обязательства не допускать нарушения оной».

Намек был настолько ясным и толстым, что двойного толкования не имел. О наблюдении знают, его терпят, но - до определенного предела. Который, похоже, уже близко. Если титулованный аристократ, стремительно обрастающий «тяжеловесными» связями и имеющий немалый авторитет в армейских кругах, обнародует сам факт просмотра своей корреспонденции!.. Скандал выйдет изрядным. Хуже того - с весьма неприятными последствиями, в том числе и для него.

- Так!

- Более того, в том же конверте нашелся кусочек фотографической бумаги. К сожалению, она оказалась засвечена, поэтому восстановить запечатленное на ней не представляется возможным. Я уже отослал предварительное распоряжение об «утере» письма почтовыми служащими, но если будут иные указания?..

Нельзя восстановить, а значит, нельзя и подменить - кто знает, что именно было снято на эту фотокарточку? А раз нельзя сделать вид, что никто ничего и не вскрывал...

- Так!..

Решение было быстрым:

- Цензора немедленно убрать, работу с корреспонденцией князя прекратить. Распоряжение

касательно «утери» письма утверждаю.

Адъютант открыл блокнот и сделал короткую запись:

– Ротмистр?..

– В его отношении все по-прежнему. Безотлагательно разослать циркуляр о возможности обнаружения при перлюстрации вложений непрявленной фотобумаги, а также передачи сообщений с помощью этого способа. Н-да, изобретатель!.. Кхм. Далее – необходимо усилить работу по кыштымским начинаниям князя, и... пока на этом все. У вас есть что-то еще, требующее отдельного доклада?

– Никак нет, ваше превосходительство.

Аккуратно положив папку перед начальством, адъютант без промедления убыл за дверь. Шебеко же сложил пальцы в замок, положил на получившуюся опору подбородок и уперся взглядом в тисненый рисунок дубовых листьев на лицевой стороне кожаного чехла для бумаг. Николай Игнатьевич всегда считал (и не без оснований), что для того, чтобы разгадать намерения человека, так сказать – его самую потаенную суть, достаточно всего лишь понять все интересы и таланты исследуемой особы. Сложить их, отсортировать по степени важности, хорошенько все обдумать, и!.. найти тот самый «крючок», на который можно поймать очередную «рыбку». Власть, красивые женщины, деньги, слава, положение в обществе... Древние, как сам мир, но по-прежнему весьма действенные приманки. Многие, очень многие проверили на себе их губительную сладость!

– Так-с.

К большому сожалению товарища министра, молодой Агреньев был как раз тем из немногих исключений, что лишь подтверждают незыблемость общего для всех правила. Жил подчеркнуто скромно (это при его-то капиталах!), развлечения, обычные для людей его круга и возможностей, попросту игнорировал – в карты или рулетку не поигрывал, лошадьми не увлекался, предметы искусства не коллекционировал. И что уж совсем было странно, к прекрасной половине человечества тоже особого интереса не проявлял! Одно время Николай Игнатьевич даже подозревал у оружейного магната кое-какие нездоровые пристрастия к собственному полу... Пока не выяснилось, что время от времени у князя все же появляются содержанки очень даже недурных кондиций.

Генерал-лейтенант полистал содержимое папки, изредка останавливаясь на самых занятных фактах, затем взял из специальной стопки белоснежный лист с голубоватым отливом, обмакнул перо в малахитовую чернильницу и поставил цифру один. А сразу после нее вывел: «Скромнен». Поглядел на дело рук своих и принялся негромко рассуждать, вертя перо между пальцев:

– Скромник, но при желании умеет произвести благоприятное впечатление на кого угодно. Отчего и знакомства свои заводит с потрясающей легкостью. М-да.

На бумагу легла цифра два и рядом с ней очередное слово: «Независим».

– Независим и довольно ловко ускользает от любого давления. Но опять же – при желании умеет договариваться. Вот только непонятно, почему с каким-нибудь профессором из разночинцев он вполне приветлив и может даже шутить, а с большинством дворян держит определенную дистанцию. Хм, уж нет ли тут чего-нибудь эдакого, идейного? Хотя, надо отдать должное, с полдюжины ловушек он таким образом избежал – и ведь наверняка даже

и не догадывается, что давненько уже мог бы быть женатым человеком. Ха!

Подчеркнув второй пункт жирной линией и едва не поставив небольшую кляксу, сенатор стряхнул лишние чернила обратно и небрежно записал третий пункт: «Изобретательство».

Вот тут Николай Игнатьич тяжело вздохнул и чуть ли не пригорюнился. Потому что объяснить, каким образом выпускник Первого Павловского пехотного училища умудрился получить столь глубокие и всеобъемлющие знания по множеству наук, он сильно затруднялся. Физика, химия, электротехника, механика, металлургия, строительство станков... Просто кладезь талантов получается! Одно только непонятно. Чего же он их раньше не демонстрировал, например, во время учебы в Александровском кадетском корпусе? А теперь вот ну прямо как прорвало. Одна его новая взрывчатка чего стоит: в Артиллерийском комитете, поговаривают, целые дебаты развернулись!

Морское ведомство опять же интерес проявляет, и нешуточный – господа адмиралы на полном серьезе подумывают, нельзя ли этот его «гренин» в свои снаряды запихнуть, раз укротить чертов мелинит [6] никак не получается. Пулеметы свои на конкурс подал, императорские оружейные заводы переустраивать по-новому хочет, винтовки направо и налево продает, причем десятками тысяч... Попробуй, тронь такого – мигом столько недовольных образуется! Правда, по молодости да неопытности князь Агренин и сам успел немало мозолей оттоптать – и промышленникам, и аристократам, и даже чиновникам. Но опять же кому из чиновничества оттоптал, а кому и потрафил изрядно – например, тем из них, кто в недавно образованную Медицинскую комиссию вошел, которая по надзору за торговлей опасными лекарствами. Разом такой клубок змей образовался! И еще один образуется совсем скоро – должен же кто-то надзирать, как именно производится модернизация заводов... Работу принимать, казенные средства отпускать, планы согласовывать, наблюдать за самим ходом переустройства... Да уж, его министерству тоже работы прибавится!

Шебеко еще раз вздохнул и опять шевельнул пером, не забыв предварительно макнуть его в чернила. Четвертым словом стало: «Честолюбив».

– Пять великих князей, не считая Михаила Александровича. Юсуповы, Нечаев-Мальцев, молодой граф Игнатьев, князь Гагарин, банкир Губонин. Чертова дюжина генералов и вдвое больше полковников!.. Добрая треть Главного инженерного управления, офицеры лейб-гвардии, сам военный министр, профессор Чебышев, Менделеев и под сотню его учеников. Из иностранцев тоже – сплошь и рядом настоящие «короли» от промышленности. Крупп, Тиссен, Вестингауз... И наверняка кто-то еще, такого же калибра. Еще и государыня к нему явно благоволит, а государь постоянно интересуется!.. Нет, этот юноша определенно знает, как заводить правильные знакомства.

Перо, мягко надавливая на бумагу, вывело следующее слово: «Расчетлив».

– Или же дьявольски удачлив! Хотя, пожалуй, нет – никакая удача не может длиться так долго.

Оставив одинокий лист бумаги в покое, Николай Игнатьевич бегло перечитал кое-какие страницы в папке, освежая в памяти список последних приобретений недавнего гостя. Освежил. После чего покачал пальцем увесистое пресс-папье [7] в виде фигурки льва и в очередной раз вздохнул. Потому как у него все в тот же очередной раз возникла настойчивая мысль – о том, что молодой аристократ попросту и без особых затей скупал все, на что только падал его взгляд.

вернуться

Пикриновая кислота, она же шимоза.

вернуться

Один из предметов письменного набора, представляющий собой полукруглый брусок с рукояткой сверху и с прикрепляемым снизу листком промокательной бумаги – служит для промокания текста, написанного чернилами.

Нет, ну вот что может связывать небольшой и явно дышащий на ладан заводик по выпуску елочных игрушек, крошечную мастерскую некоего Николая Карловича Гейслера и уже довольно известный издательский дом Сытина? До недавнего времени Шебеко ответил бы не задумываясь – абсолютно ничего. Первый выделяет крашеные стекляшки с финтифлюшками, второй производит мизерными партиями пожарную сигнализацию и телефоны, да еще интересуется оптикой. Третьего же и вовсе ничего, кроме газет, журнальчиков разных да несерьезных книжек в мягкой обложке, не интересовало. А теперь!..

Теперь их крепче стальной цепи связывает ротмистр пограничной стражи в отставке, кавалер Золотого оружия и иных наград, его сиятельство Александр Яковлевич Агренов. Завод он попросту купил на корню. А к Гейслеру и Сытину взял да и вошел в дело – причем полноправным компаньоном. Учитывая же тот факт, что оружейный магнат доселе нигде, никогда и никем не был замечен в бесцельном швырянии денег на ветер, – смысл во всех этих тратах определенно был. Вот только почему же Николай Игнатьич его никак не увидит?

К примеру, взять затею князя с этими его офицерскими экономическими обществами. Кои, зародившись в одном из отрядов Четырнадцатой Ченстоховской пограничной бригады, успели за сравнительно небольшой срок расползтись и по самой бригаде, и по паре соседних. Тут все ясно – этим нехитрым ходом он обеспечивает постоянный сбыт своих стреляющих игрушек, при минимальных затратах на приказчиков и содержание оружейных лавок. Причем обороты будут только расти, как и количество ячеек «Общества» – господа офицеры тоже, знаете ли, не дураки и деньги считать умеют. И скидки с рассрочками любят. Очень. Что бы они там про себя ни говорили. Все просто, все понятно, смысл и интерес Агренова, что называется, налицо. Ну почему с остальным не так, а?

– Н-да, все мы люди, все мы человеки...

Решив отложить столь непростой вопрос для отдельного рассмотрения, замминистра вернул к себе лист, опять обмакнул перо в чернильницу и медленно вывел пункт номер шесть, несколько выделяющийся из ровной череды предыдущих: «Военный министр».

Никто не знал, какие именно договоренности были между князем и главой Военного ведомства, но в том, что они были, уже мало кто сомневался. Сенатор же не сомневался вовсе, так как до сих пор помнил охватившую его легкую оторопь – от известия, что на границе стоит вагон с больше чем дюжиной пулеметов системы Хайрема Максима, а в получателях значится «сестрорецкий затворник». Пятнадцать штук! Да столько во всем Военном ведомстве не было!.. Но стоило ему проявить вполне закономерный интерес, как тут же пришла официальная бумага от Петра Семеновича, в которой черным по белому говорилось, что таможня задержала

вовсе не пулеметы. А совсем даже наглядные пособия для военно-учебных заведений Российской империи – по одному экземпляру в каждое училище. Более того, князь к каждому иностранному «пособию» присовокупил аналог собственного производства, да вдобавок поставил полсотни учебных и полсотни боевых винтовок образца 1891 года. В каждое училище. С патронами. И все за свой счет.

Совсем неудивительно, что после такого меценатства на Русскую оружейную компанию пролился дождь из очень выгодных контрактов. На поставку консервов, например. Или десяти полевых госпиталей, со всем, что к ним полагалось – от скальпелей и шприцев до клистирных трубок и костылей.

– Так!

Николай Игнатьевич вернул перо к пункту один и поставил рядом жирный знак вопроса. Какая уж тут скромность, если по результатам таких «небольших подарков» его известность среди юнкеров превышает все мыслимые пределы? Да еще эта его новая затея масла в огонь подливает:

– Как бишь там? Трем лучшим стрелкам курса – пистолет особой выделки с дарственной надписью! Гип-гип – ура! И все в восторге...

В кабинет неслышной тенью просочился адъютант. Постоял минуту, ожидая, что на него обратят внимание. Не дождался, но унывать не стал, а вместо этого скромно напомнил о своем существовании. А заодно и о том, что служба службой, а обед никто не отменял:

– Кхм!

Донн! Донн!! Донн!!!

– Что? Ах да. Иду, голубчик, иду.

Бросив едва-едва исписанный лист между страничками папки, генерал-лейтенант Шебеко оглядел кабинет и тихо проговорил, пощипывая бакенбарду и еле заметно вздыхая:

– Как же с вами все-таки сложно иметь дело, Александр Яковлевич!

Меж тем сам князь, как только покинул присутственное место и ступил на набережную Фонтанки, сразу же замер в легком раздумье. Ибо до отправления вечернего поезда на Сестрорецк было почти пять часов, и это время надо было чем-нибудь занять. Желательно – полезным. Мелькнули было мысли-воспоминания о пленительных округлостях Натальи, которая ко всем своим достоинствам оказалась еще и очень темпераментной особой... Но быстро исчезли. Во-первых, он уже изрядно «проинспектировал» как достоинства, так и округлости бывшей горничной, причем не далее как нынешним утром. А во-вторых, трехэтажная громада министерства внутренних дел за его плечами как-то не способствовала фривольности чувств, самым своим видом настраивая на деловой лад. Ну а раз так!..

«Пожалуй, можно немного выправить свою аристократическую карму, отработав пару-тройку приглашений. Начну я с посещения графа Строганова, продолжу... Тенишевы или Кочубеи? Наверное, все же последние. А закончить сей променад можно и у Юсуповых. Да, так и сделаю!»

Подняв взгляд на ближайший экипаж (понятливый кучер мгновенно шлепнул коня по крупу

вожжами, направляясь к денежному клиенту), аристократ-промышленник поправил слегка задранный рукав сюртука. А усевшись в пахнущий свежим лаком фаэтон, опять погрузился в раздумья – только на сей раз о другом.

Короткая и по большому счету довольно скучная церемония представления ко двору кроме больших и явных плюсов принесла Александру маленькие, но на удивление неудобные минусы. В частности, сразу после нее на его столичную квартиру зачастили лакеи родовитейших и знатнейших семейств империи. И не просто так, а с открытками-приглашениями или просто визитками своих хозяев, которых, честно говоря, уже давненько интересовал молодой, богатый и – самое главное – неженатый князь. Вот только если до посещения Гатчины их интерес был насквозь неофициальным и настороженным, то после короткой встречи Агренева с августейшей четой стало вполне приличным и даже отчасти модным пригласить новичка к себе. Так сказать, чайку погонять (пузырящегося такого, из местечка Шампань), приятно пообщаться (то есть посплетничать) – а заодно составить собственное мнение о перспективности продолжения знакомства.

К счастью, большую часть таких приглашений можно было игнорировать – разумеется, предварительно написав письмо с объяснением причин своей чрезвычайной занятости и не забыв пообещать «как только, так сразу». А вот меньшую часть приглашений приходилось принимать – причем вне зависимости от своего желания.

Как отказать в коротком визите к тем же Нарышкиным, если они вполне официально считаются родственниками Дома Романовых? [8] Этот род в свое время отказался от графской короны на свой герб, вполне обоснованно посчитав, что оный титул ниже их реального положения и достоинства в империи Российской. Таких проигнорируешь, как же! Себе дороже выйдет. А еще были Воронцовы-Вельяминовы, Воронцовы-Дашковы (кстати, просто Воронцовы тоже были, причем в немалом количестве), князь Барятинский, Шереметевы, обширное семейство Оболенских, представители рода Голицыных, Лопухины, Трубецкие и многие, многие другие достойнейшие и влиятельнейшие представители по-настоящему СТАРЫХ фамилий. Корнями своими уходящих еще к первой династии властителей царства Московского. А кто и подалее, считая свой род аж со времен Киевской Руси – те же Долгоруковы, например. Все эти потомственные политики и царедворцы (правда, справедливости ради надо отметить, что и военачальники в этих родах попадались, причем чуть ли не через одного), искушенные по части недомолвок и намеков, свято блюдущие для начала свои, а только потом государственные интересы. Все они, все без исключения – желали лицезреть загадочного князя у себя как можно скорее, дабы оценить и по мере возможности включить (то есть использовать) эту неизвестную пока величину в свои расчеты и расклады. Осторожные расспросы, замаскированные как бы праздным любопытством, многозначительные, но при этом очень дружелюбные и открытые улыбки, тончайшие намеки – особенно в доме князя Владимира Барятинского, счастливого отца трех дочерей. Слава богу, пока относительно малолетних – но это только пока!

вернуться

8

Мать первого императора Всероссийского Петра Первого – Наталья Кирилловна Нарышкина.

Надо сказать, каждое такое «скольжение по верхам» отнимало у Александра сил как бы не больше, чем полноценная тренировка на полигоне – причем как минимум с половинным

составом отдела экспедирования зараз. А уж сколько на это уходило времени!.. Которое бы он и рад был потратить на что-нибудь попроще (и полегче) – но, увы, раз груздем назвался, так место твое в корзине. То бишь в том самом пресловутом «обществе», чье коллективное мнение могло почти любого как вознести до небес, так и втоптать в грязь. Но даже в этих неудобствах были светлые моменты – особенно если во всем искать если не хорошее, то хотя бы полезное, а еще работать и думать на перспективу. Которая определенно была, ведь некоторая часть старой знати располагала состояниями ничуть не меньшими (вернее, даже большими), чем у него – и было бы настоящим преступлением не попытаться использовать их деньги в своих проектах. Хотя бы потому, что вместе с деньгами знатных фамилий придет и защита для этих самых проектов, причем на самом высшем уровне – разумеется, если он сможет обеспечить хорошие дивиденды с каждого вложенного рубля.

Именно об этом думал (вернее, мечтал) его сиятельство князь Агренов, высаживаясь из очередного фаэтона как раз напротив семейного дворца Юсуповых – и если первые два визита он именно что отбыл, то третий был ему вполне приятен. И тем, что был последним, и тем, что хозяйка дворца была ему симпатична: в первую очередь своим умом, а во вторую – своим отношением. Зинаида Николаевна для великосветской дамы была на удивление открыта, почти правдива (что не раз уже ему помогло) и не имела к нему каких-либо матримониальных либо же финансовых интересов. Ну и третье тоже не стоило сбрасывать со счетов, ибо ему попросту нравилось любоваться хозяйкой как истинным шедевром природы. Вот только в этот раз усладить свои глаза и слух не получилось – потому что в Гобеленовой гостиной навстречу раннему, но вполне желанному гостю из глубокого кресла поднялась совсем не графиня Сумарокова-Эльстон.

– Рада вас видеть, Александр Яковлевич.

Двенадцатилетняя княжна Юсупова приветливо (и явно подражая сестре) улыбнулась, отодвигая от себя большой альманах с видами городов. Целовать ей руку пока не полагалось, но взрослый аристократ о такой важной мелочи «нечаянно» забыл – тем более что ему это ничего не стоило, а девочке явно польстило (как же, такой откровенный намек на ее взрослый возраст!). Как, впрочем, и вежливые слова ответного приветствия, прозвучавшие без малейших ноток снисходительности и нетерпения.

– Как здоровье Николая Борисовича?

– Благодарю, все хорошо.

Обычный вежливый вопрос, один из обязательных к произношению в самом начале беседы – вот только во время не менее обязательного ответа на личико юной княжны набежала едва заметная тень.

«Неужели все так плохо?»

– Все ли благополучно у Зинаиды Николаевны и Феликса Феликсовича?

– Более чем, князь.

В этот раз ответ был по-настоящему спокойным. Но никак не отменял того факта, что верная и любящая жена, всегда сопровождающая мужа во всех его поездках, вот уже полгода безвыездно сидит в родовом гнезде на Мойке.

«Граф в старой столице, трудится адъютантом у брата императора, его высочества великого князя Сэр-гея... Гм, Александровича. А старшая из сестер Юсуповых осталась в Санкт-

Петербурге, с отцом. Которого уже давненько никто не видел стоящим на своих двоих. Тревожный признак!»

– Приятно, когда в делах такого рода сохраняется неизменное постоянство...

Спустя десять минут разговора, более всего напоминающего обычный светский треп (с поправкой на разницу в возрасте собеседников), Александр окончательно утвердился во мнении, что он болван. Кхм!.. Точнее (и вернее) будет сказать, что его встреча и общение с маленькой светловолосой хозяйкой большого дворца были совсем не случайны, и в данный конкретный момент его используют в качестве живого, и заведомо дружелюбного учебного пособия. Этакой «груши» для отработки навыков великосветской жизни, на которой двенадцатилетняя аристократка оттачивает и закрепляет весьма полезное во взрослой жизни умение – разговаривать с кем угодно и насчет чего угодно, да еще и демонстрировать при этом неподдельный интерес к собеседнику.

Конечно, до высочайшего уровня сияющей жемчужины имперского дворянства, несравненной Зинаиды Николаевны ей было пока далеко – но со временем она явно обещала догнать, а возможно (чем черт не шутит?) и перегнать сестру. Как по уму, так и по внешности. По крайней мере, все задатки для этого у нее явно имелись...

«Потренировав» Надежду еще четверть часа в чрезвычайно важном для любого аристократа искусстве долгих разговоров ни о чем, гость на секунду замолчал, беря паузу, затем неожиданно поинтересовался:

– Увлекаетесь видами будущего?

Видимо, до таких «плавных» переходов с темы на тему учебная программа младшей Юсуповой пока еще не дошла – замерев без движения, княжна пару раз моргнула. А затем неуверенно улыбнулась, проследив взгляд взрослого мужчины, направленный на стопочку открыток, лежащих на столике рядом с альманахом. С очень интересным названием, кстати, оказалась книжка – «Архитектура итальянских городов». А под ней лежал другой томик, еще более интересный – «Двадцать тысяч лье под водой», за авторством Жюль Габриэля Верна.

«Занятный набор книг для легкого чтения».

Впрочем, открытки тоже были по-своему замечательны: во-первых, тем, что появились на свет в далеких Франции и Англии, а во-вторых, тем, что на них были изображены, ни много ни мало, картины будущего. Вернее, представления о том, каким оно будет, для жителей Туманного Альбиона и солнечной «вив ля Франс» всего лишь двести лет спустя.

– Немного.

– Вы позволите?

Стопка покинула стол, на секунду задержалась в тоненьких холеных пальчиках и наконец перешла в мужские руки, украшенные весьма странными мозолями – Впрочем, едва заметными.

Картинки князя явно впечатлили. Экипажи без коней (но с обязательным кучером), приводимые в движение небольшими двигателями (судя по характерной трубе с вьющимся дымком – паровыми), черными реками двигались по улицам Лондона. Высоченные десятиэтажные здания, с крыши которых во все стороны вели подвесные рельсы для метрополитена, и толпы глазеющих на все это дело прохожих, одетых в легкие летние

фраки и сюртуки... В небе над ними можно было различить разноцветные монгольфьеры, кое-где даже снабженные рекламой на весь купол и чахленьким винтом позади пилотской корзины – привод которого, надо полагать, тоже питался от пара. Хм, ну или был педальным. А на предпоследней открытке можно было увидеть, как по Сене, разделяющей Париж на две части, плыл корабль такого титанического размера, что кончик башни Эйфеля еле-еле доставал ему до среднего ряда иллюминаторов. Надпись на обороте этого шедевра графики витиеватыми завитушками поясняла, что это ни больше ни меньше как торговый КРЕЙСЕР – видите ли, после скорого всемирного договора о запрещении войны военный флот тут же будет упразднен. За полной и абсолютной ненадобностью.

«Ага, верю. Уж старая добрая Англия точно рвется упразднить, как и ее бывшая колония под названием САСШ. Наверняка спят и видят, чтобы все остальные страны свои броненосцы добровольно и с песнями на металлолом разобрали».

Надежда, внимательно наблюдавшая за лицом, а в особенности за взглядом своего гостя, подметила, как серьезное выражение его глаз сменилось вначале озадаченностью, а потом и вовсе откровенной смешинкой. Подметила и немножечко обиделась такой неприкрытой насмешке над своим увлечением. А потом опять растерялась, услышав:

– Надя, вы умеете хранить тайны?

– Да...

– Хотите, я расскажу, каким оно будет, это самое будущее?

Личико юной аристократки заметно вытянулось в удивлении, а в глазах запылал осторожный огонь любопытства. Но простого согласия в виде наклона головы князю оказалось явно недостаточно, и она догадливо произнесла:

– Обещаю, все останется между нами!

Перетасовав открытки на манер игральной колоды, Александр вытащил одну из карточек и передал ее хозяйке. Глянул на изображение и улыбнулся:

– Крупные города разрастутся неимоверно, и редко какой из них сможет похвастать количеством жителей МЕНЬШЕ двух-трех миллионов. Высокие дома-башни будут, но не в жалкий десяток, а как минимум под тридцать этажей – земля в столицах никогда не бывает дешевой. А вот поезда все как один уйдут под землю – по той же самой причине. Станет мало зелени парков и скверов, почти исчезнут пруды. Взамен придут бетон, сталь, стекло и асфальт – увы, такова плата за прогресс.

Следующая открытка вызвала новую улыбку:

– Лошади действительно повсеместно исчезнут с улиц. Пришедшие им на смену самобеглые экипажи поименуют автомобилями, вот только двигать их будут не пар, а нефть и электричество. Да и вид у них будет абсолютно другой... Как и одежда простых обывателей – тут ведь изображены именно они, я не ошибаюсь? Дамские платья станут заметно открытее и короче, еще больше подчеркивая женскую красоту, а вот мужчины в своих вкусах останутся немного консерваторами.

Княжна слушала гостя так внимательно, что даже не заметила, как непроизвольно подалась ему навстречу. Столько интересного сразу ей еще никто ни разу не говорил!

- Что там дальше - воздух? Увы, художники ошиблись, и монгольфьеры в будущем будут всего лишь красивой диковинкой. Так, для развлечения публики на праздниках, и не более того. В небе безраздельно будут царить совсем другие аппараты, не легче, а намного тяжелее воздуха, и называть их станут самолетами. Ну или аэропланами, тут уж кому как удобнее. Кстати, управлять ими будут в том числе и дамы - а уж за рулем автомобилей они и вовсе будут сидеть в превеликом множестве...

«Пророк» рассказывал еще минут пять, совершенно очаровав любительницу знаний о грядущем. И вещал бы и дальше - если бы не заметил, как бесшумно приоткрылась дверь гостиной, пропуская дворцовую прислугу. Подошедший лакей почтительно поклонился всем и никому сразу (то есть в пустоту между хозяйкой и гостем) и тихим голосом выдал очень оригинальную фразу:

- Ее сиятельство примет ваше сиятельство в Мавританской гостиной. Прошу за мной.

- Ну что же. Как-нибудь при случае мы непременно продолжим наш разговор, Надежда Николаевна. Примите мое почтение...

В этот раз гость про тонкости этикета не забыл, обозначив всего лишь легкий намек на поклон. Следуя за лакеем, Александр дошел до двери - и, подождав, пока седовласый слуга выйдет прочь, обернулся и прижал указательный палец к губам, напоминая:

«Тайна!...»

Иногда бывало так, что, возвращаясь с долгих приемов или балов глубокой ночью порою в свою столичную квартирку... ну или (что было гораздо чаще) очень-очень ранним утром, прямиком из гостеприимных офицерских собраний лейб-гвардии Измайловского или Семеновского полков (а в последнее время иногда получалось попить шампанского и с кавалергардами, среди коих князь планомерно заводил знакомства), его сиятельство Александр Яковлевич Агренов первым делом шел не в душ, смывать с себя накопившуюся усталость. И не в спальню, под бочок к разметающейся во сне и оттого еще более соблазнительной Наташе, с целью спокойно (хм, ну или активно) отдохнуть после долгого «вращения» в великосветском обществе. Нет, первым же делом, только-только переступив порог своего скромного (а в сравнении с дворцами Юсуповых или Шереметевых еще и удивительно нищего) жилища, молодой аристократ шел в кабинет. Где доставал из сейфа блокнот и быстро записывал все то полезное, что выловил из коротких разговоров, мимолетных намеков и даже отдельных фраз, адресованных явно не ему. Кто сказал, что подслушивать нехорошо? Очень даже хорошо, а еще весьма полезно. Ах, какие занятные истории ложились на сероватую бумагу обычного канцелярского блокнота! Невинные шалости замужних дам и их не менее верных (три раза «ха-ха») мужей, насыщенная постоянными интригами жизнь императорского двора, перестановки и новые назначения в Военном ведомстве, удивительно затейливые пари гвардейских офицеров - а также многое, многое другое...

Отдельной строкой шли интимные подробности про великих князей Дома Романовых - благо что их императорские высочества практически ни в чем себя не ограничивали. Гм, искренне (а кое-кто и с немалым размахом) наслаждаясь всеми доступными радостями жизни. Как, впрочем, и их ближнее окружение, неутомимо соревнующееся в интригах, активном протектировании молоденьких «кобылок» из Императорского Большого театра (ну или юных адъютантов выдающихся статей - сердцу ведь не прикажешь), собирании коллекций живописи, устройстве балов и прочих, исключительно важных и полезных делах. Да-с!

Но иногда случалось так, что привычный порядок нарушался. Нет, Александр все так же

приходил в кабинет, усаживался в кресло, но вместо обычных занятий чистописанием – просто смотрел на умеренно большой портрет своего августейшего тезки, висевший на самом видном месте. Кстати, весьма хороший портрет, кисти Василия Верещагина, родного брата маньяка от сыро- и маслоделия Николая свет-Васильевича. Тоже, разумеется, Верещагина. Хм, такой вот занятный выверт судьбы получался – оба брата связали свою жизнь с маслом. Только старший больше интересовался маслом сливочным, неустанно улучшая и изобретая новые сорта. А младший был более равнодушен к растительному маслу (хотя и сливочное частенько употреблял, за завтраком и обедом) – особенное же пристрастие питал к льняному и конопляному, коими обыкновенно и разводились все его краски.

– М-да.

Устало потянувшись прямо в кресле, князь ослабил, а потом и вовсе снял тугую удавку нашейного платка. Затем привычными движениями «выщелкнул» из манжет золотые запонки, добавил к ним жилеточные часы с цепочкой и небольшим брелоком, небрежно бросил получившуюся кучку драгоценного металла на стол перед собой и еще раз потянулся. Плавным шагом переместился к окну, попутно скидывая с себя надоевшие сюртук и жилетку, в два касания распахнул массивные дубовые створки и глубоко вздохнул, наслаждаясь ночной прохладой. Взлохматил тщательно уложенную прическу, длинно-длинно выдохнул и вернулся мыслями к недавнему рауту, устроенному одним из представителей многочисленного рода князей Голицыных. Точнее, к неожиданной новости, чуть ли не мимоходом проскользнувшей во время довольно-таки продолжительного общения с гостеприимным хозяином.

Морское ведомство Российской империи уже давно мечтало о строительстве нового, незамерзающего порта и регулярно поднимало этот важный вопрос в своих ежегодных верноподданных докладах на высочайшее имя. Так регулярно, да с такой настойчивостью и убедительностью, что в конце года одна тысяча восемьсот девяностого от рождества Христова самодержец Российский не выдержал, плюнул и согласился. Кхм. В смысле – всемиловейше повелел рассмотреть столь назревшую проблему на ближайшем заседании Морского комитета. Который, помимо всего прочего, должен был решить, где именно вырастет новая база флота. А заодно и определить примерную стоимость всего этого «небольшого» удовольствия.

Это, можно сказать, была только присказка к новости. Сама же новость заключалась в том, что не так давно все изыскания на тему подходящего места были закончены, и к вниманию комитета оказалось представлено аж целых два варианта размещения нового незамерзающего порта. Известия эти были важные, интересные, но, как бы это правильнее и точнее сказать... Оставившие молодого аристократа в полнейшей равнодушии. До тех самых пор, пока общительный хозяин раута не поделился с собратом по титулу еще одной весьма занимательной сплетней. Насчет того, какие жаркие и острые словесные баталии развернулись в Адмиралтействе касательно того, где именно встанет новая база флота. Не забыл князь Голицын упомянуть и про раскол отважных мореходов на два неравных лагеря.

В первом, и самом большом, сердца отважных адмиралов сладко пели при одном только слове – Либава. От столицы относительно близко, на месте уже есть кое-какие постройки, сравнительно недалеко присутствует железная дорога, да и климат такой, что просто чудо... Казалось бы, ну что тут думать и сомневаться? Тем более что выразителем их чаяний и надежд выступал САМ глава Морского ведомства, генерал-адмирал флота Российского великий князь Алексей Александрович. Однако же нашлись и такие вечно чем-то недовольные личности. К примеру, исполняющий обязанности главного инспектора морской артиллерии контр-адмирал Макаров с чего-то был расстроен тем незначительным фактом, что от Либавы до границы меж империей и Вторым рейхом – чуть менее тридцати верст. К тому же его

не устраивал тамошний низкий берег, малые глубины, подвижный песок, плохие условия для обороны сухопутной крепости...

Одним словом, все эти мелкие, но вполне преодолимые трудности. К молодому контр-адмиралу присоединял свой голос министр путей сообщения господин Витте – Сергей Юльевич с чего-то вдруг взял и резко обеспокоился возможным недовольством Германии. Приводя при этом поистине странные аргументы. Например, что строительство порта и крепости станет целесообразным лишь в случае планов наступательной войны и на суше, и на море, что является чрезвычайно наглым вызовом западному соседу. Ну не смех ли – слушать такое от насквозь гражданского штафирки? К сожалению, государь отчего-то весьма благоволил своему министру, причем настолько, что почти без раздумий одобрил его весьма сомнительную идею – поискать что-нибудь подходящее в Архангельской губернии. А минфин, пользуясь такими благоприятными условиями, действовал чрезвычайно энергично и расторопно, за крайне ничтожный срок изыскав-таки возможность изрядно подгадить Морскому ведомству. Тем, что предложил его императорскому величеству устроить новый и крайне необходимый империи незамерзающий порт аж на побережье Мурмана [9]. Конкретнее – в Екатерининской гавани, расположенной у самого входа в Кольский залив. Хорошенькое место, ничего не скажешь: дорог к нему нет (причем вообще никаких), всего пара мелких деревушек в окрестностях, а погоды там по большей части стоят такие, что даже Сибирь кажется приятным курортом. И как будто и этого было мало, министр-интриган предложил назвать будущую крепость и город при ней Романов-на-Мурмане. Вот так вот-с!

Небольшой слух, ничтожная сплетня из жизни сильных мира сего – но после него молодой Агренов перестал наблюдать за лицами и разговорами в обществе, погрузившись в свои несомненно важные размышления. Впрочем, общество этого тактично не заметило – во-первых, время было уже достаточно позднее, и все несколько подустали. А во-вторых, некоторая эксцентричность князя была им уже знакома и привычна. Тем более привычна, что для большинства присутствующих он стал своим – а значит, имел право на мелкие и вполне простительные недостатки. Сам же князь весь остаток раута и всю дорогу домой мучительно ворошил свою память, пытаясь понять – почему он, будучи когда-то школьником, а затем и студентом, никогда и ничего не слышал о базе флота в Либаве. И почему предложенное хитроумным министром финансов название порта в Екатерининской гавани удивительно схоже с вполне памятным ему городом-портом Мурманск.

«Черт, от всех этих размышлений скоро мозги расплавятся! И чего вдруг меня эти мореманские дела так зацепили?»

Разум на это ответить не мог (да и не особо-то и пытался, по причине общей усталости и позднего времени), а вот интуиция беспокойно шевелилась и зудела, тихонечко нашептывая что-то такое... неопределенное и непонятное. Плюнуть бы на все эти дела да забыть – вот только не для того он взращивал и нежно лелеял свое предчувствие, чтобы затем резко от него отказаться.

«Ладно, день был длинный, вечер тоже удался. Да и утро будет, хе-хе, тоже неплохим».

Пальцы молодого мужчины мягко изогнулись, словно бы поглаживая что-то волнующе-упругое и при этом приятно-шелковистое. Вроде женского бедра, например.

«Да и вообще – чего это я гадаю да прикидываю? Когда у меня такие славные господа имеются, как Горенин и Купельников. У первого, кстати, уже и опыт кое-какой в делах подобного рода есть. И аналитический центр скоро появится... Гм, вернее, зародыш оного – когда еще из вчерашних студентов-математиков вырастет что-то путное?.. М-да. Хм, зато у второго из них

нужного опыта хоть отбавляй, вдобавок имеются настоящий охотничий азарт и немалый клык на всех казнокрадов в больших чинах. И не важно, в каком ведомстве или министерстве оные заседают – Иван Иванович ко всем одинаково внимателен и предупредителен, хе-хе».

Собственно, этим и соблазнил отставного жандарма змей-искуситель по фамилии Агренов. Всего-то предложением создать и возглавить в компании небольшой отдел по выявлению и пресечению излишнего интереса... гм, всяких там любопытных личностей. Надо сказать, что список тех самых личностей Купельников прочел ОЧЕНЬ внимательно, изредка посверкивая глазами на некоторых высоких и известных титулах. Да и заграничные фамилии чрезмерно любопытствующих личностей, вроде Тиссена или Круппа, тоже не оставили его равнодушным. Опальный офицер подумал, задал несколько вопросов... Гм, десятков вопросов. И тут же, не сходя с места, дал свое согласие.

«Ничего, коготок увяз, хе-хе, – всей птичке пропасть. Горенин тоже вон поначалу многое в штыки воспринимал. А как с первого вора стряс все, что только можно и нельзя, да увидел, как на эти деньги ремесленное училище для ребятни отстроили, – сразу такое понимание открылось!»

Надо сказать, что со временем Аристарх Петрович уже и самостоятельно начал по сторонам поглядывать, причем с нехорошим таким прищуром. Оценивающим. Уж больно понравилось господину главному аудиту чувствовать свою сопричастность к открытию компанией новых училищ или школ, рабочих курсов, ну и всяких там лазаретов. И кому, как не ему, было знать, сколько имеется потенциальных спонсоров в одной только Москве!

Легкое дуновение воздуха принесло с собой тонкий запах лаванды, до слуха сиятельного мыслителя донеслись легкие шаги, а затем на его плечи легли ухоженные женские ручки. Провели полированными ноготками по шее и щеке, опять вернулись на плечи, начав их сжимать и отпускать – на манер большой кошки, решившей поточить коготки.

– Мрр!..

Удивительно сильные пальчики вдумчиво прошли по плечам и предплечьям, уделили внимание шее, тонкими змеями скользнули под вроде бы застегнутую на все пуговички рубашку... Александр от всего этого массажного произвола лишь тихо блаженствовал, все больше и больше растекаясь в сладкой истоме.

– Мрр...

Обогнув кресло, Наталья еще дальше отодвинула желтую горку металла, освобождая место под свои упругие роскошества, после чего ими же и уселась на стол. Поправила поясok, так, что он еще больше ослабел, затем дотянулась красивой ножкой до мужского бедра и легонько коснулась, поглаживая:

– Котик устал?

От ее низкого грудного голоса организм «котика», вроде как уставший и еще пять минут назад отчетливо намекавший на необходимость немножечко поспать, прямо на глазах наливался бодростью и желанием. Тем более что одна пола халата сама по себе поползла вниз, открывая прекрасный вид на атласно-белое бедро – где уж тут спать, если и до постели дойти некогда?

– Ай! Котик – шалун...

- Хозяин, там к тебе эти пришли.

Вологодский купец второй гильдии на такую новость даже и головы не поднял, продолжая сосредоточенно пересчитывать мятую пачку банкнот. Мало ли кому он понадобился?

- Осьмнадцать, девятнадцать, двадцать. Угум, пять сотен и двадцать рубликов...

Записав соответствующие цифры в толстую книгу-гроссбух и убрав деньги в потертое от частого использования портмоне, он без особо интереса уточнил:

- Кто «эти», Митяй?

- Ну эти.

Дальний (даже не седьмая вода на киселе, а где-то двадцатая) родственник Вожина, состоящий при нем кем-то вроде денщика и помощника разом, на мгновение запнулся. Поднял было руку, почесать в затылке, но все же вспомнил нужное слово:

- Граборы [10], вот!

- Ну так давай их сюда.

Минут через пять в небольшой комнатухе, используемой Савватеем под контору (скорей бы уже закончили отделывать его новый дом!), стало очень тесно: сразу трое старшин артелей землекопов пришли получить честно заработанную деньги.

- Наше почтение Савватею Елпифидорычу!

- И вам того же, уважаемые. Митяй, ну-ка живенько сообрази там, чего надо!..

Граборская старшина без лишнего жеманства приняла на грудь по стопке крепкой и духовитой рябиновки. Довольно крякнула, после чего двое дружно захрустели малосольными огурчиками, а третий, с некоторым сомнением понюхав упругую пупырчатую закуску, все же решил не портить послевкусие от столь божественного напитка.

вернуться

9

До 1917 года - название северного побережья Кольского полуострова.

вернуться

10

Профессиональные землекопы, способные и большой котлован под фундамент выкопать, и самый настоящий парк с прудом, кустарником и фонтанами разбить.

- Мирон Иваныч. Прошу, с моей благодарностью.

Грубые мозолистые пальцы землекопа, с намертво въевшейся черной каемкой под толстыми ногтями, бережно приняли тоненькую стопку десятирублевых банкнот. Взвесили, положили

на стол и с удивительной ловкостью пересчитали.

- Благодарствуем, хозяин.

- Фома Ильич, прошу, с моей особой благодарностью.

Процедура взвешивания и пересчета денег повторилась от и до, вот только на этот раз пара красненьких бумажек так и осталась лежать на столе:

- Ошибка вышла, хозяин. Мы люди честные, нам чужого не надобно...

- Так я же сказал, Фома Ильич, - с особой благодарностью, так что ты уж меня не обижай, прими.

Разумеется, обижать работодателя не стали.

- Ну и Зосим Иванович. Прошу.

Последняя пачка десятков даже на вид была заметно тоньше своих предыдущих «товарок». Да и принимать ее третий артельный как-то не спешил, покашливая и покрхтывая в сомнениях да раздумьях. Впрочем, их быстро развеяли:

- Как сделаете все, на что уговаривались, так и остальное получите.

Старши?на переглянулась и удивительно дружно огладила свои густые бороды - возразить было нечего (да и не хотелось по большому-то счету). Обсудив пожелания заказчика на следующий год и заполировав достигнутое согласие новой порцией рябиновки, жилистые граборы степенно попрощались и ушли радовать своих подчиненных. Причем как честно заработанными деньгами, так и известиями о том, что на ближайшие года два-три (а то и более) без заказов они не останутся.

- Митяй!

Только было хотел почтенный негодичант славного города Вологды распорядиться о том, чтобы закладывали брчку - как минимум час в день он посвящал инспекции губернского перерабатывающего центра, здания и лабазы которого росли прямо на глазах (уступая в этом только стенам будущего Большого Вологодского пассажа), как к нему пожаловал очередной посетитель. Или проситель - это уж с какой стороны поглядеть...

- Кормилец, как же так? За какие такие грехи ты нас так сурово наказываешь?

- А помнишь ли ты, Евласий, что есть время разбрасывать камни, а есть время их собирать?

Старший маслодел четвертой бригады от такой встречи невольно подался назад, а потом и вовсе перекрестился:

- В церкви поп... говорил. А что?

- Согласен ты с тем, что любая работа должна быть оплачена?..

- Как же! Это да, согласные мы. Во всем.

- Еще б ты был против, хе-хе... Кхем. Кха!

Купец громко прочистил пересохшее горло.

- На прошлой неделе прибыла из твоей маслобойни дюжина бочонков масла. Стали его перевешивать да осматривать, глядь - а среди сливочной благодати два булыгана нашлось, фунта [11] на три-четыре каждый. Значица, это ты камни разбросал. А я собрал, о чем и бумага от кладовщика имеется, кой их лично из бочонков вытряхивал. Не веришь бумаге?.. Так и свидетели тоже найдутся. Вот по всему и выходит, что тебе штраф, а мне денежка, за труды.

- Не могли мои бабы такое утворить!

- Да мне без интересу, кто именно у тебя там такой хитрозадый. Печать на бочонках - четвертой артели? Подпись в бумагах - твоя? Или будешь заливать, что каменюги тебе лихие люди подбросили, а масло скрали, прямо по дороге? А может, возница тару подменил?

Маслодел на требовательный взгляд лишь уныло помотал головой.

- Ну и что ты от меня тогда хочешь, Евласий? Штраф меньше сделать? Так ты же знаешь правило - ежели меня из-за вас на рубль «дергают», то я за то с виновника все три снимаю. Чтобы впредь неповадно было. А теперь как на духу - подкладывали булыганы для веса?

- Да что ж мы, совсем дурные? Ну вот те крест, кормилец, нет на мне вины!

Савватей осуждающе покачал головой и цыкнул зубом, прекрасно уловив переход от «невиноватые мы» на «я здесь ни при чем!».

- Эх вы, не цените, когда к вам всей душой... Еще раз такое повторится, артельный, я с вами со ВСЕМИ по-другому разговаривать буду. Или вон сторожам поручу выяснить, кто это такой умный завелся. Уж они-то вам живо объяснят, что на каждый хитрый зад есть кое-что с винтом. Все ли понял? Ну тогда иди себе с Богом, не доводи до греха...

Проводив проштрафившегося бригадира, Савватей раздосадованно сплюнул в очень кстати подвернувшийся горшок с какой-то чахлой зеленью, спохватился (не видит ли жена?) и опять едва не плюнул - где он, а где Марыся?! Да уж, совсем замотался со всеми этими переездами да торговыми заботами!

- Митяй, где ты там, бездельник?

Поначалу-то он хотел отстроить новый дом в Грязовце, а потом пораскинул мыслишками, посоветовался с умными людьми - и надумал, что раз уж пошла такая пьянка, то перебираться надо не в уездный город, а сразу в губернский. То есть в Вологду. И уважения больше, и дела проворачиваются куда как быстрее. Опять же знакомства с другими купцами легче сводить... Вспомнив своих сотоварищей по торговой стезе, Савва все-таки не удержался и сплюнул, едва не попав мимо горшка: вот же индюки надутые! Сами второе-третье поколение от крестьян, а поди-ка ты, выскочкой да «скороспелком» его кличут. Не в глаза, понятное дело, - лицом-то к лицу они улыбаются, в гости приглашают, самочувствием интересуются. Как стал многими тыщцами ворочать, так сразу и озаботились его «драгоценнейшим здоровьечком» да планами на замужество единственной наследницы. И подходы-то все такие, что сразу и не поймешь, что к чему - тут слово, там легкий интерес... А вот хрен им, да на все рыло! Поди, благодетель его Ульянке такого жениха найдет - в Вологде все от зависти удавятся!..

- Хозяин, там до тебя люди пожаловали, с бумагами от компании.

- Бумагами, олух.

Машинально поправив помощника, Савва самокритично вздохнул – давно ли он сам перестал быть таким вот «длярёвней»?

– Сейчас спущусь. А ты пока распорядись, чтобы бричку заложили.

Во дворе арендованного под контору домика (небольшого, зато почти в центре города!) губернского представителя Русской аграрной компании терпеливо поджидали сразу четверо крепких мужчин, в которых за версту можно было разглядеть отставных матросов. Пользуясь тем, что новоприбывшие заняты разговором со старшим оберегателем его собственного тела, и не обращая внимания на второго охранника у себя за плечом, купец тихонечко подошел поближе. А охранник... Уже и привычка к такому сопровождению появилась. Тем более что деньги он при себе носил по любым меркам солидные, а дураков на свете, как известно, всегда хватает. Да и вообще, с такими серьезными ребятами за спиной и порядку в делах заметно больше, и спокойствия...

– Да-а, и так бывает. Ничё, настоящему мужику нога – не главное!

Хлопнув одного из морячков по плечу так, что выбил в воздух небольшое облачко пыли, их собеседник отошел в сторонку. Открыв тем самым прекрасный вид на будущего разъездного механика перерабатывающих центров вообще и его отнятую по колено ногу в частности. Одного из четырех механиков, если быть точнее.

– Как добрались? Разместились? Жалобы есть?

Глядя, как четыре отставных матроса моментально выстроились идеально четкой шеренгой и чуть заметно дернули правыми «клевнями», бывший конный объездчик пограничной стражи не удержал довольной усмешки. И он кое-что может! Выслушав короткие ответы и чуточку напоказ пробежавшись глазами по дюжей фигуре калеки, Вожин остановил свой взгляд на нарукавной нашивке, изображавшей шестерню с наложенным на нее трехлопастным винтом.

– Старший машинист броненосца береговой обороны Императорского Балтийского флота «Вещун»! Бывший, понятное дело.

– Где же ты сподобился так... гм, пораниться? Вроде, слава богу, войны никакой и нету?..

Старший охранник подошел и двумя тихими фразами прояснил ситуацию.

– Значит, сам погибай, а товарища выручай?..

Бравый моряк небрежно повел литым плечом:

– Лучше моя нога, чем его голова. Да и отделались легко – упали балка на аршин левее, разом бы обоих и похоронили.

Бывший пограничник, хромота которого хоть и не бросалась в глаза, а все же присутствовала, и бывший моряк, полгода назад заимевший вместо правой ступни и голени хорошо отполированную дубовую деревяшку, вдруг ощутили некую общность душ. Конечно, словами это выразить было сложно (практически невозможно), но какая-то ниточка взаимной приязни явно протянулась.

вернуться

Один фунт равен 0,453 кг. Почти полкило, если приблизительно.

- Савватей.

- Потап.

Две мозолистые руки с легким хлопком встретились, ненадолго застыв в крепком рукопожатии. Перезнакомившись с остальными механиками и потихоньку с ними же разговарившись, Савва и сам не заметил, как минул целый час. Собственно, он и дальше бы душевно общался, с превеликим удовольствием отвечая на множество вопросов морячков, дорвавшихся наконец-то до непосредственного начальства, не напустил верный Митяй о заждавшейся его бричке. И проверке строек. И о визите в банк, за денежкой на очередные расходы. Опять же к бондарям [12] заглянуть не помешало бы. Им в цех месяц назад аж три станка сестрорецкой выделки установили, пилить, строгать да фрезеровать клепки [13] бочажные, а пользы с тех станков – что с быка молока. Привыкли по старинке работать, оглоеды...

В общем, остаток дня пролетел единым мигом, и домой (вернее, в снятую на полгода четырехкомнатную квартиру) Савватей заявился ближе к сумеркам. Поцеловал Марысю в подставленную щечку, привычно потянул носом, стараясь угадать, каким именно кулинарным шедевром сегодня его накормят, прогулялся до уборной, умылся-причесался и, направляясь к столовой комнате, едва не споткнулся о хвостато-полосатую тушку кота Васьки. Впрочем, усатый бездельник тут же исчез в открытой нараспашку форточке (пользуется, паразит, его отсутствием да добрым сердцем хозяйки!). Савва негромко ругнулся, тут же выбрасывая мелкого приживалу из головы, перешагнул наконец-то порог столовой – и едва удержал на губах словечко покрепче.

- Доброго здоровьечка, Савватей Елпифидорович!

- И тебе не хворать. Никанор, гхм, Александрыч.

Выразительно покосившись на Марысю, едва заметно пожавшую плечами в ответ, хозяин дома страдальчески вздохнул и пригласил гостя к столу – отведать, чего бог послал. Вечеряли в полной тишине и даже с каким-то официозом, что тоже сказалось не в лучшую сторону на и так далеко не радужном настроении главы семьи. И только после того, как глубокие тарелки опустели и чай был выпит, а значит, положенное вежество было полностью соблюдено, бывший житель села Опалихино прямо спросил старосту соседнего села: какого!.. гм, хорошего ему понадобилось от второй гильдии купца Вожина?!..

- Ты уж не серчай, Савватей Елпифидорыч, коли что не так. Я ведь не сам до тебя подался, меня все наше опчество послало.

- Послало, говоришь...

Бережно неся свой заметно округлившийся животик, Марыся подошла и положила руку на плечо мужа – пока еще тот тоже не послал гостя, далеко и надолго.

- Ну давай, говори свое дело.

- Все знают, Савватей Елпифидорыч, что хозяин ты справный и справедливый. Цену за хлебушек не опускаешь, на беде человеческой не наживаешься...

Дальнейшую речь, со славословиями в свой же адрес, хозяин слушать не стал, оборвав главу соседнего с Опалихиным села резким взмахом руки - тем более что основную мысль он и так уже понял.

- А эти твои знающие не говорят, случаем, что я напрямую зерно покупаю только у односельчан?

- Говорят.

- Или, может, они не знают, что, начини я брать зерно в других селах да деревеньках, на меня разом все зерноторговцы Вологодчины ополчатся?

- Савватей...

Гость запнулся и пару мгновений мучительно подбирал слова.

- Ты ж нам не чужой. Сам знаешь, каким потом хлебушек полит, какими слезами. И про то, каков неурожай нынешний, тоже знаешь. А эти хриstopродавцы сговорились, и одну цену покупную держат - что в Грязовце, что в Вологде. Продать им зерно за бесценок - так только на подати [14] и хватит. Не платить подати - враз становые [15] пожалуют, хозяйства разорят... Ну войди ты в наше положение, поймей жалость!

- Меня бы кто пожалел.

Супруга незаметно прижалась животиком к мужниной спине, и это кардинальным образом изменило еще не прозвучавший ответ.

- Покупать у вас ничего не буду. И другим, этим твоим «знающим» людям, так и передай, чтобы даже не думали ходить с этим до меня. А вот у своих, у опалихинских, куплю все, сколько бы ни было. К примеру, у дядьки моего Осипа Дмитрича. Или другого дядьки, Егора Дмитрича. Но!..

Вологодский купец сжал кулак и со значением посмотрел на просителя:

- Если только пойдет по деревням поголос [16] о таких моих делах, то более ничего ни у кого брать не буду, да и вообще крепко осерчаю. На всех!.. Хорошо ли ты меня понял, Никанор? Правильно?

Просветлевший староста тут же засобирався, не забыв напоследок отвесить благодарственный поясной поклон:

- Спаси тя бог, Савватей Елпифидорович, век твою доброту помнить будем.

Проводив гостя, по возвращении хозяин увидел белый конвертик письма в руках у любимой жены:

- Никак от Ульянки весточка?

Остатки плохого настроения окончательно развеялись:

- Та-ак, почитаем... Угум. Ну да, я так и думал!.. Вот и славно, вот и хорошо!

Отложив одинокую страничку, плотно исписанную крупным округлым почерком, Савва горделиво огладил усы и потянулся рукой к жене.

Шлеп!

Легкой плюшкой перенаправив мужнину длань с ягодиц на поясницу, Марыся захотела подробностей.

- Ну что. Жива, здорова, да. Благодетель наш записал ее в младший класс...

Любящий отец быстро скосил глаза на письмо:

- Московского Александровского института, учение начнется в сентябре. В классе вместе с ней будет девятнадцать учениц, жить станут при институте неотлучно, на полном обеспечении, дочке пока все нравится. Еще приветы передает, спрашивает, когда ей братика ждать.

- Или сестричку!

Муж согласно кивнул, пробурчав в усы, что он бы и от обоих сразу не отказался. Прижался щекой к животу, довольно прикрыл глаза - и тут же получил очередной шлепок по шаловливой ладони. В руку ему вернули отложенное письмо и требовательно посмотрели.

- Вот найму и тебе учительку, чтобы научила самой читать!

Взгляд благоверной стал откровенно грозным. И что самое страшное, она перестала ласково ворошить его волосы, растрепывая прилизанную укладку на голове.

- Ладно, ладно. Гхм. «Дорогие матушка и батюшка, низкий поклон вам от дочери вашей Улияны...»

Глава 3

Балтийская погода никогда не отличалась особым постоянством и приветливостью, а ближе к осени и вовсе обиделась на людей, заплакав длинными, тягучими нитями частого дождя. Хмурилось небо, отражаясь в частых лужах свинцовой тяжестью туч, гулял по мокрым верхушкам деревьев беззаботный ветер, сбивая время от времени с зазевавшегося прохожего шляпу или выворачивая из рук зонт.

Нахохлились воробьи и голуби под крышами, пережидая затянувшееся ненастье. А коты и кошки, развалившиеся в безопасном тепле на сухих подоконниках, насмешливо щурились, наблюдая за тем, как редкие фигурки людей медленно и с большой опаской передвигаются по вездесущей грязи. Уныние и скука воцарились во всем Сестрорецке, замерла прежде бойкая жизнь курортного города...

Впрочем, кое-где затянувшегося до неприличия дождя почти и не заметили. Вернее, заметили, но внимания на это обратили пренебрежительно мало - все так же днем и ночью сновали по дороге от поселка до фабрики мастеровые, дымили трубами и светились широченными окнами цеха и сутились наподобие муравьев грузчики, разгружающие очередной вагон.

Бегала по улицам поселка ребятня, которой нипочем были и дождь, и зной, и даже морозная вьюга (играть не мешают - и ладно), месили размякшую глину полигона экспедиторы и охранители начальственных тел, в очередной раз отработывая и шлифуя одни - нападение, другие - защиту. Работал и их командир, позволивший себе одну-единственную поблажку:

принимать посетителей не в кабинете управы, а у себя дома. Тем более что даже эта его, гм, слабость все равно пошла на пользу делу – гости дорогие не теснились в духоте приемной управы, а с комфортом устраивались в глубоких креслах, расставленных по большой дуге вокруг камина, и коротали время, наблюдая за извечной игрой живого огня. И даже те, кто уже был в хозяйском кабинете, не торопились покинуть уютную гостиную, непринужденно общаясь с теми, кто только ждал своей очереди, – хорошим знакомым всегда найдется о чем переговорить.

вернуться

12

Ремесленник, выделывающий бочки.

вернуться

13

Дощечки для боковых стенок бочки.

вернуться

14

Налоги.

вернуться

15

Сельские полицейские.

вернуться

16

Слух.

– Вениамин Ильич, мне нужно больше инструментальщиков! Производство непрерывно возрастает, и я...

– Помилуй бог, да где же я их вам возьму, Иммануил Викторович? К столичным заводам теперь и на пушечный выстрел не подойти – тем более что вы сами же и переманили оттуда всех, кого только можно было.

– А волонтеры из Чехии?! Не далее как на прошлой неделе в Кыштым уехал целый десяток отличных специалистов. Они нужнее здесь, у меня!

Лунев пожал плечами и парировал:

- В основном вербуются обычные мастеровые. А этот ваш пресловутый десяток собирался почти три месяца. В конце концов, Иммануил Викторович, ну наберитесь же терпения, будет и на вашей улице праздник.

- Через полгода? Благодарю покорно, результат с меня требуют уже сейчас. Хм, а ведь вы лукавите, друг мой.

Юрист, уже давно шагнувший за рамки своей профессии, неподдельно удивился.

- Да-да, не отрицайте. Я регулярно списываюсь с Лазоревым – так вот, он в последнем письме поведал о том, как вы выполняете ЕГО заявки на специалистов. Понадобились ему шлифовщики – и уже через месяц он их получил. Шлифовщики! Коих, может, две дюжины на всю Австро-Венгрию и наберется. А вы мне каких-то там инструментальщиков найти не можете... Непорядок-с!

- Хм. Действительно. Вот только к переезду семейства Ладислава Плишека из Брно [17] в Ковров я никакого касательства не имел. И не имею!

- Как? Разве это не вы его уговорили?

- Нет. Этот Плишек сразу уперся, и даже разговаривать со мной не хотел.

- А как же тогда?..

Лунев покрутил головой, одновременно оглядываясь по сторонам, и заговорщически понизил голос, практически до громкого шепота:

- Александр Яковлевич уговорил. Знаете как? Пообещал старому чеху, что кроме солидного вознаграждения за каждого выученного им шлифовщика для нас оплатит обучение десяти юношей у него на родине. Подходящему для них ремеслу, разумеется. Ну знаете – каменщики, плотники, кожевенники, слесаря... Один у нас, десять там.

Герт опустил приподнявшиеся в удивлении брови обратно и жадно спросил, уже зная ответ:

- И что чех?

- Сам поехал и трех сыновей с собой прихватил. Вот так-то, Иммануил Викторович. Знаете, во сколько встало такое приглашение?

- Сделайте милость...

Стряпчий наклонился поближе к собеседнику и коротко что-то прошептал.

- Однако!

- Вот-вот. Я, когда узнал об этом, взял на себя смелость поинтересоваться у Александра Яковлевича – не слишком ли большие траты ради приобретения четырех мастеровых редкой, но все ж таки далеко не уникальной специальности?

- А что же он?

- А он мне ответил в своем духе. Мол, я всего лишь меняю деньги на время.

- Нда-с...

Двое мужчин с пониманием переглянулись – к таким непонятным ответам у них уже давненько выработалась привычка. Как и к непонятной, но постоянной спешке. Князь Агренов развивал свое производство такими темпами, словно вечно куда-то опаздывал, предпочитая переплатить, но не ждать, – и надо сказать, такая манера ведения дел оказалась заразной.

С верхнего этажа слышались шаги нескольких человек, и Лунев-старший тотчас встрепенулся, кладя руку на ставший просто незаменимым стальной чемоданчик для бумаг, а заодно находя взглядом младшее поколение – сегодня они шли на доклад вместе. По его, между прочим, просьбе. Так что как только в гостиной появился Долгин в компании своего недавно появившегося заместителя Купельникова (должность коего называлась на удивление длинно и непонятно – старший инспектор по вопросам техники безопасности на рабочих местах), как он энергично кивнул, напоминая племянникам о повышенном внимании, и двинулся на второй этаж.

– Добрый день, прошу, располагайтесь как обычно...

Обстоятельно обложившись бумагами из вскрытого наконец переносного сейфа, стряпчий положил прямо перед собой открытый блокнот и чернильную ручку, после чего посчитал, что вполне готов к докладу.

– Александр Яковлевич, сегодня у меня исключительно хорошие новости!

– Что же, это радует.

– Итак! Начну с оружейных дел. Аргентина!

Соответствующая папка начала свой короткий путь по столу – от юриста к оружейному магнату.

– Очень, ну просто очень просят продать им еще сорок тысяч винтовок с тройным боекомплектом. Согласны доплатить за срочность или принять вместо «Агренов» такое же количество МАГ.

– Хм, собираются немного повоевать?

– По всей видимости.

Столь точный ответ Лунев сопровождал неопределенным пожатием плеч – Аргентина и Чили уже давненько бряцали оружием, нехорошо поглядывая друг на друга через границу.

– Еще в заказе пять тысяч «Орлов» с соответствующим количеством патронов, складные ножи, зажигалки, пять полевых лазаретов и немного пистолетов-карабинов «Кнут» – по всей видимости, на пробу. Это первый контракт. Второй – им нужен еще один патронный завод и две мастерские по ремонту оружия. Особое пожелание – что все это будет выполнено, как вы говорите, «под ключ».

Вторая папка присоединилась к первой.

– Мы беремся. Дальше?

– Простите, Александр Яковлевич. А вы уверены насчет винтовок? Все же сорок тысяч?..

Вместо ответа князь порылся в кипе вчерашней прессы, отыскивая нужную газету,

и перекинул ее стряпчему:

– Я думал, вы в курсе.

«Столкновения между правительственными войсками и повстанцами в Бразилии, уже три провинции охвачены пламенем...»

– Гм! Вы думаете, у них там дойдет до чего-то серьезного? Вроде настоящего мятежа?

– Уже дошло, Вениамин Ильич. Только это не какой-то там мятеж, а полноценная гражданская война – раз уж на сторону «мятежников» разом перешла добрая половина армии.

– Как некстати!..

Юрист замер на секунду-другую, вспоминая крайний срок выполнения собственноручно составленного оружейного контракта, и тут же исправился:

– Очень кстати.

– Да, я тоже думаю, что пару месяцев они как-нибудь проживут и без своих винтовок – если, конечно, тоже не доплатят за скорость.

Первая пометка легла на бумагу блокнота, а на смену одной стране пришла другая:

– САСШ! С Арчибальдом связались представители судостроительной компании «Вильям Крамп и сыновья». Не буду томить, скажу сразу – за генеральную лицензию на ацетиленовый резак и «Электрогефест» мы получим три с четвертью миллиона долларов единовременно! И пятнадцать процентов с каждой проданной уже ими лицензии!.. Также двадцать тысяч долларов ежемесячной ренты в течение всего времени действия патентов.

Место рядом с докладчиком потихоньку освобождалось от папок.

– Англия. Должен заметить, тут моей инициативы не было, но тем не менее предложения вполне хороши. Да-с! Компания «Армстронг энд Митчел» предлагает нам за генеральную лицензию по «Электрогефесту»... так как на патент они уже даже и не надеются, хе-хе... так вот – предлагают пятьсот тысяч фунтов стерлингов разом и, соответственно, пять процентов с каждой лицензии. Каково, Александр Яковлевич, а?

Магнат задумался, покатывая пальцами карандаш по столу. Очнувшись от мыслей и мягко поторопил-напомнил:

– Вы сказали – предложения?

– Так точно-с. Верфи «Харленд энд Вулф», что в Белфасте, почти одновременно с «Армстронг энд Митчел» предложили триста пятьдесят тысяч плюс семилетнюю ренту в пять тысяч фунтов стерлингов ежемесячно. И шестьдесят тысяч за лицензию на один из ваших нержавеющих сплавов.

– Занятно... Ваши предложения?

– Небольшой аукцион поможет определить победителя.

– Хорошо.

Быстро исчеркав треть блокнотной странички, Вениамин Ильич поднял голову, одновременно убирая последнюю папку в чемоданчик, и уставился на работодателя со всем возможным вниманием и преданностью. Князь помедлил, а затем рублеными фразами выдал поистине ошеломляющую новость:

– Военное ведомство приняло все мои предложения, изложенные в подготовленном вами и Андреем Владимировичем контракте. Изменилась только сумма сделки – тридцать восемь миллионов рублей. Срок исполнения остался прежним – шесть с половиной лет, начиная с октября месяца сего года.

вернуться

17

Один из промышленных центров-городов Чехии.

Стряпчий непроизвольно подобрался, невольно отметив полное отсутствие воодушевления и счастья в глазах начальства. Это было достаточно странно!..

– Подписание документов состоится в первых числах августа, так что время ЕЩЕ РАЗ хорошенько проработать все документы у нас есть – не слишком много, но все же. Далее.

Александр оставил в покое карандаш и откинулся на спинку кресла.

– У меня получилось договориться с Губониным насчет кредита в двенадцать миллионов, поэтому с финансовой стороны у нас, если можно так выразиться, крепкие тылы. Взамен я обязался вести свои дела только и исключительно через Волжско-Камский банк. Поэтому!..

«Паркер» навис над листком, чуть ли не втыкаясь золотом пера в мелованную поверхность.

– Закрывать все депозиты в Русско-Азиатском и досрочно выплатить остаток кредита. Все рентные поступления и расчетные счета перевести в наш новый банк.

– Прошу прощения. Переводить ВСЕ поступления?

Юрист не мог не уточнить этот вопрос. Так как именно его подчиненные колесили по всему миру, трудолюбиво переоформляя старые договоры ренты на новый лад – с тем, чтобы отчисления поступали не в империю, а на заграничные счета князя.

– Те, что остались на данный момент в Русско-Азиатском.

Аристократ-промышленник вздохнул и нехотя, чуть ли не через силу, дополнил короткий список распоряжений:

– Двадцать процентов паев Русской оружейной компании передаются в залог Волжско-Камскому банку вплоть до полного погашения кредита. Подготовьте соответствующие бумаги.

Кислый вид оружейного магната без лишних слов свидетельствовал, насколько он «рад» такому условию. Тем временем недавний докладчик попал в довольно затруднительное положение: в его ручке внезапно закончились чернила. Впрочем, ничуть тому не опечалившись, Вениамин Ильич ловко выхватил из кейса точную копию первого «Паркера» и продолжил заполнять уже восьмой по счету лист – опытный стряпчий должен быть готов

к любой неожиданности! А глава юридической конторы был очень, очень опытным человеком.

– Мм?.. Позвольте уточнить?

– Разумеется.

– Меня смущает сумма контракта. Ведь первоначально в смете было прописано двадцать три с половиной миллиона?..

– Верно. Дело в том, что мне дополнительно... Кхм. Одним словом, мне доверили провести реконструкцию Пермских пушечных заводов.

Причина «задумчивости» князя стала окончательно ясна – он попросту откусил больше, чем рассчитывал. Причем лишний кусочек был на диво костлявым и неудобоваримым, и подавиться им было легче легкого – так как в вопросах артиллерии сестрорецкий промышленник разбирался настолько слабо, насколько это было позволительно выпускнику военного пехотного училища. То есть захватить орудие, ну или издали перебить его обслугу он бы определенно смог – но и только.

И что оставалось отставному ротмистру пограничной стражи? Ну для начала отложить в памяти имена и фамилии всех тех «добрых» людей в Военном ведомстве, чьими заботами он был вынужден принять на себя повышенные (а вернее, сильно завышенные) обязательства. Глядишь, как-нибудь и удастся при случае отблагодарить их за явно бескорыстную помощь. Затем надеяться на хорошие отношения с одним из профессоров Михайловской артиллерийской академии, генерал-лейтенантом Чебышевым, и директором тех самых Пермских пушечных заводов, господином Славяновым. А еще крепко думать – что же именно он может предложить Круппу за его небольшую дружескую поддержку в данном вопросе. Пока на ум приходили только деньги. ОЧЕНЬ большие деньги – при их наличии старина Фридрих точно проявит все возможное в данном случае понимание.

– Гм!.. Александр Яковлевич, возможно, стоит подумать о продаже части, так сказать, непрофильных активов?

– Все, что можно продать, не принесет и миллиона, притом что обошлось мне больше чем в полтора. Тем более что и этот вариант учтен – в качестве самого последнего средства.

Молодой фабрикант улыбнулся и кивнул на стопочку папок, полученных от собеседника:

– Но, учитывая новый аргентинский контракт и предложения от компаний-судостроителей – кстати, очень своевременные предложения! – я надеюсь, что до такой крайности все же не дойдет.

Тут уже задумался сам посетитель, сомневаясь и поглядывая на дверь (стоит ли приглашать племянника и сына?), и это, разумеется, не осталось незамеченным.

– Есть что-то интересное?

Всего через три минуты уже молодая поросль клана Луневых переглядывалась через стол, определяя – кто первый будет просить денежку на бедность. Выиграл Геннадий Арчибальдович. Быстро отчитавшись по своему основному занятию и мельком упомянув об исключительно удачном приобретении пароходов «Ласточка» и «Стриж» (можно сказать, первенцев будущей речной флотилии Русской аграрной компании), молодой директор осторожно поинтересовался:

- Ваше сиятельство, нас интересует чай?
- В смысле торговли? Нет. И не надо лишнего официоза, Геннадий, я же просил...
- А возможность получить собственные плантации на землях империи?
- Например, где? В Грузии? Покорнейше благодарю, но такого счастья мне и даром не надобно.
- А если они будут рядом с Екатеринодаром? [18]

Аристократ выгнул в удивлении левую бровь и уточнил:

- Кубань? В первый раз слышу, чтобы казаки увлекались биологией и селекцией растений.

Несмотря на неприкрытый скептицизм начальства, Геннадий упорно не желал падать духом:

- Я бы и сам не поверил в такую возможность, если бы один человек не привел очень веские доказательства.

Мужчина с преувеличенной аккуратностью достал и положил перед собой небольшой полотняный мешочек, вроде кисета для махорки. Раскрыл горловину и высыпал себе на ладонь небольшую горстку чего-то действительно похожего на подсушенный чайный лист.

- Лично заваривал и снимал пробу, Александр Яковлевич.

Размяв между пальцев скрученные и измятые листочки, затем поведив ими рядом с носом, владелец компании с безразличным видом поинтересовался:

- И насколько же велика плантация этого человека?
- Дюжина кустов.

Как ни странно, именно этот ответ зажег огонек интереса в глазах работодателя.

- Продолжайте.
- Этот человек всего лишь любитель-одиночка. Действуя на свой страх и риск, и без малейшей поддержки, всего за десять лет он добился поразительнейших результатов - его чайный лист ничем не уступает лучшим заграничным сортам. Если мы окажем небольшую поддержку, поможем грамотными специалистами и предоставим землю, то...
- Благодарю, я услышал достаточно. Сколько?

Молодой Лунев и этот вопрос понял совершенно правильно:

- Тридцать тысяч на покупку участка земли под плантацию и примерно четыре-пять тысяч в год на селекционную работу. Уверен, результат будет!

Оружейный магнат аккуратно ссыпал листочки обратно, затянул горловину мешочка. Взвесил на ладони и спокойно уронил - аккуратно в ящик своего стола.

- Жду вас через две недели с документами и тем самым человеком - компании интересен этот проект.

Геннадий смиренно принял на свои плечи очередную ношу и ответственность, при этом едва удержавшись от довольной улыбки.

– Виктор, что у вас?

Сын стряпчего в своих привычках явно был похож на отца – хотя бы потому, что одновременно с первыми словами он положил перед собой тоненькую красную папку. А вот говорить так же уверенно и гладко у него пока не получалось – фабрикант минут пять слушал его речь, пока не понял, что ему всего лишь предлагают заняться (ну то есть дать разрешение) производством мебели из гнутой фанеры.

Александр едва заметно вздохнул и с некоторым трудом подавил так и рвущуюся на язык фразу. О том, что денег он не печатает! Как оказалось в дальнейшем, на ассигнации никто и не претендовал – только на станки. Которые, между прочим, тоже чего-то стоили! Вздохнув, но на сей раз исключительно про себя, князь, скрипя (фигурально выражаясь, разумеется) зубами и подлокотниками кресла (а тут уже на самом деле), выдал свой вердикт:

вернуться

18

Теперь этот город называется Краснодар.

– Утверждаю.

Подумал, кое-что вспомнил и в очередной, уже невесть какой по счету, раз поразил подчиненных многогранностью своей натуры. Небрежным тоном указав Виктору зайти к нему этим же вечером – за готовыми эскизами будущей мебели и кое-какими заметками. Можно было бы и пораньше, но пока он доберется до своего подземного хранилища, а в нем – до простенького замусоленного блокнота...

Оставшись в одиночестве и твердом убеждении, что больше никаких гостей не будет (все, кто хотел, отметились с утра, и Луневы в этом важном деле как раз были последними), хозяин кабинета встал. Походил по кабинету, разминаясь, затем постоял у окна, любясь на серую хмарь затяжного ливня, и закончил короткую передышку рядом с напольным сейфом. Погремел ключами, добираясь до содержимого стального «толстяка», прямо на месте раскрыл нужную укладку, что-то вписал, что-то вычеркнул и еще раз быстро все перечитал – вернее, пересчитал. После чего печально констатировал, обращаясь в никуда:

– Хватает, но впритык. Вот только еще чуть-чуть – и придется залезть в швейцарскую кубышку. Черт, может, и в самом деле пора подумать о собственном производстве банкнот?

Его высокоблагородие полковник Сокерин с утра был немного не в духе. Какой-то определенной причины для этого не было – разве что очередной приступ пречернейшей меланхолии? Да, определенно так. Надо сказать, она с завидной регулярностью посещала почтеннейшего Георгия Ивановича с той самой несчастливой поры, как он покинул сияющие выси столицы и приехал в Тулу вообще и на Императорский Тульский оружейный завод – в частности. Конечно, служба есть служба, да и карьерные перспективы были весьма неплохими (до генеральских лампасов, фигурально говоря, уже было рукой подать) – но боже ж ты мой, как уныло и серо в этой имперской провинции!

- У-у-у!!!

Полковник непроизвольно вздрогнул, едва не разлив свой утренний кофе.

- Чтоб тебя!..

Проклятый заводской гудок стоял как раз напротив единственного оконца его небольшого «кабинета», так что привыкнуть к густому вою-реву было весьма затруднительно. Собственно, он так к нему и не привык. С раздражением отставив небольшую чашку с коричневой гущей на дне, чиновник Военного ведомства надел фуражку и покинул клетушку-кабинет – его ждал обход заводских цехов. Конечно, особой необходимости совершать такой утренний моцион вроде бы и не было... С другой стороны, если мастеровщина и всячески ей потакающие инженеры, вроде тех же братьев Мосиных, почувствуют только лишь намек на то, что надзор за ними ослаб, – тут же потеряют свое и так невеликое рвение. В свою очередь, это автоматически отодвинет столь желанное возвращение в Санкт-Петербург, ибо, пока не начнется валовое производство винтовок, следующего назначения (а вместе с ним и должности с чином) ему не видать.

Так он и ходил по низеньким полутемным цехам, требовательным взором и редкими, но неизменно ценными указаниями блюдя государственный интерес – и собирался делать это и дальше (потому что офицерское собрание открывалось после пяти вечера, а местные театральные постановки вызывали в нем исключительно жалость). Если бы только не заметил непонятную суету, происходящую на заводском стрельбище. Точнее сказать, что он ее даже и не заметил, а просто-напросто взял и услышал – строенные щелчки выстрелов, временами переходящие в настоящую пулеметную канонаду, на десять – пятнадцать выстрелов зараз. Об каких-либо испытаниях пулеметов его не извещали, а посему требовалось немедленно разобраться – кто, что и на каком основании!.. Стоило только ему обогнуть саженной высоты вал земли на границе стрельбища и пройти небольшую будочку с отсутствующим (очередной непорядок!) сторожем насквозь, как все ожидания-предположения тут же подтвердились. На широком поле присутствовали мастеровые опытного производства, оба Мосиных, Сергей и Митрофан, и что самое возмутительное – присутствовали они не просто так, а в компании из трех незнакомых чиновников и целой дюжины еще более незнакомых мужчин абсолютно гражданского вида. То есть личностей, на Императорском оружейном заводе априори посторонних! Не успел он сделать еще несколько шагов, как один из штатских штафинок, затянутый в вицмундир чиновника восьмого класса, довольно ловко прижал к плечу карабин непонятного вида, чуть-чуть подался вперед – и разразился длиннющей очередью, звучавшей просто бесконечно долго. Мишень, принявшая на себя весь этот свинцовый шквал, заметно покосилась, а чиновник что-то сделал со своим ручным пулеметом и опять чуть подался вперед.

- Прошу прощения, ваше высокоблагородие, но дальше проход закрыт.

- Что?!

Ду-ду-ду-ду-ду-ду-ду-ду-ду-ду...

Громящий лай неизвестного доселе оружия заметно сбил с толку полковника – пожалуй, только этим и можно было объяснить охватившее его недоумение пополам с оторопью. Его что, не пускали дальше? Его?!..

- С дороги!

- Прошу прощения, ваше высокоблагородие, проход закрыт.

- Та-ак!.. Кто дал такое распоряжение?

Один из пары солдат-отставников (а такие вещи Сокерин подмечал влет – одна только выправка чего стоила!) слегка удивленно пожал плечами, при этом даже и не думая пропускать:

- Известно кто – начальство.

Подумав, что он, возможно, чего-то не знает, офицер-чиновник понизил тон и приказал:

- Так, голубчик, доложи-ка обо мне.

- Не велено.

- Что?! А ну-ка, в сторону. Живо!

- Прошу прощения, ваше высокоблагородие, проход закрыт.

- Прочь!..

Щелк.

Молчаливый напарник общительного отставника (теперь в этом сомнений не было) взял и без каких-либо сомнений взвел курок пистолета. Небольшого. Никелированного. И что самое неприятное – направленного точно на левую ногу офицера Русской императорской армии.

- Назад.

Сказано было столь убедительно, что Георгий Иванович сразу поверил: будет упорствовать – непременно обзаведется дыркой в бедре. Может быть, даже и сквозной – если повезет. Сжав в бессильной злобе кулаки, чиновник Военного ведомства сделал ровно один шаг назад и вместо бесполезной ругани многообещающе посмотрел на будущих обитателей каторги – спускать такую неслыханную наглость каким-то там нижним чинам он не собирался. Меж тем длинные очереди стихли, мишень лежала в пыли, а сам стрелок оживленно разговаривал сразу с двумя братьями разом, одновременно обтирая руки платком и довольно улыбаясь. Вот ему поднесли небольшую фляжку промочить горло, вот он пожал руку старшему и младшему Мосиным – а тем временем за его спиной чудо-карабин бережно уложили в деревянный ящик. Прикрыли сверху укладкой с бумагами. Дополнили содержимое небольшим картонным тубусом. После чего закрыли наконец-то крышку и торжественно передали деревянное хранилище пожилому господину весьма представительного вида. Видимо, на этом все дела незнакомцев на стрельбище были закончены, так как вся компания тут же собралась и направилась на выход – то есть туда, где тихо сатанел от сдерживаемых эмоций полковник Сокерин. Они подходили все ближе и ближе (причем братья Мосины и стрелок шли впереди всех – вернее даже, возглавляли это шествие), и вскоре стало возможным услышать их негромкий разговор. Причем и его присутствие тоже явно заметили – но если Сергей и Митрофан Ивановичи поглядывали на одинокую фигуру со сдерживаемым и едва-едва видимым злорадством, то их спутник вообще на него не смотрел. Вернее, смотрел, но исключительно как на пустое место.

- Что-то вроде сверхдальнобойной винтовки, калибром от девяти до двенадцати миллиметров. Вас это интересует?

- Несомненно.

- Рад. Что ж, ждите курьера, а пока...

Троица людей миновала незаметно расступившихся солдат-отставников, и Сокерин тут же дал выход своей злобе:

- Полковник, потрудитесь объяснить, что здесь происходит!

Председатель приемной комиссии оружейного завода остановился, сделав вид, что вот только сейчас и заметил своего давнего и последовательного... гхм, коллегу.

- Доброе утро, Георгий Иванович. Что вы имеете в виду?

- Во-первых, кто эти люди. Во-вторых, что они делают на территории завода! И в-третьих!..

Сокерин прервался, проводив глазами того самого представительного господина, что с довольным видом уносил невзрачный деревянный ящичек. Постарался успокоиться и закончил гораздо спокойнее:

- ...что именно уносят со стрельбища. Также попрошу объяснить, кто и на каком основании приказал вот этим вот...

Полковник изящно-презрительным жестом ткнул рукой в сторону невозмутимо-бесстрастных отставников.

- ...угрожая оружием, препятствовать представителю Военного ведомства исполнять свои обязанности.

Мосин слегка растерянно повел глазами по сторонам, но сказать ничего не успел:

- Сергей Иванович, не могли бы вы представить меня?..

- Кхм?.. Охотно. Князь Агренов, Александр Яковлевич. Чиновник для особых поручений при военном министре, с сопровождающими лицами.

- Благодарю. Что ж, на первый вопрос, я надеюсь, ответ получен.

Молодой аристократ вежливо улыбнулся.

- В данный момент я и специалисты моей компании собираемся проводить осмотр завода. Для предварительной оценки будущего фронта работ.

Звучавшая в голосе князя властность не предполагала ответных возражений или же вопросов - а тусклое золото глаз давило почище свинцовой плиты, заставляя почувствовать предательскую слабость.

- Со стрельбища унесли наш совместный с Сергеем Ивановичем проект. Его внешний вид, особенности конструкции и прочее являются коммерческой тайной. Что касается угроз вам, да еще и оружием...

Давешняя «держиморда» тут же подошла поближе, неся на раскрытой ладони никелированный пистолет. Даже, скорее, пистолетик - особенно на фоне здоровенной лапищи, что его держала. Чиновник в вицмундире с петлицами Военного ведомства еще раз улыбнулся, только на сей раз презрительно, не спеша достал из кармана портсигар, а из него - тоненький бежевый цилиндрик сигариллы.

Щелк!

Прикурив от огонька, вырвавшегося из дула, спутник Мосина вернул столь оригинальную зажигалку обратно своему подчиненному.

- Думаю, вы заблуждаетесь.

Георгий Иванович едва не задохнулся от пренебрежения, прозвучавшего в голосе.

- Впрочем, если офицера Русской императорской армии напугал один лишь вид сувенира-зажигалки... я готов принести вам свои самые искренние извинения. Публично.

Сокерин заметно побагровел шеей и щеками. Да после такого извинения его репутации придет конец, его просто засыпят насмешками! И никто не будет разбираться, насколько правдоподобно игрушка-сувенир изображала пистолет. Скажут - и скажут обязательно - лишь о том, что один полковник настолько малодушен, что отступает даже перед зажигалками!..

- Это лишнее. Почему меня не уведомили о проводимом вами осмотре?..

- Возможно, просто не посчитали необходимым? Впрочем, это всего лишь мои предположения, точнее же может ответить ваше начальство. Замечу лишь, что Сергея Ивановича уведомили сразу. Надеюсь, я ответил на все ваши вопросы? Тогда, с вашего позволения...

Возглавляющий процессию аристократ даже не повысил голос, скорее еще понизил - и тем не менее его услышали все:

- Господа, продолжим обход.

Через минуту его высокоблагородие остался в полном одиночестве и чувствовал себя при этом полностью оплеванным - с головы до ног, а затем и с ног до головы. Причем сделано это было как раз с тем истинным столичным шиком, по которому он так скучал. По форме очень вежливо, а по сути - сплошное издевательство!

- Ну нет, это им с рук не сойдет!..

Пять часов спустя, сидя в кабинете Ивана Ивановича Патруса, начальника Тульского оружейного завода, он уже не был так в этом уверен. Потому что день, начавшийся столь дурно, продолжился не менее скверными новостями. Вернее, неоднозначными. Да, полковника Мосина освободили от должности председателя приемной комиссии, и где-то с минуту он был почти счастлив - пока не узнал, что на освободившееся место назначили другого Мосина, по имени Митрофан. А сам «освобожденный» через три дня отправляется в Сестрорецк, на тамошний казенный оружейный завод, продолжать службу в качестве помощника начальника завода. Учитывая же тот общеизвестный факт, что оный начальник, генерал-майор Соколов, собирался (если уже не подал) писать прошение об отставке по причине своего почтенного возраста, можно было уверенно говорить - в полковниках (и помощниках) автор армейской винтовки долго не засидится. Что, между прочим, совсем не удивительно, с таким-то покровителем...

Кстати, два человека из свиты «всего лишь коллежского асессора» тоже носили вицмундиры «простых» кабинетских регистраторов - вот только не каждый статский советник [19] мог позволить себе такую дорогую ткань и такой мастерский пошив. А господа Сонин и Долгин могли, причем с легкостью неимоверной - судя по тому, как они совсем не боялись испачкаться во время полного осмотра завода.

- Георгий Иванович.

Сокерин сморгнул, возвращаясь из своих мыслей в суровую (к нему) реальность, и поглядел на генерал-майора Патруса. Который как раз отодвинул от себя рапорт полковника, снял пенсне и аккуратно мял переносицу тонкими длинными пальцами.

- Вы и в самом деле хотите дать ЭТОМУ официальный ход?

- Так точно.

- Что же, ваше право. Вот только перед тем, как я наложу свою визу, позвольте задать несколько вопросов? На которые, замечу, вам все равно придется ответить, в случае...

Генерал-майор выразительно потряс листом, намекая на вполне возможное служебное расследование.

- Итак, первый вопрос. С какой целью вы хотели попасть на стрельбище во время заводских испытаний новейшего пистолета-пулемета конструкции Мосина - Агренева? Существующего, как мне сказали, всего лишь в единственном экземпляре.

- Я не знал ни о каких испытаниях! Впрочем, это абсолютно не важно, так как стрельбище заводское. А значит, я имел и имею несомненное право его посещать!

- Второе. Князь беседовал с некоторыми мастеровыми и начальниками цехов, и они показали, что вы постоянно мешаете их работе. Тем самым существенно задерживая начало выделки новой винтовки. Это правда?

- Что за вздор! Конечно же нет!

Патрус вернул пенсне на место и взглянул через него на разволновавшегося офицера.

- Вот видите, Георгий Иванович. Всего два вопроса, а вы уже нервничаете. А ведь генеральный подрядчик модернизации нашего завода озвучивал и другие вопросы, очень даже неприятные - как для вас, так и, гхм, для меня.

Например, о том, почему аристократ-изобретатель не может пообщаться со своим соавтором в спокойной обстановке. Хотя и просил предоставить для этих целей стрельбище, причем всего на каких-то там полчаса. Не будешь же говорить в ответ, что попросту забыл предупредить одного чересчур ретивого полковника?

- Но ведь это полнейший вздор, Иван Иванович... Я, как представитель Военного ведомства, не мог...

- Гхм!

Начальник завода мягко перебил своего давнего (уже почти два года как) знакомого.

- Совсем забыл вам сказать. Приказом по Военному ведомству, надзирать за работой по переустройству казенных оружейных заводов назначен князь Гагарин, Андрей Григорьевич.

- Но он же служит в Петербургском арсенале? А как же?..

- Вот!.. А вы мне тут рапорт подаете. Подумайте, добрый мой вам совет - хорошенько подумайте! Надо ли вам в преддверии нового назначения затевать всю эту чехарду

с официальными бумагами и проверяющими? Тем паче что князь Агреньев уже извинился и готов повторить свои слова на публике.

- Но...

Генерал-майор опять снял пенсне, только на этот раз его пальцы легли на висок - его определенно начинал тяготить этот разговор. Вернее, столь откровенное непонимание его визави сложившейся ситуации. Ведь если, не дай бог, пришлют ревизоров и следователей - плохо будет всем!

- Хорошо, я подпишу ваш рапорт. Однако напоследок замечу: неприятности, которые вы доставите князю Агреньеву, будут крайне незначительны. Если вообще они у него хотя бы будут. А вот он вам, в качестве ответной любезности, сильно затруднит дальнейшее продвижение по службе.

вернуться

19

Гражданский аналог звания генерал-майора.

Иван Иванович откинул крышечку своей чернильницы, не глядя, ткнул в нее пером, скребанув по донышку, и поставил размашистую визу.

- Если оно у вас вообще будет - это самое дальнейшее продвижение. Всего хорошего, Георгий Иванович!..

День, начавшийся просто дурно, затем пошедший совершенно отвратительно, закончился для полковника и вовсе ужасно - его обидчик устроил в офицерском собрании большой открытый прием. За свой счет, разумеется, и счет немалый - дорогое шампанское, ви?на, шоколад и цветы для дам, небольшие сувениры всем присутствующим... Те самые проклятые пистолеты-зажигалки! Не пойти на прием было просто невозможно (князь прислал именное приглашение, на обороте которого еще раз подтвердил свою готовность к извинениям). Пойти?.. Да проще было застрелиться, чем терпеть неизбежные косые взгляды и насмешки. Откуда все только и узнали?!.. Впрочем, наверняка младший из Мосиных постарался - низкий человечешко, подлая порода [20]...

- Проклятая провинция!!!

На прием он так и не пришел. Но было бы настоящим преувеличением сказать, что все остальные от этого сильно огорчились - нежданное развлечение и отменное угощение (вкупе с обилием танцев) оказались для них куда важнее. Хотя его определенно вспоминали - уж очень некстати на бывшего представителя Военного ведомства напала икота. А вот то, что уже он в свою очередь вспоминал про Митрофана Ивановича тихим незлобивым словом, на последнем никак не сказалось - новый председатель приемной комиссии был слишком увлечен наблюдением. Не за дамами (понаблюдаешь тут, когда супруга под боком бдит, почище иной львицы) - за самим виновником торжества. Его сиятельство и в самом деле сиял, очаровывая незамужних девиц и дам и в две-три фразы располагая к себе господ офицеров, и без того немало возбужденных открывающимися перспективами - Александр Яковлевич «проговорился», что желает одновременно с модернизацией собственно завода украсить и сам город оружейников. Немного новых доходных домов для проживания мастеровщины

и приличной публики – старые в основной своей массе были слишком уж неприглядны на вид; большой пассаж с товарами производства его компаний – это непременно придаст оживление торговле (и безмерно разнообразит досуг присутствующих дам); кинотеатр по образцу тех, что недавно открылись в столицах...

– Этот прием запомнят надолго.

– Надеюсь, Сергей Иванович, надеюсь.

Возникший, словно бы из ниоткуда, князь поводил рукой, выбирая себе бокал на подносе. Определился, подхватил хрусталь за коротенькую толстую ножку и присел напротив братьев, что расположились на диванчике в небольшой комнатке-нише.

– Спрашивайте, господа.

Митрофан и Сергей покосились друг на друга. И тот и другой прекрасно знали, что хотят спросить, однако вот – немножечко стеснялись. Больно уж вопрос был неудобный.

– Скажите, Александр Яковлевич... а зачем вы так – с полковником?

Глядя в округлившиеся в притворном удивлении глаза аристократа высшей пробы, старший брат упрямо сжал губы и продолжил:

– Признаю, у меня с ним были определенные трения, но – в этот раз он был в своем праве. Ваши же люди его оскорбили самым грубейшим образом, и офицерская честь вынуждает меня поинтересоваться причинами, по которым!..

Прежний председатель приемной комиссии завода почувствовал, что начинает горячиться, и мысленно проклял свой дурной характер. Проклял и гордо вскинул голову – предавать свои принципы он не собирался, ни за какие блага мира.

– Я не верю, что эти двое вот так взяли, и решили посамовольничать – другие, кто не бывал на Сестрорецкой фабрике, в это, может быть, и поверили, но не я.

– Разве?

– Да! Они фанатично преданны вам и поступить так могли только по вашему прямому указанию. Самим бы им такое и в голову не пришло – так подвести ВАС.

– Господи! Фанатично!.. Самовольно!.. Слова-то какие – я бы сказал, излишне громкие. Неужели вас, Сергей Иванович, и вправду занимает подобная мелочь?

– Оскорбление нижним чином вышестоящего – это отнюдь не мелочь. Это покушение на основы!..

В желтых глазах промелькнул короткий всполох-смешинка.

– Начнем с того, что никаких нижних чинов на стрельбище не было и быть не могло. Мои служащие БЫЛИ когда-то ими, но уже давно не являются. Далее, оскорбил полковника Я. Мои люди, мой приказ, моя ответственность.

Оружейный магнат качнул бокалом, слегка вращая и наблюдая за игрой вина, и продолжил, предвосхищая уже готовый прозвучать вопрос:

- А может, я просто хотел сделать вам приятное?

- ?!

- Шучу, конечно же шучу.

В единый миг доброжелательный собеседник исчез, и перед братьями сидел совсем другой Агренов.

- Сокерин мне мешал, и я его убрал с завода.

- Таким образом?! Но ваши возможности... Ведь вам достаточно было всего лишь поговорить с его высокопревосходительством, и полковника куда-нибудь тихо перевели.

- Мог. И говорил - в частности, касательно вас. И вашего брата. И еще десятка специалистов на других заводах. Если человек способен принести по-настоящему ощутимую пользу империи, я обязательно поддержу его всеми доступными мне средствами. Даже если лично мне он глубоко противен. А вот если от человека вреда больше, чем пользы, - то зачем он тогда вообще нужен? И уж тем более я не буду упоминать его в беседе с военным министром, для этого имеется превеликое множество иных, более достойных личностей.

Двое мужчин от таких откровений ошарашенно переглянулись.

- Тогда почему же?..

- Зачем это вам? А впрочем... почему бы и нет? На данный момент Ижевский оружейный и Пермские пушечные заводы имеют вполне разумных и вменяемых - как начальников, так и представителей Военного ведомства. Люди там по-настоящему болеют за порученное дело, и у нас с ними сразу сложилось полнейшее взаимопонимание. На Сестрорецком казенном примерно через год станете начальником вы, Сергей Иванович. А вот на Тульском оружейном меня кое-что не устраивало, и я это «кое-что» поправил. Теперь модернизация и прочие работы здесь будут проходить без заметных проволочек и почти без моего участия - с техническими вопросами вполне справятся заместители.

- Но зачем же все именно так?

Князь глотнул рейнского и отставил бокал.

- Чтобы другие такие сокерины не путались у моих заместителей под ногами, мешая и пытаясь командовать там, где ничего не понимают. Сколько раз вы объясняли полковнику, что сроки переналадки станков и оснастки взяты не с потолка, а являются плодом тщательных и вдумчивых расчетов? И сколько раз он в ответ опять требовал урезать эти сроки? Вы отменяли его несвоевременные и глупые распоряжения, успокаивали начальников цехов после общения с ним, писали рапорты и объяснительные записки чуть ли не на каждый свой чих, самостоятельно сносились с министерством при каждой задержке в ассигнованиях, успокаивали мастеровых, премируя из своего жалованья... Сколько вами бездарно потрачено времени и сил?.. У меня же, как и у моих людей, нет никакого желания и возможности повторять ваш, не побоюсь этого слова, подвиг, ежедневно общаясь с разными самовлюбленными болванами. Все мнимые достоинства которых есть всего лишь чрезмерно развитое чувство собственной значимости.

- Но все же, ведь можно же было как-то и иначе?..

- Довольно, господа. Вы услышали достаточно.

Митрофан, промолчавший весь разговор, решил кое-что уточнить, рассчитывая, что ему все же ответят – слишком многие прозвучавшие слова были удивительно созвучны его мыслям.

- Последний вопрос, ваше сиятельство.

Аристократ, затянутый в вицмундир Военного ведомства, легко улыбнулся, опять превращаясь в приятного собеседника.

- Прошу ко мне по-простому, не чинясь. Нам ведь предстоит долгое сотрудничество, не правда ли?

От такого намека на блестящие перспективы настроение младшего Мосина воспарило в небеса.

- Александр Яковлевич. Что, если бы вместо Георгия Ивановича пришел помощник начальника завода? Его бы тоже не пропустили? Ведь, насколько я знаю, ни того ни другого ваши люди прежде не видели?

вернуться

20

Отец братьев Мосиных был выходцем из крестьян. В терминах того времени – из подлого сословия.

- Кто бы там ни пришел, препятствий бы не встретил. Насчет второго вашего вопроса – а ведь говорили, что будет всего один, а? Все еще проще. По заводу ходят всего три полковника. Товарища начальника завода, полковника Куна, мои служащие видели, когда я представлялся самому генерал-майору. Второй полковник находился рядом со мной, а даже если бы и не находился – они его прекрасно знали. Ну а третий и был искомой личностью.

- А если бы он не пришел?

- Значит, использовали бы другую возможность.

Уединение трех мужчин грубо нарушил четвертый. Кабинетский регистратор господин Долгин; оглядевшись, он быстрым шагом подошел к князю и коротко (а еще очень непонятно) доложил:

- Представление отыграли, публика в полном восторге.

Агренов тут же легко поднялся:

- Прошу прощения, но, увы, дела не терпят отлагательства.

Легкий стук в дверь кабинета не оторвал Фридриха Альфреда Круппа от важных дел – наоборот, тот уже давно пребывал в нетерпении, ожидая возвращения своего личного порученца... Нет, не так. Он уже давно изнывал от любопытства – что же такого архиважного смог разузнать их осведомитель в РОК, что прислал ТЕЛЕГРАММУ с просьбой о скорейшей

личной встрече? Не забыв добавить, что меньше чем на пятьдесят тысяч марок не согласится!.. Причина такого интригующего поведения должна быть по-настоящему весомой. Германский промышленник даже позволил себе немного погадать, предвкусывая размышляя, что же это могло быть. Рецепт нового сплава? Или какое-нибудь забавное изобретение князя? А быть может, наконец-то прояснится, для чего строят сразу ПЯТЬ больших химических предприятий в кыштымской глуши? Вернее, что именно они будут выпускать. Или (наконец) станет окончательно ясно, чьи именно капиталы стоят за князем? Не лишней была бы и технология промышленного производства грениа. Совсем не лишней! Много чего хорошего было у русского князя, ой много. Одна его система организации производства чего стоила: вроде все на виду и просто, а вот повторить ну никак не получается – притом что производительность по этой методе просто высочайшая. И качество изделий, как это ни прискорбно признавать, уже заметно выше, чем даже у него. Да уж! К сожалению, хватало у Агренева и ненужного, и даже откровенно вредного. Например, заводской полиции, этих – вроде как («ха-ха» три раза!) обычных сторожей.

Крупп слегка лицемерно вздохнул, срезая гильотинкой кончик сигары и пытаясь припомнить, когда таковая полиция появилась уже в его компании. Тридцать лет назад или двадцать девять? Да, собственно говоря, это и не важно. Главное, что ее существование было вполне оправданным – много охотников за чужими секретами нашли приют и покой в заводских подвалах, много... Вечный покой. А еще было оправданным существование одного небольшого департамента, работники которого являлись поистине виртуозами по части добывания самых разных сведений. Англия, Франция, Австрия, временами САСШ, гораздо реже Швейцария и Бельгия, совсем редко – Российская империя... Собственные конкуренты и чужие, друзья и недоброжелатели, заказчики и поставщики – работы департаменту всегда хватало. Как и трудностей – впрочем, как бы там ни старался русский аристократ-промышленник, вполне преодолимых. Его, Круппа, департамент, если понадобится, и в игольное ушко пролезет, причем без всякого там мыла!

– Вы позволите?

В приоткрытой двери быстро мелькнуло лицо секретаря, затем створка окончательно ушла в сторону, и через порог переступил Нейгель.

– Майн гот! [21] Генрих, что с вами случилось?

Его порученец, всегда подтянутый и опрятный, щеголял парой свежих царапин на лице, белоснежным бинтом на шее и рукой, висящей на перевязи. Да и вид имел весьма далекий от здорового – осунулся и был заметно бледен, глаза лихорадочно поблескивали...

– У вас такой вид, как будто вы побывали в настоящем бою!

Скромным и в то же время осторожным наклонением головы отставной офицер признал, что да – ему пришлось нелегко. А приподнятые уголки губ засвидетельствовали, что, несмотря на трудности, он в очередной раз оправдал все возложенные на него ожидания.

– Прежде всего, самое важное, экселенц: поездка была не напрасной. Наш покойный друг сумел разузнать настолько ценные сведения!.. У меня просто нет слов.

– Покойный?.. По порядку, дорогой Генрих, по порядку.

– Слушаюсь!

Несмотря на то что компания Круппа была насквозь и исключительно частной, многие

порядки в ней сильно походили на армейские: беспрекословное послушание, дисциплина... и чувство сопричастности к чему-то большому. Недаром ведь по рейху гуляла поговорка – «что хорошо компании, то хорошо Германии».

– Встреча произошла привычным образом, на частной квартире. Осведомитель был явно чем-то напуган и несколько раз повторил, что чувствует за собой слежку. Он передал мне некие бумаги, вернее – копии, и дал с ними поверхностно ознакомиться. После чего немедленно их сжег и потребовал свое вознаграждение. А вместе с ним – защиту от физического насилия со стороны заводской полиции РОК, новые документы и основательную помощь в переезде его семейства на новое место жительства.

– Защита, новые документы и переезд? Он что, сумасшедший?

– Сведения, экселенц. Они того стоили.

– Дальше.

Крупп не хотел торопить своего собеседника, искренне наслаждаясь ощущением тайны и тем, что скоро она перестанет быть таковой. Маленькая слабость большого человека – причем вполне безобидная, а это редкость.

– Я передал деньги и получил указание, где хранятся бумаги, затем состоялась небольшая беседа – и это все, что мы успели.

Нейгель непроизвольно потянулся к шее, но вспомнил, где находится, и тут же прекратил демонстрировать столь постыдную слабость.

– Заводская полиция князя так хороша?

– Более чем, экселенц, более чем. Мне неприятно это признавать – но я НЕ СМОГ оказать им вообще никакого сопротивления. Я не слышал, как они проникли в квартиру, и не ощущал их присутствия вплоть до самого последнего мгновения.

– Вот как?.. Хм, мой юный друг демонстрирует все новые таланты. Дальше?

– Нашего конфидента обыскали, немного допросили – разумеется, он все отрицал, – затем оглушили и... повесили прямо у меня на глазах.

Фридрих, потянувшийся было рукой к сигаре, тут же о ней забыл.

– Занятно.

– Далее, меня развязали и, насколько я понял, запечатлели на фоне, гм, недавнего собеседника. Кстати, проделав это при помощи удивительно маленькой переносной фотографической камеры. Опять связали и ненадолго оставили в покое – по всей видимости, дожидаться наступления вечера. Из разговоров я уяснил, что меня намеревались переправить куда-то еще, с тем чтобы уже там без помех и спешки... Мм, я не вполне понял, но, кажется, это звучало следующим образом – «как следует вытряхнуть душу». Должен заметить, что действия моих, гхм, пленителей, были довольно слаженными. Как будто им уже не раз приходилось заниматься подобными вещами. Кляп, специальные веревочные путы на руки и ноги, очень качественный обыск...

– Как же вам удалось вырваться из этой западни?

- Увидев меня, главарь этих бандитов явно удивился. После непродолжительных разглядываний он приказал своим сидеть очень тихо и куда-то спешно уехал. Как мне удалось услышать – за каким-то «командиром». Пользуясь тем, что за мной почти перестали присматривать, я потихоньку ослабил свои узы, после чего тут же покинул столь негостеприимное окружение. Через окно.

- Теперь становится ясно, где вы немного поцарапались.

- Почти, патрон.

Генрих выложил на стол доказательство своих подвигов. Смятый свинцовый комочек, в первом приближении бывший когда-то пистолетной пулей калибра семь шестьдесят два.

- Если можно так выразиться, меня горячо провожали.

- Рана серьезная?

- Плечо. Доктор сказал – пустяки.

Порученец браво улыбнулся, показывая, сколь мало его заботит боль.

- Дальше все было опять же привычным порядком: забрав в указанном месте бумаги и получив частную медицинскую помощь, я сел на поезд и пересек границу.

вернуться

21

Боже мой! (нем.)

Достав из кармана пиджачной пары толстый и изрядно потрепанный конверт с замятыми уголками, Найгель положил его прямо перед собой. Крупп, глядя на ценную добычу, немного отстраненно поинтересовался:

- Вы уверены насчет нашего конфиденнта?

- Все всяких сомнений. Я более четырех часов находился от тела на очень малом расстоянии и не питаю и тени сомнений в свершившемся факте смерти – да и некоторые физиологические признаки подкрепляют мою убежденность. Например, его язык...

- Такие подробности мне не нужны!

- Виноват. Одним словом, я вполне уверен.

- Он не говорил, каким образом к нему попали сведения?

- Мельком обмолвился, что абсолютно случайно. Отмечу особо – он был испуган до чрезвычайности.

- Печально, очень печально терять столь полезных нам людей. Ну что же, Генрих, я надеюсь, что вы основательно отдохнете перед написанием подробнейшего доклада о своей поездке.

Порученец пружинисто подскочил, демонстрируя, что готов приступить прямо сейчас.

– И я настаиваю, чтобы вы как следует позаботились о своем здоровье – оно еще не раз пригодится компании.

Плечи Нейгеля расправились, и он наконец-то позволил себе открыто улыбнуться – именно такими словами его патрон каждый раз объявлял о премии за проявленное усердие. А еще это значило, что потеря пятидесяти тысяч марок признана вполне обоснованной (хотя его историю, несомненно, еще не раз проверят), иначе не видать бы ему награды. А сам Крупп, проводив до двери ценного сотрудника, на обратном пути подхватил со стола конверт и уселся на свое место, мимоходом раздавив в пепельнице окончательно потухшую сигару.

– Что же, посмотрим.

Аккуратно разложив все содержимое измятой бумажной упаковки перед собой, Фридрих Альфред внимательно, не пропуская и малейшей буковки, все прочитал. Замер, затем машинальным движением сунул в рот новую сигару и опять застыл без движения, в напряженных раздумьях. Резко поднялся, дошел до одной из полок, почти не глядя снял с нее толстенную папку и вернулся обратно. Полистал, с громким треском вырвал один из подшитых и пронумерованных листов и положил его рядом – рядом с одним из листов из конверта, на полях которого кто-то сделал короткие пометки.

– Определенно, это рука князя.

Заметил, что во рту торчит изрядно обмусоленная и погрызенная сигара, и с отвращением ее выплюнул прямо на прекрасный наборный паркет.

– Черт знает что!

Все походило на то, что ему в руки попала часть переписки аристократа-промышленника и какого-то мсье Буссенара. Часть ничтожно малая, вот только содержащая такие сведения, что аж дух захватывало; в Африке, а конкретнее – в одной из карликовых республик буров-переселенцев, рядом с Йоханнесбургом, имеется месторождение золота. В принципе ничего нового (их там уже с два десятка открыли), если бы не объемы предполагаемой добычи. Большие... нет, просто колоссальные объемы! За такой приз определенно стоило побороться.

М-да, а человек князя определенно узнал его порученца. А даже если и не узнал, у них ведь еще осталась фотокарточка... Пустое, не в интересах русского фабриканта именно сейчас поднимать столь щекотливый вопрос, разве что вот Генриху теперь посещение Российской империи нежелательно. А в остальном все останется по-прежнему – тем более что Агреневу вроде бы нужна его помощь в реконструкции каких-то там пушечных заводов? Нет, его добрый друг Александр на конфликт не пойдет. По крайней мере, до окончания работ в этом его Кыштыме. А потом... Потом будет поздно. Хотя, конечно, будет нелишним скомпенсировать свой промах несколькими дружескими уступками. Или даже – подарками. Вроде бы князь интересовался рецептурами жаропрочной стали?

Клац!

Гильотинка тихо щелкнула, обезглавливая остроконечную сигару. С шипением разгорелась серная головка на длинной спичке, затлел алый огонек внутри табачного листа...

– Какие глупости! Его ли мне стоит опасаться!..

Где золото, там и англичане, – так что разработка такого месторождения мимо них не пройдет. Значит, все надо устроить тихо и конфиденциально, и желательно не в одиночку. Но первое, что он сделает, – это...

– Все проверить, – и перепроверить. А потом проверить еще раз!!!

И если сведения все же подтвердятся... Он, Фридрих Альфред Крупп, всегда и во всем будет первый!

Глава 4

Дум-дум!

Несколько птах, совсем было решивших передохнуть на крыше недавно отстроенного здания, тут же передумали.

Дум-дум-дум! Дум-дум!

И еще одна стайка голубей полетела обратно в Санкт-Петербург, покидая ставший вдруг слишком неудобным Крестовский остров [22].

Дум! Дум-дум, дум-дум!

А вот мелкие, шустрые и оттого напрочь бесстрашные воробьи, совсем наоборот, улетать не спешили. Спокойно и с немалым комфортом расположившись на самом верху высоченного кирпичного забора, они с любопытством наблюдали за шумными и неловкими двуногими. При этом даже не подозревая, что являются первыми зрителями еще не открытого, но полностью готового к этому эпохальному событию «Колизеума». Впрочем, треск выстрелов довольно скоро стих, и больше ничто не мешало пернатым наслаждаться последними солнечными днями уходящего лета.

– Ну что же... Неплохо.

Услышав эти негромкие слова, его императорское высочество великий князь Михаил Александрович едва заметно порозовел от удовольствия. Впрочем, он тут же взял себя в руки и уточнил:

– Всего лишь неплохо?!

Вместо ответа его собеседник небрежно указал рукой куда-то вбок. Михаил проследил за жестом, чуть опустил глаза... и опять порозовел, на сей раз гораздо дольше и заметнее.

Ррдоум-пфтах!

На месте встречи небольшой пиротехнической шашки и пули «русского сорокового» вздыбился полуметровой высоты фонтанчик пыли и дыма. А хозяин «Колизеума» все с той же небрежной уверенностью вернул свой «Рокот» в открытую кобуру и продолжил:

– Особенно учитывая то, что нападать всегда проще, чем обороняться. Итак, твои ошибки?

Нагнувшись и подобрав из-под ног три пустых магазина, августейший подросток положил их на стойку и начал разбирать пистолет.

– Мм?.. Не оставил никого для допроса?

Действительно, дырки в доброй половине мишеней сплошь и рядом были прямо по центру деревянного щита с рисунком, изображающим «бомбиста в атаке». И ни одного комочка свинца в мишенях, изображающих обычных прохожих, – что было еще одним поводом для гордости Михаила.

– Еще?

Самый младший в августейшей семье невольно скосил глаза на место, где пару минут назад взорвался имитатор «адской машинки», штатного оружия террористов Российской (да и не только) империи.

– Пропустил бомбу?

– Это само собой.

– Ну-у... не знаю.

Молодой мужчина чуточку напоказ вздохнул и повторил свой небрежный жест:

– Третья мишень справа, самая близкая к тебе. Подойди и скажи, что ты видишь.

Михаил тут же отправился полюбопытствовать, и надо сказать, что увиденное ему очень не понравилось – на задней стороне щита, немного выше условной поясницы, к дереву был привязан на редкость убедительный макет шести динамитных шашек.

– И почему же эта мишень целая?

– Александэр, ну это уж ты совсем!.. Э-э, а разве бывают девицы-бомбистки?

– На востоке их называют общим словом федаины, или асасины, не разделяя притом на мужчин и женщин, в империи же их будут называть... Гм, пока не знаю. Называться народовольцами уже вроде как не модно, а к простым и безыдейным бомбистам во все времена отношение было сугубо отрицательным... Хотя, я думаю, за громким и броским названием дело не станет: обзовут себя какими-нибудь там социал-революционерами [23], а своих удачливых бомбисток назовут боевыми подругами, положившими свои юные жизни на алтарь победы над проклятым царизмом. Впрочем, время покажет.

Один из столпов того самого царизма задумчиво нахмурился – иногда его друг говорил ему такие вещи, что они попросту не помещались в голове!

вернуться

22

Остров в Санкт-Петербурге, находится в западной части города.

вернуться

23

Партия эсеров, печально прославившаяся отстрелом военных и полицейских чинов, а также государственных деятелей Российской империи.

- Но мы отвлеклись. После сегодняшнего занятия я наконец-то могу констатировать, что удар саблей в голову [24] тебе уже не грозит. И если ты будешь заниматься с тем же упорством и прилежанием, что и сейчас, то года через полтора-два будет очень затруднительно бросить тебе под ноги бомбу [25].

Четырнадцатилетний юноша внимательно слушал, а его руки словно сами по себе заканчивали чистить и смазывать любимого «Орла».

- То есть основы я выучил?

- Только не загордись.

- Пфе! Александэр... Скажи, а нет ли еще чего-нибудь... ну этакого?..

Князь Агренов вскинул левую бровь, делая вид, что ничего не понял:

- Пожалуй, есть. На третьей арене как раз поставили на станины сразу три пулемета, и если ты хочешь...

- Да нет же, ты не так меня понял!

- Помилуй бог, да как же мне тебя понять, если ты ничего и не сказал?

- Ну я имел в виду... то, чему только ты и можешь научить!

- Ах, вот оно что!..

«Сестрорецкий затворник» со скрытым удовлетворением пронаблюдал, как его августейший гость привычными движениями собирал «Орла» обратно, а затем на полном автомате (и все так же не глядя на руки) начал набивать патронами первый магазин.

- Пожалуй, кое-что найдется. Ты помнишь основное условие?

- Ничего и никому. Помню, Александэр.

- Что же, хорошо. Я перечислю, а ты выбирай, но только что-нибудь одно: агрессивные переговоры в закрытом помещении; прикладная психология, обзор развития военной техники на двадцать лет вперед; геополитика; история союзных отношений империи, и... Пожалуй, этого будет достаточно.

- ?!

После услышанного Михаила вполне можно было использовать как натурщика для статуи «Изумленный мальчик».

- Э-э... Не совсем понял, что за переговоры? Да и остальное звучит как-то...

- Хм. Первое - это защита и нападение внутри домов и присутственных мест, с помощью пистолета, пистолета-карабина, а также гранат и ножа.

Великий князь заметно удивился? - оказывается, если немного подумать и сопоставить, то он без малого уже год как изучает «агрессивные переговоры в городских условиях».

- Прикладная психология - это... Проще говоря, это умение правильно строить разговор,

а также манипулирование людьми и защита от оною. Интриговедение, если хочешь. Очень полезный именно для тебя предмет, поскольку члена августейшей семьи будут стараться использовать в своих интригах все, кому только не лень. И абсолютно вне зависимости от твоего на то желанья или нежеланья. Набиваться в приятели, в свиту, в дамы сердца... Ты ведь хотя и младший, но все же сын императора. А в перспективе – родной брат следующего. Так что в покое не оставят, ха-ха, и не надейся – еще пара-тройка лет, и отбою не будет как от девиц, так и от верных друзей-собутыльников.

– Да ну тебя.

Юный отпрыск Дома Романовых досадливо отмахнулся и почувствовал, как предательски заалели уши.

– Далее. С обзором все просто – я расскажу тебе, по каким дорогам будет двигаться мировая военная мысль. Почти ничего конкретного, но тем не менее – все, что ты услышишь, будет правдой. Страшным словом «геополитика» я обозначил извечное соперничество между государствами, которое дипломаты и политики скромно называют Большой игрой. Поверь, это очень увлекательный предмет!

– А последнее?

– Тут я, пожалуй, немного поторопился. Да и ошибся, неправильно его поименовав.

Князь приятно улыбнулся.

– Не история союзных отношений империи, а история предательств империи ее союзниками. Тоже очень интересный и полезный предмет – для общего, так сказать, развития.

Выложив на оружейную стойку свой «Рокот», а затем и пояс с кобурой, двадцатичетырехлетний аристократ подвел черту под очередной тренировкой:

– Выбор за тобой.

Поглощенный «перевариванием» услышанного, юный Михаил бездумно проследовал за другом с арены номер пять. Шагая по аккуратным дорожкам, выложенным разноцветной тротуарной плиткой, и с умеренным интересом разглядывая деловитую суету строителей и грузчиков, он старательно пытался понять – чего же ему хочется больше всего?.. Увы, выделить что-то особенное ну никак не получалось, и отголоски этой явной несправедливости даже прорвались на язык:

– Александэр, но почему всего один предмет?

Уступив дорогу кряжистому грузчику, согнувшемуся под изрядной стопкой новехоньких и оттого пока еще целых дощатых мишеней, хозяин «Колизеума» с явным сожалением пояснил:

– Слишком редко мы видимся, и слишком мало время наших встреч. Согласись, лучше уж научиться чему-нибудь одному, но хорошо, чем многому, но кое-как. Тем более что у тебя есть и другие учителя.

Великий князь Российской империи отчетливо фыркнул, показывая – сколь высоко он ценит своих официальных наставников.

- Впрочем, кое-чему полезному вполне можно научиться и без моего личного участия. Ты ведь хотел набрать собственную команду?

Михаил вздохнул, вспоминая, какие тихие страсти развернулись после того, как папа? одобрил его желание поучаствовать в Тактических играх. Вернее, не только одобрил, но и разрешил набрать под свое начало четырех сверстников. Те самые интриги...

- Собирался.

Александр понимающе улыбнулся.

- Когда она у тебя появится, старайся тренироваться в «Колизеуме», а я обеспечу ПРАВИЛЬНОГО наставника для всей команды, который и даст ТЕБЕ основы переговоров в закрытых помещениях.

От таких намеков сын императора расцвел прямо на глазах и уже с куда как большим интересом оглядел живописную композицию – из средневекового рыцаря в полном миланском доспехе и легата Римской империи. Надо сказать, что исторические реликты спокойно дымили папиросами, ничуть не стесняясь окружающих взглядов. Особую же пикантность всей картине придавало то, что курильщики совсем не желали делиться ароматным и весьма недешевым табаком, громко отшивая всех желающих. На «великом и могучем».

- А это что?

Увидев приближающееся высокое начальство, двое воинов тут же растворились в окружающем курилку кустарнике.

- Хм? По всей видимости, служащие седьмой арены. Полюбопытствуем?

Пять минут неспешной ходьбы привели их к очередной невысокой ограде с воротами в виде высокой арки. Из-за стены доносились железный лязг, молодецкое уханье и отдельные слова, складывающиеся во всякое непотребство:

- По башке ему, Егорка!!!

- Шевели ж...!!!

- Да ты руку, руку ему отсуши, дурень!

- Наддай!

Переглянувшись, аристократы прошли внутрь и смогли понаблюдать окончание весьма занятого поединка. Между русским дружинником времен Киевской Руси и рыцарем Тевтонского ордена – валялся на земле разбитый щит, на латах виднелись царапины от пропущенных ударов и редкие вмятины... Но увесистые мечи по-прежнему были целы и упорно не желали прекращать свой спор:

Цданг-данг, даннг-цданг!..

В этой дружеской встрече явно выигрывал дружинник, но победил, как это ни было странно, князь Агренов – заметив, как разбегается группа поддержки, двое поединщиков невольно отвлеклись друг от друга. Поглядели по сторонам, увидели Александра, дернулись было куда подальше...

- Здесь у меня, как ты сам видишь, арена исторического фехтования. Настоящие доспехи, мечи, алебарды и все такое прочее. Ко мне!

Русский богатырь и «пёс-рыцарь», скромно потупив очи, приблизились, позволив разглядеть неброскую гравировку на шлемах. «Ратмир» у первого, ну и «Ганс» у второго.

- Лука Иванович, а кто это у тебя в противниках?

Коротко звякнул шлем со слегка перекошенным забралом, и на свет божий появилось потное и изрядно багровое «личико» почти двухметрового детины.

- Егорка, из грузчиков.

Михаил, как раз глянувший на друга, заметил, как изогнулась в молчаливом вопросе его бровь. И тут же захотел научиться подобному.

- Пятый комплект ну прямо как на него ладили, вашсиятство. К тому же делом этим дюже интересуется - у меня же, ну как на грех, помощник приболел, а больше ни у кого нужной сноровки да силушки не было... Да и желания в Гансы-то идти. Всем Ратмира да Муромца подавай! Вот и натаскиваю помаленьку.

вернуться

24

Намек на покушение японского городского на цесаревича Николая.

вернуться

25

Еще один намек, на успешное покушение на императора Александра Второго. Осуществленное, между прочим, под непосредственным руководством С. Л. Перовской.

- Раз такой талант, то и взял бы его к себе.

- Будет исполнено, вашсиятство!

Великий князь, заинтересованно косивший глазом на рыцарский меч, не утерпел и шагнул вперед:

- Можно?

После неприметного, но очень хорошо слышимого тычка кольчужной рукавицей в бронированный бок грузчик старательно поклонился (вернее, попытался это сделать) и передал свой полуторник на высочайший смотр. Михаил принял, с интересом оглядел затейливую отделку гарды и рукояти и поискал клеймо мастера. Не нашел, но расстраиваться не стал, а провел пальцем по слегка затупленной кромке клинка и с легкой натугой им махнул. Приноровился, махнул еще - и с удовольствием услышал шелест-свист рассекаемого воздуха.

- Увесистый!

С легким сожалением вернув оружие обратно, сын императора огляделся по сторонам, ненадолго замерев напротив подвешенных на веревке и набитых чем-то вроде соломы мешков, буквально утыканных длинными стрелами. Порыскал взглядом в поисках лука, заметил вместо него стойку с арбалетами, затем мечами и саблями, потом алебардами, метательными ножами и даже дротиками, нашел наконец искомое и совсем было набрал воздуха в грудь для небольшой просьбы...

– Ваше императорское высочество!..

Так ничего и не сказав, августейший подросток мрачно выдохнул, резко отвернулся от оружейных богатств и зашагал на выход, демонстративно не обращая внимания на отыскивавшего его свитского. Как он не любил, когда ему напоминали о времени! Вызвавший столь явное неудовольствие придворный благоразумно умерил шаг, позволяя Михаилу и князю Агреневу пройти вперед, да и потом не торопился догонять их на дорожках «Колизеума». Поэтому и не смог услышать весьма занятого обмена репликами при виде остальной свиты, расположившейся за столиками летнего кафе:

– Я выбрал. Прикладную психологию. Как они все мне надоели!

– Хорошо. А они будут тебе весьма полезны при изучении новой дисциплины. Как живые пособия. Подопытные кролики, если хочешь.

Младший сын императора, находившийся явно в дурном настроении, при виде своих сопровождающих сначала нахмурился, затем улыбнулся, а потом и вовсе залился продолжительным хохотом.

– Всего наилучшего, ваше высочество.

Михаил сделал над собой усилие, собрался и, часто-часто помаргивая глазами, в которых стояли слезы от смеха, тихо признался:

– Я буду скучать, Александэр.

Провожая взглядом удаляющуюся вереницу экипажей, князь задумчиво пробормотал:

– Пожалуй, я тоже...

Стоило посетителю зайти в кабинет, как на лице министра путей сообщения Российской империи, Сергея Юльевича Витте, расцвела радостная улыбка.

– Добрый день.

– Определенно добрый, Александр Яковлевич.

Последние полгода отношения его превосходительства с обществом как-то не складывались – немного мешал скандал, возникший после того, как он, вопреки всем советам и предостережениям, сочетался законным браком с Матильдой Исааковной Лисаневич, урожденной Нуток. Не смутил его и конфликт с ее первым мужем, которому почему-то не понравилось, что за его женой ухаживают (причем так, как будто его и вовсе нет в природе), и необходимость удочерить ребенка – в его глазах это были несущественные мелочи. А вот высший свет империи так не считал и брак министра с разведенной особой еврейского происхождения не одобрил. Вплоть до того, что жене объявили бойкот, а мужу – общественное

«фе!».

И тем ценнее был каждый аристократ, относящийся к нему даже не хорошо – просто нейтрально. Князь Агренов, кстати, относился к первой категории. Мало того, он сам попросил о встрече, и Сергей Юльевич намеревался сделать все, что только от него зависит, чтобы шапочное знакомство с восходящей звездой русской промышленности превратилось в теплые и доверительные отношения. Ибо только личные связи что-то да значат в этом сумасшедшем мире, только они всегда с тобой, и только их не может отнять никто – в отличие от всего остального.

– Для начала, позвольте вас поздравить, Сергей Юльевич...

Потомок балтийских немцев признательно кивнул, принимая эти слова насчет его бракосочетания. Как оказалось, он несколько поторопился:

– ...ведь, насколько я понимаю, ваш перевод в министерство финансов – вопрос уже решенный, не правда ли?

Витте непроизвольно выпрямился. Если этот вопрос и был решен, то он уж точно ничего об этом не ведал. Шутить же подобными вещами... Князь в подобном не был замечен, ни единого разу. А значит, его слова вполне могли быть правдой. Определенно, встреча уже становилась полезной!..

– Время покажет, Александр Яковлевич. Как ваши дела с Военным ведомством?

– Благодарю, более чем хорошо.

Посчитав, что обязательное по этикету вступление они уже вполне проговорили, министр расслабил спину и откинулся в кресле, намекая тем самым собеседнику, что и ему можно уже опустить ненужные формальности. Тот не заставил себя ждать, так же свободно откинувшись на спинку:

– Сергей Юльевич, дело, с которым я к вам обратился, достаточно сложное. Вернее будет сказать, несколько дел. Но, по моему твердому убеждению, помочь в них можете только и исключительно вы.

– Право же, Александр Яковлевич, – всем, чем только смогу.

– Это радует. Так вот, мне требуются... советы.

Главный железнодорожник империи подумал, что ослышался.

– Простите, что?..

– Мудрые, взвешенные и своевременные советы. Видите ли, я подумываю о ряде проектов, и в их осуществлении мне будут крайне необходимы консультации знающего, опытного человека. Например, мне бы очень хотелось акционировать ряд своих заводов.

Витте тут же сделал мысленную стойку, как сеттер, настигший добычу. На предприятия князя уже давно «облизывались» банкиры Франции, Германии и Бельгии (а в последнее время и англичане с итальянцами начали интересоваться), вот только он и слышать не хотел о продаже даже малейшей части своего дела. А тут!.. Ведь акции подразумевают их обращение на бирже, котировки, куплю-продажу – и конечно же дивиденды. Если верить слухам, очень

недурственные, причем на фоне чего угодно: торговля оружием – это, знаете ли, дело такое... Выгоднее только лекарствами торговать.

– Но вот даже и не знаю, как к этому подступиться. Как и к учреждению собственной банкирской конторы – небольшой, исключительно для обслуживания своих интересов.

Рядом с локтем посетителя (но так, чтобы министру прекрасно было видно) появился небольшой блокнотик веленовой бумаги, с пометками. Вернее, пометкой, состоящей из пары предложений и нескольких цифр. Очень интересных цифр!..

– Гм, понимаю. Что-то еще?

– Конечно. В последнее время ходят некие слухи...

Счастливый муж несколько напрягся.

– О возможном создании Отдельного корпуса пограничной стражи. Мне, в прошлом ротмистру этой самой стражи, было бы приятно получить контракт на вооружение и обеспечение амуницией подобного корпуса. Разумеется, лишь в том случае, если слухи все же окажутся правдой.

Гость улыбнулся, показывая, сколь мало он в это верит, – и перекинул страничку. На новом листе опять же обнаружилось короткое предложение и две цифры с математическим знаком. Десять процентов... Кто-то бы подумал, что это откат от суммы возможного контракта, но собеседники были слишком хорошо воспитаны, чтобы думать друг о друге столь дурно. Наверное, именно поэтому страничка опять сменилась на другую.

– Далее, как вы наверно знаете, у меня есть интерес в окрестностях Москвы. На мой, возможно, дилетантский взгляд – этому городу явно не хватает окружной железной дороги. Я даже помыслить не могу, насколько бы это оживило московскую промышленность! Мало того, множество столпов московского купечества считают точно так же.

Витте обласкал взглядом итоговую цифру под целым столбиком различных сумм «за понимание». Пробежался по фамилиям тех банкиров и первогильдейских купцов Москвы, что решили скинуться на благое дело строительства окружной дороги, и с максимальным радушием улыбнулся. Какой разговор у них складывается, какой разговор!

– Следующие два вопроса очень важны для меня, и я буду ОЧЕНЬ благодарен за любой ваш совет. Вы несомненно знаете, что я владею кое-какими землями на Дальнем Востоке империи.

– Ну как же, как же! Наслышан.

– Когда там...

Князь легонько покосился вначале на потолок, а потом перевел взгляд на большой портрет императора:

– ...примут решение о строительстве Амурской железной дороги, я бы хотел выступить в роли генерального подрядчика этих работ.

Министр путей сообщения, отчего-то чувствуя себя полнейшим дураком, задал (не мог не задать!) уточняющий вопрос:

- А что, разве подобное планируется?

- О, я оговорился. Конечно же - ЕСЛИ примут решение.

Вместе с ответом шелестнул очередной листок.

- Но Транссибирская магистраль уже строится, и я нахожу крайне привлекательным подряд на Кругобайкальский участок.

Игнорируя странный взгляд чиновника, князь доверительно поделился:

- Всегда хотелось попробовать свои силы в прокладке тоннелей. И компаньон мой, господин Нечаев, желает того же самого - он, кстати, ко всему прочему еще и неплохой мостостроитель.

Закрыв и несколько отодвинув от себя блокнот, посетитель едва заметно облокотился на стол:

- Ну и последнее. Возможно, этот вопрос покажется вам немного странным, но все же - как вы думаете, принесло бы империи пользу введение небольшого налога на ввоз дешевого охотничьего оружия иностранных производителей? Года через два-три.

Витте неопределенно пожал плечами.

- В нашей жизни возможно все, дорогой Александр Яковлевич.

- Несомненно.

Собеседники еще немного поговорили, обсуждая возможные превратности судьбы на примере отдельных представителей аристократического сообщества, затем посетитель ушел, а хозяин кабинета и министерства остался. Отмахнувшись от помощника и приказав не беспокоить его ближайшие четверть часа, Сергей Юльевич открыл блокнот, позабытый рассеянным князем на столе, и начал листать.

- Так. Так!.. Недурно.

На пятой странице его взгляд просто залип, раз за разом пересчитывая нули. Хотя там и считать-то нечего было, всего шесть, с предваряющей их троечкой. А на седьмой - двоечкой, и все с тем же количеством аккуратно выведенных ноликов. Три миллиона и два - хорошие, очень гармоничные суммы. А выраженные в виде банкнот, они и вовсе приобретали глубинный, просто невероятно прекрасный смысл. Притом что были и другие странички, с другими циферками - не такими четко определенными, но тем не менее. Тоже очень даже ничего!

- Да-с! День сегодня определенно хорош...

И кто говорил, что «сестрорецкого затворника» трудно понять? Очень даже можно. Да и не такой уж он и затворник - чтобы знать кое-какие сплетни, надо буквально жить в столице, постоянно вращаясь в высших кругах. И деловой стиль у него ничуть не странный, а вполне даже обычный. Вот только не для тихой и патриархальной империи, а для энергичных и стремительно развивающихся Северо-Американских Штатов. Ну так и что с того, если русский аристократ перенял кое-что хорошее за границей?

Тихое поскребывание по верхней филенке двери отвлекло министра путей сообщения от важных размышлений - все же его помощник свое дело знал отменно и заставляться

в ожидании просителям-посетителям не давал. Тихо зашел, ровно на пятнадцатой минуте указанного срока, четко кивнул, увидев разрешение продолжить прием, вышел – а Сергей Юльевич Витте, убирая блокнот во внутренний карман вицмундира, мимолетно улыбнулся.

Определенно, и день неплохой, и жизнь потихоньку налаживается...

– Эмик, дорогой – а ты меня любишь?

Супруга Герта мягко обняла своего мужа. Самым решительным образом отвлекая того от девственно-чистого листа ватмана, безжалостно распятого на настоящем пыточном станке – станке под названием инженерный чертежный центр. Массивная станина, сменные линейки из бука с белыми целлулоидными шкалами, стальной пантограф, большой щит из теплой липы, свободно вращающийся в двух плоскостях. Электрическая лампа на гибком основании, встроенный плоский пенал-готовальня для чертежных инструментов, изогнутый лоток для карандашей и еще кое-какие полезные мелочи. Вроде высокого поворачивающегося стула на колесиках и с удобно изогнутой спинкой – немногие, очень немногие конструкторы могли позволить себе подобное. Директор станкостроительного производства смог, даже того и не заметив, – для него это был всего лишь обычный, хотя и весьма удобный инструмент. Как ручка, как счеты, как лекала или там логарифмическая линейка... Вот только обычные счеты, если только они не золотые, тысячу рублей не стоят.

– Поговоришь со мной?

Иммануил Викторович Герт бережно снял с себя нежные оковы – но только для того, чтобы тут же их поцеловать. Вернул на место рейсфедер, стянул нарукавники, которыми пользовался уже скорее по привычке, чем из действительной необходимости, проверил прическу и усы, поправил галстук и еще раз приложился к теплой ладошке супруги – с контрольным, так сказать, поцелуем.

– Люблю, золотце мое. Поговорю.

Хозяйка дома довольно улыбнулась, усаживаясь напротив мужа.

– Эмик. Меня спрашивают. У меня интересуются. А я даже не знаю, что отвечать!..

После отъезда Сониной со всем семейством в Москву именно госпожа Герт стала неофициальной «первой дамой» сестрорецкого фабричного сообщества (отдаваясь новому, но давно желанному делу всей душой). Статус же оный, кроме всего прочего, подразумевал: все, что она скажет своим подругам, должно быть если и не истиной в последней инстанции, то хотя бы просто – правдой.

– Что именно спрашивают, душа моя?

– После вашего вчерашнего большого собрания уволены пять начальников цехов, три мастера, без вести пропал счетовод, еще у одного начальника цеха приключился апоплексический удар, и он умер прямо на своем месте... И ты еще спрашиваешь, что за вопросы мне задают?!..

Глядя на задумчиво нахмурившегося супруга, его половинка понизила голос и добавила легкие просительные нотки:

– С утра приходила Ксения Валерьевна, просить, чтобы их не выселяли из дома – хотя бы еще месяц, пока они не найдут себе нового пристанища. Сказала, что Олег Петрович очень

подавлен и абсолютно не понимает причин своего увольнения, плакала... Эмик, ну прошу тебя, объясни мне хоть что-то!..

- Хорошо. Только прежде, душа моя, распорядись о чае.

Все время, пока жена организовывала чай с обязательным (потому что любимым) вареньем из крыжовника в маленькой вазочке, Герт простоял у окна, наблюдая за дочерьми. Вернее, за своей старшенькой, весело перекидывающейся с подругой перьевым воланчиком. Причем игра в бадминтон не мешала Анастасии время от времени бросать озорные взгляды по сторонам – и особенное предпочтение отдавалось той самой стороне, где разговаривал с напарником Спиридон.

С немного испортившимся настроением вернувшись за стол, Иммануил Викторович сел, отпил из глубокой чашки и едва не поперхнулся – чай был настолько свежесваренным, что просто обжигал.

- Кгхм!

Настроение опустилось еще на градус.

- Что же, начнем по порядку. Причиной вчерашних увольнений – и Олега Петровича в том числе – была, цитирую: «нелояльность нашей компании». Ты, конечно, понимаешь, кто именно это сказал?

Супруга медленно кивнула.

- И уверяю тебя, никакого недоразумения или же ошибки – их нелояльность была вполне убедительно доказана. Что касается начальника, Гм, бывшего начальника второго цеха и постигшего его несчастья, то Григорий Дмитриевич послал за врачом, едва увидев первые признаки удара. К сожалению, того не оказалось на месте – немного позже выяснилось, что он в этот день отбыл в Санкт-Петербург, пополнять аптечные запасы. Пока об этом узнали, пока прибыл медик из города – время было безнадежно потеряно. Увы. Но это всего лишь трагическая случайность.

Поддействовавшая на присутствующих подобно удару хлыста – Герт вспомнил, как он сам время от времени скашивал глаза на кушетку, где дожидался врачебной помощи нач-два. Тихий хрип, синюшный цвет лица, перекошенного во всей правой половине, тоненькая ниточка слюны из уголка губ, невятные конвульсивные движения левой руки... И тихие слова главного инспектора о том, что компания не потерпит даже малейшей нелояльности. Очень убедительные и чрезвычайно доходчивые – настолько, что буквально вплавились в память огненными письменами. Тем временем побледневшая супруга Иммануила Викторовича прижала ладонь ко рту, другой рукой налагая на себя крест.

- Что касается счетовода, то исчез он не после собрания, а до него – за четыре дня, если уж быть совсем точным. Да и не пропал он вовсе...

Директор станкостроительного производства немного поколебался, решая, стоит ли раскрывать благоверной ТАКИЕ подробности, затем махнул рукой – его жена была большой умницей (в чем ему несказанно повезло!). К тому же хорошо понимала, что можно говорить подругам, а что нет, а посему заслуживала полной откровенности с его стороны. По данной конкретной теме, разумеется.

- За день до собрания пришел запрос касательно его личности, из столичной следственной

части – собственно, по нему и отыскиали. Вот только к тому времени он был уже двое суток как мертв. Полиция нашла его на частной квартире, повешенным.

– Ох!

– Также на его теле были следы насилия... Дурная и темная история, одним словом. Александр Яковлевич, как узнал обо всем этом, сильно негодовал, сказав, что не допустит, чтобы смерть его служащего осталась безнаказанной.

Герт внимательно взглянул и подвел черту:

– Все, кто вчера был уволен, того заслуживали. И кто знает – нет ли среди них виновного в смерти того несчастного счетовода?

Не давая подняться предводительнице всех фабричных (и некоторой части городских) дам, посчитавшей, что их разговор закончен, Иммануил Викторович пересел поближе и завладел ее рукой. Поцеловал, одновременно легонько щекоча жесткой щетинкой усов, и оставил ее пальчики в своих ладонях:

– Совсем забыл, душа моя. Довольно скоро к нам в Сестрорецк прибывает новый помощник начальника казенного оружейного завода. С семьей. Александр Яковлевич просил, чтобы общество приняло их с особенной теплотой и радушием – полковник Мосин, Сергей Иванович, и его супруга, Варвара Николаевна, очень достойные люди.

Получив в качестве положительного ответа теплую улыбку и еще раз поцеловав нежное женское запястье, станкостроитель проводил свою опору и половинку долгим взглядом и вздохнул. Он не стал об этом говорить, но семьям уволенных грозила полная нищета. А главам этих самых семей – и вовсе долговая тюрьма, этот пережиток темного прошлого; если, конечно, они не выплатят прописанные в их контрактах неустойки. За нелояльность, за ущерб репутации компании, за прямой вред работодателю... Список пунктов в данном случае был устрашающе велик.

– Н-да, велик.

Вот только жалости к ним почему-то не было. Может, он очерствел сердцем? Или просто безоговорочно поверил во все доказательства, предоставленные Долгиным? Мужчина машинально повторил врезавшиеся в память слова: «...небрежение должностными обязанностями, а также передача сведений, составляющих коммерческую тайну, сторонним лицам». М-да. Господи, ну ведь взрослые же люди – чем же они думали, идя на все это?

Но мысли об их нелегких теперь судьбах недолго занимали светлую голову инженера-станкостроителя – были дела и поважнее. Мало кто знал, но вслед за большим заседанием состоялось малое, для небольшого круга лиц. И вел его уже не Долгин, а сам владелец компании. Компаний!.. Герт прикрыл глаза и вновь погрузился в воспоминания...

– Рад вас приветствовать.

Мужчины, меньшая часть из которых видели друг друга в первый раз, дружно расселись вокруг длинного овального стола, поглядывая по сторонам – причины, по которой они собрались, никто не знал.

– Приступим. Господа! Ни для кого из вас не секрет, что наша компания стремительно развивается. В самом начале она являлась исключительно оружейной, затем добавились

станки и немного машиностроения. Вслед за этим появился интерес к собственному химическому и электрическому производствам, к ним добавились иные, вполне перспективные направления... Мы растем, господа, и это радует.

Мужчины замерли, буквально впитывая каждое слово.

– Я думаю, в связи с этим будет вполне разумным и своевременным произвести некоторые перестановки и назначения, немного реорганизовав систему управления нашей компанией.

Над столом повисла вязкая тишина.

– Итак. Каждый из присутствующих здесь возглавит конкретное направление деятельности и получит определенную свободу в делах финансового и управленческого толка. Все вы вместе будете составлять совет директоров, подотчетный в первую очередь мне, а затем четырем моим заместителям. Первый из них – Андрей Владимирович Сонин, также он будет курировать управляющих заводами в Кыштымском промышленном районе. И председательствовать в случае моего отсутствия. Второй – Григорий Дмитриевич Долгин, на его плечи ложится вопрос охраны наших предприятий от посторонних и воровства, а также предотвращения несчастных случаев на производстве.

Рядом с господином главным инспектором тихонько шелестнул листком блокнота уже его заместитель, Иван Иванович Купельников, воспринимаемый многими за простого секретаря.

– Горенин Аристарх Петрович – заместитель-три...

Директора скрестили взгляды на главном аудиторе компании, уже догадываясь, какое именно направление ему поручат. Ведение и проверка всей бухгалтерии? Угадали, но не полностью:

– ...также возглавит Русскую торгово-промышленную компанию.

– Лунев Вениамин Ильич, последний из моих заместителей и директор юридического департамента компании.

Главный стряпчий оглядел всех орлиным взором.

– Далее, члены директората. Иммануил Викторович Герт – станкостроение общего направления. Лазорев Аркадий Никитич – высокоточные станки и приборы.

Станкостроители переглянулись между собой и довольно улыбнулись.

– Карл Фридрих Бенц – автомобильное направление.

Германский инженер в замешательстве поглядывал по сторонам – для него такие заседания были внове.

– Фрейденберг Михаил Филиппович – электротехника и телефония.

Поименованный так тут же скосил глаза на своего товарища, господина Мосцицкого – и заместителя, и соавтора по работе над автоматической телефонной станцией. Между прочим, работа эта уже подходила к своему логическому завершению... освобождая время для других, также весьма интереснейших проектов.

– Лунев Геннадий Арчибальдович – аграрное направление. Лунев Виктор Вениаминович – деревообрабатывающее.

Два кузена обменялись поздравляющими взглядами.

- Браунинг Иван Михайлович...

Сильно обрусевший и немного пополневший американец, в последнее время несколько позабывший свои привычки правоверного мормона, деловито осмотрелся и непроизвольно кивнул. Нашедший в Российской империи полную свободу для творчества и не менее полное утоление своей страсти заядлого охотника (благо лесов и полей в империи всегда хватало), он был полностью доволен всем, что случилось за последние полгода. Россия – страна поистине больших возможностей! По крайней мере, лично для него.

- ...оружейное направление.

Неназванными за столом остались всего трое. Но не потому, что о них забыли, – нет, просто им не надо было становиться членами директората. Борис Григорьевич Луцкой уже месяц как возглавлял конструкторское бюро имени себя, имея в планах усердную работу над всеми типами и видами моторов. Владимир Ефимович Грум-Гржимайло (дал же бог фамилию!) все так же по-прежнему руководил им же и созданным Институтом сталей и сплавов. И категорически не желал отрываться от интереснейших исследований и важнейшей научной работы ради каких-то там заседаний. Ну а Гreve, Валентин свет-Иванович, бессменный порученец, а временами даже и соавтор проектов его сиятельства, так и оставался в прежней своей роли. Личного порученца и соавтора.

- На этом пока все, господа, – директоров химического и фармакологического направлений я представляю вам несколько позднее. Теперь что касается вопросов финансирования и управления, а также внутреннего взаимодействия...

Бум!

Вздрогнув от неожиданности, хозяин дома вынырнул из воспоминаний и недоуменно оглядел кабинет, выискивая источник столь странного звука. Встал, подошел к окну и стал свидетелем весьма занимательной картинки: Спиридон как раз нагибался и протягивал руку к серо-синему воланчику, а та, что «по ошибке» послала его вначале в стекла папенькиного кабинета, а потом и под ноги папенькиного же охранника, стояла в ожидании и довольно улыбалась. Шалость?.. Или тут было что-то другое? Иммануил Викторович еще раз оглядел площадку перед домом, проследил, как воланчик вернулся в руки дочери, и пробормотал:

- Маленькие детки – маленькие бедки. Большие дети... Да уж, выросла.

Вернулся к столу и, натягивая нарукавники, вздохнул: через год-другой еще две дочки подрастут.

- Н-да, маленькие детки!..

Жарким, но отнюдь не солнечным днем, когда время уже изрядно перевалило за полдень, из темных и прохладных глубин фабричного складского комплекса вышел господин Долгин. В руке у него был небольшой, плоский и очень стильно выглядевший чемоданчик, на лице лежала печать некоего предвкушения, а во рту дымилась тонкая ароматная сигарилла – как и командир, он курил редко и исключительно для собственного удовольствия. А еще, как правило, после сытного обеда – и в этот раз все условия были выполнены. Впрочем, тоненький цилиндрок с ароматом ванили не успел прогореть и наполовину, как был безжалостно выброшен, а потом еще и растерт каблуком сапога по глинистой земле

фабричного стрелкового полигона. Беззвучно расстегнулись два замочка, откинулась крышка – и Григорий, тихонько насвистывая довольно-таки невнятную мелодию, принялся за сборочные работы. Уперся в стойку изогнутый кусок дерева, на него прицелкнулась одна железяка, другая, к ним привинтилась третья... И как-то так вдруг оказалось, что он держит в руках небольшой карабин, с непропорционально толстым стволом. Впрочем, калибр у ствола был вполне большим – как раз под револьверную пулю армейского «Смит-Вессона». А вот гильзы опять были нестандартными, длиной в сорок пять миллиметров, так что по размерам они скорее смахивали на винтовочные. Если бы не отсутствие закраины и присутствие проточки. Ни пистолетные, ни винтовочные, ни револьверные – непонятно что, очередная придумка Валентина Ивановича Греев. Впрочем, господин главный инспектор в такие высокие материи не углублялся, с него достаточно было и того, что сей агрегат исправно работает. Так что он спокойно набил сразу четыре магазина, вставил первый – и без особой спешки отстрелялся с открытого прицела по мишени, расположенной на пятидесятиметровом рубеже.

Чпок! Чпок! Чпок! Чпок! Чпок! Чпок! Чпок!..

Ненадолго прервался, разглядывая в монокуляр хорошенько издырявленную «голову» мишени, довольно хмыкнул (набил-таки руку!), одновременно подкручивая кончики усов, и заполировал полученный результат остальными тремя магазинами. Опять монокуляр, поглаживание усов, набивка патронов... Только на сей раз предстояло «обидеть» ростовую мишень на отметке в сто метров, так что к карабину добавилась новая деталь – из чемоданчика появилась длинная черная трубка оптического прицела, чуть-чуть проехала кронштейном по коротенькой направляющей планке системы Агренева и щелкнула, окончательно становясь на свое законное место.

– Ну-с, приступим.

– Григорий Дмитрич!

Стрелок вздохнул, беззлобно помянул чью-то мать и повернулся на зов, спокойно поджидая приближающегося вестового:

– Ну чего опять стряслось? Или вы там уже и полчаса без меня прожить не можете, ироды?

Запыхавшийся от быстрого бега охранник несколько раз откусил воздух и почти без остановки выпалил:

– С проходной номер два звонили, просят вас срочно подойти!

– Так, оружие и чемоданчик – ко мне в кабинет. Лично отвечаешь!

Теперь уже сам Долгин побежал – правда, только до ворот полигона. Если спешащий со всех ног охранник – дело в общем-то для всех вполне привычное, то главный инспектор своим забегом вызовет как минимум волну пересудов. Так что – широкий шаг и невозмутимое спокойствие на лице. А еще множество догадок и предположений, теснящихся в голове. Проходная номер два располагалась в самом начале того самого поселка, в коем проживало все фабричное (и не только) начальство, охрана там была опытная и по пустякам бы его дергать не стала. Командир с утра сильно хмурый был, обмолвился, что весточка пришла про дочку. Вроде как простыла. Герт из столицы должен был вернуться... Неужели опять побили? Или кто-то из поднадзорных «дятлов»-осведомителей что-то почуял и умудрился сбежать?! Короче, как он проделал весь путь до проходной, Григорий потом так и не вспомнил – главное, что сделал это быстро, а остальное – ерунда.

- Докладывай.

- Где-то с полчаса назад нам слышалось, как будто кто окошко выхлестнул.

Старший охранник показал, откуда именно донесся подозрительный звук – из коттеджа хозяина фабрики, со второго этажа. Даже конкретное место можно было угадать, не особо напрягаясь: то самое, где окно щерилось крупными осколками стекла. От таких новостей главный инспектор мгновенно напрягся, готовый бежать и стрелять.

- Это изнутри, бутылкой. Мы до Глафиры – мол, так и так, что у тебя в хозяйстве-то творится? А она толком и ответить не смогла, испуганная какая-то. Ну мы службу знаем, я сразу вестового к вам, а сам поднялся до кабинета да тихонечко посмотрел – командир спокойно себе сидит, жив и здоров. Даже вроде спит, прямо в кресле. Я на всякий случай экономку поскрестись в дверь отправил, узнать, все ли в порядке, – так он, даже не просыпаясь, так рыкнул, что не приведи господь! Ну мы вниз – и вас ждать. Вот.

- Благодарю за службу.

- Рад стараться, вашбродь!

Дверь в дом оказалась незапертой, а Глафира Несторовна и впрямь была слегка напугана – такая бледность на лице для нее обычно была не характерна. Увидев того, кто точно знает – что делать и как быть, женщина едва не расплакалась от охватившего ее облегчения. Сразу соваться к другу Григорий не стал, предпочел прояснить обстановку. А то мало ли?..

- Докладыва... тьфу! рассказывай, что знаешь.

В изложении экономки события, превратившие всегда выдержанного, вежливого и очень доброжелательного к прислуге хозяина в гневного демона, начались с визита господина Лунева. Вернее, с его отбытия – примерно через полтора часа после того она услышала громкий шум и треск из гимнастического зала. Подумала, что шалит малолетняя воспитанница Хозяина, зашла навести порядок... Все, на этом осмысленная часть повествования закончилась. И начались обильные слезы, перемежаемые невнятными всхлипами:

- Как глянет!.. А глаза-то бешеные! Я думала, на месте прибьет. А в зале-то, господи, ужас какой! Потом – раз, и стекло посыпалось!.. Григорий Дмитрич, это что же такое, а?

- А ну-ка, цыц! Руки по швам, грудь вперед!

Непривычная к таким «утешительным» словам, бедная женщина сначала выполнила команду буквально и только потом поняла, что именно от нее требуют.

- Успокоилась? Пойдем, покажешь, что там с гимнастическим залом приключилось.

Через пару минут, оглядывая хорошо знакомое место для тренировок, господин главный инспектор только и смог, что удивленно присвистнуть, ибо с залой приключился... ее хозяин, князь Агрнев. Изрубленные и переломанные перекладины шведской стенки, расколота и пришипленная топориком к стене мишень, россыпь метательных ножей на полу, поваленные станки со штангами и прочими мудреными спортивными снарядами...

- Да, изрядно.

Отставной унтер-офицер ткнул ногой в кучку песка и опилок, качнул наполовину перерубленный боксерский мешок и с некоторой натугой вытащил из него драгунскую шашку. Повертел ее в руках, рассматривая загубленное на корню лезвие, покачал головой. Порыскал взглядом, пересчитывая холодную сталь, и почти сразу нашел одинокий эфес сабли – той самой, что когда-то сам же и подарил сиятельному ученику. Увы, клинок златоустовских мастеров не перенес близкого знакомства с деревянным болваном, который князь иногда в шутку обзывал довольно странным ругательством – «макивара». Впрочем, деревяшка тоже не пережила этой встречи, и теперь ее можно было смело выкидывать – как и второй мешок для битья, от которого осталось много песка и опилок да груды испластанной вдоль и поперек кожи.

– Это что ж за вести-то такие Лунев привез?..

Аккуратно прислонив к стене изуродованный клинок, Григорий внезапно вспомнил и о других обитателях дома:

– Где все?

Умница экономка поняла вопрос как надо:

– Ульяна еще с прогулки не вернулась, Даша со мной, на кухне.

– Тогда так: дверь закрыть и никого сюда не пуска...

Начальство уперлось взглядом в вывороченную с корнем защелку и замолчало.

– М-да. Я попозже пришлю кого из охраны, поможет при уборке. Рот на замок, ключ выкинуть – и горничную о том же предупреди. Понятно? Все, ступай, дальше я сам.

Чем ближе Долгин подходил к кабинету, тем легче и тише становились его шаги – и все равно незаметно подобраться к хозяину дома не получилось. Вернее, получилось бы, если бы он удовольствовался небольшой щелью между дверью и косяком, в которую прекрасно было видно, как фабрикант дремлет в своем удобнейшем кресле. Увы, в полном соответствии с правилом «лучшее – враг хорошего», он захотел улучшить невеликий обзор кабинета, надавил чуть посильнее – и каким-то образом это действие разбудило князя.

– Заходи.

Еще только переступая порог, господин инспектор уже был готов увидеть такой же образцово-показательный разгром, как и в покинутом недавно зале, – и был немало обрадован, когда одного так и не увидел. Все было так, как и всегда, и даже легкий сквознячок был вполне привычен. Разве что обычно его друг предпочитал просто открыть створку, а не высаживать оба стекла зараз. Кашлянув для затравки разговора, Григорий нейтрально поинтересовался:

– Случилось что, командир?

– Случилось?..

Князь словно бы в задумчивости склонил голову набок, а затем и поставил на подоконник бутылку, что до этого держал в руках. Пустую. Многоопытный Долгин тут же опознал итальянскую граппу, затем припомнил, как охрана показывала ему остатки тары из-под шотландского виски, и едва сдержал свое изумление. Общий литраж и крепость напитков, бултыхающихся в желудке хозяина дома, внушал уважение – как он еще и разговаривает-то?

По всем статьям – мычать должен или спать мертвецким сном.

– Скажем так, Гриша, – у меня слишком живое воображение.

Для постороннего человека его сиятельство был вполне трезв и держался вполне обычно, но его единственному другу было прекрасно видно – князь Агренов был пьян. Причем просто до изумления.

– Иди сюда. Вот скажи мне, ты видишь это поле?

Григорий немедленно согласился, что видит. Более того, он даже иногда ходит по этому самому полю – а недавно и вовсе костер на нем жег, с мальчишками из поселковой клубной команды.

– Нет, не то. Представь – оно от края до края заполнено младенцами. Мертвыми. Один к одному, рядами и шеренгами...

– Да что ты такое говоришь, командир, какие там младенцы. Поспать бы тебе надо, а?

Вместо ответа Александр кивнул на стол (и чуть-чуть покачнулся при этом – движение вышло для него нехарактерно резким), указывая на раскрытую примерно посередине укладку:

– Мне сегодня Вениамин Ильич кое-какую статистику привез.

Фабрикант ненадолго «завис», вроде как что-то там обдумывая, затем отправился к бару. Медленно, аккуратно, зато верно. Добрался. Роняя большую часть собрания прямо себе под ноги, выбрал и всего со второй попытки открыл ром – после чего, все так же пренебрегая хрусталем бокалов, хорошенько отпил, а затем и еще раз. С сомнением посмотрел на литровую бутылку, дернул щекой, но менять крепчайший самогон с солнечной Ямайки на что-то более вкусное все же не стал:

– Хорошая статистика, да. По урожайности. По рождаемости. По продолжительности жизни – причем все это с разбивкой по губерниям. И по смертности. Двадцать седьмая страница, третья сверху строчка. Читай!

Гриша послушно пролистал, нашел и читал вслух, пока не осекся от понимания – что же именно он оглашает:

– «Также надо отметить, что из каждой тысячи умерших обоих полов на детей в возрасте до пяти лет приходится в среднем 606,5 покойников. Иными же словами, до сорока трех процентов от всех родившихся за год»... Э-э?

– Вот так, Гриша. По пятидесяти центральным губерниям такой вот сухой статистики набирается на два с половиной миллиона могил, да еще с солидным хвостиком. Каждый год. Так это только до пяти лет посчитали – а ведь и потом дети тоже умирают. Какое уж тут поле, до горизонта все устлано будет. Во все стороны.

Бздамс!

Ром бурым пятном разлетелся по дубовой панели, а князь зашипел, полыхая глазами:

– Да как они смеют это терпеть! Знать и ничего не делать?! Жить спокойно, когда каждый год столько младенцев в землю ложится!!!

И тут же потух:

- Каждый год. Ненавижу...

Короткая вспышка ярости окончательно выжгла у Александра последние остатки сил – а заодно позволила увести его из кабинета. Правда, сомнительную идею начет того, что надо бы все-таки немного поспать, хозяин с ходу и категорически отверг. А вот посидеть в сауне, да заодно обсудить кое-какие дела согласился. Почти самостоятельно спустился по лестнице в подвал, скинул жилетку и туфли, присел на лавку...

- Уф!

Не рискнув пока как-то шевелить окончательно уснувшего (наконец-то!) князя, Григорий осторожно покинул обшитое липой помещение. И вполне ожидаемо тут же наткнулся на экономку в компании горничной.

- Глафира, можешь приступить – и чтобы сегодня же все сияло и блестело. Александра Яковлевича не тревожить, ни под каким видом! Кто бы там к нему ни пожаловал – пока сам не проснется, никого не пускать. Будут спрашивать – устал, заснул. Стекло же от ветра разбилось. Вопросы?

Экономка энергично потрясла головой, показывая – нету у нее вопросов, совсем. Горничная вообще словно язык проглотила, правда компенсировав это сильно расширенными (и заметно заплаканными) глазами. Обе они, услышав четкие и ясные указания, явно испытали приступ всеохватывающего счастья.

- Чего стоим?!

Провожая взглядом засуетившиеся женские фигурки, мужчина отчего-то вспомнил свои казачьи корни. Вернее, кое-какие испытанные, проверенные еще отцами-дедами способы лечения накатившей вдруг тоски-печали. Опять поднялся в кабинет, убрал все документы со стола в сейф, захлопнул его дверцу и навел порядок в баре (не забыв при этом налить себе небольшой стаканчик водочки). Медленно выцедил сорокаградусное лекарство. Выдохнул, вздохнул и с неподдельным сожалением пробормотал, этак тихо-тихо:

- Наташку бы ему под бок, первейшее дело... Иэх! Ну Лунев, подсуропил!..

Глава 5

- Фух, ну и ливень!

Двое мужчин ввалились (иначе и не скажешь) в одну из московских лавочек, торгующих готовым платьем. Мужским. Вот только приказчик отнюдь не торопился навстречу покупателям – ему хватило и одного взгляда, чтобы сразу оценить платежеспособность возможных клиентов. Один был одет с немалым вкусом и ОЧЕНЬ дорого. В такой одежде впору было по банкирской Ильинке разгуливать или на Мясницкой в одной из крупных контор посиживать, в кресле управляющего. Другой же внешностью своей больше всего походил на молодого купчика, или, еще верней, преуспевающего собрата-приказчика: худощавый, невысокий, одетый в почти черный от впитавшейся влаги сюртук, темно-серые брюки, заправленные в черные козловые сапожки и серый же картуз. О том же свидетельствовали и серебряные часы на скромной цепочке, аккуратно заправленные в «часовой» кармашек светло-серого жилета.

Чтобы вывешенный и выложенный на длинных полках товар заинтересовал таких покупателей, требовалось, по крайней мере, небольшое чудо – например, одномоментное исчезновение всей

их верхней одежды. Исключая портмоне, разумеется. Только тогда костюмы для небогатых мещан и разночинцев могли получить хоть какой-то шанс покинуть его лавку.

– Чем могу помочь господам?

Богач даже не повернул голову в его сторону, продолжая стряхивать с себя дождевую влагу, а вот второй отреагировал вполне ожидаемо – живенько повернулся и с непроницаемым лицом заявил:

– Мы пока не осмотрелись.

Затем покосился на длинные нити ливня, яростно секущие серые каменные плиты мостовой, и повернулся к своему спутнику. Что-то тихо предложил, получил такой же тихий ответ и едва заметно улыбнулся, согласно кивая. Минут через пять, когда ярость стихии закончилась так же резко, как и началась, оставив после себя шумные потоки мутно-мусорной воды, приказчик решил предложить господам или что-то уже приобрести (два раза «ха-ха»), или уже покинуть его заведение. Из которого обычно никто без покупки не уходил – и не важно, хотел ли он тратиться или же нет. Дюжие зазывалы вцеплялись в зазевавшихся прохожих не хуже капкана, буквально затаскивая их к своим приказчикам, которые если и уступали чем-то красномордым здоровякам, так только в телосложении да умении высокохудожественно сквернословить. А вот по части продать что-то – могли дать им изрядную фору и все равно остаться в несомненном выигрыше, так как умудрялись пристроить любую, даже подгнившую, тряпку под видом первосортного товара. Поправка – обычно могли. Но не связываться же с приказчиком, знающим что и как не хуже его самого? И уж тем более не стоило быть настойчивым в отношении господина, одежда которого стоила несколько сотен рублей. Такому продавать что-то из обычного ассортимента лавки было то же самое, что на скачках поставить на темную лошадку – то ли выиграешь, то ли проиграешь, шансы одинаковые. Вот только ни один скакун не вернется, чтобы выразить неудовольствие неудачной ставкой, – а БОГАТЫЙ господин это сделает непременно. Или напишет заявление в полицию, что еще хуже.

– Черт знает что!

– Григорий Дмитрич?

Поименованный так сжал в руке собственный сюртук и еще раз ругнулся, только уже сквозь зубы – между пальцами просочились крохотные капельки воды. А затем вскинул голову, пройдясь взглядом по длинному ряду вывешенной одежды, нашел более-менее подходящее по цвету и крою и шагнул поближе. Недолго повибирал, тут же примеряя понравившиеся сюртуки прямо на себя, почти не глядя прихватил рубашку и прошествовал в кабинку для переодевания.

– Кхм. Стоит ли, Григорий Дмитрич?.. Товарец здесь не вполне...

Тресь!

Над занавесочкой пролетел спутанный комок белой ткани.

– Приказчик! Еще рубашку. И не то дерьмо, что попало мне в первый раз! Тимофей Алексеевич, будь добр, проследи.

Второй экземпляр нательного белья устроил покупателя больше (хотя бы тем, что у него не расходились швы). Еще через несколько минут привереда откинул плотную шторку и вышел на середину помещения, встав напротив большого зеркала. Повернулся одним боком, другим,

удовлетворенно качнул головой и совсем было собирался произнести что-то довольно-хвалебное (по крайней мере, приказчику хотелось бы на это надеяться), как заметил какой-то непорядок в своем отражении. Слегка нахмурился, поглядел еще раз, а затем сделал такое движение руками, словно бы собирался кого-то обнять. Резко.

Тресь!

Важный господин такому звуку явно не обрадовался. Стягивая с себя сюртук, у которого образовалась неплохая «вентиляция» по бокам, он чуточку недовольно, но по-прежнему добродушно попенял:

- Ты что же это мне, голубчик, всякую ерунду подсовываешь? Никак зубы жмут?

У работника торговли на такую претензию едва не отнялся язык. Но не от стыда: плотную фигуру мужчины охватывали ремни, складывающиеся в подобие упряжи. На которой, в свою очередь, крепилась кобура для пистолета – слева и пара длинных узких карманчиков справа. И не только крепилась, но и не пустовала, тускло поблескивая вороненой оружейной сталью. В голове как будто щелкнуло, и все стало на свои места: заметная военная выправка, господские манеры и явная привычка приказывать. К нему пожаловал богатый отставник! У зазывалы (подрабатывающего иногда и вышибалой) при виде такой картины тоже сделалось нехарактерно задумчивое лицо. Словно бы он в первый раз в своей жизни задумался, не следует ли ему сбегать до ближайшего постового-полицейского. Ребра ведь того, не казенные.

- Виноват-с!!! Больше не повторится!!! Сей момент все исправим, ваше благородие!

Тут же словно из воздуха соткался брат-близнец дырявого сюртука, только сшитый гораздо добротней и не гнилыми нитками. Да и сидел он на покупателе не в пример лучше – ни морщинки, ни складочки.

- Ну вот, другое дело. Вот это...

Удоволенный и оттого резко подобревший мужчина небрежно кивнул на прежнюю свою одежду, висящую на деревянной перекладине рядом с примерочной кабинкой, и уронил на прилавок перед собой темный картонный прямоугольник-визитку.

- ...доставите по адресу. Тому, что самый нижний – на Мясницкую. Сколько там с меня?

- Четвертная, ваше благородие!

- Кхм?!

Предатель купеческого сословия, молчавший практически все время, что находился в лавке, негромко кашлянул и скептически выгнул бровь. А в руках у него... Воистину, нет хуже врага, чем бывший друг! Ну или хотя бы коллега. Купчик держал в руках сапоги с особенными подметками – предназначенными для особенных покупателей. Тех, кто сильно торопился или недавно пожаловал в Первопрестольную и не знал некоторых особенностей местной жизни. Другим продавать обувь с подошвой из начищенного ваксой картона было трудновато.

- Виноват-с, ошибочка вышла! Со скидочкой аккурат пятнадцать рубликов получается, ваше благородие.

Приказчик с подступающей тоской подумал, что сегодня явно не его день. Судя по всему, его

мнение разделял и зазывала. Или не разделял – обычно на диво жизнерадостный, здоровяк стоял с такой постной рожей, что можно было заподозрить его в чем-то нехорошем. Например, небольшой молитве на тему «господи, пронеси».

– Получи, любезный.

В раскрытом бумажнике мелькнула такая солидная стопка сотенных и разной сине-зеленой мелочи [26], что продавец, несмотря на всю свою выучку, невольно прикипел к ней глазами.

– Ну что же, Тимофей Алексеевич, продолжим наш путь?

Двое мужчин покинули свой временный приют от непогоды и зашагали дальше, оставляя за своими плечами безутешного работника торговли – мало того что часть товара попортили, так еще и на покупки пришлось цену скинуть, куда как ниже реальной. Чтоб им пусто было, таким покупателям!

Впрочем, господ Долгина и Ярославцева подобные мелочи не волновали. Первый вспоминал, что он уже увидел за сегодняшнюю экскурсию по первопрестольной (собор Василия Блаженного и Кремль понравились больше всего), а что ему еще только пообещали показать, а второй... он просто радовался. Привычным с детства видам и шуму Москвы, палящему августовскому солнышку, тому удивительно свежему ветру, что всегда бывает после сильного дождя. Ленивой суете прохожих, важному постовому, стоявшему на перекрестке наподобие живой статуи, и даже экипажам, время от времени пролетающим мимо. Он радовался свободе!

Тимофей Ярославцев был типичным представителем торговой династии и сколько себя помнил – жил в Москве. И отец его жил, и дед, и прадед. Правда, последний был выходцем из Ярославской губернии и по документам числился крестьянином. Но по жизни своей был перекасти-полем, то бишь сельским коробейником, и пришел в Первопрестольную на заработки аккурат перед одна тысяча восемьсот двенадцатым годом. Как-то перебедевал лихое время, затем торговал поддержанными вещами и кое-какими поделками с родной деревни... Жизнь прожил долгую и достойную, не то что некоторые. Именно благодаря его трудам дед смог переехать на Смоленский рынок и открыть торговлишку, причем вполне приличной галантереей. Батюшка продолжил семейную традицию, торгуя с лотка на Сухаревке прямо рядом с лавками букинистов, и – ценой немалых лишений, трезвой жизни и жесточайшей экономии буквально на всем – открыл собственное заведение. Между прочим, прямым в Китай-городе, рядом с Ильинскими воротами. Казалось, мечта исполнилась... Вот только ненадолго – во время большого пожара сгорела лавка, сгорел склад, а вслед за ними умер и отец – сердце не выдержало крушения дела всей жизни. Если бы не брат матушки, книготорговец Астапов, пошло бы семейство Ярославцевых нищенствовать или в приживальцы к родственникам. А так – подкинул немного денег, затем оплатил обучение племянника в Коммерческом училище – несмотря на то что сам отдавал каждый месяц немалую арендную плату за свою букинистическую лавочку (знаменитую, между прочим, на всю Москву). Одним словом – вывел в люди, за что тот и был ему безмерно благодарен.

– А это у нас Лубянская площадь, Григорий Дмитрич.

Долгин довольно огляделся и ненадолго застыл, впитывая в себя очередной вид Москвы. Затем щелкнул портсигаром, затянулся и мимолетно скользнул опытным взглядом по изящной фигурке и прочим достоинствам очень даже хорошенькой барышни, проходящей мимо него по тротуару. Хмыкнул, и с глубоким удовлетворением подкрутил кончики усов. Его явно заметили!

- Хороша!

Тимофей согласно кивнул, недолго постоял, определяясь, и решил, что на роль следующей главной достопримечательности прекрасно подойдет Сухарева башня [27]. Потом можно будет оглядеть Шереметьевский странноприимный дом [28], затем насладиться видом любимицы всех московских букинистов, церкви Троицы Живоначальной в листах [29], ну и напоследок немного пройтись по Сухаревскому рынку. Кстати - рынок этот был целым миром, расположившимся на двух тысячах квадратных саженей, со своими «аборигенами», завсегдатаями и неписаными законами. Собственно, отличное знание Москвы вообще и подобных «Сухаревке» мест в частности и вызволило его из долговой кабалы, в которую он попал (нашлись люди добрые, просветили) не без сочувственного участия одного купца-миллионщика. С-сволочь!

вернуться

26

Соответственно пяти- и трехрублевых банкнот.

вернуться

27

Она же «башня Брюса», снесена в 1934 году.

вернуться

28

Ныне в нем располагается Институт Склифосовского.

вернуться

29

Название свое получила из-за торгующих рядом с ней печатников и лубочников, которые развешивали свои работы на церковной оgrade, демонстрируя таким образом товар.

При воспоминании о коммерции советнике Гавриле Гавриловиче Солодовникове у молодого мужчины непроизвольно сбилось дыхание и сжались кулаки. Тогда, после блестящего окончания Коммерческого училища с присвоением личного почетного гражданства, он считал, что ему открыты все дороги и сам черт не брат. Поработал с годик у дяди, нахватался полезных знакомств и потерял сословное чинопочитание - скупая библиотеки разорившихся дворян, на многое начинаешь смотреть чуточку иначе. Вот только продолжателем дел и наследником дядюшки стать не получилось: увы, достаточно быстро пришло осознание, что книготорговое дело - не его стезя. Устроился в торговый дом купцов Хлудовых, провел несколько удачных сделок и сразу понял: вот оно - то, что ему точно по нраву! Еще дюжина сделок, неплохие комиссионные, новые знакомства среди московских торговых «зайцев»-посредников, затем переход на вольные хлеба, разом отразившийся на размере его

комиссионных, опять несколько удачных сделок с его участием... То есть это он так думал, что удачных, – до тех самых пор, пока его не пришли заключать под стражу. Ни товара, ни денег он вернуть не смог.

– Вот, Григорий Дмитриевич, прошу любить и жаловать: Сухаревский рынок. Несколько обязательных правил, с вашего позволения. Ничего без меня не покупать, съестного не пробовать, что бы там ни предлагали, портмоне в толкучке не доставать – да и вообще, желательно бы часть денег прямо сейчас переложить в другое место. А то попадают такие ловкачи – не приведи господи! Обворуют так, что ничего и не почувствуете.

Вопреки ожиданиям, его спутник не стал пренебрежительно хмыкать и показывать, что у него-де ничего не своруют. Молча достал портмоне, извлек все сотенные, парой движений свернул их в плотно-плотно скрученный рулончик и сунул куда-то под мышку. Достав взамен узкий стальной прямоугольничек магазина, с поблескивающими внутри патронами. Кинул во внешний карман и усмехнулся:

– Пускай его тащат, не жалко.

Длинные ряды палаток, за ними – извилистые змеи торговых рядов, где разнообразнейший товар (зачастую напоминающий обычный помойный хлам) выкладывали прямо на земле или на крышках специальных сундуков-прилавков. Самовары, ботинки, жестяные трубы и обломки бронзовых подсвечников, сами свечи, медные тарелки и блюда, корзинки-плетенки, доверху наполненные резанными из липы ложками. Штаны, дюжину которых кто-то сообразительный подвесил на длинный шест, и теперь они полоскались на ветру такими стягами. Галоши, санки, кочерги и опять подсвечники – только на сей раз целые. Разные хозяйственные мелочи, выложенные на слегка подранном извозчицком армяке (продавалось и то и другое), ведра с гвоздями, пустые бочонки, лыковые и соломенные лапти, платки, опять ботинки... И запахи. В основном – старой ткани, дегтя и окислившейся меди, клея, масляной краски и опять же старой бумаги; такой вот своеобразный букет. Иногда дополняющийся резким запахом кошачьего туалета – мышеловов на рынке держал каждый второй. Тимофей, с видом завсегдатая проводя гостя по центру «Сухаревки», не забывал время от времени поглядывать на его лицо, определяя – не пора ли закругляться с погружением в рыночную экзотику. К немалому его удивлению, господин Долгин пока держался. Да и вообще делал вид, будто ему не впервой обонять такие ароматы и находиться в постоянной толчее.

– А там что?

– Прошу-с за мной!

Отмахнувшись от особо назойливого зазывалы (вернее, выдрал у того из рук полу собственного сюртука), Ярославцев миновал несколько палаток, повернул, прошел мимо торговли, громогласно нахваливающей свои гречишные блины, и остановился, поведя рукой:

– Книжные и антикварные ряды. Вот там можно прикупить иконы, или, хм, «настоящие подлинники» известных мастеров, вроде Репина или Рафаэля. Рядом предлагают разную скульптуру, а вот в том углу собственно и торгуют печатным словом. Должен заметить, иногда тут действительно попадают настоящие раритеты – но, увы, для этого надо подходить прямо к началу торга, с раннего утра.

– Занятно, очень занятно.

Если до этого его спутник просто любопытствовал, без особого интереса рассматривая весь попадающийся на глаза товар, то теперь очень даже целеустремленно зашагал к букинистам

и расхаживающим рядом с ними перекупщикам. Дошел и медленно заскользил взглядом по книгам, иногда прицениваясь к понравившимся образцам, но так ничего и не покупая. Следуя за ним на небольшом отдалении, Тимофей время от времени тоже бросал оценивающие взгляды – но не на выложенные тома и брошюры, а на самого Долгина. И вспоминал...

Сидеть в тюрьме за долги – это такой интересный опыт, что никому того не пожелаешь. Беспросветная тоска, скудное питание, неопределенность дальнейшей жизни, и некому утешить хандру или хотя бы приободрить. Правда, в его случае кое-какое утешение все же было – два сотоварища по одной неприятности, также попавшие на сидение через купца Солодовникова. Они, кстати, и донесли до него слова стряпчего Русской оружейной компании, что в яме они будут, пока долг не вернут. Еще и издевался, выжига, – мол, в компании люди с пониманием, отсидите, сколько сможете... Ага, из расчета: одна из двух с половиной тысяч рубликов долга – за один год. Бывший «заяц» вздохнул и едва удержался от того, чтобы досадливо сплюнуть. Осторожно покосился на директора той самой компании, что вначале засадила его, а потом сама же и вытащила, еще раз вздохнул и задумался. Его-то вытащила, а вот двум оставшимся даже и не подумала что-то предлагать, более того, намекнула, что те как сидели, так и будут сидеть, причем без вариантов. Или лежать – в сырой землице, на глубине одной сажени.

А вот ему предложили свой долг отработать, и он, не раздумывая, согласился – но при этом совсем не ожидал, что его занятием будет не коммерция в чистом виде, а всего лишь присмотр за домами и прочим имуществом, ремонт, сдача в аренду и все такое прочее. Как бишь там... он может делать что хочет (в определенных рамках, конечно), лишь бы это приносило хороший доход!.. Два процента всех сумм идут непосредственно ему как жалованье, плюс служебная квартира, плюс погашение долга. На таких условиях он бы согласился и до того, как «заглянул» в долговую яму, – собственно, потому и не стал раздумывать. Единственное, что теперь его мучило, – ну в чем же подвох? Ведь не может же быть вот так все просто?.. Тем более что ему почти что открыто намекнули, что этот год у него испытательный, и если справится – будет личным секретарем у очень богатой и влиятельной особы. Вот уж действительно, из грязи да в князи...

Тут его внимание привлекло нездоровое оживление среди книжных барышников, живущих скупкой задешево и перепродажей задорого. Он проследил их взгляды – и уткнулся собственным аккурат в согнутую поясницу Григория Дмитрича Долгина, задумчиво оглаживающего толстую и жесткую обложку громадной книги. Еще одна такая же лежала рядом, посверкивая позолотой обрезом страниц. Пергаментных, между прочим, – такие вещи племянник букиниста Астапова определял просто-таки влет.

– Это что же за красота такая, Тимофей Алексеевич? Вроде по-французски написано, а я в нем, как на грех, слабоват – не посмотрите?

Продавец, а вернее, продавщица – скромно, хотя и добротнo одетая женщина явно купеческого сословия, – внимательно провожала глазами лежащий на руках том. На женственном и округлом лице лежала явно заметная печать усталости и упрямства, а взгляд время от времени скашивался в сторону скучковавшихся перекупщиков, стоящих в трех-четыре шагах от ее рогожного прилавка. Последние, в свою очередь, не менее внимательно и очень враждебно поглядывали на возможного покупателя и оживленно перешептывались.

– Позвольте?.. Гм.

Потомственный коммерсант присел рядышком, аккуратно поддернув штаны, раскрыл книгу и провел по листу кончиками пальцев. Полюбовался на красочные миниатюры, нарисованные

вручную, тронул искусно сплетенную из кожи закладку и прочитал:

- «Де-ка-мерон. Боккаччо».

Огладил еще несколько картинок-миниатюр, затем наскоро просмотрел десяток страниц из середины и непосредственно титульный лист, после чего внимательно освидетельствовал переплет и наконец-то деловито кивнул, вставая:

- Писано на французском, в году одна тысяча четыреста девяносто пятом.

Как ни удивительно - тот самый раритет, который изредка попадает среди всего этого книжного мусора. Прямо даже и не знаю, как это нас никто не опередил...

Впрочем, ответ на собственный вопрос мужчина знал прекрасно.

- Милая, сколько же стоит такая красота?

Купчиха, недружелюбно сверкнув глазами, спокойно ответила:

- Пятьсот рубликов серебром, милоч!

- Обе?

- Каждая! Сразу скажу - и не старайся, не скину.

- Хм. Вот вам и причина, Григорий Дмитрич.

Вернее было сказать - первая причина. Вторая как раз нервничала в предчувствии того, что столь ценная добыча может уйти. Обычное дело - соберутся барышники ватажкой в пять-шесть человек да давай изводить продавца насмешками да пустячными предложениями, всю сбивая цену. Покупателей, могущих дать настоящую цену, еще на подходах заворачивали, а сами кружили и кружили вокруг своей жертвы до тех пор, пока она не сдавалась, ну или не шла на большие уступки. Сколько раз он такое видел - уже и не счесть!..

Долгин еще раз погладил потертую обложку с вытесненным названием, довольно улыбнулся и нырнул рукой внутрь сюртука. Достал денежный рулончик, чуть-чуть помедлил, что-то припоминая, затем ловко отделил три сотенных бумажки. Вернул их в карман, а остальное протянул вперед:

- Беру. Скажите, уважаемая, а еще что-то подобное у вас имеется? А то бы я по случаю прикупил.

Аккуратно пересчитав радужные банкноты и спрятав их куда-то в одежду, купчиха заметно подобревшим (а еще повеселевшим) голосом ответила:

- Может, что и найдется, для хорошего-то человека.

Внезапно словно тень набежала на ее лицо:

- Батюшкино наследство.

Ярославцев, сам недавно полной чашей хлебнувший купеческих невзгод, без труда догадался, что к чему. Да и чего догадываться - или вдовой недавно стала, или муж в долгах как в шелках.

- Муж?

Легчайший, почти незаметный кивок только подтвердил его правоту. Меж тем перекупщики, окончательно поняв, что их законная добыча прямо на глазах уплывает какому-то там чужаку, решили возмутиться. И тут же передумали – покупатель так внимательно и добро улыбнулся заводителе компании, что тот поперхнулся заготовленной фразой. Зато услышал чужую:

– Такой книжкой, Тимофей Алексеевич, поди, и голову проломить можно – до того увесистая...

– Простите, что?..

С книжных рядов они ушли без происшествий.

Спустя два часа, заполненных перебором книг в небольшом, но очень хорошем собрании покойного батюшки купчихи, оживленного торга последней с племянником букиниста (закончившегося покупкой всего собрания целиком), двое мужчин договорились об оплате и доставке, после чего сели в экипаж и приказали отвезти себя к Рязанскому вокзалу. Вернее, так почему-то распорядился счастливый покупатель, перед этим поглядевший на свои необычные наручные часы.

– Кхм. Григорий Дмитрич, дозвоьте полюбопытствовать – увлекаетесь собирательством?

Долгин в ответ легко улыбнулся и погладил увесистые тома, завернутые в отрез ситца довольно веселенькой расцветки. А затем пояснил, что держит у себя на коленях подарок одному очень хорошему человеку. На день рождения. Правда, оно состоится в декабре, но это уже несущественные мелочи.

– А приобретенная вами библиотека?

Оказалось, оно тоже предназначалось в подарок все тому же хорошему (жалко, что безымянному) человеку. На двадцатипятилетний юбилей. Все-таки круглая дата, надо понимать, тут мелочью вроде двух книжек не отделаешься. И вообще – слава богу, что все эти раритеты подвернулись! А то он уже голову сломал, пытаясь придумать хоть какой-нибудь подходящий презент.

Всю оставшуюся дорогу Тимофей старательно боролся с острым приступом любопытства, а заодно перебирал в памяти все, что знал о персоналиях из Русской оружейной компании, пытаясь угадать – кому же достанется собрание, обошедшее его спутнику почти в одиннадцать тысяч рублей. И в ресторане Рязанского вокзала, где они с удобством расположились за накрытым белоснежной скатертью столиком, он тоже не прекращал этого занятия. Но вот что странно – чем меньше на столе оставалось снеди и напитков, тем больше мрачнел его спутник и тем чаще поглядывал на свою наручную экзотику. В конце концов молчание за столом стало просто тягостным – Григорий Дмитриевич все свое внимание целиком и полностью сосредоточил на публике, передвигающейся по привокзальной площади, по всей видимости полностью позабыв о том, что сидит в кафе не один. Вот он в последний раз поддернул рукав, прикрывая часы, затем побарабанил пальцами по скатерке и посмотрел на Ярославцева так, будто видел его в первый раз.

– Тимофей Алексеевич, на сегодня у нас с вами все. За всеми необходимыми документами обращайтесь в представительство компании на Мясницкой. Если будут сложности, делайте запросы на мое имя или на имя Горенина Аристарха Петровича – он вас, некоторым образом, курирует. Всего наилучшего!

Провожая взглядом одного из директоров РОК, свежееиспеченный управляющий всей недвижимостью компании в Москве удивленно спросил, причем сам у себя:

- И что это было, интересно?

Ответ на этот вопрос прозвучал на сутки позже и несколько севернее летнего привокзального кафе. В городе Санкт-Петербурге, где господин Долгин высадился из фаэтона перед трехэтажным особняком и крайне энергичным шагом поднялся, точнее - буквально взлетел по широкой мраморной лестнице, миновав на своем пути аж два поста с широкоплечими «консьержами». Открыл своим ключом дверь, скинул на полочку шляпу, прошел вглубь квартиры...

- Ой!

Наталя, одетая в красивый и облегающий (а еще весьма прозрачный) пеньюар, растерянно замерла, увидев нежданного, а главное - очень тихо передвигающегося гостя.

- Стучаться надо!

Повернув голову, Григорий увидел улыбающегося и самую малость нетрезвого друга. А еще «Рокот-компакт», который тот как раз опускал, а затем и прятал. Услышав возмущенное фырканье, он повернул голову обратно и как раз успел полюбоваться на Наташу и ее белоснежные ягодцы просто бесподобных очертаний - пока их хозяйка не отгородилась от любопытных глаз дверью в соседнюю комнату.

- Рейнское будешь?

- Нет, командир. Тут такое дело... Курьер-три пропал. С концами.

Стоило только открыться на Мясницкой улице новой конторе-представительству под вывеской «Русская оружейная компания», как в нее тут же зачастили разные господа. Кто в саму контору, расположенную на втором и третьем этажах, кто в большой салон-магазин с образцами товара, занявший весь первый, - одним словом, швейцар без дела не стоял. Офицеры Московского гарнизона, юнкера, чиновники самого разного положения, купцы и их приказчики, начинающие и вполне себе опытные охотники, жандармы и полицейские чины, путешественники и просто зеваки... Кому только не открывал дверь ливрейный хозяин крылечка, кого только не видел! Но даже ему было удивительно распахивать тяжелую дубовую створку перед целой группой профессоров, важно и чинно проследовавших в прохладное нутро представительства. Нет, может, и не все среди них были ученым людом, но уж за трех он мог поручиться собственной бородой. Или головой, ибо первое солдат-отставник ценил немногим меньше, чем второе. Так что, доблестно исполнив свой служебный долг, он поправил фуражку, огладил нежно лелеемую растительность на подбородке и тихо удивился:

- Ну дела!..

Примерно так же подумал и фабрикант, увидев у себя в кабинете самого Менделеева, по случаю «выхода в люди» подровнявшего свои космы до вполне приличного вида. И директора Императорского Московского технического училища, зашедшего чуть ли не под ручку со своим коллегой, возглавлявшим Московскую сельскохозяйственную академию. Затем было несколько деканов Питерского университета, а последним явился князь Гагарин, в самом скором будущем - главный его «надсмотрщик» и госприемка. В одном, так сказать, лице.

- Добрый день, господа, очень рад вас видеть. Возможно, вина? Или чего-нибудь прохладительного?

Господа промочить горло не захотели, дружно осев на стульях и небольшом диванчике и уступив место напротив хозяйского стола патриарху мировой химической науки. Со всеми князь был знаком, со своим тезкой по титулу даже немного приятельствовал, с остальными поддерживал просто хорошие отношения, а Дмитрий свет-Иванович и вовсе был на особом счету (как и половина его учеников), – видимо, именно поэтому он и не стали разводить долгих церемоний:

– Александр Яковлевич. Помня, как вы не любите долгих вступлений, буду говорить кратко и по существу. Империи крайне необходим Политехнический институт!

– ?!

Немногим удавалось вот так с ходу удивить и ошеломить оружейного магната, но Менделеев сделал это с легкостью неимоверной.

– Вспомните – вы и сами не раз говорили мне, сколь остро не хватает на ваших заводах толковых инженеров и мастеров, и сокрушались, насколько мало ассигнуется на развитие научной мысли. Сожалели, что многие талантливые простолюдины не могут получить должной огранки своим умственным дарованиям из-за чинимых им законодательных препон.

– Кхм? Да, что-то такое припоминается...

– Вот! Здесь собрались почти все, кому вы оказываете поддержку. Химия, машиностроение, электротехника, сельскохозяйственное дело, физико-математические науки, история... Насколько лучше бы стало, если бы мы все, как единомышленники, смогли работать вместе, в учебном заведении нового вида!..

– Пойдите, господа. Правильно ли я понимаю – вы предлагаете мне профинансировать устройство нового института?

Получив дружное согласие, Александр только и смог, что констатировать: «Твою же маму! Два раза».

К счастью, он сделал это про себя. Научная инициатива была настолько неожиданной, что мысли просто разбегались – нет, конечно же он собирался организовать что-то этакое, но чуток попозже. Лет на пять – десять как минимум. И уж точно не раньше, чем закончит развертывать сеть начальных и профессиональных училищ – карман у него не резиновый, и денег он не печатает... хотя и начинает уже подумывать об этом, м-да.

– Неожиданное предложение, более чем неожиданное. Господа, скажу вам откровенно – я всей душой «за». Но, увы, в данный момент несколько стеснен в средствах. Возможно, через год-полтора?

Гости были готовы и к такому повороту разговора. И вообще, складывалось настойчивое впечатление, что они заранее обговорили и распределили роли – и может быть, даже пару раз хорошенько все прорепетировали. Потому что стоило прозвучать мягкому отказу, как в бой кинулся второй из присутствующих в кабинете князей:

– Александр Яковлевич, все мы знаем о том большом и чрезвычайно важном деле, которое вам предстоит. Но ведь поначалу больших ассигнований и не потребуется! Пока определимся с местом и выправим все необходимые документы, уже не меньше полугода пройдет. Конкурс среди архитекторов, затем сметно-проектные дела – опять полгода долой, а то и больше. И это если никаких проволочек и препон не будет!..

Все опять-таки дружно покивали.

– М-да. Хорошо. Вы можете мне сказать хотя бы примерно – какая сумма потребуется?

В беседе, по мнению присутствующих, наступил переломный момент.

– По самым скромным подсчетам – три миллиона рублей.

Если кто-то и ждал удивленных возгласов от молодого, но уже вполне известного мецената, то он их так и не дождался.

– Это если строить в Санкт-Петербурге?

Гагарин только кивнул, пытливо вглядываясь в лицо фабриканта, и добавил на чашу весов свое личное мнение:

– Александр Яковлевич, если в империи кто и может устроить подобное, так только вы.

«Ага, отстегнуть три миллиона рублей – это сразу ко мне, да. Блин, ну вот как они угадали, что у меня появилось немного свободных денег?»

В кабинете воцарилось молчание. Хозяин даже не скрывал, что лихорадочно просчитывает различные варианты, а гости терпеливо ждали любого ответа, искренне надеясь, что таковым все же будет желанное «да!».

– К сожалению, господа, я не настолько богат... чтобы строить нечто подобное в столице. Увы.

Профессура заперевглядывалась, даже не скрывая своего разочарования.

– Но!..

Все опять замерли.

– На небольшое строительство на одной из окраин Москвы меня бы вполне хватило.

Менделеев тут же деловито уточнил:

– И насколько небольшое?

– Сам институт, общежития для студентов, жилье для профессоров, корпуса для лабораторий и практических занятий, библиотеку, дом культуры с кинотеатром и гимнастической залой, несколько столовых, поле для игр на свежем воздухе, парк для прогулок и отдыха... Тысячи на три-четыре студентов, не больше.

Теперь уже Агренов отыгрался за свой недавний ступор – маститые ученые мужи с явным скрипом соображали, что это такое они только что услышали.

– Но?..

– Разумеется, со временем можно будет открыть несколько отделений и в других городах. Но не сразу, господа, не сразу. А пока – с вашего позволения, я бы хотел уточнить несколько мелких моментов.

Андрей Григорьевич Гагарин, даже не оглядываясь на остальных, озвучил общее мнение:

- Мы в вашем полном распоряжении, Александр Яковлевич!

- Благодарю. Как наверно знают все присутствующие здесь, я уже открыл дюжину реальных училищ для детей мастеровых и крестьян. Со временем и с Божьей помощью, я доведу их количество как минимум до трех дюжин. Скажите, Иван Васильевич, – смогут ли наиболее талантливые выпускники продолжать свое образование в вашем заведении?

Директор Московского технического училища тут же утвердительно кивнул:

- Я никогда не делил своих абитуриентов по их происхождению.

- Прекрасно! Я думаю, с таким подходом не лишним будет подумать и над некоторым расширением ИМТУ.

Иван Васильевич Аристов фигурой и лицом показал – уж против такого он точно возражать не будет.

- Скажите, а может получится так, что какой-нибудь одаренный молодой человек, окончив сначала реальное училище, а затем и ваше, поступит в будущий Политех на второй-третий курс без дополнительных экзаменов? Разумеется, по профильной специальности?

Профессора опять принялись обмениваться взглядами.

- Ну и последнее. Не так давно государыня одобрила устройство еще одного небольшого училища особого рода. Более того, она собирается лично попечительствовать этому моему начинанию.

В кабинете, уже в который раз, установилась полнейшая тишина.

- Выпускать училище будет аптекарских помощников, фармацевтов и провизоров. Особенность данного учебного заведения еще и в том, что основной состав учеников будут составлять девушки. И мне бы очень хотелось, чтобы университетский фармацевтический курс, как, впрочем, и все остальные предметы, им преподавали люди с высочайшим уровнем знаний и культуры. Такие, как вы, господа.

«И только попробуйте не понять мой намек! Не будет преподавательского состава для училища – не будет и финансирования Политеха».

- Я надеюсь на вас, господа, – и на этом у меня все. Конечно, впоследствии возникнет еще несколько вопросов. Тоже мелких. Но основные на данный момент вы слышали.

Представители научной элиты послушно впали в рассеянную задумчивость, и только князь Гагарин не утратил живости характера, успев всего за десять минут обговорить и прояснить целую кучу финансовых и организационных моментов. Что значит опытный человек! Кстати, и не только прояснил, но и сам дал несколько клятвенных заверений. Вроде срочного открытия фонда с каким-нибудь броским названием, все предназначение которого будет в приеме пожертвований сестрорецкого мецената на будущий Политех – глядишь, на громкую рекламу и еще кто из толстосумов набежит. Или еще более срочной организации (причем исключительно на добровольных началах) комитета по практическому «рождению» Московского Политехнического института. Кстати, насчет первого и второго оружейный магнат тоже обещал помочь – в особенности людьми, способными взять на себя всю скучную рутину ведения бухгалтерии и поиска подрядчиков. Ведь не дело же, когда маститый профессор вынужден опускаться до грубой прозы жизни, его задача – нести свет знаний!..

следить. И отслеживать, чтобы студенты грызли гранит науки достаточно равномерно и с должным усердием.

- Александр Яковлевич, еще раз - примите нашу самую искреннюю благодарность!

Князь обвел всех глазами и едва заметно кивнул, одновременно вставая - таких гостей не грех было и до последней ступеньки крылечка проводить. Проводил. Вернулся. Сел обратно за стол и уперся лбом в скрещенные руки:

- Вот это я попал...

Впрочем, когда спустя всего два часа в этот же самый кабинет без какого-либо предварительного стука и самым наглым образом просочился еще один господин (на сей раз по фамилии Долгин), от столь позорной слабости не осталось и малейшего следа. Вместо нее демонстрировалась спокойная деловитость, выражавшаяся в размеренно-обстоятельной сортировке корреспонденции, накопившейся за два прошедших дня. Поприветствовав друга-командира непонятной для посторонних ушей фразой: «Пока ничего», - Григорий пристроился на кресле для посетителей и с облегченным вздохом расстегнул верхнюю пуговицу на сорочке. Жара на улице была просто страшная! Охладившись фруктовой водой из маленького графинчика, он совсем было хотел предложить свою помощь в борьбе с ровными стопками писем, как в дверь коротко постучали. А затем и вовсе ее открыли, правда все-таки дождавшись команды от хозяина кабинета. Переступивший порог экспедитор коротко скользнул взглядом по комнате, убеждаясь, что присутствуют только те, кому и положено, затем в три шага подошел и поставил на стол пузатый саквояж. Отстегнул браслет с малозаметной (потому что в кожаном чехле) цепочкой, на мгновение вытянулся в стойке, щелкнул каблуками и, четко развернувшись через левое плечо, вышел. Князь, прямо на глазах потерявший весь интерес к выложенной на столе корреспонденции, все же отрываться от ее сортировки не стал - что бы там ни привез курьер из Сестрорецка, еще полчаса оно точно подождет.

- Присоединяйся.

Гриша себя два раза просить не заставил - тут же подсел еще ближе и закопался в ближайший бумажный «холмик».

- Не то... ерунда... опять ерунда... Слушай, командир, а чего это к нам насчет благотворительности зачастили? Уже седьмое письмо выкидываю!..

- Ты - седьмое, а у меня счет на третью дюжину пошел. О, а это тебе. И вот эту стопочку прихвати - как раз по твоей части.

С искренним недоумением приняв в руки обычный почтовый конверт, главный инспектор потянулся за костяным ножичком в форме птичьего пера.

Хртресь!

- Так, что у нас здесь? Молодая скромная вдова, временно находящаяся в стесненных обстоятельствах... Так? Узнав о том, что вас интересуют раритеты, сочла возможным... Приглашаю лично посетить и оценить достоинства моего собрания. Кхм!..

Небрежным жестом Долгин убрал письмо в сюртук и открыл следующее.

- С каких это пор стал интересоваться раритетами, коллекционер ты наш?

- Ну не век же мне эту похабщину собирать?

Возмущенный недоверием друга, Григорий слегка картинным движением руки откинул от себя фотокарточку очередной соискательницы почетного звания «содержанка его сиятельства князя Агренева».

- Что, очередной альбом под завязку набил? Какой там у тебя уже, девятый?

Высокоморальный коллекционер фотокарточек в стиле ню без особого энтузиазма и гордости признался:

- Десятый. Думаю вот - может, уже закруглиться на этом?

Тресь!

- Решишь выкидывать свое собрание - лучше сожги, не то в окрестностях беспорядки приключатся. Среди мужского, хе-хе, населения.

Покончив наконец с засильем корреспонденции на столе, Александр с некоторым усилием подтянул ближе саквояж, почти не глядя крутанул колесики первого замка, затем воткнул пластину ключа в неприметную прорезь.

Клац!

Ближайший родственник брончемошанчика (ну или он же, но только сильно разжиревший) широко раскрылся, позволяя извлечь из своего нутра три толстых пакета. И тоненькую пачку писем - куда же без них. В дверь опять постучали, и пока Долгин принимал тихий доклад одного экспедитора, а затем и другого, его непосредственное (а заодно и единственное) начальство успело ознакомиться с большей частью документов из Сестрорецка.

- Ну?

- Пока ничего.

Смотря, как друг недовольно нахмурился, Григорий сам тихо вздохнул. Ситуация и впрямь пахла чем-то нехорошим: груз, который перевозил пропавший курьер, был достаточно специфическим, хотя и насквозь законным. Лабораторные журналы, заявки на оборудование и материалы, кое-какие документы - одним словом, обычный месячный отчет обычной научной лаборатории. Одной из трех, между прочим. Да и черт с ним, с этим грузом!!! Сам курьер был гораздо ценнее. А еще он знал много такого, что очень даже нежелательно было разглашать. Во избежание некоторых неприятных моментов.

Глядя, как хозяин кабинета перешел к «сладкому», то есть содержимому первого пакета, Гриша еще раз вздохнул и попытался в очередной раз найти хоть какую-нибудь зацепку. Первое: экспедитор в Москву из Кыштыма приехал. Это сто процентов, его и кондуктор на фотокарточке опознал, и извозчик. Семья курьера ни о чем не знает (даже о его пропаже), и к ней никто не приходил - это два. Курьер доехал от вокзала до трактира, пообедал, расплатился и ушел. За пять часов до отправления своего поезда. Это, соответственно, четыре. По выходе из трактира его следы теряются, и в контрольное время он мимо наблюдателя не прошел. Пять. В голову почему-то ничего не приходило. Хотя нет, одна мыслишка все ж таки мелькнула:

- Командир. Скажи - а кроме нас, кто-нибудь этой плесенью занимается?

- Кому плесень, а кому и лекарство.

Князь сделал паузу, скомкал конверт вместе с его содержимым и пополнил содержимое и без того переполненной мусорной корзины.

- Когда-нибудь будет. Нет, Гриша, так как мы - не занимается. Была пара статей на эту тему, но давно, и особого интереса они не вызвали.

- Точно? А то вдруг кто-то решил поживиться за наш счет?

В золотых глазах мелькнул отчетливый огонек интереса.

- Лучшая защита - это полное неведение окружающих. Пока никто во всем мире даже не догадывается, что это вообще такое - пенициллин и стрептоцид, интереса к ним нет и быть не может. К сожалению, наши лаборанты тоже не знают ничего конкретного. И, увы, я им в этом деле не советчик. Вообще! Пара мелочей, чтобы чуть-чуть сократить путь, да щедрое финансирование - вот и все, что я могу. Так что сейчас они действуют проверенным, но очень долгим методом тыка, методично перебирая все культуры грибка, которые они, ну или я для них смогли раздобыть. То есть в данный момент даже и красть толком нечего - кроме общей идеи.

- Твоей идеи!

Александр недовольно нахмурился и отложил в сторону второй пакет:

- Поясни...

- Все знают: ты не ошибаешься. Почему бы не украсть твою идею и не довести ее до ума самому?

- Если бы я не ошибался!... Увы.

Пакет вновь оказался в руках.

- Уже год идет работа по выявлению нужных культур - той самой плесени, про которую ты так пренебрежительно отзываешься. Кстати, кое-какие результаты уже есть, но очень уж зыбкие и недостоверные. Так что пока найдут именно то, что надо, пока научатся получать устойчивый результат... Если хотя бы в пять - семь лет уложатся, уже будет просто замечательно. Какой смысл воровать такую идею?

- Сколько?! А когда лекарство будет?

- Если б я знал, Гриша.

- Командир, но все же?..

- Еще плюс десять - пятнадцать лет, до получения продукта в товарных количествах. При исключительно благоприятных обстоятельствах.

Григорий совершенно некультурным образом присвистнул, являя тем самым свои оренбургские казачьи корни.

- Ничего себе! Дожить бы до этого светлого мига, а, командир?

- Мы не доживем – так дети наши воспользуются трудами своих отцов. Ведь женишься же ты когда-нибудь?

Перехватив ехидную усмешку друга, Александр ответил точно такой же:

- Да, и меня не минует чаша сия. Гм, когда-нибудь.

Вощеная упаковка жалобно затрещала под напором сильных пальцев, раскрываясь. Некоторое время мужчины молчали: один перебирал самые невероятные и фантастические идеи на тему того, куда же все-таки мог запропасться курьер, а второй методично знакомился с отчетами по сестрорецкому производству. Перед тем как взять в руки третий, самый тонкий пакет, князь мимоходом заметил, продолжая прервавшийся разговор:

- Вдобавок, перехвати Глеба наши возможные конкуренты, то рано или поздно он бы «пошел на сотрудничество» и привел их в условленное место. За, хм, «остальными ценными бумагами». Разве не ты сам вдабливал в головы ребят порядок действий при разных происшествиях?

Повертел в руках пакет и заинтересованно примерился к его уголку лопаточкой-пером – что-то там ему написал профессор Пильчиков?

Хртресь!

На стол выскользнули три больших листа из непонятного матово-черного материала, вроде фотопластинок. Помяв плотную бумагу пакета, Александр еще немного потряс упаковкой и подхватил вылетевший из глубин конверт. Незапечатанный, что весьма положительно сказалось на его целостности и сохранности.

- Хм!

Таким удивленным своего друга Григорий не видел уже давно. Было даже забавно наблюдать, как он, быстро прочитав послание, подхватил три вроде как засвеченных фотопластинки, недоверчиво поглядел на них (вернее, сквозь них), слегка встряхнул и что-то буркнул себе под нос. А затем крутнулся на своем кресле и дернул тяжелую бархатную шторку, разделявшую прохладу кабинета и уличную августовскую жару. Подставил фотопластинки под слепяще-белые лучи солнца...

- М-да, похоже, что господин Рентген пролетает. И как теперь это будут называть?

- В смысле, командир? Кто летает?

- Иди сюда. Смотри.

- Ох, м-мать твою!!!

Первый же лист, поставленный на пути перед окном, оказал на отставного унтера пограничной стражи просто-таки незабываемое впечатление – такое, что, слегка вздрогнув, Григорий одним махом наложил на себя крестное знамение. Для пущей надежности – сразу три раза подряд. Да и то сказать: мало бы кто остался равнодушным, увидев так близко к себе фотографию почти прозрачного черепа на угольно-черном фоне. Вдобавок у него была приоткрыта челюсть – так, будто черепок примерялся, как бы ему сподручней вырваться с тонкой пластинки и жадно цапнуть живое лицо своими крупными зубами. А вот князь этой страховидиной явно любовался – поворачивал так и этак, подносил поближе к глазам, выискивая какие-то мелкие детали. И вторым листом любовался, и третьим – будто бы рука и нога скелета были чем-то

вроде картины известного мастера. Затем довольно хмыкнул и опять что-то пробормотал себе под нос. Впрочем, хотя и тихо, но все же вполне различимо:

- Замечательно, просто замечательно. И ведь это просто побочный результат!..
- И чего замечательного в том, чтобы скелеты фотографировать, да еще так странно?
- С чего ты взял, что это скелет? Николай Дмитриевич жив и, слава богу, помирать пока не собирается. М-да. Если не будет увлекаться таким вот фотоделом.

Хозяин кабинета быстро подошел к столу и набросал несколько строк в своем ежедневнике.

- Так это ЕГО кости, что ли?
- Его, Гриша, его. Пильчиков проводил серию опытов с катушкой Румкорфа и трубкой Крукса и подметил один интересный эффект. Материальное выражение которого ты только что и имел счастье...

Долгина непроизвольно передернуло, и Александр едва удержался от смешка.

- ...наблюдать. Как думаешь, Николай Дмитриевич полезную вещь изобрел?

Отставной унтер-офицер задумался так глубоко, что не заметил, как в его руках опять оказалась короткая «фотосессия» из Кыштыма. Повертел ее, покрутил, примерил свою лапищу к полупрозрачной профессорской кисти...

- Было дело, на заставе один объездчик руку сломал – так пока разобрались, что там к чему, он неделю ходил и зубами поскрипывал.
- Как же, помню. Только не перелом у него был, а трещина. Хотя тоже мало приятного.
- Эт точно.

- Ладно уж, скажу. С помощью... хм, лучше Пильчикова можно будет находить застрявшие в мякоти осколки и пули и на чухотку [30] людей проверять. А на производстве – искать дефекты в металлических отливках или деталях. Так как насчет полезности?

Господин главный инспектор еще раз глянул на улыбающуюся черепушку и согласился:

- Вещь.

Резкий стук поставил окончательную точку в разговоре – он, а еще появившийся на пороге довольный экспедитор.

- Александр Яковлевич, есть следочек!

Несмотря на то что Хитров рынок пользовался у московских обывателей вполне заслуженной славой места, где обитают исключительно воры и мошенники всех мастей, изредка разбавляемые совсем уж выдающимися душегубами, и общепринятым правилом было держаться от всей этой публики подальше... были все-таки в Первопрестольной отдельные личности, игнорирующие подобные предубеждения и спокойно ходившие не то что по краешку криминального района, но и бестрепетно забиравшиеся в самые его мрачные глубины. Одни – следуя долгу службы, другие – по убеждениям, и что самое удивительное, ни первых, ни вторых

никто не трогал. Собственно говоря, двое городских, относительно недавно поставленных блюсти порядок и законность на всей территории Хитровки, сами могли обидеть кого угодно – саженный рост, широкие плечи и пудовые кулаки к этому весьма располагали. А вот господин Кувшинников столь выдающимися статьями не обладал – и все равно безбоязненно навещал городскую клоаку. Потому что являлся одним из немногих медиков, оказывающих лечебную помощь обитателям рыночных трущоб, за что и был ими по-настоящему любим. И случись с ним что, его обидчика искала бы (и непременно нашла!) вся Хитровка, от мала и до велика. Босяцкое уважение – оно тоже кой-чего стоит!

Так что когда к нему на квартиру прибежал мальчишка-посыльный, Дмитрий Павлович с легким сожалением отложил в сторонку «Этюд в багровых тонах» гениального Артура Конан Дойля, перечитываемый уже в четвертый раз, и спокойно подхватил свой «дежурный» саквояж. Спустился с третьего этажа полицейской части (ибо жил двумя этажами выше официального места работы), после чего неспешным шагом и всего за семь минут добрался до одной из достопримечательностей Хитрова рынка – трактира с высоким и поэтическим названием «Сибирь». Сие почтенное (особенно для опытных карманников и крупных скупщиков краденого) заведение издавна служило многим «деловым» людям своеобразной трудовой биржей. Здесь они всегда могли отдохнуть от трудов несправедливых, узнать последние новости и слухи, договориться о совместной «работе» с более удачливыми коллегами, взять хорошую наводку на богатый дом или квартиру, попросить небольшое вспомоществование после возвращения из тюрьмы...

– Ну-с, Федот Иванович, что у вас случилось на сей раз?

Дюжий городской по фамилии Рудников в один затяг добил папироску, щелчком пальцев отправил опустевшую гильзу прочь и довольно-таки равнодушно ответил:

– Да как обычно у нас, Дмитрий Палыч. Поножовщина.

Зайдя вслед за полицейским чином в «Сибирь», по случаю произошедшего в ее стенах практически безлюдную (разве что сам трактирщик да несколько его служек приглядывали за порядком – а за ними самими наблюдал второй городской), Кувшинников привычно скинул сюртук, скатал его подкладкой наружу и аккуратно уложил на верный саквояжик.

– Что ж, приступим к осмотру.

– Доброго утречка вам, Дмитрий Павлович!

Подтянувшийся поближе городской Лохматкин почтительно поздоровался и небрежно махнул своей ручищей куда-то в глубь полутемного помещения.

– Чернявый и два его дружка вон там – зарезали их, как курчат. Еще один в закутке лежит, рядом с задним выходом. Похоже, убежать хотел, да вот не повезло бедолаге. Остальных помяли немного, но шкурка целая, жить будут.

Миновав полдюжины потерпевших (заодно являвшихся вроде как ценными свидетелями), стоически дожидавшихся того светлого момента, когда их наконец осмотрят и, быть может, даже подлечат, представители власти и медицины добрались наконец до места происшествия. Где тут же и разделились: почитатель Шерлока Холмса и доктора Ватсона вооружился большой лупой и принялся за осмотр, а коллега инспектора Лестрейда равнодушно подпер собою стенку и приготовился немного подождать. Равнодушно – потому что трупов он уже насмотрелся во всех видах и давно уже ничему не удивлялся. А насчет подождать, так все было еще проще: медик полицейской части никогда не выполнял свои обязанности спустя рукава,

очень ответственно относясь к любой, даже самой незначительной, бумажке за своей подписью. За что, собственно, его и уважали, ибо лечил он так же обстоятельно и хорошо, как и оформлял заключения о смерти.

вернуться

30

Туберкулез.

– Ну?

Несмотря на свои богатырские стати, Рудников (как, впрочем, и Лохматкин) умел при надобности ходить практически бесшумно. И вообще быть неприметным, что не раз помогало ему в насквозь криминальном районе.

– Сам не видишь, что ли?

– Что-то долго сегодня.

Полностью игнорируя тихий разговор, молодой медик проследовал мимо городских в сторону неудачливого «бегунка», задумчиво хмурясь. А минут через пять вернулся обратно, еще и озадаченно потирая высокий лоб.

– Странная какая-то история получается, Федот Иванович. А вообще, как все это дело произошло?

Доблестный страж порядка пожал плечами и, решив не утруждать попусту свой язык, подозвал чужой. Причем выбрав именно тот, что был вполне хорошо подвешен, а его обладатель – даже самую малость образован.

– Давай, чернильная душа, излагай. Да чтобы как на исповеди мне!

Недоучившийся (причем сильно) писарь, нашедший себя в скупке и перепродаже уворованного шмотья, мялся, жался, опасливо поглядывая на здоровенные кулаки дюжего полицейского, но изливать душу не спешил.

– Ну?! Чего молчишь?

Понятливо покосившись на оттопыренные уши остальных кандидатов в рассказчики, Рудников проявил уважение к особенностям местного этикета, легонько махнув рукой.

Бумс!

Упав от добродушной оплеухи на пол, старательно заплевываемый целыми поколениями аборигенов Хитровки, мужчинка тут же шмыгнул носом и тихонечко прогундосил:

– Сразу бы так и спрашивал, а то канителился...

– Ну!

– Поначалу их пятеро было. Морды тряпками замотаны, как зашли – двое у двери остались,

остальные головами повертели да сразу к Захарке за стол подсели. Полялякали там с ним о чем-то чутка, а потом раз – взяли да и замесили Чернявого. А? Да, и дружков его тоже. Ну общество стало интересоваться...

Свидетель осторожно прикоснулся к боку, явно проверяя целостность ребер. Остальные хитровцы невольно повторили этот жест, осторожно оглаживая разнообразно пострадавшие места.

– ...так они втроем всех на пол сложили, ироды, да ловко так! Немного попинали, показали пистоль да сказали – кто будет бузить, того сразу наглухо уработают. Серьезные люди, по всем повадкам видно. Потом за Захарку принялись – дружков-то его почти сразу кончили, а у него все чего-то допытывались.

Увидев заинтересованный взгляд сразу двух городских, мужчина торопливо открестился:

– Не слышал! Вот те крест святой, Федот Иванович, далеко я лежал. Да и тихо они расспросы свои вели, только и видно было, как Захар им в ответ губами шлепает.

На что тот недоверчиво хмыкнул, но настаивать не стал:

– Дальше говори, болезный.

– Потом с заднего ходу еще двое пожаловали. Они все пошептались чуток между собой, да и ухандорили с трактиру.

– И что, никто за ними не метнулся?

– Тама один дядечка напоследок сказал – мол, если увидит кого любопытного, то они вернутся. И весь трактир, значица, того... на ножи поставят. Хорошо так сказал, душевно.

– Все?

– Ага. Мне бы это, микстурку там какую, а? Так в душу приложились, проклятушие, что едва кишками не подавились.

Благодарные слушатели оказались еще и сострадательными. Пусть не все – но даже одного доктора хватило, чтобы проявить жалость в виде квалифицированной медицинской помощи. В основном словами утешения и поддержки, но кое-кому и в самом деле достались пакетики с порошками и целебные капли – тем, кто едва-едва держался на ногах. После чего посетители одного трактира тут же захромали-заковыляли в другой, являвшийся опять-таки очередной достопримечательностью Хитрова рынка. Правда, в «Каторге» публика отиралась не в пример серьезнее – беглые арестанты и ссыльные, дезертиры и закоренелые душегубы... Но не идти же им было в «Пересылку», где отиралась нищета-рванина, всякие бездомники да мелкие барышники? Эта публика уж точно ничего никому не нальет – а выпить хотелось просто неимоверно!..

– Н-да, а ведь странная картинка вырисовывается...

Лохматкин, не понаслышке знакомый с повседневной жизнью Хитровки, равнодушно пожал плечами – на его работе и дня не проходило, чтобы кто-то кого-то не отбущал до полусмерти. А то и вовсе – до нее самой, полной и окончательной. Пробитые головы, ломаные руки-ноги, упившиеся и захлебнувшиеся собственной рвотой, истаявшие от болезни или от голода, с дырками от ножей и других острых железяк... Он уже ничему не удивлялся – такая уж

скотинка человек, ко всему привыкает. А вот Рудников интерес проявил, ибо любил держать нос по ветру:

- А что не так, Дмитрий Павлович?

- Да все не так, Федот Иванович. Вот смотри.

Полицейский медик поманил городского за собой, подведя к лежащему ничком телу. Если бы не небольшое пятно крови рядом с поясницей, вообще могло бы показаться, что человек всего лишь придремал.

- Ну что, чисто сработали.

- Верно. Одним ударом, и сразу наповал. Теперь пошли к столу. Видишь?.. Обоих закололи почти одинаково, и тоже с одного удара. А вот Захару так не повезло, его явно истязали, расшатывая нож в ране. И делал это человек, очень хорошо разбирающийся в анатомии – ни одного крупного или среднего сосуда не задето. Потом в пытках поставили точку – и опять-таки одним ударом! Четким, сильным, точным! Значит, или недоучившийся студент-медик, или бывший хирург. Так как явно наблюдается некоторое планирование действий и его определенно слушались остальные, он с большой долей вероятности мог быть медиком военным...

Только начав построение дедуктивной цепочки, он сразу же был вынужден отвлечься на городского – тот просто-таки излучал скепсис.

- Что-то не так?

- Кхм. Дмитрий Палыч, сами ведь знаете, среди местной публики кого только нету. Случается, и графья с баронами попадают, и чиновники, но вот врачей доселе что-то не замечено.

Рудников кивнул на бывшего Чернявого, встретившего свою кончину в очень нелегких обстоятельствах:

- А вот, к примеру, цыган какой такое мог утворить очень даже запросто. Бывают среди них умельцы, с ножичком-то. И кулаки почесать тоже. Тут ведь людишки-то смирные по большей части – руки берегут и на рожон почем зря не лезут, иначе как же им потом отбитыми пальцами-то по карманам шустрить? Нет, в «Каторге», может, такое бы и не вышло – на пол всех уложить, там народец шубутной, на драку легкий, а тут чуток погладили по сусалам – все сами и попадали.

- И что же простой карманник не поделил с таким вот цыганом? Лошадь, хе-хе, свел?

- Ну мало ли, в жизни всякое бывает. Может, брат его чего не поделил.

- А кто у нас брат?

- «Кот» [31] он, обычно в Грачевке [32] обретается, но и сюда иногда заглядывает.

Высокоинтеллектуальный разговор прервал трактирщик, настойчиво поинтересовавшийся, когда же ему можно будет открывать заведение. Тут же прибежал посыльный, затребовавший доктора в другое место, помогать пробитой голове очередного пострадавшего, заторопились по своим делам городовые, подъехала телега за безвременно усопшими...

Штатный медик полицейской части вздохнул и стал собираться. Как легко у Холмса выходит применять его дедуктивный метод! Все логично и целесообразно, одно вытекает из другого, важнейшие доказательства словно бы сами собой лезут под руку!.. А ему вот подобное явно не дано. Увы!..

Впрочем, кто на кого учился.

Федор Чуркин очнулся на продавленном диванчике в комнате для «приема» клиентов, и сделал это от боли – очень уж сильно затекли руки. Как он в этой самой комнате оказался, ему было неизвестно, ибо последним, что припоминалось, была ночная улица и резкая вспышка света, причем прямо в голове.

– Мм?!

– Хм-му!

Глаза буквально разъезжались в разные стороны, словно бы он уже успел хлопнуть стакан-другой самогона, а рот оказался забит какой-то вонючей тряпкой. Вдобавок его запястья были крепко (слишком крепко!) стянуты за спиной. Поворот раскалывающейся от боли головы и последовавшее за этим действием легкое усилие помогли обнаружить, а затем и опознать лучшего друга (а заодно и напарника по нелегкому сутенерскому ремеслу) Харитошу. А справа нашлось, так сказать, само орудие производства, маруха [33] Машка – это она отозвалась на его мычание своим. В данный же момент и друг, и сожительница очень напряженно смотрели куда-то вперед. Вернее, не куда-то, а на кого-то.

вернуться

31

Так в то время называли сутенеров.

вернуться

32

Московский район «красных фонарей», располагавшийся между нынешними проспектом Сахарова и Цветным бульваром.

вернуться

33

Сожительница.

– Очнулся.

Услышав незнакомый голос, Федор встрепенулся, опять замычал от боли и принялся усиленно моргать, прогоняя из глаз тяжелую одурь. Где-то с третьей-четвертой попытки ему это удалось, и прояснившемуся взору открылись двое бородатых мужичков, одетых как преуспевающие

лавочники. Вот только у лавочников обычно не бывает таких внимательных глаз. Да и плечи обычно поуже, а вот живот, наоборот, заметно шире... Лихорадочные размышления опытного «кота» (кто же это к нему припожаловал?) прервало появление третьего мужчины – подхватив по дороге стул, он поставил его примерно за сажень от обездвиженной троицы, плавно уселся и достал из кармана серебряную «луковицу». Подвесил прямо перед собой за цепочку и, равномерно покачивая, спокойно поинтересовался:

– Где хозяин этих часов?

– Мм!

Словно бы только сейчас заметив, что рот его собеседника занят чем-то посторонним, неизвестный легко поднялся, перетек поближе и коротко взмахнул неизвестно когда оказавшимся в руке ножом.

– Хмм!!!

Острое лезвие горячим ветерком рассекло тряпку, а вместе с ней и кожу на лице. А острое подцепило замусоленный и пожеванный комок и вытащило его изо рта – только для того, чтобы тут же кольнуть верхнюю губу.

– Отвечай тихо.

Присев обратно на стул (при этом нож исчез так, как будто его никогда и не было), человек мимолетным жестом огладил свою рыжую бороденку и разрешил:

– Говори.

Федор облизал враз пересохшие губы и просительно улыбнулся. Гости его на «деловых» людей были непохожи, а следовательно – имелся очень даже недурственный шанс отблехаться. Правда, и на полицейских фараонов они тоже не смахивали, но об этом он уж как-нибудь потом погадает.

– Ошибочка вышла, господин хороший, вот ей-богу – ошибочка! Я и часики эти в первый раз вижу. Вам, видно, наговорил кто-то на меня, так вы ж не верьте – мы ничем таким не занимаемся, у нас все по-честному, по согласию...

Допросчик коротко махнул рукой.

Ссших!

Тум!

Голова сутенера дернулась назад и резко полыхнула сильной болью в переносице. Прогоняя наворачнувшиеся слезы и хлюпая кровавыми соплями (а заодно наливаясь черной злобой), Чуркин пронаблюдал, как с его живота забирают нож, угодивший аккурат в кончик носа. Металлическим и очень даже твердым «пятак» рукоятки.

– Три дня назад ты отдал часы своему брату, с тем чтобы он заложил их в ломбарде. Захар это сделал, взяв себе треть вырученных денег. Остальные две трети он передал тебе вчера утром.

Из кармана появились на свет металлическая змейка, тускло заигравшая на свету серебром, и небольшая коробочка, блеснувшая никелем.

- Этот браслет нашли в соседней комнате. Зажигалку - в твоём кармане. Где?

Вместо ответа Федор презрительно сплюнул. На душе было мутно до невозможности, но показывать это он не собирался - знай наших! И на каторге люди живут. Рыжебородый же на это даже и лицом не покривил - мимоходом распорядился зажечь печку, а потом просто взял да ушел. В соседнюю комнату.

...Пять минут спустя.

- МММ!!!

Сильная рука словно нехотя отпустила нос, а потом вытащила кляп, позволяя «коту» втянуть в себя сладкий и такой живительный воздух. В штанах было подозрительно сыро, в душе царил полный раздразни, но надежда на лучшую участь еще оставалась:

- Что ж вы, ироды, с невинным человеком творите!.. М-мы!

- Ты ведь все равно не будешь говорить, правда? Тогда и я звать никого не буду - чего людей туда-сюда гонять, только расстраивать. Давай-ка лучше мы с тобой опробуем одну штучку, а?

...Еще пять минут спустя.

Странная двузубая вилка, соединенная гибким проводом с чем-то вроде телефонного аппарата, легонько ткнулась Федору прямым концом под челюсть, и его тело тут же скрутило в спазме.

- Ы-ы-ы!!!

Все та же сильная рука примерно с минуту покрутила ручку, прикрепленную к ни разу не телефонному аппарату, и задумчиво зависла, выбирая - какую часть сутенерской тушки опять познакомить с электричеством.

- Уы-ы! М-му!!!

- Может, еще немножко потерпишь? Ну совсем чуток? А я тебе за это отличную работенку подкину. Сделаем из тебя лихого ветерана - ногу отнимем и руку. До локтя. А? Ну и язык отрежем, это уж само собой. Народ у нас жалостливый, до конца жизни на милостыню жить сможешь. Ну что скажешь?

- Му-ы!!!

- Ладно уж, сейчас позову. Но если что - ты только мигни, я рядышком.

Увы, счастливая звезда Чуркина закатилась навсегда - кляп на сей раз сняли с Харитона. Но перед этим ненавязчиво покрутили перед лицом кочергу, раскалившуюся аж до малинового цвета, а потом распластали штаны вместе с замызганными кальсонами и приложили страшную вилку к самому дорогому, что у него осталось. Прямо к этому самому.

- Будешь говорить? Или как?

Напарник Феди с ужасом скосил глаза вниз, затем на своего лучшего друга, потом на его маруху, пребывающую в глубоком, а посему счастливым обмороке, и мелко-мелко закивал:

- Кхе! Кха!..

Подставив губы под кружку с водой, поднесенную тем самым «сердобольным» мучителем, мужчина сделал несколько судорожных глотков и поперхнулся. Пока он, согнувшись, откашливался-отплевывался, в голову пришла спасительная мысль:

- Все расскажу, как было! Если Христом Богом поклянетесь, что нас живыми отпустите!

Даже похрипывающий от боли «кот» притих, напряженно ожидая ответ.

- Это можно. Но нужна ли вам будет такая жизнь? Без рук. Без ног. Языка, глаз и барабанных перепонок. Живыми трупами в богадельне. Обещаю, ваше содержание и лечение – впрочем, бесполезное – буду оплачивать до самого конца. Интересно?

- Нет!!!

Рыжебородый, повадками более всего напоминающий зверя, помедлил, затем тихо и ОЧЕНЬ серьезно предложил:

- Тогда расскажи мне то, что я хочу знать, и обещаю – я отпущу вас легко. Без долгих мук, боли и страха. Вы просто уснете и не проснетесь.

Харитон глубоко вздохнул-всхлипнул. Вздрыгнул от очередного тычка разрядником-вилкой и начал исповедь:

- Ну... Он к нам несколько раз уже заглядывал, всегда при деньгах, все такое. Один раз лопатник [34] при Марьяне открыл, там бумажек – видимо-невидимо!.. И с чумаданом своим никогда не расставался, даже когда ее... того.

Заместитель сутенера кивнул на бесчувственное «средство производства»:

- Она и предложила замарьяжить [35] его по-тихому, а денежки из чумадана, значица, себе прибрать. Вот. А этот ваш еще и дюже крепкий оказался – сколько мы ему «малины» [36] подлили – быка свалить можно! Ну когда заснул, мы его быстро ворочать начали, цепку с чумадана пилить – а он возьми да очнися! Мне приложил, пистоль свой стал искать на поясе, Марьку пнул... Федька и ткнул его легонько свинчаткой. В висок попал. Случаем получилось, ну кто ж знал, что так оно все повернется!..

Золотистые глаза зверя в один момент стали мертвыми.

- Где его тело?

- Так известно где; одежду прибрали, самого в Неглинку спустили. Все так делают...

Наклонив голову, рыжебородый переспросил:

- Куда его спустили?

Подошедший на два шага ближе «лавочник» метнул на Харитона с Федором ненавидящий взор и тихо пояснил:

- В сливное отверстие для нечистот. Тут под землей речка Неглинная протекает, в ее коллектор Глеба и скинули.

Мужчина на стуле закрыл глаза и еще больше опустил голову, а вокруг него все невольно вытянулись, буквально кожей ощущая сгустившееся напряжение.

- Я вам верю, а вы что творите?! Во время службы пьете да по бл... гуляете?

Когда молчание стало таким тяжелым, что начало давить на всех не хуже свинцовой плиты, он обронил, так и не поднимая взгляд:

- Ну ничего, я это исправлю. А пока - Второй!

- Здесь!

- Делай что хочешь, но тело из коллектора достань - у Глеба должна быть могила. Несмотря ни на что, он был МОЙ человек.

Вместо ответа плечистый «лавочник» вытянулся еще больше.

вернуться

34

Бумажник.

вернуться

35

Опоить.

вернуться

36

Сильное снотворное.

- Что ж ты замолчал, Харитон? Говори дальше.

- Так... а чего говорить-то?

- Например, где его вещи и чемоданчик.

Кающийся убийца на мгновение замялся, затем встретился взглядом с одним из «благодарных слушателей» - и вздрогнул:

- Тряпки продали, остальное поделили. Вот только чумадан подломить пока не смогли, припрятали, и пистоль вместе с ним.

Не дожидаясь следующего вопроса, заместитель сутенера добровольно указал, где тайная ухоронка и как именно ее открыть. Тут же диванчик вместе с его обитателями сдвинули в сторонку, поддели одну половицу, другую - и выложили на стол пригоршню недорогих украшений из серебра и узелок с завязанными в нем банкнотами. Затем ободранный до металла чемоданчик, с несколькими дырками посерединке и вмятым внутрь замком, на него лег небольшой зализанных форм пистолет с двумя прямоугольниками-магазинами, серебряный нательный крестик и овальная бирочка с гравировкой. Цепочка, на которой висел смертный

медальон, пропала безвозвратно.

Рыжебородый что-то тихо сказал своим подчиненным, затем подошел к чемоданчику, немного повозился, пару раз стукнул, затем с силой надавил – и отступился.

– Заклинило.

Вздохнул, глянул на тружеников постели и дубинки, отчего их всех разом начала бить крупная дрожь, и скомандовал:

– Собираемся!

Половицы положили обратно, вслед за ним вернулся на прежнее место и сам диванчик. Удивительно громко захрустел сургуч двух вскрываемых штофов с водкой, а из ртов бесцеремонно вырвали-убрали кляпы.

– Хлебайте, сволочи!

Место кляпов заняли бутылочные горлышки, и обжигающая жидкость с неприятным привкусом широким потоком хлынула внутрь.

– Вот так.

Чемоданчик и подрывную машинку, используемую в качестве полевого детектора лжи, засунули в мешок и вынесли прочь, все остальное исчезло в карманах «лавочников» – все, что принадлежало их товарищу. Опять вернулся из соседней комнаты рыжебородый, придирчиво осмотревший «гостеприимных хозяев». Оттянул им веки, довольно кивнул при виде стеклянных глаз...

– Уходим.

На пол, немного покружась, упал билет, с ведома Сretenской полицейской части позволяющий мешанке Марианне Вуцетич заниматься проституцией у себя на дому. Блеснула зажигалка убитого Глеба, ее кремь высек несколько искр и помог родиться небольшому огоньку – на самом что ни на есть кончике фитиля керосиновой лампы. Слегка посомневшись, огонек заметно погас и налился силой, заставляя сгустившиеся и почерневшие тени заполошно отступить прочь. Едва слышно скрипнула печная вьюшка, перекрывая вытяжную трубу, а вместе с ней и выход угарного газа, затрещали недовольные этим дрова... Через час они прогорели, еще через полчаса дотлели последние угольки, и в комнату наконец-то пришли темнота, тишина и покой. Мертвый покой...

Глава 6

Поздним днем, практически перешедшим в ранний вечер, российский предприниматель, книгоиздатель, просветитель, меценат, да и просто очень хороший человек Иван Дмитриевич Сытин сидел в одной из комнат на втором этаже своей конторы. Сидел он не просто так, а увлеченно листал толстый рекламный буклет, еще теплый и отдающий прямо в нос чуть ли не всей палитрой типографских красок. Еще несколько брошюр лежали рядом, ожидая своей очереди на просмотр, вдобавок ему вот-вот должны были принести пробный номер новой газеты.

– Нет, ну надо же, до чего человеческая мысль дошла!

Колупнув ногтем вставку-снимок набора слесарного инструмента, аккуратно разложенного в специальном деревянном чемоданчике, Иван Дмитриевич еще раз взгляделся в поясняющую надпись и уважительно качнул головой:

- Сорок восемь предметов, ишь ты!

Такого же покачивания удостоилась и ручная лебедка. Потом – механическая дрель с тремя скоростями и двумя сменными зажимными патронами. Вот, правда, пневматический отбойный молоток вызвал у него легкое сомнение... Зато передвижная установка «Электрогепест», с большим набором расходных материалов, произвела на книгоиздателя самое неизгладимое впечатление. Как и еще добрых три дюжины страниц, на которых было все то, что Русская промышленно-торговая компания предлагала в качестве ручного, механического или пневматического инструмента. В следующей рекламной брошюрке, весьма солидного вида, все та же компания хвалилась всем многообразием производимого ей оборудования – от простого болта вплоть до полноценных заводов «под ключ». Предпоследний же шедевр типографского искусства и вовсе был оформлен как полноценная книга – твердая обложка, тиснение и белоснежная бумага наивысшего качества. Скромно подчеркивая тем самым, что Русская оружейная компания на этом самом качестве никогда не экономит. Удобная и весьма продуманная военная амуниция, разнообразнейшие медицинские принадлежности, винтовки, карабины и охотничьи ружья, пистолеты, револьверы...

- ...И пулеметы. Надо же, он и ими торгует!

Иван Дмитриевич смочил пальцы о специально заведенную для этого дела влажную подушечку (при его работе никакой слюны не напасешься!) и аккуратно перелистнул последние страницы.

- Что у нас здесь?

«Здесь у нас» было белое [37] оружие тульской и златоустовской работы: сабли, шашки, бегуты, охотничьи ножи и рогатины, «ножи путешественника» с встроенными ложкой и вилок, ножи с множеством полезных дополнений вроде штопора и пилочки, наградное оружие и в завершение всего этого – сувенирные клинки народов мира. Полюбовавшись на изображение турецкого ятагана и шотландского палаша, он искренне заинтересовался необычным видом сильно изогнутого тесака. Прочитав поясняющую надпись, хозяин конторки дернул бровью:

- «Кук-ри»... Чепуха какая, прости господи!

Последнюю по счету, но первую по количеству тиража брошюрку Сытин пролистал так же внимательно, как и самую первую: был грешок за Иваном Дмитриевичем – любил он узнавать новости технического прогресса. И вдвойне любил, когда мог оборотить этот самый технический прогресс себе на пользу. Взять те же переносные пленочные фотоаппараты – да он как узнал, что появились таковые, сразу же заказал дюжину штук! Чем больше интересных фотографий, тем больше читателей – что весьма благотворно сказывается на тиражах и прибылях. А его конкуренты пускай и дальше пользуются хрупкими, громоздкими и увесистыми ящиками на складных ножках.

- Хозяин?

Очнувшись от своих довольно-таки приятных дум, владелец типографии повернулся к метранпажу.

- Готово, хозяин.

Еще горячая, только-только из-под печатного пресса, перед ним лежала газета... Как там бишь говорил его компаньон?.. О, точно: газета нового типа! Название выполнено четкими печатными буквами, без всяких завитушек и украшательств – исключительно деловой стиль.

– «Русские вести». Гм. Не бог весть что, конечно. А с другой стороны – видали мы названия и похуже. Нда-с, похуже.

Зато всего остального не видел не только он, но и все остальные акулы издательского дела. Для начала, такая простая вещь, как тематические разделы: вот тут к вниманию читателей самые значимые события недели – произошедшие как в самой империи, так и вне ее, а также переводы самых интересных зарубежных статей. На двух соседних разворотах – сплошь новости экономики, причем, как говорится, на любой вкус, цвет и размер. Курсы валют, биржевые сводки, акции, облигации, торги... Брр! Пришлось даже специального человека для этого дела нанимать. Но – определенно что-то этакое в подобном подходе есть. Дальше шел разворот, посвященный новостям науки, следом еще один, с вестями из губерний, затем литературная страница, историческая страничка и наконец – очередная изюминка новой газеты. Раздел, целиком и полностью посвященный курьезным фактам и историям, дополненный смешными карикатурами и картинками, а также имеющий то, благодаря чему Сытин окончательно и бесповоротно поверил в успех нового издания. Крестословица! [38] Даже сама по себе эта придумка князя Агренева заслуживала самого пристального внимания (хотя он почему-то и отказался признавать свое авторство), а также оформления соответствующего привилея. Но дополненная его же предложением – выплачивать премию в пять рублей первым трем читателям, приславшим в издательство правильно разгаданную крестословицу...

вернуться

37

То есть холодное.

вернуться

38

Русское название кроссворда.

– Хех!

Хихикнув самым неприличным образом, Иван Дмитриевич предвкушающе потер руки. ТАКАЯ газета будет только у него! А со временем, когда его компаньон устроит по небольшой типографии в каждом губернском городке, появится еще несколько. Например?.. Хозяин конторки нахмурился, вспоминая, затем резкими движениями пролистал свой ежедневник до нужного места:

– Ага. «Из рук в руки»! Очен-но даже подходящее название!

Идея издания, целиком и полностью посвященного объявлениям – о поиске работы, своей второй половинки, продаже ненужных вещей... Да мало ли о чем можно написать в такую газету? Опять-таки упорядочить все это по разделам, добавить губернские и уездные

вкладыши, да цену особо не задирать; и главное – тираж, тираж побольше! Сколько крестьян да прочего работного люда приходит каждый год в Первопрестольную, причем практически наобум, надеясь только на авось? А в другие города?

– Нда-с!..

Иван Дмитриевич тяжело вздохнул, вспоминая, как сам в двенадцать лет покинул родное село в Костромской губернии, отправившись на заработки. Правда, ему очень сильно повезло – нашлись добрые люди, дали с собой письмо с рекомендацией да адресок указали...

Пятнадцатилетним в Москву пришел. Первые четыре года жалованья вообще не видел, работал за еду да науку торговую. Сам всего добился, сам! Прилежностью, трудолюбием, сметкой, собственным разумением и трудом! Кто он был? Выходец из крестьян, сын волостного писаря, устроившийся обычным служкой в книжную лавку. Стал же – купцом первой гильдии, одним из столпов книгоиздательского и газетного дела в России!

– А со временем!..

Вспомнив конкурентов и некоторых своих «приятелей», он недобро нахмурился. Потом мысли перескочили на титулованного компаньона, с которым у него поначалу вышла некоторая неприязнь. И то сказать – ведь чуть ли не силком вошел в его дело! Зато потом, после одного очень долгого разговора, меж ними как-то незаметно родилось по-настоящему полное взаимопонимание. Да, молодой князь хотел почти невозможного – контролировать если не весь, то большую часть печатного рынка империи. Невозможно! Но... Как он тогда сказал? Да еще этак полусмешно-полусерьезно? «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью»? Сытин сжал в кулак что-то невидимое, легонько им потряс и пообещал:

– Еще как сделаем!

Сложив газету и брошюры в одну аккуратную стопочку, Иван Дмитриевич совсем было собрался слегка размять ноги, прогулявшись до типографии, но не успел, так как один из помощников принес незнакомую визитку. А следом пожаловал и ее хозяин, потомственный вичугский купец первой гильдии, Николай Михайлович Красильников. По крайней мере, именно так было написано на светло-бежевой картонке. Вот только одежда на нем была не совсем подходящая для торгового сословия, да и манеры приличествовали скорее какому-нибудь дворянину. Впрочем (Сытин про себя вздохнул), клиентов, как и родню, – не выбирают.

– Какой заказ желаете разместить? Рекламные листовки, прейскуранты, этикетки, заметку или статью в газетах? Или, быть может, надобно книгу издать?

– Мое дело не совсем того свойства, почтенный Иван Дмитрич, как вы о нем подумали. Как бы это сказать?..

– Да как есть, так и говорите, мы ко всему привыкшие.

– Ну что же, напрямик так напрямик. Не могли бы вы, почтеннейший Иван Дмитрич, устроить мне встречу с князем Агрневым? Или хотя бы передать ему из рук в руки мое письмо?

Ничуть не удивляясь, причем как прозвучавшей просьбе, так и подобному знанию о личности компаньона (все же купеческая Москва – одна большая деревня, в которой все всё знают о всех), Сытин всего лишь приветливо улыбнулся:

– Почему бы вам не обратиться на Мясницкую, в представительство его компании? Если хотите, могу подсказать адрес.

- Благодарю покорно, я там уже был. Три раза. И в столичном отделении, что на Невском, тоже. Как и в самом Сестрорецке. Предвосхищая ваш возможный вопрос – оба моих письма на имя его сиятельства также остались без ответа.

- Нда-с. И такое бывает. Ну что ж поделаешь, Александр Яковлевич очень занятой человек.

Молодой купчик намек понял совершенно правильно. Недолго подумав и переменив позу, в которой сидел перед хозяином, Красильников честно признался, в чем же причина его столь выдающейся настойчивости:

- Два года назад я вступил в полные права наследства и принял бразды правления семейным делом. Товарищество мануфактур Красильниковых – быть может, вам доводилось что-то о нем слышать?

Во взгляде хозяина появилась еле заметная искорка доброжелательства. Не потому, что он слышал про товар из вичугских текстильных мануфактур много хорошего, хотя и в самом деле – слышал, и немало. Просто так уж повелось на Москве-матушке, что наибольшим уважением в купеческой среде пользовались именно промышленники-фабриканты. За ними шли те, кто занимался исключительно торговлей, ну а в самом низу стояли разного рода ростовщики да менялы – не способные ни произвести что-нибудь хорошее, ни купить это хорошее да перепродать с тройной выгодой. Только наживаться на нужде человеческой.

- Ну как же, как же... И?

Молодой купец еще раз переменял позу, вздохнул и бухнул:

- Я бы хотел предложить его сиятельству приобрести долю в Товариществе. Довольно заметную.

- Гм. Вот как...

Услышав такое, издатель почувствовал легкое замешательство. Представитель купеческой династии желает пустить кого-то в семейное дело, налаженное и приносящее стабильный доход? Уж не ослышался ли он?

- Именно так! Понимаю ваш скепсис, почтенный Иван Дмитрич, но поверьте – это очень взвешенное решение, многожды раз обдуманное и даже одобренное остальными пайщиками Товарищества.

Теперь уже Сытин глубоко задумался, вспоминая – а что же именно такого хорошего он слышал про Красильниковские мануфактуры? Вспомнил. Хм, а ведь по всему выходило, что предложение очень даже выгодное. Ну тогда грех не помочь.

- Что ж, давайте ваше письмо, Николай Михайлович, передам в лучшем виде.

Обрадованный фабрикант тут же выложил на стол конверт веленовой бумаги.

- Не считите за назойливость, почтенный Иван Дмитрич, – а когда?..

- Думаю, на этой неделе.

Провожая молодого купчика почти до входной двери (все равно ведь собирался спуститься в типографию, не так ли?), Сытин все никак не мог отделаться от мысли, что Фортуна

на удивление благосклонна к его компаньону. Иные богатеи годами кружат вокруг таких вот мануфактур да товариществ, уговаривают, выгадывают момент, свадьбы по расчету устраивают – а тут! Деньги сами за князем бегают, да вот беда – все никак догнать не могут...

– Так я могу надеяться?..

– Всенепременно.

Распровавшись со своим несостоявшимся клиентом, Иван Дмитриевич дошел-таки до печатного производства, являвшегося предметом его особенной гордости. Новейшее оборудование и опытейшие работники, коих он весьма ценил (можно даже сказать, холил и лелеял), составляли саму основу его дела, позволяя оное планомерно развивать и расширять. Недаром ведь князь Агренов обратил на него самое пристальное внимание – среди книгоиздателей он один из лучших! А с таким компаньоном, как его сиятельство, да с Божьей помощью, и вовсе станет самым лучшим. И крупным, хе-хе. В очередной раз улыбнувшись своим мыслям, Сытин спустился с небольшого приступка на входе в цех, немного прошелся вдоль переплетного отделения и, не удержавшись, подхватил на руки только-только одетый в обложку «Букварь». Полистал, глубокомысленно похмыкивая и подмечая опытным глазом многочисленные отличия от обычных изданий. Все было проще, нагляднее и... живее, что ли? По такому букварю грамоту постигать – одно удовольствие! Крупный текст с картинками-объяснениями, небольшие примеры, что называется, из жизни, понятные упражнения – не то что в «высочайше одобренном» образце, по которому дети учатся в начальных и церковно-приходских школах. Жалко только, что дальше реальных училищ, открываемых его сиятельством, подобный учебник не пойдет – в министерстве народного просвещения новый образец лет десять согласовывать да «редактировать» будут. Так что «Букварь» безымянного автора лег обратно, а взамен Сытин поискал уже отпечатанный трехтомник «Истории Французской революции» Томаса Карлейля, заново переведенный на русский язык. С первого, да и второго взгляда новое издание почти не отличалось от старого – ну разве что немного сместились кое-какие смысловые акценты, чуть иначе подан материал, да иллюстраций добавилось. А в результате книга получилась откровенно страшноватая. Такую вот «Историю» считаешь, на картинках подробности поразглядываешь, а потом всю ночь будут отрубленные головы сниться. Или агрегат доброго доктора Гильотена, весь в бурых потеках засохшей «смазки».

– Нда-с.

Ни одного томика Карлейля найти так и не удалось, что, в свою очередь, значило, что они уже завернуты в грубую конопляную бумагу, крепко-накрепко перевязаны вощеным шпагатом и спокойно себе отлеживаются в лабазе, дожидаясь путешествия в Сестрорецк. Как и мемуары какого-то бравого ротмистра, умудрившегося поучаствовать и в Крымской войне, и в русско-турецкой. Тоже, надо сказать, весьма интересное чтиво получилось, с превеликим множеством неаппетитных подробностей, выставляющих и англичан, и французов в весьма неприглядном свете. Или вот «Дневник партизанских действий» знаменитого гусара Дениса Давыдова, изрядно отличившегося в последнюю Отечественную войну. Между прочим, перевод заграничного издания тысяча восемьсот шестьдесят второго года. Сильная вещь! Особенно в той части, где повествуется о массовых убийствах французами русских военнопленных и множестве начисто уничтоженных деревень – и ответных «любезностях» с нашей стороны. Нда-с! Пожалуй, кто бы другой попросил издать что-то подобное – так десять раз подумал бы. А потом и отказал. Во избежание вполне возможного знакомства с «ценителями» в лазоревых мундирах Третьего отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии.

– Да уж! Интересно, откуда он эти мемуары взял?

Остальное содержимое лабаза, предназначенное к отправке на балтийский курорт, особого интереса не вызывало: учебники, справочники, наставления, памятки... Вот разве что красочно оформленный сборник русских народных сказок радовал глаз чудесными иллюстрациями. Вздыхнул с сожалением – надо было сразу утроить тираж, своими силами бы реализовал. Ну ничего, все у него впереди – и сказки эти еще раз отпечатает, и все остальное, о чем они говорили с князем, тоже будет. Напоследок оглядев работающее производство (от вида которого его настроение еще больше скакнуло вверх), Иван Дмитриевич развернулся на каблуках и энергичным шагом отправился на выход. И если бы не шум от машин, то любой желающий мог бы услышать, как он, довольно-таки мелодично, напевает себе под нос странную песенку:

- Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...

Яркие огоньки свечей тысячекратно отражались от старательно натертого мастикой паркета, по зале скользили тоненькие фигурки дам, чьи платья, прически и украшения лишь оттеняли (ну по большей части) красоту хозяек. Тяжеловесно и вместе с тем величаво двигались их кавалеры в строгих вицмундирах или черных фраках... Ах этот большой осенний бал! Далеко не каждое аристократическое семейство высшего света могло устраивать подобное мероприятие хотя бы раз в год. Князья Юсуповы могли. И не только могли, но и устраивали, раз от раза радуя всех его участников обилием живых цветов и самых изысканных кушаний, затейливостью лотерей и конкурсов, красотой хозяйки бала и удивительно теплой атмосферой, в которой не было места ни тоске, ни унынию. Нынешний же бал и вовсе был особенный, ведь многочисленных гостей встречал ни много ни мало – сам хозяин дворца на Мойке, князь Николай Борисович!.. Одним только своим видом опровергая все слухи о своей старческой немощи и болезни. Да, чуть-чуть бледноват, возможно, слегка прибавилось морщин на высоком челе – но светский лев по-прежнему был уверен в себе и силен, успевая не только принять все поздравления и приветствия, но и перекинуться парой дежурных фраз с каждым из прибывающих.

- Примите мои уверения в совершеннейшем почтении.

- О, Александр Яковлевич! Рад, определенно рад вас видеть. Возможно, несколько позднее мы сможем немного побеседовать?

- Всенепременно, Николай Борисович.

Небольшой поклон подвел черту короткой беседе. Уже удалившийся на пару шагов князь Агреньев услышал фразу, в точности повторяющую его недавнее приветствие, вот только ответ на нее был совершенно другой:

- Барон. Баронесса. Прошу вас, чувствуйте себя как дома...

Еще несколько шагов, и разговор хозяина с очередными гостями стал полностью неслышим – негромкая музыка и ровный гул приглушенных голосов, переплетаясь, полностью глушили все остальное.

«В последнее время ну всем со мной надо срочно переговорить. Единственное, что обнадеживает – уж кому-кому, а Юсупову от меня точно денег не надо. Ух, вот это... гм, ожерелье!»

Вежливо поклонившись гордой обладательнице красивой груди пятого размера, дополнительно украшенной глубоким декольте и бриллиантовым гарнитуром (стоимостью этак сотни в две

тысяч полновесных рубликов), а затем не менее учтиво раскланявшись с графом Строгановым, гордым от обладания подобными сокровищами, молодой князь огляделся и обреченно вздохнул. Пройдясь по залу и засвидетельствовав в процессе этого увлекательного путешествия свое почтение (в гробу он их видал!) почти полусотне знакомых аристократов, Александр еще раз огляделся. Подумал-подумал, да и стал потихоньку смещаться поближе к окнам-витражам – для танцев было еще рановато, а для светских разговоров «ни о чем» отсутствовало подходящее настроение. Возможно, попозже...

– Князь?..

Впрочем, собеседник нашел его сам. Военный атташе французского посольства, полковник Луи Мулен, увидев владельца единственной в своем роде оружейной компании, заметно оживился и расцвел самой что ни на есть радостной улыбкой.

– Как удачно нас свел случай, князь!

«Как же, случай... Уже все в Питере знают – если и можно меня где-то с гарантией увидеть, так это на приемах и балах у Зинаиды Николаевны. Чем ты, жабоедина, и пользуешься. Причем уже второй раз подряд!..»

– Весьма удачно. Чем могу?..

Полковник едва заметно скосил глаза влево, вправо и пристроился рядом с Александром, подладившись под его шаг.

– Меня просили уточнить...

Мулен сделал многозначительную паузу, намекая на высокое начальство. Только вот непонятно на какое именно: по дипломатической линии или по военной?

– ...на каких условиях вы бы согласились принять на свою фабрику нескольких французских инженеров.

– На работу?

– О, что вы, речь идет лишь об обычной стажировке.

– Дорогой Луи, вам прекрасно известно, что я никого не стажирую. Не принимаю делегаций, не обмениваюсь опытом, не провожу экскурсий... И так далее, и тому подобное. Так что мой ответ вам известен.

Официальный шпион Третьей французской республики изобразил на лице нешуточное огорчение, но что-то сказать так и не успел.

– И хочу заметить, что в свое время вы тоже отказали в аналогичной просьбе моему хорошему другу, профессору Менделееву.

– О ля-ля, что я слышу! Так это... месть?..

Собеседники приятно посмеялись над этой милой шуткой.

– И все же, князь, меня очень огорчает столь малое сотрудничество меж нашими великими странами.

Александр наконец добрался до заранее облюбованного места рядом с приоткрытым окном и остановился, отгораживаясь грузной фигурой атташе от остальной публики.

– Скорее, мой дорогой Луи, вас огорчает другое сотрудничество. С другой, хм, великой страной.

Почти моментально глаза Мулена стали очень серьезными – потому как до этого дня князь таких откровенностей себе не позволял.

– Возможно, вы правы. Знаете, никогда не мог понять...

Так и не заданный вопрос на мгновение повис в воздухе.

– Всего лишь вопрос выгоды. Станки моих немецких друзей оказались качественнее, а предложения кредита – выгоднее остальных, вот и все.

– Значит, теперь вам ничто не мешает завести себе новых друзей?

Русский аристократ благожелательно улыбнулся:

– Я всегда открыт для любых ВЫГОДНЫХ предложений. И кстати, ваши упреки не имеют под собой абсолютно никаких оснований.

– Э-э?.. Боюсь, я не совсем вас понял, князь.

– Это я к вопросу о сотрудничестве. Как минимум с одним французским промышленником у меня вполне хорошие отношения. Мсье Леон Гомон, которому я поставляю киноаппаратуру и механику, – и надо сказать, его заказы только растут. Я покупаю в вашей прекрасной стране порох, ваши негодяи покупают у меня различную продукцию моей Сестрорецкой фабрики... Как видите, все не так уж и плохо.

Если бы Луи Мулен мог открыто выражать свои чувства, он непременно бы фыркнул и скривил лицо. Потому что его представления о сотрудничестве кардинально расходились с таковыми у «сестрорецкого затворника». Который, приобретая в «ля бель Франс» всего лишь сырье для сестрорецкого патронного производства, в обмен продавал целую кучу своих новомодных технических штучек. Все эти многофункциональные ножи и зажигалки, велосипеды, фотоаппараты и кинопроекторы, коляски для инвалидов и моторы, работающие на сырой нефти, а также многое, СЛИШКОМ многое другое... Тем же «Электрогефестом» и ацетиленовой горелкой весьма заинтересовались кораблестроители. «Агрень» и МАг буквально сводят с ума французских инженеров, которым все никак не удается обойти патенты князя, и изрядно портят настроение генералам (потому что сравнение русской армейской винтовки и новейшей винтовки Лебеля оказалось далеко не в пользу последней). Вдобавок он еще выставил на конкурс ГАУ несколько пулеметов оригинальной конструкции. Несколько! Это тогда, когда в самой Франции нет ничего даже и близко похожего!!! И после этого он еще говорит, что все не так уж и плохо?!..

Кстати, насколько Луи был осведомлен, этот русский князь-промышленник вот-вот закончит строительство собственного порохового завода, после чего постепенно прекратит закупки пороха Вьеля.

– Хм, вы конечно же правы. Да, к вопросу о новых друзьях – а какое предложение вы бы посчитали выгодным?

Титулованный аристократ тут же мечтательно прикрыл глаза и немного стыдливо признался – он всегда хотел производить оптическое стекло. От начальной плавки в печи и до финишной полировки линз включительно. И даже обращался с этой своей мечтой к немецким друзьям, вот только они проявили удивительную несговорчивость. Знаменитую тевтонскую упертость, если хотите.

– Я... передам куда следует ваши пожелания. Всего наилучшего!..

– Взаимно.

Провожая взглядом удаляющегося военного атташе, князь Агренов позволил себе цинично усмехнуться.

«Давай-давай, «передаст» ты наш. Только я и сам знаю, что вы скорее удавитесь, чем продадите мне такую ценную технологию; или кучу отговорок придумаете, или такую цену заломите, чтобы я ее с гарантией не смог заплатить».

Слегка отведя душу в беседе с французом (небось теперь не меньше месяца голову будут ломать, анализируя все его намеки и ответы), Александр заодно поставил в памяти галочку. О том, что надо бы не позабыть уточнить у Гreve: как там у него идут дела с покупкой Изюмских песчаных карьеров [39]. Потому что если все идет хорошо, то пора уже зайти в гости к господину Нечаеву-Мальцеву – помнится, Юрий Степанович очень заинтересовался самой идеей выделки оптического стекла силами исключительно русских специалистов. Так заинтересовался, что твердо обещал всю возможную помощь как своими обширными знаниями, так и профильными специалистами со своих же заводов.

«Плюс тот факт, что компания Феди Швабе уже больше чем наполовину принадлежит мне. Хорошо, что ее глава, герр Гамбургер, об этом даже не подозревает. Да и некогда ему что-то там подозревать – занят, бедняга, напряженными переговорами с солидным и весьма состоятельным коммерсантом из Швейцарии. Ему, блин, предлагают полностью профинансировать строительство большого производства, фактически завода, а он так торгуется, зараза, будто бы и не немец, а хохол какой!»

Впрочем, понять Гамбургера было можно. Чем меньше у него оставалось паев в руках, тем меньше он контролировал свою же компанию – кому же подобное понравится? Но и падающие из года в год доходы тоже восторга не вызывали, вот и приходилось крутиться Альберту Ивановичу, чтобы и рыбку съесть, и не напороться седалищем на что-нибудь очень неудобное. Так что рано или поздно на балансе у предприятия все равно появится большой трехэтажный заводской корпус, а в нем – множество русских учеников, старательно перенимающих опыт и сноровку у немецких мастеров. В свою очередь, сама компания окончательно поменяет владельца – но кому интересны такие мелочи?

«Жаль только, что до внятного результата – как минимум семь-восемь лет. Если не все десять!»

Вздохнув и проследив за прибытием очередного важного гостя (впрочем, тут все были такими), Александр прикинул, когда начнется первый тур, а затем переключился на хотя и более мелкий, но тоже весьма жизненный вопрос: что ему делать с предложением «руки и сердца» от вичугского купца первой гильдии Красильникова. С одной стороны, двадцать процентов паев успешного предприятия на дороге никогда не валяются. С другой же – за эти паи с него хотят получить, что называется, по-царски: для начала новые машины для модернизации ткацкой фабрики. Затем обязательство приобретать ткани только у «родного» Товарищества. Ну и напоследок закупать оружейный хлопок [40] исключительно при посредничестве возможного

компаньона.

«Н-да, губа у него не дура. А вот сам – дурак, думая, что у меня только одна или хотя бы две-три компании. Так что пускай его для начала обработают хитроумные юристы Вениамина Ильича, затем торжественно подпишем договор и получим свои законные паи, а уж потом как-нибудь объясним, к чему приводит излишняя хитрожь... Впрочем, он и сам со временем это поймет».

Явление великого князя Сергея Михайловича, прибывшего во всем блеске и славе поручика гвардии, всколыхнуло в госте Юсуповых воспоминания о грандиозной пирушке, приключившейся в самом конце августа, то есть всего неделю назад. Получивший заветные погоны, а вместе с тем и первый заметный чин, молодой Романов «скромно» отпраздновал это событие всего лишь двухдневным загулом – в ходе которого один молодой аристократ навсегда, окончательно и бесповоротно возненавидел шампанское во всех его видах.

«Брр, мерзость!»

Внимательно оглядев залу, Александр подметил еще двух Романовых: великого князя Бориса Владимировича (интересно, где своего раздолбаистого братца Кирилла потерял?) и украшение любого великосветского бала, члена августейшей семьи, его императорское высочество Георгия Александровича.

«Довольно скоро и Михаила станут отпускать «на прогулки» в свет. А вот старшенького что-то нету, видать, весь в делах да трудах».

Еще раз повертев головой, Агренов наконец отлепился от шторки и шагнул вперед – хотел он этого или не хотел, а с приятелями из числа великих князей требовалось поздороваться. Положение обязывает! Да и определиться с партнершами на первые два танца совсем не помешает...

– Князь!..

На полпути его вдруг перехватил знакомый подпоручик, затянутый в мундир лейб-гвардии Измайловского полка. Кажется, фон Витт? Облик его был привычно безупречен, но вот выражение лица и предельно серьезные глаза немного настораживали. Как оказалось, не зря:

– Не согласитесь ли вы мне помочь в деле чести?

Длинная лестница с мраморными ступеньками, темно-зеленая дорожка, большая и даже на вид массивная дверь из мореного дуба...

– Гхм. Кха!

Офицер в форме штабс-капитана лейб-гвардии Преображенского полка заранее откашлялся, чуть-чуть поправил ремень и решительным жестом взялся за небольшой бронзовый молоточек, прикрепленный на уровне груди.

Тук-тук!

Недолгое ожидание, затем створка приоткрылась, и в показавшуюся щель выглянула скромно одетая, но при том весьма хорошенькая девушка, тут же отступившая от проема с молчаливым вопросом в глазах:

- Граф Татищев, Николай Иванович.

На специальный поднос в прихожей скользнула визитка. Недолгое ожидание, во время которого гвардеец успел оценить весьма изысканную (а также дорогую) обстановку квартиры, закончилось возвращением красивой молчуньи и приглашающим жестом. Хозяин встретил его стоя, полностью одетый (несмотря на довольно раннее утро) и первым подал для приветствия руку:

- Рад нашему знакомству, граф. Хотя повод для него, право же, не самый лучший.

- Взаимно.

Присев на предложенное место, Татищев немного помедлил, а затем признал:

вернуться

39

Песок с Изюма (Харьковская область).

вернуться

40

То есть используемый при производстве бездымного пороха.

- Ваша правда, князь, повод действительно... кхм, не вполне. Но тем не менее?..

- Да, конечно. Итак, мой доверитель выбрал: пистолеты, дистанция сорок шагов, стреляться по команде, с места. Где?

Граф выдохнул и помедлил пару секунд перед ответом. Затем протянул с едва заметной вопросительной интонацией:

- На северной окраине города есть тихий лесной парк...

- Хм. Ну не такой уж он и тихий... А на том же Крестовском острове таких лесков несколько. Впрочем, тут у меня нет никаких возражений.

Неслышной тенью за спиной гостя проплыла все та же девушка с небольшим подносом в руках. Пока она ловкими и привычными движениями выставляла на стол перед хозяином и его гостем белоснежный севрский фарфор, сахарницу, кувшинчик со сливками и полный ароматнейшего йеменского мокко кофейник, штабс-капитан успел несколько раз пройтись опытным взглядом по ее милому личику и очень женственной фигурке. А заодно оценить скромное с виду платье, отдав должное как немаленькой стоимости черного шелка, так и мастерству неведомого ему портного. Пожалуй, такое вот «платьице» стоило никак не меньше, чем весь его гвардейский мундир! Повседневный, конечно. Впрочем... все эти частности его определенно не касались. А если бы глаза словно сами собой не скользили по четкому силуэту высокой груди - и вовсе было бы хорошо!..

- Что решим с осечками?

- Я думаю, князь, они должны считаться за выстрелы. Кстати, сколько раз?

- Не более трех, с каждой стороны. О докторе я позабочусь, экипажи у каждого будут свои. А что вы скажете об оружии? Личное?

- Лучше, если будет по жребия.

Высокие договаривающиеся стороны согласно кивнули и уполовинили содержимое небольших кофейных чашечек. Только что они оговорили последнюю формальность – каждый из них прибудет на место со своим комплектом пистолетов, а затем судьба и случай определяют, какой именно дуэльной парой воспользуются их доверители. Осталась пара важных мелочей вроде того, в какой день и час состоится дуэль, ну и написание протокола, в котором отразятся все достигнутые договоренности. Вновь появившаяся девушка в который уже раз усладила своей красотой и выдающимися формами взор слегка расслабившегося офицера. Собственно, пока она укладывала перед хозяином квартиры стопку бумаги и письменные принадлежности (а также мимолетно улыбнувшись, причем только и исключительно князю), Николай Иванович успел даже ощутить легкую зависть к «сестрорецкому затворнику». И понять, почему молодой, но уже весьма известный в высшем свете аристократ столь равнодушен к намекам и авансам великосветских красавиц. С такой-то дивой, поди, и сил никаких не остается. Какой уж тут флирт да ухаживания! Хм, а интересно, кто она?..

- Все же мне определенно жаль...

Подписав и отложив в сторонку последний лист, Александр подхватил тоненькую пачку и легонько постучал ей об столешницу, выравнивая.

- ...что дружба двух очень достойных офицеров не выдержала столь незначительного испытания. Насколько я знаю, они в военном училище крепко приятельствовали? Да и после распределения по разным полкам не прекратили оно.

Приняв и разложив перед собой восемь листков веленовой бумаги, граф Татищев быстро пробежался глазами по ровным строчкам текста, затем замысловато расписался в положенных местах. Бережно сложил и убрал во внутренний карман мундира свой экземпляр дуэльного протокола, аккуратно сложил и отодвинул немного в сторонку второй и лишь затем согласно кивнул. Вот что получается, когда одна дама дарит свою благосклонность сразу двум кавалерам! Одному – призывный взгляд, мягкий жест и улыбку, другому – нежные слова с отчетливыми медовыми нотками и все тот же призыв в томном взоре... И обоим сразу – обещание первого танца. Сейчас уже и не важно, как так получилось: забыла ли или устроила все специально; главное, что ни один из бывших уже приятелей не пожелал отступить назад. В результате всего за дюжину фраз и взаимных реплик доведя мелочное недоразумение до серьезнейшего дела. А дама?.. О, баронесса уже через десяток минут как ни в чем ни бывало кружилась в вальсе совсем с другим кавалером. Вот уж действительно – о, женщины: коварство ваше имя!..

- Все так, Александр Яковлевич, все так. И повод для дуэли, как по мне, крайне незначительный...

Вот только остальные офицеры-«преображенцы» ни за что не поймут молоденького подпоручика, если он хоть в чем-то уступит какому-то там офицеру-«измайловцу». Пускай даже он трижды друг и приятель – в конце концов, не родственник же? Впрочем, понятливый хозяин тут подхватил и продолжил повисшую было в воздухе фразу:

- А раз так, давайте поищем пути для примирения.

Гвардеец изобразил на лице сожаление:

– Я конечно же приложу к тому все усилия – как и полагается любому секунданту. Но главным образом у меня надежда только на время: дуэль состоится через месяц, а за такой срок подпоручик вполне может остыть и одуматься. А что у вас?

– Боюсь, все то же самое. Но как мне кажется, есть один очень интересный вариант... Еще кофе?

– Не откажусь, князь.

В этот раз, из-за того, что красивая молчунья подошла совсем близко, штабс-капитан ощутил тонкий аромат дорогих французских духов. Очень дорогих!.. Пользуясь тем, что хозяин ненадолго отлучился, граф позволил своему взгляду пройтись по нежной молочно-белой (как у аристократок!) коже, хорошей прическе и волнующему изгибу полных малиновых губ. Н-да, таких вот изгибов было в достатке и в других, ничуть не менее соблазнительных местах...

– Николай Иванович?..

– Да-да, прощу прощения.

На столе перед князем посверкивала лакированными стенками и резной крышкой большая шкатулка из вишни, а сам он был все так же благожелателен, тактично проигнорировав «задумчивость» своего гостя. Тихонечко клацнул замочек, и на свет появился револьвер, удивительно похожий на штатное оружие любого офицера Русской императорской армии. А следом за ним – несуразно толстый патрон, пуля которого вдобавок была окрашена в отчаянно-оранжевый цвет. Калибр, определенно, внушал!.. Присмотревшись, граф почти влет определил и еще одно отличие этого револьвера от творения североамериканских оружейников Смита и Вессона – ствол был чуточку длиннее.

– Данный образчик оружейной мысли разработан специально для дружеских поединков на короткоствольном оружии. Ну знаете, немного пощекотать нервы, себя показать, на других посмотреть... Пуля из особым образом обработанного воска вполне безопасна – и вместе с тем ее попадания весьма чувствительны.

Александр слегка понизил голос, добавляя в разговор нотку доверительности:

– Если не сказать больше. Мой первый опыт с ними закончился тем, что я четыре дня хромал и довольно скверно себя чувствовал. А следы с тела сходили еще добрых полторы недели. Предложите подпоручику обсудить его разногласия с моим доверителем не на дуэльных пистолетах, а с таким вот револьвером в руках. Разговор выйдет весьма болезненный, очень наглядный и весьма доходчивый – и притом они оба гарантированно останутся в живых.

– Ну не знаю, князь... Как-то это все сомнительно. И потом, что скажут в обществе?!..

Вместо ответа вновь клацнул замочек шкатулки, выпуская на свет вороненую сталь:

– О, ваш знаменитый «Рокот»!..

Отщелкнув магазин, хозяин протянул его своему гостю. Патронов тот, как ни старался, так и не увидел – глухой прямоугольник с выступом-штырьком непонятного назначения на торце и узкая прорезь с одной стороны, сквозь которую едва виднелась тонкая пружинка.

- Пулями тут служат маленькие бронзовые шарики, калибром в пять миллиметров. А вместо пороха - сжатый воздух. Но пусть вас не вводит в сомнения мнимая слабость этого оружия. С двух сажений оно свободно пробивает ладонь... Или висок. С четырех-пяти - сильно калечит пальцы и лицо, вдобавок опасно для горла, так как довольно глубоко проникает в тело. Ну а глаза стоит беречь даже на расстоянии двадцати сажений.

Граф слушал очень внимательно.

- «Дружеский» поединок на таких пистолетах легко может сделать одного из участников, или даже обоих, калекми на всю оставшуюся жизнь. А особо меткое попадание вполне может закончиться смертью. С другой стороны, это все же не дуэль. И более того, победа в официальном поединке во многом зависит от случая - тот же Пушкин был куда как умелым бретером, но победа досталась никому не известному Жоржу д'Антесу. Мое же предложение позволяет выяснить, притом не доводя дело до непоправимых последствий, - чьи удача и воинское мастерство выше и кто носит свой мундир заслуженно, а кто... кхм, а кому стоит несколько поумерить свои амбиции.

Намек на извечное соперничество между старейшими (да и не только) полками гвардии упал на благодатную почву - очень уж характерно заблестели глаза у штабс-капитана «преображенцев».

- Опять же если это будет не дуэль, а обычное состязание, то на ней смогут присутствовать заинтересованные лица. Конечно, от участников потребуются определенные мужество, решительность и стойкость - ввиду малоприятных последствий для собственного здоровья. Но, я думаю, гвардия этими качествами обладает в полной мере, не правда ли?

Татищев искал в прозвучавших словах двусмысленный намек (не нашел), затем наскоро прикинул возможную реакцию сослуживцев и подпоручика Немечикова. Хм!.. Предложение князя выглядело вполне приемлемым. Конечно, дуэль должна состояться в любом случае, но ведь и провести ее можно по-разному, не доводя дело до крови... И общество останется вполне довольным, ибо все приличия будут соблюдены. К тому же - разве спасение верного сына Отечества (а дуэль - дело такое... сильно чреватое чьей-то безвременной кончиной) не является вполне достойным и уж точно хорошим делом? А риск... Риск - дело благородное.

- Александр Яковлевич, обещаю, что приложу все силы, дабы убедить своего доверителя.

- Могу лишь вас заверить в том же самом, Николай Иванович.

Крепкое прощальное рукопожатие скрепило негласный договор. Затем довольный гость ушел, а гостеприимный хозяин разом стер с лица доброжелательное выражение. Легким жестом подхватил со стола дуэльный протокол, подержал на весу и равнодушно уронил обратно:

- Три дурака. И я - четвертый, вместе с ними. Господи, какой хреню приходится заниматься!..

Глава 7

- Куда ставить, Александр Яковлевич? Угу. Заноси!..

Жилистые грузчики быстро затащили в московский кабинет князя Агренева три длинных плоских ящика, после чего еще быстрее испарились, успев напоследок скользнуть любопытствующими взглядами по сторонам. Приглушенно щелкнул внутренними замками неброский кожаный кейс, раскрывая свое бронированное нутро и лежащие в нем две пухлые укладки...

- Благодарю, Серафим. Без происшествий?

- Так точно!

Неслышно закрылась дверь, оставляя хозяина кабинета в полном одиночестве, а также - очень хорошем настроении.

- Ну что же, посмотрим.

Дробно хрустнула сургучная печать на первом ящике, а затем и на втором. И оказалось, что внутри эти самые ящики разделены на множество аккуратных ячеек, занятых самым разнообразнейшим содержимым. Вот в правой руке оказался темный брусочек с едва заметным медным отливом, затем левая рука подхватила его полную копию, блиставшую на свету огненно-рыжими гранями - черная и рафинированная медь, соответственно. Застывший свет луны, отлитый в серебро, тусклый отблеск свинца и яркий - цинка, а также узнаваемое всюду и всеми золото. Платина, никель, железо, две дюжины сортов стали, хром, льдисто поблескивающий от полировки брусочек белого чугуна... Третий же ящик был занят исключительно колбочками. Мелкие крупинки самородного золота и платины, серо-черные катышки марганца, тяжеловесно перекачивающаяся ртуть, прозрачные и безобидные с виду капли серной и азотной кислоты, просвечивающая на свету каменная соль. Вовсе бесцветные и чем-то похожие на сахар кристаллики цианистого калия, колбочка с мышьяком, похожая на нее стекляшка с толуолом...

- Велика и обильна земля Кыштымская, а хорошего угля в ней как не было, так и нету. Да и молибдена с вольфрамом ну хоть чуток не помешало бы. Эх, мечты!..

Резкий стук в дверь оторвал Александра от очередной колбочки.

- Н-да?

Впрочем, с этим он слегка запоздал - в кабинет, энергично трясая газетой, буквально ворвался Долгин:

- Командир, Тесла сгорел!..

- В смысле?

- Вот!

Выдрав из пальцев друга «Дейли ньюс» месячной давности, князь быстро забежал глазами по печатным строкам, подчеркнутым красным карандашом:

- Вчера, десятого августа одна тысяча восемьсот девяносто второго года... Ужасный пожар, причины которого устанавливаются... Обгорелые почти до неузнаваемости тела хозяина лаборатории и его помощника. Гм.

Откинув газету на стол, он минутку поразмыслил, потом уверенно выдал:

- Эдисон постарался.

С нескрываемым интересом Гриша уточнил:

- С чего так?

Неторопливо усевшись на свое законное место, Александр сплел пальцы в замок:

– Помнишь Вестингауза? В начале лета он приступил к выпуску лампочек с вольфрамовой нитью. Раскупают их у него так, что оба его завода перешли на трехсменную работу, вдобавок спешно строится третий... Еле дождал его, чтобы он прислал хотя бы пяток обещанных специалистов! М-да, так вот – у него продажи растут как на дрожжах, у Эдисона с его древними угольными лампами они точно так же падают. Вдобавок его конкурент очень успешно продвигает свой стандарт переменного тока.

– А Тесла здесь при чем?

Гриша порыскал глазами по сторонам в поисках чего-нибудь для души (вроде вина или свежего бисквита), затем прислушался к оной и передумал – ничего душевнее не хотелось, не созрела еще.

– Так он же работал над беспроводной передачей электрического тока на расстояние. Переменного тока, заметь. И по всегдашней своей привычке не скрывал этого. Вот и представь: дела идут все хуже и хуже, враги злорадствуют, а тут еще довольно известный ученый, притом связанный с Вестингаузом, объявляет, что уже добился кое-каких результатов в своих исследованиях. Которые, при полном успехе, попросту похоронят дело всей жизни Томаса Алвы Эдисона. Вот ты бы что на его месте сделал?

– Ну?... Да уж. Прямо шекспировские страсти получаются. О? А это что за выставка образовалась?

– Выставка? Ах это... Всего лишь приложение к ежеквартальному докладу Сонины – для пущей наглядности, я полагаю.

Подойдя к одному из ящиков, Григорий поколупал ногтем тщательно притертую пробку на одном из «экспонатов». Вчитался в подпись, радостно округлил глаза и глубокомысленно выдохнул:

– Ага!

– Не радуйся прежде времени, он гидролизный, из древесины. И в отличие от медицинского ректифицированного, этот спирт от примесей особо не чистили. Так что, гхм, я бы тебе не советовал.

– Эх! Жалко.

Вернув колбочку с этиловым спиртом обратно, Долгин осторожно потыкал пальцем в стекляшку с соляной кислотой, затем перешел к другому ящику и заинтересовался ярко блестящим бруском.

– «Ни-кель»... Надо же, тяжелее стали будет?

Повернулся к другу и застал редкую, но вполне привычную картинку – глаза Александра уставились на слиточек в его руке, затем он на пару мгновений ушел в себя, медленно моргнул... после чего быстро подхватил карандаш и прямо на укладке написал четыре слова.

«Петсамо. Печенга. Никель. Рудники».

Безжалостно оторвал треть титульного листа укладки, свернул, убрал в карман и довольно

потер подбородок. Тоже, надо сказать, весьма знакомый Грише жест!..

- Командир, если это как-то касается геологов, то сразу говорю - посылать на поиски некого. Всех, кого могли, уже на Дальний Восток услали.

- Ничего, я у Нечаева парочку займу. Или у Тиссена, сразу десяток. Хотя... Не хотелось бы тревожить Августа новостями о перспективном месторождении никеля.

Аккуратный стук в дверь отвлек двух приятелей от обсуждения небольшой проблемки - где взять хороших, опытных и при этом профессионально-забывчивых, ну или хотя бы просто очень молчаливых геологоразведчиков.

- Зайдите.

- Да что ж за жизнь такая! Чего ни коснись - или вечно не хватает, или вовсе нету!..

На такое заявление друга Александр лишь поморщился и согласно вздохнул - потому как ни возразить, ни добавить ему было (по большому-то счету) и нечего. Тем временем зашедший в кабинет курьер тихонечко вскрыл свой переносной сейф, выложил на стол князя тоненькую пачку писем и вопросительно поглядел на начальство. Тут же получил от него солидную стопку укладок, с некоторым трудом умял ее в бронированную раковину кейса, после чего и убыл. Причем так же тихо, как и появился. Успокоившийся Григорий сходил за остальными газетами, прихватив из приемной заодно и обычную корреспонденцию князя (которую не без злорадства в глазах присоединил к уже имеющейся на столе), оккупировал одно из гостевых кресел и принялся практиковаться в иностранных языках - на сей раз ему в этом помогала «Норддойче альгемайне цайтунг». Впрочем, «Северонемецкой всеобщей газеты» начинающему полиглоту надолго не хватило, поэтому Долгин опять вернулся к свободной прессе Северо-Американских Соединенных Штатов.

- Хех! А вот в «Нью-Йорк таймс» утверждают, что пожар в лаборатории Теслы - результат его же собственной халатности.

- М-да?..

Фабрикант задумчиво повертел синий конверт в руках, не в силах с ходу решить - выкидывать его или нет?

- Недельки через две от Арчибальда Лунева будет очередной доклад, вот тогда и станет ясно, кто именно там постарался - халатность или Томас Эдисон. Сам-то что думаешь?

- Ставлю на Эдисона.

- Веришь, значит, в людей...

Неудачно (потому что в ключья) вскрыв очередной конверт, Александр совсем тому не расстроился - даже наоборот, мимолетно скользнув взглядом по строчкам официального послания, довольно улыбнулся:

- Поздравь меня, со вчерашнего дня я стал студентом.

Издав неопределенный горловой звук и начисто забыв о газете в своих руках, Долгин только и поинтересовался:

- Какой университет? И на какой факультет?

- Ну зачем же сразу университет? Императорское Московское высшее техническое училище. На инженера-строителя. И инженера-механика. А заодно и инженера-технолога – там добрая половина дисциплин одинаковая, у всех трех специальностей.

- Строителя?!..

- Ну да.

- Так ты еще и в строительстве разбираешься?

Александр с некоторым самодовольством (чего уж стесняться) скромно признался:

- Немного.

- Да уж, умеешь ты удивлять, командир. Про то, как все это выглядело, я даже и не спрашиваю – должна же быть и тебе хоть какая-то польза от дружбы с московской профессурой. Но как ты собираешься все это дело совмещать?

- Никак, поэтому и подал заявку на экстернат. В начале мая следующего года у меня защита дипломных проектов, в конце – выпускные экзамены.

- Как-то это все сложно выглядит...

- Зато, кроме всего прочего, на меня будут меньше коситься в петербургском обществе. Побурчат, конечно, не без того – но воспримут мою учебу как очередную причуду «сестрорецкого затворника». Да и я пару подходящих слушков пушу, чтобы не скучали.

- О чем?

- Ну например, о том, что я заключил некое пари. Скажем, получить звание инженера меньше чем за год. Ставка... Сотня тысяч рублей. Хе-хе, пускай голову ломают, угадывая, с кем именно я так поспорил.

- Да уж, с тобой не соскучишься!..

- Кстати, а вот тебе к выбору университета стоит подойти с большей серьезностью.

- Да на кой он мне, этот университет?

- Надо, Гриша, надо.

Последнее письмо, прибывшее его сиятельству князю Агреневу прямым из Варшавы и посему специально оставленное «на десерт», тихо скрипнуло плотной бумагой конверта под костяной лопаточкой-ножом.

- Эх, что-то грусть-тоска меня снедает. Сейчас бы развеяться, а?..

Григорий многозначительно поиграл мимикой, движением бровей намекая другу на прекрасный пол. Ну или хотя бы просто небольшую прогулку по центру Москвы – как-никак последние теплые деньки на дворе, грех проводить их только на работе. Увы, все его усилия пропали втуне: командир читал письмо все внимательнее и внимательнее, задумчиво постукивая пальцами по зеленому сукну стола. Рассеянно заметил:

- Если так сильно устал, загляни на недельку в Париж.

Александр дочитал, затем перекинул весточку от жандармского подполковника Васильева через стол, прямо в руки начальника отдела экспедирования.

- Через Варшаву.

Пару мгновений подумал, потом открыл ящик, немного покопался и добавил к письму тоненькую укладку:

- А на обратном пути и в Германию загляни...

Ранним утром подтянутый офицер в мундире Отдельного корпуса жандармов собирался на службу. Придирчивым взглядом проверил, как начищены сапоги, разгладил малозаметную складочку у пояса и поправил пряжку ремня. Постоял немного у окна, с привычным вниманием разглядывая окрестности, получил свой законный поцелуй от жены, после чего подхватил портфель с бумагами и наконец-то покинул дом. Недолгий спуск по лестнице, чьи ступеньки видели не только этот, но и прошлый век, тихое дребезжание рассохшейся двери - в мыслях подполковник уже был на службе, обдумывая...

- Михаил Владимирович?..

Васильев невольно дернулся - до того неожиданно это прозвучало. Правая ладонь словно сама по себе прикоснулась к карману форменных брюк, огладив успокаивающую тяжесть небольшого подарка. Глаза же одним махом охватили и оценили приблизившегося к нему на неприятно близкое расстояние мужчину. Гм, кажется, смутно знакомого?..

- Господин Долгин, если не ошибаюсь?

- Так точно. Его сиятельство просил передать вам его самые наилучшие пожелания. У вас найдется время для небольшого разговора?

Разумеется, время нашлось, и спустя всего несколько минут затянутый в мундир жандарм и господин в статском платье (кое сидело на нем ничуть не хуже мундира) без какой-либо спешки шли по улочкам Варшавы, вполне по-дружески беседуя:

- Так чем же мы можем быть вам полезны?

- Если не углубляться в совершенно ненужные подробности... Занимаясь одним интересным делом о контрабанде, я совершенно случайно узнал о некой шайке налетчиков. Специализируется она исключительно на небольших и дорогих предметах, вдобавок ее жертвы - не вполне законопослушные личности.

Васильев бросил косой взгляд на своего собеседника - может быть, ему стоит излагать дело более простыми словами? Но нет, его спутник никакого недоумения или там непонимания не выказывал.

- Достоверно известно как минимум о пяти нападениях на нелегальных курьеров, перевозивших драгоценные камни для варшавских ювелиров. Золотые украшения из ломбарда. Небольшая партия оптических стекол выделки Цейса. Ряд медицинских препаратов, в том числе морфий высокой очистки - две девятки после запятой. Самое малое дюжина нападений на скупщиков краденого.

- Занятно.

- Да-с. Сами понимаете, такая публика заявлять в полицию не будет. В общем, мне повезло, и я смог выйти на след этих деятелей. Но при попытке ареста они оказали неожиданно сильное сопротивление. Один полицейский ранен – слава богу, несерьезно, остальные стояли в сторонке от дверей и окон и почти не пострадали.

- Странно, я всегда считал, что варшавские преступники более... благоразумны, скажем так. Они ведь обычно не опускаются до такого, предпочитая действовать умом, а не револьвером?..

- А это и не поляки. Мы допросили домохозяина, у которого они снимали жилье – по его словам, все эти постояльцы приехали к нему из Лифляндии [41]. Один с явным немецким акцентом, трое без оногo, вдобавок схожие между собой на лицо. Думаю, есть и еще кто-то... Больно уж налеты у них удачные получались. Вот этот «кто-то» меня и интересует больше всего!

- Чем мы можем помочь?

Подполковник заметил это «мы», но виду не подал.

- Несколько дней назад удалось установить местонахождение трех братьев. Прошу: здесь адрес и примерное расположение комнат в доме.

Листок бумаги перешел из рук в руки.

- Место там довольно глухое, на окраине города, а братья имеют дурную привычку стрелять не задумываясь. Причем в руках у них, как это ни печально, оружие ВАШЕГО производства.

- Конкретнее?

- Пистолет-карабин «Кнут».

Некоторое время они шли молча.

- Через два дня. Где и как их вам передать?

- Я бы хотел лично все наблюдать. Это надо согласовывать с Александром Яковлевичем?

Еще несколько мгновений тишины, затем последовал уверенный ответ:

- Если вы будете один, то не надо.

Поздним вечером следующего дня два очень прилично одетых пана покинули экипаж почти на самой окраине Варшавы. Огляделись по сторонам, причем один из них разгладил складки у своей одежды весьма характерным жестом, затем медленно зашагали в подступающие сумерки. Путь их был недолгим и завершился за полсотни шагов от стоящего на отшибе двухэтажного дома, половина окон которого имела трещины в стеклах или вовсе была наглухо закрыта ставнями. Чуть покосившаяся дверь, заросшая травой куча мусора рядом с редким заборчиком, в палисаднике давно и прочно обосновались полынь и репейник... Когда на глазах подполковника часть бурьяна решила вдруг перебраться поближе к крыльцу, он пригляделся внимательнее. Подумал, а потом списал все на сгущающуюся все больше и больше темноту. Обман зрения, с кем не бывает!.. Наверное, еще и поэтому, когда кусты полыни медленно поползли к одному из двух окошек на первом этаже деревянной развалюхи, он сначала

поморгал, затем помассировал переносицу, опять поморгал, и только когда все эти меры не помогли, обернулся к своему спутнику:

вернуться

41

Латвия.

- Скажите, вы видите то же, что и я?

Вместо ответа тот просто приложил к губам палец, а потом им же ткнул в сторону дома. Повернув голову обратно, Михаил Владимирович увидел, как рядом с окнами появились два размытых пятна, а у двери странно копошится третье. Пожалевав, что не захватил с собой охотничий бинокль, жандарм покосился на своего спутника (который, судя по всему, намеревался заснуть прямо на своем месте), неслышно вздохнул и приготовился к долгому ожиданию. Тихонечко достал часы, бесшумно отщелкнул крышку... И едва не выронил луковицу «Тиссота» [42] от легчайшего прикосновения к руке:

- Мы начинаем.

Словно услышав эти слова, две тени у окон зашевелились, увеличиваясь и становясь похожими на фигуры людей, а та, что возилась у двери, довольно резво убралась в сторонку.

Пум!

Звеньк-звеньк!

Стоило только чему-то слабо полыхнуть у двери, как тени метнули в окна что-то непонятное – то ли камни, то ли нечто вроде консервных банок. Звон разбитого стекла, невнятные вопли из дома, а потом подполковник резко дернулся, отворачиваясь и одновременно зажмуривая веки:

- Вот черт!

Вспышка ослепительно-яркого света из разбитых оконных проемов едва не оставила его без глаз. Впрочем, слух не пострадал, и Михаил Владимирович отчетливо услышал хлопок, а потом и странно-глухой, словно бы сдвоенный выстрел. Минут пять он моргал, яростно прогоняя из глаз «солнечных зайчиков», примерно столько же успокаивался, а затем решительно поднялся во весь рост и слегка суховатым тоном (могли бы и предупредить о таких сюрпризах!) осведомился:

- Полагаю, мы уже можем войти внутрь?

Долгин, не торопясь отвечать, достал из внутреннего кармана золотой портсигар, из него – тонкую сигариллу, прикурил от зажигалки и только после этого спросил в ответ:

- А разве вам не нужны от них собственноручно написанные признательные показания?

- Да, но?..

- Это ненадолго.

- Охотно верю, но ведь ваши люди не знают, о чем именно надо спрашивать?

- Ну во-первых, эти люди – не мои. А во-вторых... Прошу вас, угощайтесь!

Жандарм совершенно машинально взял из портсигара ароматный цилиндрик.

- Для таких случаев уже давно придуман опросный лист. Уверяю: все, что вас интересует, в нем отражено.

- Постойте, что значит: не ваши люди? А чьи же тогда?

Долгин едва заметно шевельнулся, улыбаясь в темноте:

- Михаил Владимирович, это у вас сейчас простое любопытство или служебное?

Подполковник кашлянул, затем с облегчением вспомнил о сигарилле в своих руках. С благодарностью принял зажигалку и тихо извинился за проявленную бестактность:

- Прошу меня простить: в самом деле привычка, знаете ли...

- Я так и понял.

Подымив хорошим табаком, они еще не меньше часа стояли на месте, наслаждаясь тишиной и звездным небом. Ну или не наслаждаясь – но как ни прислушивался душитель свобод, ни единого звука из дома больше так и не услышал. А его спутник, такое впечатление, и в самом деле задремал, стоя при этом на ногах. Или нет?

- Думаю, теперь и мы можем навестить сию обитель скорби и греха.

Перешагнув порог дома, Васильев жадно осмотрелся, стараясь охватить всю картину в целом, невольно поморщился от странного химического запаха (да что там запаха – натуральной вони) в воздухе, с сожалением глянул на закрытые чем-то вроде матрасов (а снаружи еще и ставнями) окна, аккуратно обошел лужу, а потом и опрокинутую бадью. И довольно усмехнулся при виде пары мужчин, разлегшихся на полу в очень странных позах, вдобавок и с повязками на глазах. Третий сидел к нему спиной, но обижаться на такую невежливость гость даже и не собирался. Потому что хозяин был очень, ну очень, можно даже сказать – чрезвычайно занят. Тем, что торопливо изливал на бумагу все вехи своей трудовой биографии, с указанием фамилий поделщиков и наводчиков, заработанных сумм и иных ценностей, адресов скупщиков того самого, нажитого непосильным трудом... Ну и так далее. А чтобы он не устал или, упаси господи, не запямятовал чего-либо важного или мелкого, его нежно придерживал за плечи еще один гость незваный.

- Попались, голубчики!

Больше он ничего сказать не успел, увидев знакомый жест, призывающий молчать. Тем временем начинающий литератор неловко дернулся, поворачивая голову на новый голос, – и тут же слетел со стула от короткого и вроде бы даже и не сильного с виду удара. Немного полежал, приходя в себя, а затем та же рука, что отправила его на пол, вернула и обратно – причем все так же лениво и без малейшей натуги.

- Смотреть перед собой.

Даже ко многому привычного и еще больше повидавшего жандарма проняло от равнодушной

жестокости, прозвучавшей в этих словах. Но в чужой монастырь со своим уставом не лезут, поэтому он просто начал смотреть по сторонам, выискивая дополнительные подробности. Вот еще один мужчина в странной черной одежде деловито разбирает на отдельные пластины непонятно-изогнутый металлический прямоугольник... Щит? Да еще и с прорезью в верхней части?.. Другой бережно сматывал тонкий провод со странной двузубой вилкой на конце. Третий... Михаил Владимирович оглянулся себе за спину, и поправился – четвертый. Интересно, откуда он взялся, если он видел снаружи только три тени? Впрочем, не важно. Четвертый буквально на минутку зашел, что-то шепнул Долгину и тут же вышел, умудряясь при этом передвигаться по половицам без единого скрипа.

– Руки.

Живо повернувшись в сторону стола, Васильев не без наслаждения пронаблюдал, как литератор тут же поспешно скрестил запястья за спиной, а затем, когда на них легла веревка, послушно улегся на пол, в изобилии усеянный мелкими и не очень осколками стекла. Всем троим надели мешки на головы, а на освободившемся столе аккуратно разложили два «Кнута», десяток бумажных пачек с патронами и удивительно замызганную «Плетку». Отдельным рядом – пять ножей и длинное трехгранное шило.

– Замер.

Один из братьев рискнул пошевелиться, чуть сгибая затекшие от долгой неподвижности ноги, и тут же сдавленно захекал сквозь тряпичный кляп, содрогаясь всем телом – у сапога, что прилетел ему в бок, был удивительно твердый и острый носок. Подполковник тем временем плотоядно поглядел на солидную стопочку исписанных листов, увидел приглашающий жест Долгина и немедленно проследовал с ним на свежий воздух:

– Собственно, мы с ними закончили. Ваши дальнейшие планы?

– Не совсем понял, Григо...

– Без имен, пожалуйста.

– Кхм, виноват. Так какие планы вы имеете в виду?

– Они нужны вам живые и на свободе или собираетесь посадить их в тюрьму?

– Пожалуй что второе. Этот ваш опросник, конечно, дело хорошее, но все же...

– Воля ваша. До утра за домом присмотрят, а там вы уж сами как-нибудь. Кстати, будете допрашивать, начните с самого старшего – остальные не то что грамоту не разумеют, они и двух слов толком-то связать не в состоянии.

Вернувшись в дом, жандарм первым делом прибрал чистосердечное и почти добровольное признание трех уроженцев Лифляндской губернии. Затем собрал в предупредительно оставленный поблизости мешок оружие, после чего довольно вздохнул – ночь определенно удалась. Повинуясь очередному жесту, он отступил в темный угол, где и наблюдал последний акт этой драмы: его спутник надел черную полумаску (мужчины в черной одежде носили немного другие, прикрывающие все лицо), тут же с голов захваченных латышей убрали мешки и подтянули их до сидячего положения, прислонив друг к другу. Потом выдернули кляпы и обманчиво-легкими шлепками взбудрили, подготовив тем самым к дальнейшему общению:

– Ну что, вы были хорошими мальчиками, и мы, как и обещали, оставим вас в живых. Люди

ведь без рук живут? Живут, да еще как, даже детей строгать умудряются.

- Ты обещал!!!

Очередной легкий шлепок, после которого один из братьев на пару мгновений потерялся, напомнил о том, что кричать все же не стоит.

- Разве ж я соврал? Ни единым словом.

- Ты обещал.

вернуться

42

Марка часов среднего уровня.

Бывший писатель говорил тихо и исключительно по делу, поэтому репрессий не последовало.

- Очень уж на вас уважаемые люди обиделись. Наказать просили.

Все трое ощутили у своих шей холодную и весьма острую сталь, и в глазах двоих тут же появилась тоскливая обреченность – напротив них был такой же, как и они. Даже хуже: отнимающий чужую жизнь спокойно и расчетливо, словно выполняя давно привычную работу.

- Ну раз вам так дороги руки, будем прощаться? Да вы не бойтесь, тут кладбище рядом, так что похороним по-людски.

Третий брат все еще надеялся на лучшее, хотя его и самого уже отчетливо потряхивала мелкая дрожь:

- Мы сделали, что ты хотел. Обещал!

Долгин всей фигурой изобразил сомнение и раздумья.

- Тоже верно. Хм, пожалуй, есть для вас одна возможность. Если будете очень-очень хорошими мальчиками, может, и сдадим вас полиции. Целыми и почти здоровыми. Расскажите там о своих подвигах, сдадите подельников – и на каторгу с чистой совестью.

Подполковник в первый раз видел такое, чтобы три здоровых лба так откровенно радовались полиции и перспективе проехаться в Сибирь или на Сахалин.

- Но учтите. Будете молчать или сбежите до суда...

Шеям всех троих стало вдруг очень горячо. От собственной крови, выступившей из неглубоких, но очень длинных порезов.

- В Варшаву больше не возвращайтесь. А еще лучше – работайте за границей, тогда точно не увидимся. Понял меня, Лацис?

Мешки и кляпы вернулись на место, затем руки и ноги братьев связали за спиной, не забыв накинуть петельку и на шеи – так, что каждое шевеление лишь туже ее затягивало. Еще пяток

минут, и в доме остались только его временные хозяева, терпеливо дожидаящиеся того светлого мига, когда придут их арестовывать. Молчаливые мужчины в черном как-то незаметно растворились в ночи, и оставшиеся вдвоем Долгин и Васильев вновь, как и в самом начале, зашагали по улице в ночь. Прогулка их несколько затянулась – извозчики не баловали своим вниманием окраинные трущобы, так что пришлось как минимум полчаса старательно перебирать ногами. Впрочем... прогулка им была не в тягость. Один время от времени поглаживал пиджак на груди (как раз там, где во внутреннем кармане лежали свернутые листы) и побрякивал содержимым мешка, а второй просто мечтательно улыбался, явно представляя себе что-то очень хорошее. Наконец вдали показался экипаж с придремавшим прямо на облучке извозчиком. Затем еще один, а потом сразу три на другой стороне улицы.

– Спасибо, что приехали, Григорий Дмитрич.

– Да что вы, пустяки. Наоборот, хоть немного, да отвлекли от нашей рутины...

Каждый свой плановый доклад Аристарх Петрович Горенин готовил очень обстоятельно, можно даже сказать – вдумчиво. Раскладывал документы на столе, пробежал взглядом по первым страницам и делал понятные только самому себе заметки и выписки в специальном рабочем блокноте (тоже, кстати, документ, причем строгой отчетности!). Затем складывал листки в раз и навсегда заведенном порядке – привычка, оставшаяся с ним со времен его службы в Налоговом департаменте. Вот и сейчас, зайдя в кабинет к начальству, Аристарх Петрович был спокоен, собран и деловит и точно знал, с чего начнет свой доклад и чем его закончит. А если вдруг (хотя такого доселе и не случалось, но все же) что-то и запомнит, то его записи всегда ему помогут.

– Не охваченными нашими представительствами остались пятнадцать губернских городов центра России – исключительно по причине кадрового вопроса.

– Все настолько плохо?

– Нет, Александр Яковлевич, просто для приискания кандидатов и их проверки требуется некоторое время. А учитывая, что биографиями будущих сотрудников теперь занимается еще и господин Купельников... В любом случае за полгода справимся.

При мысли о своем конкуренте (если можно так сказать) Аристарх Петрович позволил себе немного сухой тон. Он, конечно, не сомневался в решениях начальства. Но и особого смысла в том, чтобы делать два раза одну и ту же работу, тоже не видел. Если только этот самый смысл не состоял в том, чтобы проверять уже ЕГО подчиненных.

– Что касается...

Директор-три скосил глаза в блокнот.

– ...аналитического центра, то ремонт особняка закончен, подвалы под архив оборудованы, мебель, счетное оборудование и все прочее завезут на днях. К сожалению, со служащими все гораздо сложнее. Есть двое довольно многообещающих студентов-математиков. К ним через некоторое время добавится один архивариус весьма впечатляющих способностей и бывший канцелярист Центрального статистического комитета, но... В любом случае какие-либо внятные результаты от работы центра будут не раньше чем через год.

– Прошу прощения. А нельзя ли поподробнее про этот Центральный комитет? Признаюсь, слышу о таковом в первый раз.

- Эмм?.. Конечно. Изначально родился как небольшое отделение в одном из департаментов министерства внутренних дел, работа велась на основании губернских отчетов. Потом вырос в самостоятельное отделение, еще расширился, а лет сорок назад реорганизован собственно в комитет – поначалу временный, а затем и постоянный.

Хозяин кабинета досадливо покривил уголки губ и проворчал себе под нос что-то вроде: «А слона-то я и не заметил!»

- Это учреждение в единственном числе или?..

- Что-то подобное имеется в министерстве финансов, а также государственных имуществ – там, видите ли, своя специфика.

- Понятно.

Задумчиво протянув последнее слово, князь на минуту замолчал, а его подчиненный подтянул к себе ежедневник, готовясь записывать.

- Мое упущение, Аристарх Петрович. Как вы сами понимаете, нам нужны друзья и в Центральном комитете, и в его маленьких подобиях, а посему...

- Займусь этим вопросом безотлагательно.

Подождав дополнительных указаний (но так ничего и не дождавшись), Горенин перелистнул пару страничек в блокноте:

- Касательно Японии. Александр Яковлевич, считаю, надо запускать в работу вариант «Американец». Медленно, зато очень надежно.

Хозяин кабинета опять задумался, взвешивая все плюсы и минусы, а директор-три терпеливо молчал. В свое время, узнав, что его сиятельство сильно интересуется японской промышленностью вообще и местами расположения заводов в частности, ему пришлось сильно поломать голову над удовлетворением столь неожиданного интереса. Осложненного к тому же тем, что (по словам все того же сиятельства) в Японии традиционно не любили чужаков, а уж любопытных чужаков – в особенности. К счастью, конкретно английских и североамериканских предпринимателей в Стране восходящего солнца все же привечали – потому как именно на их деньги (по большей части) и строилась японская промышленность. Следовательно, если в числе прочих появится еще один коммерсант, предлагающий что-нибудь мелкое и в то же время достаточно нужное, – никто за ним особо следить не будет. Единственной проблемой было придумать то самое «нужное». И придумать это должен был сам князь.

- Приступайте.

- Слушаюсь.

Для следующей темы листать блокнот не понадобилось – потому что докладывать, по существу, было и нечего:

- Касательно Швеции никаких подвижек нет – увы, тамошние металлурги на удивление хорошо умеют хранить как свои секреты, так и личности ключевых сотрудников. Но работа ведется.

Аккуратно перекинув очередной листок на пружинном переплете, Аристарх Петрович дошел до последнего на сегодня вопроса. С Коломенским машиностроительным заводом, являвшимся

предметом неусыпного вождения со стороны его сиятельства князя Агренева.

- Появились обнадеживающие моменты с господином Радзевским. Позволю себе напомнить, что последний ведет довольно разгульный образ жизни: вино, дамы полусвета, регулярно поигрывает в карты. Иногда и на довольно крупные суммы. Если подвести к нему опытного в делах подобного рода человека, то...

- Приступайте.

- Слушаюсь. К сожалению, второй, и самый крупный акционер завода, господин Лессинг, ни на какие переговоры не идет. Более того, как удалось выяснить, примерно с год назад он передал все свои акции в залог некоему, пока неуставленному, кредитному заведению. Предположительно - банку братьев Юнкер. В свою очередь получив залоговые акции уже этого самого банка.

- Довольно распространенный способ защиты инвестиций от недружественного интереса, не правда ли?

- Совершенно верно, Александр Яковлевич.

- Печально. За братьями Юнкер стоит клан Вогау, а ссориться с ними крайне нежелательно, ибо сулит большие потери... М-да.

Князь покатал подвернувшийся под руку карандаш по столу, затем отстраненно поинтересовался:

- Семья?

Горенин с готовностью ответил, причем без помощи блокнота или ежедневника:

- Вдовец. Сын-студент, которого он держит в строгости; других близких родственников не имеет.

Выждав паузу, добавил:

- Считаю самым разумным выждать некоторое время. Господин Лессинг, как я уже вам докладывал, помимо всех прочих дел возглавляет акционерное общество Выксунских горных заводов - по большей части это старые, полуразрушенные предприятия купцов Баташевых. Года полтора назад общество начало реконструкцию всех заводов - надо сказать, очень недешевое удовольствие, в которое Лессинг вкладывает и свои личные средства. Думаю, через некоторое время у него вполне возможен кризис наличности или даже оборотных средств. Вдобавок новому производителю всегда приходится прилагать немало усилий, чтобы отвоевать себе место на рынке металлопроката... Глядишь, и представится удобный случай, чтобы окончательно решить вопрос с акциями.

Хозяин кабинета пару минут покатал карандаш по столу, откинув его затем в сторону легким щелчком пальцев:

- Собственно, и я других вариантов не вижу. А значит, будем ждать и надеяться.

На этой оптимистической ноте доклад Аристарха Петровича и закончился - собрав блокнот и ежедневник в одну стопку и попрощавшись с начальством до следующего раза, он вышел. С тем, чтобы тут же уткнуться взглядом в довольное лицо Купельникова - тот, дожидаясь

в приемной своей очереди, заинтересовался свежим (полдня как из Сытинской типографии) номером нового ежемесячного журнала «Охота и рыболовство». Собственно, даже и не самим журналом, а всего лишь его последними страничками, на коих располагались охотничьи байки и веселые истории. Обменявшись приветствиями и крепкими рукопожатиями, они разошлись: один на выход, уходя со слегка испорченным по неизвестной причине настроением, а другой прошел на доклад. И настрой его тоже изменился, с терпеливого ожидания на собранную деловитость – несмотря на свои молодые годы, начальство уже успело внушить отставному жандарму определенное уважение. И надо сказать, что оно лишь росло, причем с каждым днем. Потому что впервые за очень долгое время Иван Иванович мог признать самому себе – в том, что чем дальше, тем больше ему нравится его новая служба. Само ощущение того, что он находится на СВОЕМ месте и занимается значимым в масштабах всей империи делом... Очень дорогое для любого профессионала ощущение! Настолько важное, что при его отсутствии жизнь теряет всякий смысл и превращается всего лишь в жалкое существование.

– Прошу, располагайтесь.

– Благодарю, Александр Яковлевич.

– Итак, чем порадуете?

На стол легла точная копия рабочего блокнота предыдущего докладчика – некоторые новинки Купельников подхватывал буквально на лету. Особенно если эти новинки (при необходимости) в считанные мгновения сгорают от самого слабого огонька и в конце каждой недели обязательно уничтожаются или сдаются в архив. Очень правильный подход к сохранению информации, очень.

– Стажировка специалистов компании у Вестингауза: первые две дюжины отобраны, получили все необходимые инструкции, ожидают отправки. По мукомольно-элеваторной части подготовлены полсотни кандидатов, проходят начальное обучение, через три месяца будут готовы к отправке. Все подписали «золотой» контракт, примерно половина – семейные, лояльность компании не вызывает никаких сомнений.

– Очень хорошо, ждем отмашки от Арчибальда Ильича... И позволю себе напомнить: эти специалисты очень важны в долгосрочной перспективе. Не для компании, хотя и для нее тоже, а для империи. Первые со временем будут строить гидроэлектростанции, а вторые – валковые мельницы и элеваторы. Любая ошибка или недосмотр в этом деле обойдутся слишком дорого, Иван Иванович. Прошу это помнить.

– Так точно.

В наступившей тишине тихо прошелестел страницами блокнот.

– Далее. Выявлен некий интерес Рогожской старообрядческой общины к вам лично. Учитывая тот факт, что компания сотрудничает с некоторыми купцами-староверами, проявленный интерес вполне объясним – такие личности стараются знать всю подноготную своих контрагентов.

– Вот как.

Глядя на князя, нельзя было сказать, что услышанное – для него новость.

– В свете вышеизложенного, вызывает некое сомнение прислуга вашего дома в Сестрорецке, а именно...

- Дарья. Очень набожная, а также скромная и исполнительная девушка. В свое время приложила немало сил, чтобы попасть в услужение именно ко мне. Сердечных привязанностей не имеет, ходит на исповеди раз в неделю. Ну и так далее.

- Вы знали?

Ответом было неопределенное пожатие плечами.

- Мне прекратить работу в этом направлении или?..

- Зачем же? Заодно появится повод хорошенько проверить прислугу и в других домах.

- Так точно.

Блокнот закрыли и убрали в папку, показывая, что тем для доклада больше нет. А если и будут какие-нибудь задания, Иван Иванович и так их запомнит – слава богу, поводов жаловаться на память у него доселе не было.

- Хорошо. Вы несомненно знаете, что Аристарх Петрович собирает материал на всех без исключения зерноторговцев центральных губерний империи...

Купельников не знал, поэтому принял прозвучавшие слова как скрытый упрек.

- По мере сил и возможностей окажите ему в этом деле всю посильную помощь. Торопиться не надо. Собственно, весь этот проект рассчитан на восемь – десять лет. Также у меня есть определенный интерес к злоупотреблениям в Морском и Военном ведомствах.

У отставного жандарма в глазах зажглись хищные огоньки.

- Последнее, в основном, по части Главного интендантского управления. Разумеется, и в этом случае спешка никак не допустима – лучше медленно и осторожно, но верно. Григорий Дмитрич, по своему возвращению из деловой поездки, передаст вам ряд интересных материалов и фамилий, так что работа пойдет не с пустого места.

Донн, донн!

Мельком глянув на напольные часы, только что отбившие два часа пополудни, князь закончил выдавать ценные указания сразу на десять лет вперед:

- Подробности обсудим в следующий раз. Вопросы?

- Есть, Александр Яковлевич, но покамест исключительно по моим официальным обязанностям.

- Н-да?..

- Никак не могу понять один момент...

Из папки на стол легла тоненькая укладка.

- Относительно недавно мастеровой Сестрорецкой фабрики Кузнецов был травмирован цеховым ременным приводом на станок. Была составлена комиссия, проведено расследование, оштрафованы начальник цеха, сменный мастер, артельный и старший слесарь цеха, мастерскому до его окончательного выздоровления назначены выплаты в размере полного

месячного жалованья. Другой случай.

К первой укладке присоединилась вторая.

- Мастеровой Загосин. Рука попала под пресс, в результате чего ее пришлось отнимать почти до локтя. Расследование было, оштрафованы сменный мастер, начальник цеха и вся артель. А виновным признан сам мастеровой. Хотя он утверждает, что несчастный случай с ним подстроили мастеравые его собственной артели! Решение комиссии - травма по собственной неосторожности, уволить без пансиона. Почему... так?

Владелец компании небрежно полистал одну укладку, затем другую, после чего вернул их обратно на край стола.

- В первом случае слесаря после планового обслуживания привода плохо закрепили защитный кожух, отчего он и слетел в самый неподходящий момент. А второй случай - немного другой. Оштрафованная, причем уже во второй раз, артель изначально была наказана за то, что систематически покрывала грешки одного из своих членов. Может, его просто терпели, может, старались дать второй шанс... В любом случае у них была возможность обратиться к администрации, и Викентия Загосина тут же перевели бы на другое место работы. Они этой возможностью не воспользовались. После первого штрафа, как я предполагаю, их настроение кардинально изменилось, в самую что ни на есть отрицательную сторону. И вместо того чтобы опять-таки обратиться в администрацию, они наказали виновника сами.

- Устроив ему несчастный случай?

- Не думаю, что побои разом от всей артели были бы лучше - в запале и со злобы очень легко перестараться и забить насмерть. Или сделать парализованным калекой. Добавлю лишь, что такие происшествия случаются крайне редко - наши мастеравые прекрасно понимают, чем рискуют. В том самом случае, если бы комиссия, проводящая обязательное расследование, признала их виновными, их ждало немедленное увольнение с обязательной компенсацией всех понесенных компанией расходов - а это и обучение, и питание, и рабочая одежда, и многое, многое другое. Так что штраф в пользу увольняемого бракодела и пьяницы Загосина - самое легкое из возможных наказаний, и артельные это отлично поняли. Как и то, в чем именно они провинились, причем и в первый раз, и во второй.

Поглядев на своего собеседника и не увидев в его глазах полного понимания, князь пояснил дополнительно:

- На всех моих предприятиях высокая дисциплина и порядок не в последнюю очередь потому, что сами мастеравые в этом крайне заинтересованы. Как и в качестве своей работы, ведь от этого напрямую зависит их заработок. Если кто-то этот порядок нарушает, причем в ущерб всей артели разом, то она вправе, и даже обязана, наказать такого нарушителя самостоятельно - разумеется, в меру. Если этого не происходит, наказывают всю артель.

Проводив задумчивого Купельникова до самой двери, хозяин кабинета потянулся, поводит плечами, разминая тело и разгоняя кровь, и еще раз посмотрел на часы. Затем на высокую стопку корреспонденции, опять на часы, на пухлую укладку с бумагами (вернее, запросами на оборудование и реактивы) от Менделеева Дмитрия свет-Ивановича, чей аппетит в последнее время был соизмерим разве что с его же научными достижениями, опять на часы...

- Нет, все же обед - это святое!

Громкий стук в дверь тут же доказал ему, что для его подчиненных ничего святого нет. В ответ на его раздраженно-обреченное позволение войти в кабинете нарисовался буквально сияющий нескрываемым довольством и радостью Гreve. И если первое с некоторой натяжкой можно было отнести к результатам очередной встречи с будущей супругой (не так давно Шарлотта отчетливо дала понять, что совсем не против его ухаживаний), то радость...

- Добрый день, Валентин Иванович. Что-то срочное?

- Александр Яковлевич. Я нашел.

С этими словами Гreve торжественно выложил на стол жиденькую стопочку фотокарточек. Бросив на нее короткий взгляд, аристократ тихонечко вздохнул, усмиряя недовольное ворчание желудка, и терпеливо поинтересовался - что же такого важного его личный порученец, и даже временами соавтор, умудрился отыскать?

- Вашу «тень»!

Мысли об обеде моментально позабылись, а фотокарточки неуловимо быстро переместились с одного края стола на другой. Придирчиво и со всем вниманием просмотрели одну, вторую, третью...

- Ну не знаю... Вы уверены, Валентин Иванович?

Некоторое время назад, еще в бытность свою штаб-ротмистром пограничной стражи, он озадачил единственного на тот момент доверенного порученца практически невыполнимым делом. Взять да и найти ему полного двойника. И вот, не успело пройти с того самого момента неполных четырех лет, как усилия бывшего мастера-оружейника потерпели вроде как полный и сокрушительный успех. Вроде - потому что мужчина, запечатленный на фото, если и был чем-то похож на сестрорецкого фабриканта, так только ростом и телосложением. Да и то... У возможного дублера сквозь бороду и щегольские усики прямо-таки просвечивала здоровая пухлость щек. Плюс отчетливое брюшко, заметно выпирающее под мешковато сидящей жилеткой.

- Более чем, Александр Яковлевич, более чем! Прошу!..

Новая стопочка фотокарточек порадовала князя гораздо больше: борода и усики бесследно исчезли, щеки и животик втянулись (правда, в глазах появился заметный голодный блеск, но это уже мелочи), а новая прическа и одежда придавали неизвестному доселе мужчинке явное сходство с хозяином кабинета. Конечно, не так чтобы прямо совсем уж один в один - но если вдумчиво поработать над манерами и походкой, хорошенько загримировать и показывать готовый продукт с некоторого удаления... Ну или вблизи. Но только и исключительно незнакомым с настоящим Агреневым людям. Перспективы от этого открывались крайне прелюбопытнейшие!..

- Прошу любить и жаловать: Прянишников Нифонт Сергеевич. Православный, из мещан, пять лет как женат, имеет троих детей, владелец небольшой галантерейной лавочки в Ярославле. Точной причины всех переодеваний и измывательств над своим обликом не знает, но даже без этого готов изображать из себя кого угодно, где угодно и сколько угодно. И всего за триста рублей в месяц.

- Угум.

Александр покрутил в руках последнюю фотокарточку, а затем аккуратно присоединил ее

к остальным. Побарабанил пальцами по столу, мимоходом скользнув взглядом по часам (пообедать ему сегодня явно не судьба!), затем составил в уме недлинную цепочку распоряжений и критически ее рассмотрел. Вроде все правильно?..

- Отличная работа, Валентин Иванович, просто отличная! Теперь что касается ваших дальнейших действий...

Глава 8

- Господа!

Подпоручик лейб-гвардии Преображенского полка Немечиков тут же бросил делать вид, что его волнуют виды окрестной природы, подойдя к дуэльному распорядителю одновременно со своим противником, затянутым в мундир лейб-гвардии Измайловского. Обменялся с ним совершенно нечитаемым взглядом и приготовился слушать.

- Господа. Вам известны условия дуэли, вы их одобрили и подписали. Я напоминаю вам, что, как только у вас в руках окажутся пистолеты, ваша честь обязывает вас не делать никаких движений до моей команды. Точно так же вы немедленно должны опустить пистолеты после команды «Стой». Вам все ясно, господа? Тогда...

Не дожидаясь лишних напоминаний, князь Агреев открыл шкатулку с дуэльной парой.

- Согласно жребию, право выбора - за вами, подпоручик.

Максимилиан фон Витт не задумываясь подхватил изящный дульнозарядный пистолет. Тут же согнул руку, направив дуло строго вверх, немного изменил положение ладони на изогнутой рукояти и чуть-чуть побледнел. Другой дуэлянт в точности повторил все его действия, только вместо бледности у него на лице проступили еле заметные красные пятна. Секунданты развели недавних приятелей по заранее вымеренным и два раза проверенным местам, затем без промедления заняли свое, рядом с заметно оживившимся доктором. Шашка в руке штабс-капитана Татищева медленно и как-то даже величаво пошла вверх...

- Господа!

Дуэлянты моментально изменили стойки, подставляя под чужой выстрел только один бок, и синхронно вытянули пистолеты вперед, ловя дульным срезом близкую фигуру противника.

- Начали!

Долгие, удивительно тягучие секунды тишины...

Пфух! Пфух!

Князь мимоходом отметил, как метрах в двух от его доверителя появился и опал едва заметный фонтанчик рыхлой земли, и перевел взгляд на подпоручика-«преображенца». Та же самая картина, что и в первом случае: дуэлянт спокойно стоит среди сизых клубов сгоревшего пороха, невредимый и с дымящимся пистолетом в руке. И не просто стоит, а пытается убрать со своего лица явственное облегчение - их давняя дружба оказалась крепче мимолетной ссоры!..

- Александр Яковлевич?

- Думаю, все необходимые приличия соблюдены.

Граф Татищев довольно покивал, оставив в покое шашку, а доктор незаметно выдохнул – сегодня его услуги негодились, что одновременно и радовало его как человека, и печалило с точки зрения добывания «хлеба насущного». Впрочем, печаль та была очень мимолетной, ибо беспокойный нрав гвардейской молодежи сам по себе служил лучшей гарантией стабильного заработка.

- Господа, прошу подойти.

Минут через пять, когда отзвучали все словесные формальности, а два недавних противника только-только отошли от шквала испытанных недавно чувств, их секунданты с большим удовлетворением поставили свои подписи на протоколе поединка и крепко пожали друг другу руки. Хорошо все то, что хорошо заканчивается! По крайней мере, теперь ничто не мешает давнишним приятелям восстановить едва не порушенную дружбу. Тем более что оставшиеся в их отношениях мелкие шероховатости должен был окончательно сгладить довольно скорый и насквозь дружеский поединок. Неформальный, разумеется, потому что никакого боевого оружия не предполагалось. Недолгая прогулка привела трех офицеров, одного пожилого служителя Гиппократ и скромного чиновника Военного ведомства вначале к воротам «Колизеума», а потом и к арене номер три – небольшому полю, украшенному большим количеством невысоких дощатых щитов. Надо сказать, что «украшения» эти располагались без какой-либо системы, отличались большим разнообразием форм и размеров, а самые остроглазые могли подметить на светло-желтом дереве странные оранжевые точки. Как будто кто-то кидался спелыми ягодами... Или стрелял пулями из подкрашенного воска. Кстати, несмотря на довольно ранний час, рядом с входом на арену их уже ожидали будущие зрители, при этом четко делясь на две почти равные половины:

- Доброе утро, князь! Как я вижу...

Один из офицеров-«измайловцев», составляющих «группу поддержки штанов» барона Максимилиана фон Витта, с отчетливым облегчением констатировал и так очевидное:

- ...все закончилось вполне благополучно.

Чуть поодаль от первой вторая группа офицеров в мундирах лейб-гвардии Преображенского оказывала моральную поддержку расшатанным нервам подпоручика Немечикова. Пяток минут, коих военным как раз хватило на обстоятельный перекур и короткое обсуждение (с элементами предвкушения) скорого действия, затем обе группы сблизились меж собой и стали поглядывать на князя. И двух подпоручиков, скинувших с себя кители и выделяющихся в офицерской толпе белыми сорочками и довольными улыбками на лице.

«М-да, хлеба и зрелищ! Формула неизменна со времен Древнего Рима...»

- Что же, господа, я рад приветствовать вас всех на земле «Колизеума».

Повинуясь едва заметному жесту, на стойку-прилавок, расположенную при входе на арену, с негромким стуком легли два больших револьвера. К ним тут же присоединились защитные маски и «кирасы» из толстой жесткой кожи, следом отдельной стопочкой легли штаны и легкие курточки свободного покроя, с нашитыми наколенниками и налокотниками. Ну и завершили всю композицию оружейные пояса с двумя пачками патронов – по полусотне штук каждому стрелку.

- Правила дружеского поединка очень просты. Условием победы будет являться однократное

попадание в сердце или голову либо трехкратное в корпус. Разрешается пользоваться укрытиями и перемещаться каким угодно образом. Собственно, господа, вы полностью свободны в своих действиях. Запрет есть только один.

Неприметный доселе служитель подтащил к толпе офицеров молодого барана, сноровисто привязав его к невысокой ограде газона. Князь небрежно подхватил один из двух револьверов, демонстративно вложил в пустую камору откинутого барабана один-единственный патрон и чуть дернул рукой, возвращая барабан обратно. Жалобно заблеял барашек, словно предчувствуя свою скорую кончину, еле слышно щелкнул, взводясь, остроклювый курок...

Дуф!

Голова животного резко дернулась, тонкие белые ноги подломились, и источник мяса для плова (а также ребрышек на углях и сочного шашлыка) завершил свой жизненный путь. Впечатленные боевыми возможностями простого воска, господа офицеры тут же оживленно заговорили, обмениваясь как мнениями, так и не очень невинными шуточками.

– Запрещено стрелять в противника с расстояния менее полутора саженьей. Так сказать, во избежание.

Подпоручики явно прониклись всей красотой несложных правил. Правда, перед этим они с некоторым трудом отвели свои взгляды от уносимой в сторону ресторана безвольной тушки... Но только для того, чтобы дружно поглядеть на защитные шлемы.

– Пятнадцать минут на подготовку, в случае любых затруднений – служители арены к вашим услугам.

Назначенное время пролетело как единый миг – пока девятнадцатилетние «гладиаторы» надевали свои доспехи и делали пробные выстрелы, их лейб-гвардии болельщики как раз успели дойти до небольшой трибуны и заключить с полдюжины пари на результат поединка. По-прежнему не объединяясь, господа офицеры двумя компактными группами разместились на обтянутых кожей сиденьях, огороженных экраном из толстого стекла. Затем весьма положительно оценили содержимое небольшого столика, в три ряда уставленного бокалами и бутылками с вином, и все, как один, замерли, услышав пронзительный свисток, возвещающий начало.

Дуф! Дуф-дуф-дуф!..

Дуф, дуф!

Два молодых гвардейца, получивших отменное военное образование, а потом, за год службы, еще и какой-никакой реальный опыт... Нет, не так. Два молодых барана, один из которых моментально позабыл все советы хозяина «Колизеума», – они просто шли навстречу друг другу, старательно давя на спусковые крючки, и воспринимали щиты как досадную помеху.

Дуф-дуф!

Дуф-дуф-дуф-шлеп!

У «преображенца» отчетливо дернулось левое предплечье, и его сослуживцы тут же расстроенным гулом отметили сей печальный факт. Следующая пуля скользнула по корпусу, оставив на жилете длинную яркую полосу воска, а третья звонко щелкнула по дереву рядом с ногой, разлетаясь в оранжевые брызги. Ничуть не расстроенный полученными «ранами»,

подпоручик сделал еще пару шагов, замер в классической стойке для стрельбы с места и в хорошем темпе опустошил барабан.

«Десять метров, предплечье и ключица. Ну в принципе неплохой результат – особенно учитывая волнение и незнакомое оружие».

Александр отпил багряного хереса из переливающегося на солнце хрусталя и покосился на своих гостей.

«Глаза горят, на лице азарт!.. О, один даже шампанским немного облился, от избытка чувств! Похоже, новое развлечение пришлось по душе господам гвардионцам...»

Меж тем развязка на арене была все ближе и ближе – два противника почти одновременно перезарядились и опять начали свой диалог:

Дуф! Дуф! Дуф!

Дуф-шлеп!

Пронзительный свист заглушил все возгласы офицеров, как досадливые, так и победные, – а Максимилиан фон Витт опустил револьвер и отчетливо потряс головой, реагируя на прямое попадание в маску.

– Вот так-то, господа!

– Случайность! Случайность, и не более того.

– Хе-хе, поражение следует принимать достойно!..

Два недавних противника сошлись, сняли маски и вместе с оружием отдали моментально подскочившим служителям. О чем-то коротко переговорили, рассмеялись и пожали друг другу руки.

– Вот это по-нашему, от всей души!..

– Гхм, поручик, а не желаете ли составить мне пару?

Пока желающие пощекотать нервы (или погладить собственное самолюбие) торговались и договаривались, распределяя очередность следующих дружеских поединков, самая первая пара избавилась от защиты, добрела? (иначе и не скажешь) до трибун и рухнула на сиденья. В руки им тут же сунули бокалы самых героических размеров, до самых краев наполненные слабоградусным анальгетиком производства почтенной вдовы Клико, а оживившийся доктор немедля занялся пострадавшими конечностями. Проигравший (но совсем не расстроенный этим) барон сразу отказался от такой заботы, а вот Немечикова медик все-таки уговорил. Да и пятно крови на рукаве сорочки выглядело ну очень некрасиво – если не перевязать, так и китель запачкает... Когда последователь Гиппократ чуть надорвал и завернул повыше локтя измазанную оружейной смазкой и неопределяемой грязью ткань, все ненадолго затихли, оценивая крупную багровую ссадину, содранную, что называется, до мяса. Поглядели на подпоручика, буквально излучающего безмятежность и равнодушие к собственным ранам, и одобительно загудели.

– До свадьбы заживет!

- Ну это смотря на ком, Павел Константиныч.

- А вы кого бы посоветовали, Эдуард Дмитрич?

Под хохотки и шуточки господ офицеров, наперебой предлагающих свои варианты возможных целительниц, а потом и суету в начале арены, где готовилась показать всем присутствующим высший класс пара из поручика и штабс-капитана лейб-гвардии Измайловского полка, гостеприимный хозяин тихонечко ускользнул. Впрочем, все прекрасно видели, как перед этим к нему подошел один из служителей «Колизеума» и что-то шепнул, так что обид не было – мало ли кто мог пожаловать на огонек к князю Агреневу? Тем более что он уже успел прославиться своим гостеприимством для избранных – те же генералы и полковники, которых он трижды «принимал» на полигоне стрелковой школы в Ораниенбауме, отзывались о таких пикниках в самых превосходных выражениях. Кстати, поговаривают, что скоро состоится еще один...

- Доброго дня, Александр Яковлевич!..

- Польщен оказанной мне честью, ваше императорское высочество.

Великий князь Михаил Александрович выразительно покосился на конвойных «атаманцев» и сопровождавшего его камергера, подкрепил взгляд властным жестом, после чего отошел немного в сторону, подальше от любопытных ушей.

- Не ожидал?!.. Признаться, сам удивлен, как легко папа? меня отпустил!

- Я всегда рад тебя видеть, Миша. А насчет легкости – до меня дошел слух, что его императорское величество весьма благожелательно оценил... Как бишь там? Кажется, «веселые побегушки на свежем воздухе»?

Четырнадцатилетний (ну почти – до дня рождения два месяца осталось) великий князь поперхнулся, непроизвольно фыркнул, а потом все же не выдержал и тихонечко захихикал.

- Откуда только и знаешь? Чужих ведь на том обеде не было, только мама?, папа?, Никса, Георг и я.

- Думаю, это твой старший брат поделился столь деликатными подробностями с несколькими офицерами Преображенского полка.

Михаил резко прекратил смеяться, еще раз покосился на свиту и неожиданно серьезно спросил:

- Александэр, я не вовремя, да?

- Ты? Пфе!.. Не говори чушь. Просто я немного расстроен нашими бравыми гвардейцами. Пойдем, сам оценишь.

Дойдя в компании с «атаманцами» и камергером до небольшой трехэтажной башенки, очень удачно прикидывающейся древнерусской дозорной крепостцой, августейший подросток и сиятельный аристократ зашли внутрь. Свита же в полном составе осталась снаружи – потому что те же «атаманцы» конвоя вполне доверяли гостеприимству хозяина, весьма памятного еще по Сестрорецку. Попробуй не запомни, когда и они, и фабричные сторожа одного и того же человека охраняли!.. А сторожа еще и внимательно приглядывались к любому, кто брал оружие в руки рядом с юным великим князем... В принципе очень правильное гостеприимство,

казакам такое уж точно нравилось. Ну а камергер еще до «Колизеума» получил весьма четкие и абсолютно исчерпывающие инструкции от своего подопечного. Поднявшись по витой лестнице в комнатку на самом верху, юный и молодой мужчины подошли к широкому окошку, из которого арена для дружеских поединков была видна как на ладони, и молча застыли, наблюдая.

- Спрашивается, и зачем на поле устанавливали щиты?

Михаил во все глаза смотрел, как на арене поручик-«преображенец» чуть ли не прогулочным шагом сходил с таким же, как и он, поручиком, но «измайловцем». Разумеется, не просто так: револьверы в их руках едва заметно вздрагивали после каждого выстрела, один вдруг отчетливо вильнул в сторону, поймав коленом подкрашенный воск, а другой был вынужден переложить оружие из правой руки в левую... Но в общем и целом, все происходящее больше смахивало на изощренный садомазохизм. В суровом лейб-гвардейском исполнении.

- Видишь? Только он начал перезаряжаться, его противник тут же прекратил стрелять. Красота.

- Гм. А ты им правила объяснял?..

- Разумеется. И про щиты сказал, и про возможность любого маневра. Чего ради старался...

Поединок закончил «измайловец», с четырех сажений поразив своего коллегу точно в сердце. Недавние соперники пожали друг другу руки, дохромали до стойки, где в нетерпении ожидала своей очереди новая пара «друзей», и, судя по всему, тут же на месте принялись договариваться о реванше. Новые же поединщики быстренько подогнали защитную амуницию, отстреляли пяток патронов – и, надев на головы маски, чуть ли не бегом отправились на стартовые позиции. Пять минут... на протяжении которых ни хозяин «Колизеума», ни его августейший гость ничего нового для себя так и не увидели.

- Все же гвардия – это диагноз. Наверное, и в самом деле стоит убрать все эти щиты и чуть-чуть переделать арену.

- Да-а!.. Проще уж было сразу поставить им прямую дорожку. Кстати, Александэр, кто-то обещал помочь с занятиями для моей команды.

- Ты же знаешь: «Колизеум» – в полном твоём распоряжении.

- Да я не об этом...

Четырнадцатилетний юноша досадливо поморщился, глядя на очередных «пытателей счастья», вставших у стартовой черты. Действительно, ни соображения, ни тактики: несутся друг на друга, как бойцовые петухи!..

- ...мне бы одну из фабричных команд в соперники-противники. Только не ту, с которой я сам тренировался!

Не давая ничего возразить, великий князь Российской империи клятвенно пообещал:

- Исключительно для занятий, официально соревноваться с ними не буду.

Отвернувшись от окна (все равно ничего интересного за ним не происходило), оружейный магнат мимолетно потер гладковыбритый подбородок.

- Что ж, почему бы и нет? Организую в Сестрорецке небольшой турнир на выбывание, а победителя отправлю в Санкт-Петербург. На месяц.

- Два!

- Хм?... Ну пусть будет два.

- О, погляди!

Вернув свое внимание арене, вернее - происходящему на ней, Александр был приятно удивлен: поручик лейб-гвардии Измайловского полка вместо решительной поступи передвигался не менее решительным бегом, вдобавок время от времени резко менял направление. Да и вообще, всячески пытался затруднить своему противнику прицельную стрельбу. И не только пытался, но и затруднял (правда, и себе тоже) - а сблизившись саженой на пять - семь, внезапно упал на одно колено и выдал просто великолепную серию.

- Два точно в сердце, еще два в корпус и пятым в низ маски! Надо бы узнать его фамилию...

- Николай Николаевич Шиллинг, взводный второй роты первого батальона. Что ж, для Измайловского полка еще есть надежда.

С удивлением поглядев на своего друга, Михаил склонил голову к плечу:

- Ты сегодня определенно не в духе. Неужели такие мелочи могут испортить твоё настроение?

Вместо ответа князь сам задал вопрос:

- Помнишь, как ты недели с две назад пробовал стрелять из пулемета? Как, понравилась машинка?

- Ничего так. Грохочет, правда, здорово, зато мишени разносит - блеск!.. А что?

Сын императора отошел от окна и с размаху плюхнулся на широкое кресло.

- Рад, что тебе понравилось. Вот представь: на тебя в полный рост, четкими шеренгами наступает вражеский батальон. А у тебя только собственноручно вырытый окоп, готовый к стрельбе БАС и двадцать набитых лент. Отступать нельзя, ведь за спиной... Ну скажем, лазарет, полный раненых бойцов и хорошеньких сестер милосердия. Как, остановишь?

Михаил набрал было воздуха в грудь, чтобы выдать уверенно-четкое «Да!», но остановился, задумался и, подозревая какой-то подвох, нерешительно уточнил:

- В полный рост? А на каком расстоянии я их замечу?

- Верста.

Подросток еще раз все хорошо обдумал, прикинул разные варианты и осторожно кивнул:

- Остановлю.

- Верно. А опытный пулеметчик не только остановит, но и нанесет такие потери, что от того батальона дай бог рота останется. Если же таких пулеметчиков будет двое, то и отделению за счастье выжить станет.

Михаил прекрасно понял, на что намекал его лучший друг, но все еще не понимал, с чего тот так сильно расстроился. Что и показал вопросительно-недоумевающей мимикой.

– Не понимаешь? Гвардейские полки традиционно считаются самыми боеспособными частями Русской императорской армии. Отступать гвардия не умеет, это верно. Но и правильно наступать – тоже. Случись война, такие вот командиры...

Агренов небрежно кивнул в сторону окна.

– ...поведут своих солдат на врага в полный рост, идеально ровными шеренгами, четким и размашистым шагом. И с честью погибнут в первых рядах – а вслед за ними в сырую землю лягут и их солдаты. Пригнанные, словно жертвенный скот, под пулеметы и пушки противника... Ничего страшного, Россия большая, бабы еще нарожают.

– Защитник отечества всегда должен быть готов положить жизнь за родную землю!

– Это ты сейчас кого мне цитируешь?

Член августейшей семьи чуть-чуть покраснел и признался:

– Дядю Николая?.

– А, понятно. Открою тебе небольшой секрет: великий князь Николай Николаевич-младший достаточно хорош как генерал армии мирного времени. Но для военного времени... гм, скажем так, не вполне. Потому что первейшая и важнейшая задача каждого защитника империи – сделать так, чтобы любой неприятель сложил голову за СВОЮ родину, оставив Россию в покое. Вторая его задача состоит в том, чтобы выжить, назло всем врагам, и обязательно воспользоваться всеми плодами своей победы. И только по исполнении этих двух задач он может со спокойной душой умирать. Желательно в своей постели, но можно и в чужой.

Несмотря на серьезность момента, юный великий князь не удержался и прыснул, в красках представив себе такую смерть:

– Говорят, знаменитый Скобелев [43] так и умер, на любовном ложе.

вернуться

43

По одной из версий, знаменитый Белый генерал умер прямо на своей пассии, из-за чего ее потом долго называли «Роза – генеральская смерть».

– А еще говорят, что ему немного помогли. И часть его архива почему-то бесследно пропала... Впрочем, не важно.

Опять перенеся свое внимание на арену, владелец «Колизеума» равнодушно отметил, что господа офицеры наконец-то уgomонились, переключившись на столик с бутылками вина.

– Александэр. А вот если бы в свое время тебе предложили выбрать, где именно учиться – в Первом Павловском пехотном училище, Николаевском кавалерийском либо Михайловской артиллерийской академии, – что бы выбрал?

- Тебе подходит только последнее.

- Вот как? А почему?

- Умный потому что.

Не ожидавший столь внезапной похвалы, Михаил едва не поперхнулся заготовленным вопросом.

- После курса академии ты довольно легко сможешь освоить учебные программы Павловского и Николаевского училищ. После моей альма-матер ты без особых проблем пройдешь курс офицера-кавалериста и с большим трудом, при должном упорстве – курс академии. После Николаевского училища... Ну как я уже говорил, ты умный, поэтому на пехотного офицера все же выучишься. Но вот об артиллерии и связанном с ней широком кругозоре в военной технике придется позабыть.

- М-да...

Видя, что собеседник ушел в глубокие раздумья, князь в очередной раз поглядел на арену. Улыбнулся своим мыслям и нейтральным тоном предложил:

- Не хочешь немного поразвлечься?

- А?.. Да я как бы... Собственно, а что именно ты предлагаешь?

- Как насчет попробовать себя против двух-трех гвардейских чудо-богатырей? Опыт обещает быть весьма интересным. Если выиграешь, конечно.

- Что значит – если?! Я выиграю!

- Вот и отлично. А после поединка я направлю своих дорогих гостей и твою свиту в ресторан, и у нас с тобой будет еще около четырех часов на общение.

Спустя десять минут блондинистый аристократ тихонечко позвенел ложечкой для паюсной икры по хрустальному бокалу, привлекая внимание бравых гвардейцев:

- Господа! Прошу немного внимания.

Тишина кругами разошлась от хозяина, как-то незаметно вернувшегося к разогретым адреналином и шампанским офицерам.

- Мой гость, чью личность я раскрою немного позднее, желает проверить себя в дружеском поединке против настоящих офицеров императорской гвардии. Со своей стороны, я готов поддержать это начинание небольшим призом, в десять дюжин бутылок «веселой вдовы» [44]. Господа?

Офицеры как по команде повернули головы к арене, где сухощавая, чуть ли не подростковая фигура неторопливым шагом двигалась к стартовой позиции. Первым сориентировался штабс-капитан Татищев:

- Гхм! Почему бы и нет?

- Пожалуй, и я не против!

- Эх, не успел!..

Князь Агреньев мягко улыбнулся и чуть приподнял руку, призывая офицеров к тишине:

- Забыл огласить один момент: он столь уверен в своих силах, что вызывает на поле сразу двоих противников. Или троих.

- Однако, этот ваш гость... гм, я бы сказал, излишне самоуверенная особа.

Вместо ответа аристократ лишь слегка развел руками, показывая, что каждый сходит с ума по-своему.

- Н-да. Ну что, господа, по одному человеку от каждого полка, а третьего определим жребием?

- Я думаю, вполне возможно и четверо участников. Как раз по два от каждого полка.

Гвардейцы вновь замолчали. Затем граф Татищев выразил общее мнение: такой перевес в силах превращает предстоящий поединок в какой-то низкопробный фарс. Участвовать в коем для истинных аристократов попросту недопустимо!.. Так что очень желательно услышать подтверждение столь странных и вызывающих условий и от самой таинственной особы.

- Господа. Клянусь честью, что ни в чем не отступил от изложенных мне инструкций.

После таких слов сомневающихся попросту не осталось. Быстро выбрав из своих рядов наиболее достойных (вернее, удачливых, потому что жребий тянули почти все), офицеры предприняли небольшое паломничество к винному столику, после чего вернулись на свои места и начали азартно предвкушать. Нет, в исходе дружеского поединка «один против четырех» никто не сомневался - но вот кто именно получит приз? Сколько сделают выстрелов и кто куда попадет? Подобные вопросы определенно стоили того, чтобы заключить небольшие пари. Тем временем четверо любимчиков Фортуны выстроились на стартовой точке в короткую шеренгу - с тем, чтобы каждый из них имел равные шансы на приз... кхм, ну то есть честную победу.

Ссви-и!!!

Не успела замолкнуть пронзительная трель сигнального свистка, как доблестная лейб-гвардия решительно пошла в атаку - размеренно-четким шагом и не отрывая от излишне самонадеянного «гостя» внимательных глаз. Двадцать пять саженей, двадцать, семнадцать... А их противник так и стоял на своем месте. Более того, он даже прислонился к невысокому щиту, полностью игнорируя свое оружие, а вместе с ним - и приближающийся проигрыш.

Дуф!

Дуф-дуф.

Дуф!

Первые выстрелы прозвучали слегка вразнобой, зато потом господа военные начали палить чуть ли не залпами - но, увы, полностью безрезультатно. Потому что любитель странных пари резко качнулся назад и попросту упал за барьер. Причем так быстро и ловко, что все старания оказались напрасны. Четверка переглянулась меж собой, молчаливо распределяя роли...

Дуф-дуф!

Шлепки восковых пуль по крайнему из охотников и вид его маски, слегка откинувшейся назад от сдвоенного удара, были столь неожиданны, что никто из них так и не успел достойно ответить. Зато «оставшиеся в живых» разом удвоили осторожность, потихоньку расходясь в стороны и выбирая свободный ход спусковых крючков.

Дуф!

Дуф-дуф-дуф!

За ответной пальбой шлепок попадания по корпусу одного из гвардейцев был почти не слышен, зато все видели, как верткая жертва избежала ответных пуль, каким-то странным, чуть ли не акробатическим движением ныряя обратно за щит. За другой щит, расположенный в сажени от первого!.. Тут же выкатилась из-за него, быстро выстрелила «двойкой» и еще быстрее скрылась. Блеснула револьвером, по всей видимости готовясь к новой атаке, пару раз пальнула куда-то наобум, едва высовывая ствол из-за преграды. И перелетела за очередной щит, вернее – целую группу оных, вновь появившись совсем не там, где ее ожидали! Каких-то полсекунды не хватило кадровым военным, чтобы чуть повернуть оружие и поразить цель, – зато их противнику времени оказалось более чем достаточно.

Дуф!

Уже до того «подраненный» граф Татищев вполголоса чертыхнулся и махнул рукой, сметая с маски остатки оранжевых брызг. Оставшаяся пара стрелков по очереди, прикрывая друг друга, перезарядила барабаны револьверов, затем переглянулась и дружно присела за невысоким щитом. Господа офицеры немного посоветовались, энергичными жестами определив текущую диспозицию, согласовали дальнейшие действия и резко вырвались на оперативный простор. Как оказалось, очень даже зря... Потому что таинственный незнакомец уже давно успел сменить свою позицию.

Дуф-дуф!

Дуф!

Еще один штабс-капитан не по своей воле дернул головой и схватился за ногу – хоть пуля и была из мягкого воска, но била по незащищенному телу не хуже твердого камня. Даже, пожалуй, лучше! Утешением ему был лишь тот факт, что сам он хоть и проиграл, но сделал это (в отличие от первых двух) не «всухую» – ведь именно его выстрел оставил полосу касательного попадания на жилете чертовски верткой (и меткой) жертвы! Впрочем, судя по результатам их встречи, скорее уж матерого охотника...

Тем временем оставшийся в полном одиночестве поручик-«измайловец» Николай Шиллинг удивительно быстро присел за стоявшим перед ним барьером. Отдышался, огляделся, немного задержав взгляд на удаляющейся спине прихрамывающего сослуживца, и замер, отдавая инициативу излишне резвому противнику. Раз не получается атака, он попробует себя в обороне! Его болельщики, поголовно прильнувшие к стеклянному экрану «зрительской ложи», тоже прекратили разговоры, напряженно ожидая скорой развязки, а еще недавно легкая и непринужденная атмосфера неформального мужского «пикника» стремительно превращалась в нечто предгрозовое. Пока в воздухе (но это только пока!) витало отчетливое недоумение. Потому что, во-первых, неведомый гость князя Агренева оказался большим докой в дружеских поединках. Все эти его кувырки, перекаты, странный виляющий бег, меткая стрельба из любого положения... Во-вторых, он столь же явно не был гвардейцем – потому что как ни старайся, а военную выправку ни под какими жилетами да мешковатыми штанами

не скроешь. Ну и, в-третьих (и это было обиднее всего), получается, что всех их, потомственную военную косточку, блестящих гвардейских офицеров, перестрелял-переиграл какой-то там гражданский?! От осознания такого обидного факта у некоторых гвардейцев недоумение потихонечку перерастало в тихую, но уже очень стойкую неприязнь к пока еще незнакомой им личности таинственного гостя. Да и сам хозяин «Колизеума» не вызывал более прежних дружеских чувств.

вернуться

44

Сто двадцать бутылок шампанского «Вдова Клико».

Дуф-дуф, дуф!

Все, что успел сделать Шиллинг, увидев противника (кстати, опять совсем не там, где рассчитывал!), так это опустить голову за щит, полностью скрываясь из виду, и тут же услышать хлесткие удары пуль за своей спиной. Чуть повернуть глаза к соседнему барьеру, с неприятным удивлением оценивая хорошую кучность попаданий, осторожно и вместе с тем быстро выглянуть... и опять чудом разминуться с двумя восковыми «подарочками». Длинная пауза чужой перезарядки, во время которой уже он отправил несколько «горячих приветов» по мелькнувшей невдалеке сухощавой фигуре, а еще гвардеец наконец-то хорошенько осмотрелся и даже быстро наметил, куда и как будет стрелять. Пусть щитов много, но безопасно подобраться к его позиции можно только в двух местах.

Дуф!

Последний «охотник» на арене уже вполне привычно исполнил «поклон земле», уберегая себя от попаданий. Затем снова переместился, на сей раз к самому краю щита, и принялся терпеливо считать. Первый выстрел уже был, за ним почти без промедления последовали второй и третий. Долгий миг тишины, отчетливое шуршание слева (угадал, значит!), и в верхнюю доску его укрытия одна за другой вlepились четвертая и пятая пули. Все, барабан противника пуст! Поручик резко вскочил, заранее наводя свой револьвер...

Дуф!

И едва не упал, получив с близкого расстояния опрокидывающий удар в верхнюю часть маски. Победитель, словно в насмешку, опять стоял совсем не там, где был должен!.. Пока проигравший собирался с мыслями и чувствами, даже не запыхавшийся мужчина подошел поближе, окончательно преодолевая разделявшие их две сажени, и странно-ломким голосом поблагодарил:

– Отличный поединок, Николай Николаевич.

Снимая маску и усмиряя горечь поражения, поручик Измайловского полка буквально выдавил из себя ответную любезность:

– Взаимно... К сожалению, нас не представили друг другу.

В двадцати саженьях от них, за толстым стеклянным экраном, по-прежнему невозмутимо-холодный князь заговорил, видя, как особый гость снимает свою маску:

- Господа. Его императорское высочество великий князь Михаил Александрович!

Было просто удивительно, насколько быстро после этих слов поменялась атмосфера в их небольшой компании. Мимолетные гримасы удивления и неверия на лицах, тихий звон упавшего бокала и чуть ли не физически ощущаемый скрип офицерских мозгов, будто у новой кожаной портупеи. Секунда, другая - и все присутствующие быстро застегнули пуговички и крючки, огладили кителя в поисках возможных складок и поправили фуражки, вновь разделяясь на «измайловцев» и «преображенцев».

- Князь, ну можно же было хоть как-то намекнуть?..

Впрочем, в этих словах не было даже тени недовольства - так, чуть-чуть укоризны, и не более того. Последние три государя (включая ныне правящего) немало постарались, выкорчевывая из своей лейб-гвардии все то, что им не нравилось или же вызывало опасения. Дом Романовых прекрасно помнил, благодаря чьим штыкам взошла на трон немка Екатерина Великая. И про участь Петра Третьего не забывал. Не выветрился из памяти и император Павел, почивший в бозе не без деятельного участия командиров Семеновского, Кавалергардского и Преображенского полков. Сильные волнения в гвардии при вступлении на престол Николая Первого, непочтительность, своеволие, расхлябанность, рассуждения и мысли на любые ПОЛИТИЧЕСКИЕ темы - все это было. Но бесследно исчезло, а взамен пришли фанатичная верность и неукоснительное исполнение любых приказов.

Как следствие всего этого, еще недавно обидный (по результатам) поединок с «таинственной особой» в единый миг превратился в незаурядное приключение и источник немалой волны слухов. А позорное поражение - в почетный проигрыш члену августейшей семьи. Таким поражением гордятся, им скромно хвастаются в кругу равных собеседников, воспоминание о нем несут сквозь всю оставшуюся жизнь и даже завещают наследникам!.. Более того. Победа четырнадцатилетнего сына императора над четырьмя полноправными офицерами гвардии, кроме всего прочего, молчаливо свидетельствовала - кровь властителей империи по-прежнему сильна! И непреложный факт того, что они служат лучшему из возможных государей, неизмеримо возвышал их над всеми остальными, кем бы эти остальные ни были.

- Доброе утро... вернее, уже день, господа. Позвольте поблагодарить вас всех за доставленное удовольствие.

Подошедший к офицерской компании великий князь был на диво спокоен и доброжелателен - так, словно и не видел ничего особо выдающегося в своей недавней победе. В отличие от четырех поединщиков, сияющих едва сдерживаемым воодушевлением и даже гордостью.

- Должен признаться, я весьма рад тому, что гвардия разделяет мое небольшое увлечение Тактическими играми. Надеюсь, в следующий раз вы будете состязаться в полную силу?

Собратья по поражению после таких слов как-то даже растерялись. Получается, что их только что укорили за то, что они... поддавались? Впрочем, многоопытный граф Татищев сразу вник в ситуацию, позволяющую спасти гвардейскую гордость:

- Несомненно, ваше императорское высочество!

Михаил Александрович небрежно махнул рукой, словно отгоняя от себя какую-то надоедливую мошку:

- Оставим все эти условности. Ведь здесь все СВОИ, не так ли?

С таким предложением лейб-гвардия единодушно и без малейших раздумий согласилась. Всего четверть часа понадобилось юному Романову, чтобы завоевать искреннейшее расположение своих недавних недоброжелателей – для начала он раскрыл трюк с шестым выстрелом, показав, как заменил стреляный патрон прямо на бегу. Затем отпустил несколько остроумных (и самую малость двусмысленных) шуток, поделился парой историй из собственной практики дружеских поединков... Господа офицеры были полностью очарованы четырнадцатилетним великим князем – простым в общении и легким на слово и улыбку.

– Господа! Однако мы позабыли про нашего гостеприимного хозяина. А ведь я точно знаю, что ему определенно есть чем нас удивить!..

Слегка позабытый своими гостями, владелец «Колизеума» сделал несколько шагов вперед, оказываясь в самом центре компании.

– Благодарю, Михаил Александрович.

Князь огляделся, ловя в ответ внимательно-заинтересованные взгляды – чем-то еще пощекочет им нервы «сестрорецкий затворник»?

– Для начала, пожалуй, стоит закрыть вопрос с призом. Думаю, будет вполне справедливо, если «Вдова Клико» навестит офицерские собрания и Измайловского, и Преображенского полков – по пять дюжин в каждый. Ведь несмотря на проигрыш, бой вышел очень хорош. Не так ли, господа?

Господа всемерно поддержали такое мнение одобрительным гулом.

– Более того, каждого из присутствующих здесь я прошу принять небольшой презент – серебряную карточку почетного гостя. С ней вы три месяца сможете посещать любые арены и ресторан «Колизеума», не задумываясь о презренном металле...

Какой-либо видимой реакции на эти слова не последовало, но все равно Александр отчетливо почувствовал, как сладкое слово «халява» нашло свой отклик в горячих гвардейских сердцах.

– ...как и любой из сеансов в «Империи».

А вот тут кое-кто из офицеров все же не удержал довольного блеска глаз – первый из кинотеатров столицы, несмотря на всю свою новизну, уже успел превратиться в довольно статусное место. Дорогая отделка интерьеров, изысканные вина и закуски, интимный полумрак зрительного зала, куда так приятно пригласить даму сердца... Вот только стоимость такого удовольствия, что называется, «кусалась». Вернее, чуть-чуть покусывала – все же среди лейб-гвардии совсем уж бедных не водилось. Разумеется, довольно скоро ожидалось открытие еще пары-тройки подобных заведений (в основном для публики попроще, если не сказать что совсем уж простой) – вот только посещать подобные заведения гвардейским офицерам было неуместно. Честь мундира, знаете ли!..

– Ну а теперь я предлагаю почтить своим присутствием скромную ресторацию «Колизеума» – уверен, шеф-повар уже заждался своих первых посетителей.

И это предложение хлебосольного хозяина гости в мундирах восприняли более чем благосклонно – последние двадцать минут общие настроения неуклонно росли, давно уже миновав отметку «хорошо», и вплотную приблизились к отметке «жизнь прекрасна!». Правда, на выход пошли не все: поручика Шиллинга задержал коротким разговором князь Агренин, а его императорское высочество сделал то же самое по отношению к штабс-капитану

Татищеву. Ушел поручик, следом за ним поспешил граф...

- Я просил передать, что полностью займу твое внимание.

- Благодарю. Хотя уверен, что и без меня наша доблестная гвардия не потеряется за ресторанными столиками.

Михаил коротко фыркнул, признавая суровую правду этих слов.

- А скажи на милость, отчего это у поручика Шиллинга было такое довольное лицо?

- Хм?.. Николай - единственный, кто смог хоть что-то показать на арене. Мне показалось уместным выделить этот момент.

Выждав короткую паузу, великий князь подтолкнул своего собеседника дальше:

- И?..

- Думаю, ему очень понравится новый армейский револьвер. Хе-хе, полученный за полгода до того, как он официально будет принят на вооружение Русской императорской армии.

- О?! Но насколько я знаю, конкурсная комиссия еще не вынесла окончательного решения?..

- Верно. Но мне его уже сообщили - неофициальным порядком. Больше того, я даже знаю, чем именно меня отметят за победу в конкурсе.

Александр многозначительно потер пальцами правой руки, подсказывая тем самым правильный ответ.

- Бриллиантовый перстень и... высочайшее благоволение?

- Ну насчет второго не знаю, а вот первое - точно.

Юный Романов и молодой Агренов прогулочным шагом вышли на неширокую дорожку, вымощенную серо-красной тротуарной плиткой, и направились к одной из виднеющихся вдали беседок.

- Что у нас сегодня?

- Хм?.. Ну для начала немного прикладной психологии, а потом - геополитика. Как? Вот и отлично. Итак, Михаил Александрович, расскажите мне, желательно с примерами, - какие выгоды я получу из устроенного сегодня представления?

У каждого человека со временем появляются определенные привычки, правила, даже суеверия... Как-то незаметно для самого себя и Вениамин Ильич Лунев обзавелся чем-то подобным. Теперь, возвратившись домой из очередной деловой поездки, он первым делом целовал-обнимал родных, затем приводил себя в порядок, а потом шел в кабинет, священнодействовать. Своими руками укладывал в каминную топку небольшие и отлично просушенные березовые чурбачки, прогревал при помощи небольшого «факела» из газетной бумаги дымоход, зажигал полешки посредством особо толстой и длинной спички, а затем, немного подняв небольшой кованный экран, смотрел на живой огонь. По кабинету гуляли полутени, тело обдавало ровным мягким теплом, а из головы чудесным образом исчезала любая усталость. А если к переливам своенравного пламени добавлялся пузатый бокал

французского коньяка, чуть-чуть оттененный первосортной виргинской сигарой, то почти любое поручение неугомонного работодателя решалось чуточку быстрее и легче. То же самое, но в хрустальной емкости светится жидкий янтарь от господина Шустова? Значит, хозяин кабинета планирует довольно сложные последовательности действий своих многочисленных помощников-стряпчих. Хотя большая часть этих амбициозных молодых людей уже давно не была «чистыми» юристами, как-то незаметно развив в себе немалые коммерческие таланты и удивительный по своей силе дар убеждения. Большая финансовая заинтересованность всегда помогала молодым специалистам творить подлинные чудеса, хе-хе. Особенно если к этой самой заинтересованности добавлялись немаленькие личные амбиции, а в затылок время от времени жарко дышали коллеги-конкуренты.

Звонкий треск лопнувшего под напором пламени полешка вывел скромного миллионера из тягучих раздумий, заставив взяться за красиво изогнутые щипцы. Отправив обратно в топку вылетевший уголек, хозяин опять было засмотрелся на завораживающие переливы живого огня, но все же заметил в кабинете появление нечастого и тем особенно дорогого гостя.

– Не помешаю?

– С каких это пор ты можешь мне помешать? Кстати, я надеюсь, что сегодня мы поужинаем вместе? Или мой взрослый и чрезвычайно занятой сын опять убежит в ночь, разочаровав и обидев как собственную матушку, так и младшего брата с сестрой?

– Ну папа!..

– А, тебе уже высказали? Вот и мне поставили на вид совершенно неприличное поведение одного молодого человека... Садись поближе.

Виктор послушно подтащил поближе к родительскому креслу еще одно, после чего (с немалой долей сомнения) разделил себя и отца сервировочным столиком, подкатив его из скрытого переменчивыми тенями угла.

– Как дела?

Тут сыну попалась на глаза бутылка шустовского коньяка, и он поспешил блеснуть своей осведомленностью:

– Неплохо, благодарствую. Тебя можно поздравить?

Почтенный и (увы и ах!) начавший заметно лысеть глава семейства Луневых удивленно вздернул бровь:

– Это с чем же?

Отпрыск весьма многозначительно пощелкал пальцами по горлышку полупустой бутылки. Намекнув тем самым, что знает о приобретении его сиятельством двадцати пяти процентов паев в товариществе «Шустов и сыновья».

– Ах это? Дела, так сказать, давно минувших дней... Попробуй-ка вон ту прелесть.

Наблюдая, как сын с интересом рассматривает оплетенную лозой полуведерную бутылку, а потом аккуратно разливает по бокалам тягучую фиолетовую жидкость, Вениамин Ильич с легкой ностальгией улыбнулся:

- Небольшое напоминание о солнечной Испании.

Памятка оказалась более чем хороша: чуть терпкая, в меру сладкая и с отчетливым привкусом жгучего лета.

- М-да, вполне!.. И много таких воспоминаний?

- Увы, там и было-то всего ничего, сотен пять таких вот бутылочек. Захолустье невероятное! А вино, как видишь, выше всяческих похвал. Половину оставлю себе, сотню бутылок презентую Александру Яковлевичу, еще немного старым друзьям-знакомцам...

- Кхе-кхе. Папа, а что за дела у тебя были в Испании?

Добродушный семьянин на почти неуловимое мгновение насторожился, а потом так же быстро расслабился. В конце концов, не кто-нибудь спрашивает, а родной сын!..

- Вольфрамовые рудники, небольшой оружейный конкурс и еще кое-что. По мелочи.

- О!

Сделав вид, что все понял, младший Лунев пригубил тягучего вина.

- Спрашивай уже, что хотел.

- Кхм?..

Еще раз пригубив, Виктор решительно поставил бокал на столик.

- Отец, не мог бы ты поговорить с Горениным? Несколько моих добрых приятелей не прошли аудиторской проверки, из-за чего я попал в довольно неловкое положение. Я уверен, это всего лишь какое-то недоразумение!..

- Пообещал им места в компании?

Сын молча кивнул.

- Э-хе-хе.

Подкинув несколько новых полешков в ненасытную топку камина, Вениамин Ильич вернулся в объятия своего кресла и промокнул лысину белоснежным платочком.

- Во-первых, начнем с того, что компания - не твоя. Ты ей всего лишь управляешь, не больше, но и не меньше этого. Поэтому никакой неловкости и быть не может, окончательное решение по кадрам всегда за владельцем - так всем своим приятелям и говори. Во-вторых, любой служащий, принятый по твоей личной рекомендации, долгое время будет находиться на особом контроле. Вижу, ты этого не знал? Соответственно, любые ошибки твоей креатуры будут бросать тень и на тебя. К чему своими руками создавать себе же лишние хлопоты? То, что твои вроде как приятели не прошли проверки, всего лишь избавило тебя от неприятностей в будущем.

Виктор решительно открыл рот, задумался и уже без прежнего задора закрыл.

- Ты спрашивай, спрашивай.

- Откуда взялся негласный запрет нанимать на работы инородцев? Да и вообще, зачем вербовать крестьян в центральных губерниях, везти их, обучать, обустройства на месте - когда ту же рабочую силу можно найти прямо на месте? И обходиться она будет заметно дешевле, и на жилье никаких затрат. Нет, я бы еще понял, если бы вместо лесопилок я ставил машиностроительные заводы. Но валить и трелевать лес!.. Не думаю, что топор, двуручная пила и лом настолько сложные инструменты, что те же чухонцы с ними не справятся.

- М-да. Скажи, а почему ты не уточнил этот момент у Александра Яковлевича?

Лунев-младший отмахнулся:

- Делу это не мешает, да и других вопросов хватало.

- Зря. Лучше несколько раз переспросить, чем один раз превратно понять. Или не понять вовсе; и чтоб ты знал - наш работодатель весьма доходчиво может ответить на любой рабочий вопрос, ничуть ему не раздражаясь. Пользуйся этим, сын. Что касается чухонцев и прочих инородцев: политика компании не предусматривает их обучения каким-либо рабочим специальностям. Тот самый крестьянин, коим ты так недоволен, проходит специальные курсы - в кредит, заметь, а вовсе не бесплатно! Затем все в тот же кредит он получает одежду и кое-какую утварь и за счет работодателя едет туда, куда его направят. А затем весьма усердно работает, многократно оправдывая все вложения компании. Верный, образованный, непьющий и разделяющий все ценности компании работник - вот что получается из вчерашнего крестьянина!

- Ну хорошо, это я понял. А почему мне не дают открывать новые производства в Лифляндии, Курляндии и Эстляндии?

- Ты же знаешь, что политика компании прямо запрещает ставить любые технологичные производства в окраинных провинциях империи - именно поэтому все твои заявки на передвижные лесопилки выполняются в течение двух недель, а вот заводы по выделке арборита... Хм, ну их тоже делают. Но для Дальнего Востока и Сибири. Так что на долю Остзейского края [45] остаются только лес-кругляк да всякие там брусья, доски и прочий погонаж. Тоже ведь немало? Тем более что там после вырубki леса не надо рассаживать саженцы, как в центральных губерниях - вали себе лес и вали. Максимум прибыли при минимуме затрат...

- М-да. Знать-то знаю, отец. Но выгода, разместить мы соответствующие предприятия рядом с границей, была бы заметно больше.

Под добродушным отеческим взглядом представитель младшего поколения Луневых пополнил виноградным нектаром хрустальные бокалы.

- Кстати о выгоде. Через месяц собрание совета директоров; я надеюсь, у тебя есть чем похвалиться? Как идет вхождение в рынок?

Виктор ответил невнятным жестом, вроде как «кряхтим помаленьку».

- Есть сложности?

- Решаемые, папа.

- Хм?.. Что ж, ты у меня уже взрослый мальчик. Кстати, как движется этот твой проект?..

Вениамин Ильич пощелкал пальцами, припоминая.

- С мебелью из гнутого арборита?

- Пока монтируют станки, да и те не все завезли – дело новое, все с нуля приходится ставить. Хотя без записей его сиятельства было бы гораздо труднее. А где он их взял?

- Сын, не задавай более таких глупых вопросов, особенно посторонним. Есть у Александра Яковлевича люди, которые занимаются разным интересным, – и с тебя того достаточно.

Закрепив отеческую нотацию внимательным взглядом, глава семьи чуть поворочался в кресле, вытягивая ноги.

- Кстати, если тебе надо что-либо узнать для работы, то обратиться к главному аудиту. Сам Аристарх Петрович конечно же подобным не занимается, но явно передает запросы тем, кто это делает.

- Вот как?

- А ты думал, откуда берутся все эти сводки и справки по конкурентам? Хм, а если кто-то из твоих недоброжелателей будет излишне настойчив – обратиться к главному инспектору компании; хотя и не думаю, что до этого дойдет.

- И что, это поможет?

Окончательно расслабившийся отец покатал вино в бокале, раздумывая: следует ли рассказать отпрыску, как именно проходил в Испании конкурс на поставку полусотни пулеметов? Про мелкие неприятности, в изобилии организуемые ушлым представителем конкурентов, Бэзилем Захаровым... И про то, как этот самый представитель в один прекрасный вечер получил навахой [46] в зад от уличного грабителя, избавившего затем Бэзила от тяжести тугого портмоне. Небольшая шумиха, быстрое вроде как расследование официальных властей, грозные заявления... А демонстрации пулемета БАС от Русской оружейной компании перестали сопровождаться разными неприятными казусами. Как результат, он одержал убедительную победу над своим английским собратом из компании Максима – Норденфельта.

- Кхм.

Так ничего окончательно и не решив, он ответил как можно более расплывчато:

- Не повредит.

Виктор задумчиво покивал головой: он и так знал, к кому в совете директоров обращаться в случае чего, но зачем же лишать отца небольшого удовольствия давать мудрые советы сыну? Тем более что иногда он действительно прояснял кое-какие непонятные моменты. Очередной звонкий щелчок лопнувшего полена прозвучал в полнейшем молчании. Прикинув взглядом расстояние до щипцов, молодой человек отдал свой выбор совочку – и тянуться не так далеко, и... Впрочем, первого было вполне достаточно. Тем временем в соседнем кресле Вениамин Ильич плавно качнул бокалом, любясь крохотными искорками и переливами тягучей влаги. Затем вздохнул и, медленно смакуя, допил вино. Вернее, почти допил, благодаря сыну едва не поперхнувшись последним глотком:

- Папа, а кто наследует его сиятельству?

- Кхе-кха!..

Промокнув пару вылетевших изо рта капелек все тем же белоснежным платком (пятнышки вина отчего-то показались ему следами крови), глава клана Луневых очень строго поинтересовался у отпрыска – кто именно надоумил его задать сей странный и очень опасный вопрос? Тот с отчетливым недоумением ответил, что никто. Да и вообще, он всего лишь хотел прояснить для себя дальнейшие перспективы. Мало ли что там и как с его сиятельством приключится? А ему ОЧЕНЬ нравится его нынешнее положение и весьма нервирует сама мысль таковое внезапно потерять.

- Ты уверен, что это просто интерес, причем именно ТВОЙ?

- Абсолютно! А в чем, собственно?..

- Позже. Скажи, сын, ты спрашивал об этом у кого-нибудь еще? Подумай хорошо. Точно? И не интересуйся. Никогда! А если кто-то все же попытается навести через тебя какие-то справки, ты должен немедленно известить меня. Или Григория Дмитрича Долгина. Или Аристарха Петровича. Не-за-медлительно! Потому что это могут быть как недружественные происки конкурентов, так и негласная проверка на лояльность.

- Но?.. Я все понял, отец.

- Хорошо бы.

Немного помассировав виски, Вениамин Ильич заметно понизил голос:

- Чтобы у тебя не было лишних искушений узнавать все самому. Официальным наследником состояния князя считается его родная тетя Татьяна Львовна Лыкова. Но это не совсем так, и у Александра Яковлевича совершенно точно есть наследник его крови. Вот только судьба тех, кто попытается разыскать этого ребенка против воли отца, будет... весьма незавидна. Зная нашего работодателя так, как знаю его я, не приходится и сомневаться – на том пути уже давно расставлены капканы и ловушки, и даже легкий интерес смертельно опасен. Достаточно ли ясно я выразился?..

Впечатленный как голосом, так и необычайно серьезным выражением лица батюшки, младший Лунев четко кивнул:

- Да, папа.

- Я на тебя надеюсь, сын. Ох!

Покинув кресло, хозяин дома легонько потянулся.

- Думаю, уже можно спускаться к ужину. Идем?

Глава 9

В отличие от своих более молодых конкурентов, в старейшем кабаре Парижа «Элизе Монмартр» никогда не было проблем вроде неполного зала и прочей чепухи – потому что с самого своего открытия сей приют красоты и веселья служил местом отдохновения целым династиям парижан. Часто бывало так, что за одним и тем же столиком «Монмартрского Элизиума» наслаждался представлениями отец, затем, когда подходило время, насиженное место занимал его сын, потом приходила очередь внука... Да и порядки в кабаре мало

изменялись со временем: офицеров все так же располагали отдельно от прочих, простого буржуа, позволившего себе ненадолго отвлечься от серых будней монотонного существования, никогда бы не посадили за столик к аристократу, и, разумеется, здесь помнили и любили каждого из постоянных посетителей заведения. Небольшие скидки на вино, мелкие знаки внимания, воздушные поцелуи от актрис – этого было более чем достаточно, чтобы никто и никогда не чувствовал себя заброшенным и забытым. Сам воздух кабаре искрился негой и весельем!.. Если бы его еще не портили всякие проходимцы – Анри де Можирон, двадцатипятилетний «потомственный» ценитель прекрасного, с раздражением покосился на прихрамывающего незнакомца, начисто перекрывшего ему весь вид на сцену. Немного потерпел, а затем все же не выдержал:

– Черт побери! Кто вы такой и что вам надо?

– Граф Дракула, к вашим услугам, шевалье.

Импозантный пожилой мужчина, чья дорогая (хотя и несколько старомодная) одежда и изысканные манеры просто кричали о длинной веренице предков-аристократов, коротко поклонился и без всякого спроса подсел за столик. На кредитора он был непохож, а всякие любовные извращения или эксперименты Анри тем более не жаловал, в отличие от своих знаменитых предков [47]. Что может быть прекраснее и желаннее женского тела?

вернуться

45

Прибалтика.

вернуться

46

Складной испанский нож.

вернуться

47

Род Можирон был «славен» тем, что время от времени в нем случались любовники королей. Впрочем, любовникам это совсем не мешало иметь жен и детей...

– Что бы вы ни предлагали, меня это не интересует!..

Вместо того чтобы внять намеку и убраться, чуть полноватый и раздражающе самоуверенный граф непритворно удивился, блеснув тонкой золотой оправой своего пенсне:

– Париж действительно потрясающий город! Наверное, единственный в мире, в котором люди спокойно отказываются от тысячи франков за один лишь короткий разговор.

– ?!..

- Что же, приношу свои извинения за доставленное неудобство...

Молодой повеса, давно уже промотавший невеликие крохи доставшегося наследства (и тем не менее вполне неплохо себя чувствующий в мутной воде парижского общества), заинтересованно блеснул глазами, разом переменив свое отношение к «молодышнему старичку».

- Ну что вы, что вы! Позвольте представиться: Анри де Можирон, рантье [48]. Итак, чем могу?

- Ох уж эти современные нравы!.. Впрочем, я тоже предпочитаю перейти сразу к делу.

Щелчком пальцев подзвав официанта, аристократ еще раз подтвердил свою состоятельность, заказав все самое дорогое и лучшее.

- Не буду скрывать: я навел о вас кое-какие справки...

Оттого, что граф знал о его незначительных финансовых затруднениях, Можирон непроизвольно напрягся. Увы, для достойной жизни и успеха у парижских кокоток всей его молодости и выдающегося облика было недостаточно. Требовалась еще и финансовая состоятельность – а вот с этим у молодого человека как раз и были определенные сложности.

- ...и считаю, что вы именно тот, кто мне нужен.

- Гхм. Не могли бы вы выражаться более ясно, граф?

- Извольте. Мне нужен компаньон для одного небольшого и совсем необременительного дела. Пятнадцать тысяч.

- Э-э?.. Простите, я не вполне...

- Я говорю, что вознаграждением за вашу посильную помощь будут пятнадцать тысяч франков.

- Согласен. Детали?

- М-да, Париж мне нравится все больше и больше... Что ж, обсудим и это.

Грянуло вступление, тяжелый занавес дрогнул и стал расходиться – но мужчины, старый и молодой, лишь теснее сдвинули свои стулья, не обращая никакого внимания на начавшееся представление.

- Один русский аристократ украл у меня мое сердце. Мой юный цветок, ту, что была для меня целой жизнью, мою!.. впрочем, к делу это не относится.

Аристократ немного нервным движением схватил и полностью опустошил свой бокал, а затем и помолчал, пережидая приступ одышки, а его собеседник внезапно почувствовал мимолетный укол жалости к явно молодышнему графу. Несмотря на качественную (и наверняка очень дорогую) краску для волос, Анри почти сразу определил, что скрывает она седину – причем как на голове, так и в роскошных нафабранных усах. Снятые перчатки открыли старую кожу рук и пожелтевшие ногти, а под костюмом вполне можно было угадать утягивающий корсет, без которого и так плотный венгерский (или румынский?) аристократ наверняка изрядно бы расплылся в талии. Определенно, старость не красит никого...

- В ответ я намерен над ним зло подшутить. О, ничего такого, все почти в рамках приличия – но я уж постараюсь, чтобы про его позор узнали все!!! Гхем. Подробности дела вы узнаете

на месте, пока же вам следует незамедлительно обновить свой гардероб.

- Но?..

- Разумеется, все необходимые издержки – за мой счет. Затем вас ждет путешествие в Ниццу, где вот по этому адресу вы будете ждать меня и дальнейших инструкций. Итак?

Крепкое рукопожатие, а также жиденькая стопочка стофранковых банкнот, стыдливо прикрытая салфеткой, окончательно скрепили небольшую сделку...

День спустя.

- Ну вот, мой юный друг, теперь ваш внешний вид полностью соответствует внутреннему содержанию.

Удачно вспомнивший про свои аристократические корни, шевалье Анри де Можирон едва заметно кивнул, принимая вполне заслуженный комплимент, и чуть повернулся, позволяя ростовому зеркалу отразить все свое величие. Приподнял руку, слегка шевельнул плечами и не удержал довольной улыбки – фрак был чертовски хорош! Как и сам Анри в нем. Вечернему фракку не уступали как качеством, так и ценой несколько светлых и темных пиджачных пар, небольшой несессер путешественника и еще полдесятка различных мелочей, помогающих любому аристократу поддерживать должное реноме перед всякими там простолюдинами.

- Ваш билет и немного денег, на мелкие расходы.

Аккуратно пересчитав приятно похрустывающие банкноты, напоследок Анри заглянул в билет:

- Отправление завтра утром?

- Все верно.

- Как понимаю, подробности я узнаю только на месте?

- Приятно иметь дело с умным человеком.

Распрощавшись, компаньоны разъехались в разные стороны: де Можирон спешил к многочисленным приятелям, дабы успеть как следует блеснуть собой, а граф... Сей достойный господин направил свои стопы в небольшую съемную квартирку, где первым же делом скинул обувь, вытряхнув из правой туфли небольшой веревочный узелок – именно он помогал ему хромать с таким изумительным правдоподобием. Вторым делом стало скидывание жилета с «жиром» и парика, а третьим – медленное и весьма осторожное удаление накладных усов. Было бы очень жаль потерять столь незаурядное произведение парикмахерского искусства, чья тонкая основа позволяла им выглядеть на чужом лице даже лучше, чем родным!.. Закончив с этим и облегченно вздохнув, резко помолодевший мужчина минут сорок аккуратно снимал с себя грим.

«На какие только жертвы не пойдешь ради хорошего человека! То есть себя».

- Ффух!..

Стерев с ногтей уродующий их маникюр и обстоятельно протерев лицо и руки смягчающим кожу лосьоном, Александр повертел головой, выискивая пропущенные пятна грима. Не нашел, успокоенно хмыкнул и переоделся в привычный костюм. Погладил незаметные ножны на руке,

чуть подтянул кобуру с девятимиллиметровым «малышом» и проверил, как выходят из узких кармашков «сбруи» два запасных магазина.

«Все, я готов выйти в этот жестокий и полный смертельных опасностей мир. Хотя граната, конечно, не помешала бы. Как страшно жить!.. Кхе-хе-хе...»

Расположившись в небольшом уютном кафешантане и скоротав время за чашечкой вкусного кофе и сырным круассаном, князь вспомнил добрым словом одного усатого оренбургского казака. Потому как именно тот некогда и затащил его в это самое заведение. Затем сверился с часами. Подумал и... заказал еще один круассан – до места, где он условился о встрече со своим порученцем, идти было всего ничего. Ах эта прелесть запутанных парижских улочек! И квартир, имеющих по три выхода и входа.

– Александр Яковлевич, ну наконец-то!..

Выгнув в неподдельном удивлении бровь, оружейный магнат осторожно поинтересовался:

– Откуда столько эмоций, Валентин Иванович? Вроде бы совсем недавно расстались?

– За нами следят.

– О?... Минуту.

Подойдя к старшему собственной охранной тройки, князь выслушал короткий, но очень информативный доклад. Непонятно кем нанятые частные детективы, простое отслеживание всех контактов и перемещений и явная конкуренция между несколькими группами наблюдателей – последнее отчетливо намекало, что работодатели у них разные.

«Ну наконец-то подлинное признание моих заслуг! Хм, а ведь интересный ребус с заказчиками получается. Могут быть как свои, к примеру, насквозь родимые жандармы – ведь за пределами империи наше джентльменское соглашение вроде как недействительно, так и чужие, и уж здесь моя буйная фантазия просто отказывает. Гостеприимные хозяева? Англичане? Привет от германских друзей? Жизнь определенно становится все интереснее и интереснее».

Впрочем, эта новость произвела на сестрорецкого фабриканта самое благоприятное впечатление. Во-первых, появилась реальная возможность потренировать своих людей на качественных «кроliках», имеющих в своем большинстве весьма приемлемые навыки слежки и явное военное (либо полицейское) прошлое. Во-вторых, так или иначе, но по результатам этих практических занятий хоть кто-то из заказчиков да проявит себя. Ну и в-третьих, он склонен был рассматривать этих филеров как явный знак благосклонности госпожи Удачи. Ведь сразу восемь независимых свидетелей подтвердят, что князь Агренов прибыл в Париж всего лишь немного развеяться и отдохнуть!

вернуться

48

То есть живущий на проценты с положенного в банк капитала (как вариант – сдающий в аренду какую-либо собственность).

«И пусть хоть все глаза сломают и стопчут ноги до задниц, иного им увидеть не суждено.

Определенно, судьба мне благоволит!..»

Выдав все необходимые инструкции и с некоторым удивлением подметив у старшего охранника все признаки тщательно задавливаемого недовольства (как же, их настоящий подопечный опять будет шлаться неизвестно где и в полном одиночестве, а им оберегать подставную фигуру), Александр приятно удивился еще раз.

– Валентин Иванович, как там моя «тень»?

– Я бы сказал, очень даже недурственно. Пока молчит. Несмотря на все старания, его французский... Гхм. В общем, на данный момент у него вполне официальная ангина средней степени. Слушать может, говорить – нет. Особняк для проживания сняли в предместьях Парижа, небольшой, но очень приличный. Расположение удобное как для охраны, так и для наблюдающих за нами.

– Вот и прекрасно. Так. В Берлин я выезжаю сегодня вечером, два-три дня положим на обхаживания известной вам личности – к сожалению, обычным вербовщикам уговорить его не удалось. Потом день на встречу с Тиссенем, еще день – на Круппа. Затем я ненадолго посетую Швейцарию – это еще два-три дня, вместе с дорогой до Питера.

Понятливо кивнув, Гreve подбил немудреные расчеты:

– Неделю на увеселения, затем обратно в Россию.

– Примерно так. На тот вполне вероятный случай, если я все же буду вынужден задержаться, – езжайте в Челябинск и Златоуст без меня. Земля там пока дешевая, наши планы вы знаете, а определиться на местности сможете и сами.

– Но?.. Хотя некоторые ангины очень трудно лечить... Будет сделано, Александр Яковлевич. Кхм. Позволю себе небольшую бестактность – но, право же, вам стоило бы взять с собой хотя бы одного спутника.

Словно почувствовав, что речь идет о них, сразу двое охранников покосились на подопечных.

– Пустое, Валентин Иванович. Но исключительно для вашего спокойствия – в Германии мне составят компанию несколько экспедиторов.

Довольный Гreve позволил себе легкую улыбку, после чего сходил за двойником. Князь поздоровался, затем несколько раз обошел его по кругу, под конец осмотра довольно бесцеремонно ткнув пальцем в левый бок.

– Корсет?

– Так точно.

Поглядев на бравого ярославского лавочника-галантерейщика, ни дня в своей жизни не прослужившего в рядах Русской императорской армии, Александр непроизвольно выгнул в удивлении бровь.

«Какая статья, выправка, взгляд! От телохранителей, что ли, нахватался?»

– До вас уже доводили задачу?

– Никак нет, ваше сиятельство.

- Ну что же... Если в общих чертах, то вам предстоит сильно потрудиться: обильно пить и есть, а также много общаться с французскими дамами полусвета [49]. Разумеется, все это вы будете делать молча и не покидая снятого особняка, так как вам надо беречь свое больное горло. Кстати, вполне возможно, что перед отъездом вам все же придется посетить какой-нибудь дорогой публичный дом – и я надеюсь, вы проявите себя с самой лучшей стороны. Все нужные подробности до вас доведет Валентин Иванович. Справитесь?

С немалым интересом оружейный магнат наблюдал, как примерный семьянин и отец троих детей переводит в более привычные понятия свое первое задание, а затем осознает, что ему предстоит пьянствовать, предаваться безудержному разврату и шиковать.

- Так точно, вашсиятельство! Не извольте сомневаться, все силы положу, но сделаю!

«Какой энтузиазм – глаза горят, а сам аж светится!.. Вот что бывает, когда работа людям в радость...»

Небольшая берлинская кофейня в утренние часы была немногочисленна – несмотря на свои относительно скромные размеры, она являлась довольно дорогим заведением, ориентированным исключительно на обеспеченных ценителей прекрасного напитка. Четыре сорта отборнейших кофейных зерен, две дюжины рецептов приготовления, джезвы [50] из кованой меди и специально обученный персонал заставляли посетителей приходить в кофейню еще и еще, ради небольшой чашечки НАСТОЯЩЕГО кофе. Вот и сейчас двое мужчин примерно одинакового возраста уселись за угловой столик, сделали заказ и терпеливо ожидали, когда же им поднесут драгоценный напиток с востока.

- Михаил Осипович, должен вам сказать, что вы весьма обстоятельный человек. Пять дней на ответ! Право же, не думал, что это будет для вас настолько... сложно.

Инженер, преподаватель, и, ко всему, можно сказать, что скромный гений от электротехники с польской дворянской фамилией Доливо-Добровольский, в ответ лишь сурово нахмурился, категорически не усматривая никакой веселости в поднятом вопросе.

- Касайся дело каких-нибудь незначительных мелочей, ответ был бы сразу. Но тут решается вся моя будущность, поэтому я полагаю, что любая спешка будет неуместной. Гхм. А обстоятельность – совсем не последнее дело для любого ученого-исследователя.

- Разумеется. Итак, что же вызывает у вас сомнения на этот раз?

Один из наиболее успешных служащих германской Всеобщей электрической компании тут же положил перед собой документ, уже давненько называемый в Российской империи «золотым контрактом».

- Кто будет моим непосредственным руководителем?

- Вы слышали что-нибудь об Александре Николаевиче Лодыгине?

Инженер немного замешкался с ответом:

- Только самое лучшее.

- Де-юре вашим руководителем будет он. Де-факто отчитываться и получать задания вы будете от меня. Разумеется, между вами будет определенное взаимодействие.

- Хм!.. Ну допустим. Далее, меня смущает вот этот пункт. Что значит – достаточное финансирование? В каких пределах? Кто его определяет?

Русский фабрикант доброжелательно улыбнулся, тихонечко вздыхая про себя.

- Я выдаю вам задание, вы составляете смету, ее исполнение контролируется аудиторами.

Михаил Осипович в глубоком раздумье огладил свою профессорскую бородку.

- Даже если я попрошу миллион в год?

- Даже? Да если бы все мои директора имели столь скромные запросы! К примеру, ваш коллега Лодыгин уже перешагнул сумму в полтора миллиона рублей на ассигнации, а год еще далеко не окончен.

Пригубивший свою чашечку электротехник едва не поперхнулся кофе.

- Однако, у вас там и масштабы!

- Какие есть. Что-то еще?

- Вы должны знать – я связан определенными обязательствами с моими нынешними работодателями. И я так и не услышал, чем именно ВЫ предлагаете мне заниматься.

Постучав пальцами по бумаге контракта, Доливо-Добровольский уточнил:

- Вернее, здесь все описано лишь самыми общими фразами. Даю слово, что ничто из услышанного не будет разглашено.

- Ваши нынешние обязательства легко разорвать, уплатив неустойку в пятьдесят тысяч марок. Я ведь прав? А дел у вас будет два. Первое, очень большое – электрификация Российской империи. Вы же знаете, за электричеством – будущее.

Инженер не удержался и согласно кивнул.

- Надо, чтобы это будущее для НАШЕЙ родины наступило как можно быстрее. Основой генерирующих мощностей будет сеть из теплоэнергоцентралей, затем предполагается строительство гидроэлектростанций. Передающие сети, трансформаторы, подстанции, моторы... Вторым вашим делом будет преподавательская работа. Империи нужны подготовленные инженеры, и я надеюсь на вашу помощь в этом вопросе.

- Какой университет?! Или это институт?

«Все, рыбка клюнула».

- Ну тут несколько вариантов. Первоначально рассматривался вариант с Санкт-Петербургом. Но после того как было принято решение о строительстве в Москве нового учебного заведения... я думаю, это будет значительно удобнее. Ведь в этом городе проживают и ваши близкие, не так ли?

Вежливо подождав, пока электротехник переварит все услышанное, но так и не дождавшись, его собеседник тихонечко кашлянул.

- Что?.. Ах да. Прошу меня простить.

Залпом выпив порядком остывший кофе, Михаил Осипович опять впал в глубокую задумчивость. Князь его вполне понимал: на одной чаше весов – спокойная и налаженная служба в одной из самых крупнейших электротехнических компаний Европы. Уважение немногочисленного начальства, признание коллег, налаженный быт, в конце концов!.. А на другой – такие перспективы, что аж дух захватывает: работа на родине, воссоединение с семьей и исполнение тайной мечты о преподавательской работе.

вернуться

49

Куртизанки.

вернуться

50

Другое название – турка; сосуд для приготовления кофе по-восточному.

– Мдя.

Щелкнув крышкой часов, Александр заправил их обратно в карман жилетки, выудив из другого небольшой картонный прямоугольник.

– Когда вы примете свое положительное решение, вот по этому адресу вам помогут урегулировать все необходимые формальности. А здесь...

На первую картонку легла вторая.

– Адрес вашей московской квартиры.

Прижав пустой чашечкой из белейшего фарфора мелкую банкноту, оружейный магнат оделся, напоследок легко прикоснувшись к своей шляпе:

– До встречи, Михаил Осипович.

– Простите, что?.. А, да-да, конечно...

Некоторое время спустя, весьма поздним вечером, хозяин скромной виллы «Хюгель» в Эссене был неприятно удивлен, с ходу опознав вензель на доставленной в запечатанном конверте визитке. Впрочем, чего-то такого он и ожидал – с того самого момента, как бесследно пропал его порученец Нейгель. Отдав распоряжение провести гостя в кабинет, Фридрих невольно удивился, обнаружив у князя шикарную черную бороду, усы и очки с большими линзами.

– О! Хотя я и не ждал вас, Александр, но очень, очень рад видеть!..

«Пушечный король» Европы и одновременно достойнейший представитель весьма уважаемой династии Круппов, Фридрих Альфред всем своим видом буквально излучал неподдельное дружелюбие и осторожный оптимизм. К его недоумению, оружейный магнат Российской империи зеркально отразил все эти чувства обратно.

- Поверьте, ваша радость более чем взаимна.

- Кхм. Как я вижу, вы несколько изменились с нашей последней встречи?..

В ответ гость с коротким смешком заметил:

- Вы знаете, дорогой Фриц, по пути на вашу виллу я слишком часто замечал на себе любопытные взгляды. Вы определенно пользуетесь немалой популярностью как у друзей, так и у недоброжелателей!..

Аккуратно сняв с лица приклеенную растительность и оправу с простыми стеклами, князь весьма обаятельно улыбнулся:

- Надеюсь, вы не в обиде на меня за этот маленький маскарад?

В ответ хозяин лишь неопределенно качнул головой.

- Сигару? Как пожелаете. Итак, вас привело ко мне что-то конкретное?

- Пожалуй, можно сказать и так. Наша дружба.

- Простите?..

- Меня привели в Берлин те дружеские чувства, что я испытываю к вам.

- Э-э?.. Боюсь, Александр, я не вполне вас понимаю.

- Ничего страшного, я сейчас все разъясню. Когда один скромный счетовод умудрился выкрасть некие важные бумаги, оставив в неприкосновенности другие, еще более важные...

Альфред в душе страдальчески поморщился. Как же он не любил такие вот моменты!..

- ...первоначально возобладало мнение, что имела место быть заранее спланированная операция недружественных моим доверителям сил. Согласитесь, дорогой Фриц, довольно сложно ожидать от простого бухгалтера той выдающейся ловкости, с которой он не только проник в мой кабинет, но и довольно долго избегал весьма квалифицированного преследования. Поэтому, когда выяснилось, кому именно он планировал передать бумаги, едва не было принято весьма жесткое решение...

Крупп, свирепо нахмурившись, уточнил:

- Это угроза?

Не обращая на эти слова никакого внимания, Александр размеренно продолжил:

- ...однако я смог найти нужные слова и убедить тех, кто... Гм. Дать мне немного времени на дополнительное расследование. Я помню, как вы, Фридрих, некогда пошли навстречу просьбе скромного и никому не известного офицера пограничной стражи, никогда не задавали лишних вопросов и безукоризненно точно выполняли все взятые на себя обязательства. И весьма за это благодарен - поверьте, в том, кем я стал сейчас, есть немалая доля вашего участия.

Щелкнув гильотинкой, князь ненадолго замолчал, раскуривая толстую сигару.

- О, недурно... Что касается угрозы - все мы смертны, дорогой Фриц. И вы. И я. Кому, как не вам, знать, насколько это опасное дело - производить и продавать оружие? Впрочем, мы несколько отвлеклись. Не буду утомлять вас ненужными деталями - я смог доказать, что все происшедшее было всего лишь дурной инициативой вашего и моего подчиненных, поэтому основная часть претензий снимается.

- Рад это слышать.

На несколько долгих мгновений двух промышленников связал незримой нитью взгляд глаза в глаза.

- Не надо сарказма, Фриц. И я вас очень прошу, друг мой, более так не рисковать - у меня не так много надежных партнеров, чтобы бездумно ими разбрасываться.

- Вы так уверены в своих силах?!

Поперхнувшись дымом, русский аристократ смял сигару и рявкнул:

- При чем здесь мои силы? Фридрих, не ведите себя как маленький ребенок! Вы что, и в самом деле думаете, что все ваши предосторожности, вся ваша полиция и охрана помогут? Да чтоб вы знали, вас можно убрать как минимум дюжиной способов!.. И меня тоже, если хотите.

С удивлением поглядев на табачную труху в ладони, князь брезгливо и бесцеремонно стряхнул ее на ковер, достав затем из внутреннего кармана обычный канцелярский блокнот:

- Прошу, полюбопытствуйте.

Удивленный и несколько встревоженный столь необычной вспышкой эмоций всегда выдержанного аристократа, Крупп опустил взгляд на исписанные очень четким и разборчивым почерком страницы. С некоторым недоумением прочитал первую, с явным интересом - вторую и очень внимательно - третью и все последующие.

- Ваш обычный распорядок дня, любимые места для отдыха и развлечений, привычные маршруты и многое другое.

Закончив свое чтение и покатав желваки, хозяин внезапно уточнил:

- Что значат вот эти две строчки: «Гостиница - яхты - вариант один, вилла «Хюгель» - дорога - вариант два»?..

- Ни для кого не секрет, что вы любите отдыхать зимой на итальянском острове Капри. В гостиницах же часто подают плохое вино, а яхты, случается, терпят крушение... Что касается второго варианта - ваш отец в свое время построил не виллу, а настоящую крепость, в которой действительно можно чувствовать себя в безопасности. Одно только плохо: к вашему семейному замку ведет всего одна дорога. А на дорогах, бывает, случаются разные неприятности. Взрывы, например. Поэтому я еще раз прошу вас, Фриц, впредь быть более благоразумным и не рисковать так... глупо.

Плюнув на все прошлые планы, Фридрих Альфред из династии Круппов пошел навстречу пожеланию своего гостя, одновременно повышая градус доверительности:

- Признаю, я был неправ, проявляя недоверие к вашим словам. Но более подобного не повторится!..

Князь прекрасно понял (и принял) извинения за неудачную попытку промышленного шпионажа:

– Пустое, друг мой, пустое.

Пользуясь случаем и явно улучшившимся настроением Агренева, хозяин как бы равнодушно поинтересовался:

– А вот эти ваши доверители... не могли бы вы хотя бы намекнуть, кто они?

Увидев слабую и совсем безрадостную усмешку, он предположил:

– Кто-то из великих князей? Императрица? Сам?

– Если бы... Скажите, Фридрих: если у человека огромное состояние, влияние, интересы по всему миру и при этом нет абсолютно никакого желания подвергать себя хотя бы малейшему риску, что бы вы ему посоветовали?

– Ну?... Гм, вот так с ходу ничего в голову не приходит.

– Да и не важно, ведь все уже давно придумано за нас. Неизвестность – вот лучшая защита. Как навредить, если не знаешь, куда бить и с кем бороться?

Хозяин кабинета так задумался, что слегка зажевал свою сигару.

– Оставим эту тему, обсудим лучше Трансвааль. Как я понял, вы планируете определенные шаги в этом направлении?

«Пушечный король» немного напрягся:

– Ваши доверители – против?

– Совсем нет. Оценочные запасы металла в известном вам месторождении превышают все то, что человечество добыло до сих пор. И эти же объемы не позволят производить добычу НЕЗАМЕТНО.

Выделив интонацией ключевой момент, Александр дотянулся до сигарного ящичка, а потом и до хромированной гильотины.

– И что, вот так просто?

– К чему множить сущности?... Но взамен, Фридрих, я рассчитываю на вашу всеобъемлющую помощь в реконструкции Пермских пушечных заводов.

Словно вспомнив что-то смешное, князь негромко хмыкнул:

– Если бы вы знали, как мне надоело не понимать французские намеки!..

Услышав такое, германский промышленник позволил себе уточнить:

– И много предлагают?

– Более чем достаточно.

Вот это уже была важная конкретика, хотя и достаточно неприятная. Опытному предпринимателю Второго рейха не надо было разжевывать все перспективы участия французов в реконструкции заводов, обеспечивающих своей продукцией Русскую императорскую армию: понятно, что, стоит им залезть хоть на один завод, это сразу же скажется на предпочтениях генералов ГАУ. И так-то вырвать любой мало-мальски заметный контракт из загнувшихся лап лягушатников и лайми [51] стоит немалых усилий...

– И кстати, да: я так же, как и вы, Фриц, считаю идею единого калибра и снаряда для ВСЕЙ армии всего лишь французским бредом. Интересно было бы поглядеть, как они будут взламывать крепостные укрепления полевой артиллерией!.. Одно слово – галльские петушки.

Почувствовав полное родство душ и совпадение интересов, Крупп самолично сходил за парой бокалов и бутылкой рейнского, откупорил, разлил и огласил тихий тост:

– Поговорим более предметно, Александр?

С интересом втянув в себя аромат вина, князь более чем одобрительно хмыкнул, заодно согласно кивая.

– Какими будут последствия... излишней инициативы моего подчиненного?

– Хм. В следующем году я намеревался передать вам два очень перспективных сплава. Планировалось заключение контракта на постройку трех механических заводов в Москве и одного машиностроительного – в Оренбургской губернии. Совместная разработка месторождения с никелем, еще ряд сырьевых проектов. Всего этого не будет. Кхм, вернее, все же частично будет, но уже с Тиссенем.

– М-да...

– Также я лелеял надежду устроить с вами некий консорциум по производству самобеглых колясок и тепловых двигателей на сырой нефти – очень перспективный и довольно быстро растущий рынок. Увы!

– Как я понимаю, все это теперь достанется Августу?

– Нет. Просто на все эти МОИ планы наложен... Ну можно назвать это временным запретом.

– Печально. И насколько долгим будет запрет?

Неопределенно пожав плечами, русский аристократ дал понять, что сие ему неведомо.

– Остальные наши договоренности остаются неизменными. Кстати, у меня к вам несколько предложений.

Крупп демонстративно отодвинул от себя бокал и сцепил пальцы, показывая: он весь одно сплошное ухо.

– Во-первых, сотрудничество в оружейном направлении. Договариваясь о поставках вашей продукции, вы будете предлагать и мою: винтовки, пистолеты, патроны, амуницию и прочее. И наоборот, в свою очередь уже я буду продвигать своим заказчикам ваши знаменитые пушки и боеприпасы к ним. Конечно, это будет не всегда возможно, ведь в нашей работе приходится учитывать и некие политические моменты.

Хозяин понатливо поморщился: несколько раз и ему приходилось в самый последний момент отказываться от очень выгодных контрактов именно по настоятельным «рекомендациям» политиков из Рейхстага. Или даже из окружения кайзера Вильгельма Второго.

- Интересное предложение. Думаю, такая постановка дела послужит к обоюдной пользе...

- А также позволит несколько потеснить английские и французские компании - то есть не только полезно, но и приятно.

Последнее заявление опять послужило своеобразным тостом.

- Ну вот так навскидку ваше предложение мне нравится. Однако почему бы нам не объединить усилия и в других направлениях? Мои станки, ваши моторы и все остальное, что производят наши заводы?

- Я только «за», дорогой Фриц.

- Тогда ждите моих юристов, дорогой Александр.

В третий раз чуть пригубив отличного рейнского, два промышленника продолжили общение:

- Что касается Трансвааля...

Заметив, как опять насторожился «пушечный король», сестрорецкий фабрикант сделал успокаивающий жест:

- Я ведь уже говорил - никаких претензий.

- Что и удивительно.

- Наоборот, ничего удивительного. Ущерб этот ваш Нейгель нанес весьма незначительный, даже наоборот, помог выявить слабое звено. Затем вспомните мои слова о невозможности разрабатывать месторождение без большой огласки. Ну и, в-третьих, я ведь не говорил, что у вас там все удачно сложится. Поверьте, разного рода препятствия мои доверители умеют создавать просто великолепно. Да и без них сложных моментов будет достаточно - с теми же лайми.

- Вот как...

Фридрих Альфред откинулся в своем троноподобном кресле и изучающе поглядел на собеседника.

- Предложение таково: пять процентов от всей добычи в течение семи лет - и сведения, попавшие вам в руки, останутся только вашими. Плюс, насколько я понимаю, с меня снимут большинство ограничений, и, разумеется, никто не станет чинить никаких препятствий.

- С вашего позволения, я подумаю.

- Это еще не все, Фриц.

Поймав взгляд гостеприимного хозяина, Александр едва заметно понизил голос:

- Один процент на тех же условиях, но лично мне - и я передам вам все то, что есть по данному вопросу. Даю слово, этот доклад будет вам ОЧЕНЬ полезен. Также, при необходимости, я

окажу вам всяческую поддержку. В разумных пределах конечно же.

То есть за отдельную плату – этот посыл Фридрих Альфред понял моментально. Да и вообще, последние два предложения князя были такими... Кхм, ну вполне в духе деловой этики любого европейского предпринимателя. Не можешь выиграть – так хотя бы проиграй достойно, не забыв выторговать все возможные (и невозможные тоже) преференции, а также некоторую сумму отступных. Собственно, наверное, именно поэтому германский промышленник довольно легко согласился ознакомиться с докладом, да и все остальные условия для дальнейшего сотрудничества не вызывали у него такого уж отторжения.

– Что ж...

Проговорив кое-какие важные моменты будущего сотрудничества и немного обсудив последние международные сплетни, князь подвел черту под своим визитом:

– ...как бы ни было приятно мне ваше общество, дорогой Фриц, но все же я вынужден откланяться.

– Понимаю, друг мой. Париж не ждет, да?

– Ничего-то от вас не скроешь, хе-хе... Думаю, вы согласитесь, что я заслужил немного отдыха в компании прекрасных француженок?

– Безусловно!..

Выждав, пока Агренов вернет бороду и очки на место, гостеприимный хозяин «вспомнил» о незначительной, но все же довольно важной для него мелочи:

– Александр. Нельзя ли сделать так, чтобы мой порученец, гхм, нашелся?

Мягкая и явно сожалеющая улыбка мимолетно коснулась четко очерченных губ русского аристократа, а глаза наполнились неподдельной грустью.

– Увы, но это не представляется возможным.

– Друг мой, я думал, мы обо всем договорились...

– Несомненно. Но в данном случае вы требуете от меня невозможного – в писаной истории человечества подобное было по силам лишь одному сыну плотника из Назарета.

– Вот как?.. Тогда я бы желал получить его тело.

Вновь грустная улыбка осветила чело молодого князя:

– И вновь я не могу вам помочь. Как только Генрих согласился сотрудничать, его у меня сразу же забрали.

Владелец особняка недовольно шевельнул усами, представляя, сколько его тайн Нейгель уже разболтал, и с явным напором осведомился:

– Тогда еще ничего не решено, и он вполне может быть жив. Мне бы не хотелось подвергать наши договоренности!.. Вы меня понимаете?

– Фридрих...

Гость в первый раз за весь визит проявил столь явное недовольство хозяином, выразившееся в хрустящем ледке интонации и ОЧЕНЬ выразительном взгляде:

– ...ваш человек, вольно или невольно, втравил вас в большие неприятности. Я благополучно урегулировал этот вопрос – ценой ЕГО головы. Разве ВАС это не устраивает? Не стоит упорствовать или делать новые ошибки, они слишком дорого обходятся – и мне, и вам.

Крупн несколько мгновений буквально сверлил аристократа взглядом, затем все же отступился:

– Вы... несомненно правы.

Уже подходя к порогу особняка «пушечного короля» Европы, русский оружейный магнат услышал тихое пожелание:

вернуться

51

Сленговое название англичан. Произошло из-за практики английских моряков брать с собой в долгие плавания плоды лайма (лимона), для профилактики заболеваний.

– Надеюсь, нам не придется более встречаться для обсуждения столь неприятных моментов.

– Я очень на это надеюсь, мой друг.

Крепкое рукопожатие окончательно завершило разговор, одновременно скрепив негласную сделку. После чего германский промышленник отправился в свой кабинет, поразмыслить на не самые приятные для себя темы, а его более молодой коллега вышел за дверь, дошагал до ограды и вскинул руку, подзывая ожидающий его экипаж. Уселся, откинулся назад и тихонечко пробормотал:

– С такой практикой в риторике и лицедействе мне впору в театрах выступать... Или Сенате.

– Я вижу, вы вполне освоились на новом месте?

Вернувшийся после вечернего променада в снятую для проживания квартирку, де Можирон вздрогнул и едва удержал в себе резкий возглас. Не испуга, конечно же нет – всего лишь неожиданности.

– Мой бог, вы меня едва!.. Позвольте, граф, а как вы оказались в моем жилище?

– Пфе! Что за глупые вопросы, шевалье? Дал квартирной хозяйке сто франков и признал вас своим любимым племянником.

– М-да...

– Полностью с вами согласен: порядочность в наше время – исчезающе редкая добродетель. Увы!.. Однако отбросим пустые разговоры и перейдем прямиком к нашему с вами, гхем, предприятию.

Анри прошелся по номеру, подметив на столе небольшую шкатулку, и сел напротив

нанимателя, всем своим видом выказывая полное внимание и деловитость.

- Тот аристократ, о котором я вам уже рассказывал, весьма богат и большой любитель праздных увеселений. Представителен, довольно красив, отчего и пользуется успехом у женщин, но!..

Румынский граф презрительно усмехнулся и с явным довольством подкрутил кончики своих шикарных усов:

- Весьма труслив и до неприличия боится смерти. Вот здесь...

Кончик массивной трости глухо стукнул о лакированное дерево той самой шкатулки.

- ...револьвер. И патроны - разумеется, холостые. Вы должны будете подобраться к нему поближе, на глазах гуляющей публики выстрелить пару-тройку раз и убежать. Эффект от этого небольшого представления будет... Хе-хе, весьма потрясающий, особенно для его штанов. С ним уже шутили подобным образом, и только полное отсутствие свидетелей уберегло его от сильного позора - но в этот раз уж я позабочусь, чтобы рядом оказалось несколько газетных писак.

Представив, каково затем будет родовитому аристократу жить с репутацией пугливого труса, де Можирон сочувственно покачал головой. Такому не то что руки? не подадут - даже на порог дома не пустят!

- В общем, план кампании таков: вы поджидаете его в уличном кафе напротив гостиницы «Имperiал», где этот князь занимает целый этаж. Как только он появляется на улице, вы подбегаете, делаете свое дело и быстро скрываетесь с места. Все довольно просто, не правда ли?

Кивком показав, что с простотой и осуществимостью плана он в общем-то полностью согласен, лицом Анри старательно изобразил некоторую неуверенность.

- Вижу, мой юный друг, вас что-то гнетет. Уверяю, даже если все же что-то пойдет не так, самое большее, вас обвинят в нарушении общественного порядка. Штраф триста франков - сущая безделица!..

Кинув пронизательный взгляд на своего молодого компаньона, граф все же «догадался»:

- Ах да, виноват!

Из внутреннего кармана сюртука на свет появилась удивительно ровная, гладкая и - самое главное - толстая пачка новеньких пятидесятифранковых банкнот.

- Вы получите треть суммы непосредственно в день нашего представления. Окончательный расчет будет произведен сразу по исполнению вашей части сделки, в ваших же апартаментах. Впрочем... вы можете сами выбрать любое удобное для вас время и место.

Быстро прокрутив в голове все услышанное в поиске сомнительных моментов, Анри был вынужден признать:

- Меня все устраивает. Когда?

- Ах это нетерпение юности! Впрочем, я его разделяю, а посему - завтра, на крайний случай -

послезавтра. Нет-нет, провожать меня не надо.

Оставшись в одиночестве, де Можирон некоторое время сидел в раздумьях. Правильно ли он поступил, ввязавшись в это довольно-таки дурно пахнущее дело? В конце концов, так и не решив ничего определенного, парижский рантье плюнул на все сомнения, обратив взгляд на невзрачную плоскую шкатулку. Подтянул ее поближе, щелкнул замком и подхватил сияющий новехоньким воронением револьвер. Повертев его перед глазами, шевалье несколько раз прицелился в небольшую вазу на подоконнике, щелкнул вхолостую курком и ощутил, как прибывает уверенность:

- Фирма Юбера Лепаж, Льеж. Хм!..

Потерев пальцем выбитую на револьверной рамке надпись «Бульдог», Анри заинтересовался упаковкой с патронами – и у него сразу же родилась идея их опробовать. Мало ли, вдруг они не такие холостые, как заявляет этот румын. Или кто он там, трансильванец? Один черт!.. Быстро собравшись, шевалье покинул свой номер – и вернулся в него лишь ранней ночью, усталый, но с полностью спокойной душой. Сон его был крепок и весьма освежающ, а время с утра и до позднего вечера (с перерывом на завтрак, обед и несколько прогулок) он целиком и полностью посвятил обдумыванию жизненно важных планов. То есть того, как, когда и на что именно он потратит честно заработанный гонорар. Разумеется, половину надо было положить в надежный банк, под хорошие проценты – это обеспечит ему дополнительную уверенность в завтрашнем дне. А вот на вторую половину можно и!.. Мысли о том, какая бездна развлечений и удовольствий доступна в Париже состоятельному человеку, были столь сладостными и возбуждающими, что он едва дождался встречи с работодателем.

- Отлично выглядите, граф!..

Выдав свое недовольство лишь поджатыми губами, пожилой аристократ осведомился:

- Вы готовы? Оружие с собой?

- Не переживайте, все в порядке.

Еще сильнее поджав старческие губы, Дракула достал из внутреннего кармана газетную вырезку с довольно четким и крупным изображением своего врага:

- Попрошу запомнить.

Дождавшись подтверждающего кивка, убрал ее обратно и аккуратно выложил перед собой конверт с обещанными банкнотами:

- Итак, повторим все еще раз. Вы подходите, стреляете несколько раз в его сторону и убегаете что есть сил. Кстати, небольшая просьба, вернее – дополнение. Мне бы хотелось, чтобы он понял, чья рука стала для него злым роком, поэтому не могли бы вы до начала стрельбы крикнуть, что это расплата за его развратную натуру? Хм, можете добавить что-нибудь и от себя, я не возражаю – лишь бы прозвучало главное.

- Ну я даже и не знаю...

- Разумеется, моя благодарность увеличится. Скажем, на пять тысяч...

- С вами сложно спорить, граф.

Внимательно пронаблюдав, как старая перечница добавляет стофранковые банкноты в его гонорар (отчего предназначенный для обычных посланий конверт еще больше распух и стал тревожно потрескивать), де Можирон слегка напоказ поправил оружие в кармане.

- Я буду ждать вас с хорошими новостями, шевалье.

Без какой-либо спешки или волнения усевшись в первый же попавшийся на глаза экипаж, Анри совсем было хотел распорядиться отвезти его к гостинице «Империял», но вовремя вспомнил о разумной предосторожности и бросил нейтральное:

- Бульвар Карабасель!..

Доехал, расплатился, немного погулял по окрестностям, выбирая путь, по которому будет проходить его... хм, ну назовем это решительным отступлением. Затем занял один из двух свободных столиков и принялся бдеть, время от времени скрашивая тяготы своей «засады» глотком молодого божоле или ломтиком вкуснейшего сыра. Час довольно комфортного ожидания его несколько расслабил, так что, заметив свою цель, спускающуюся по ступенькам в компании молодой дамы и трех мужчин среднего возраста, Анри едва сам же все и не испортил - в самый последний момент задавив порыв резко вскочить и побежать навстречу жертве. Да, жертве! А он охотник. Бросив на стол несколько франков, парижанин вытер салфеткой разом вспотевшие ладони и медленно двинулся вперед.

- Господа, я так и не услышал, что у нас на сегодня! Опера? Или, быть может, махнем в казино?

Бородатого русского аристократа сложно было не заметить даже на фоне его далеко не низенькой свиты - уж больно внушительной тот обладал фигурой. Тем временем «бескорыстный помощник справедливости» окончательно приблизился к врагу своего нанимателя, облизал пересохшие от вернувшегося волнения губы и выдернул из кармана револьвер:

- Проклятый развратник, это тебе за все твои преступления!!!

Дах!

От выстрелившего револьвера волнами разошлась оглушающая тишина.

Дах!

Превосходные черные брюки английского сукна, надетые на русском князе, как-то странно встопорщились в районе гульфика, после чего сластолюбец начал заваливаться на даму, одновременно прижав руки к самому низу своего живота.

Дах!

Меж толстых пальцев пробилась тонкая струйка крови... Очнувшись от сковавшего всех оцепенения, оглушительно завизжали сразу три женщины, а тело аристократа окончательно повисло на руках его свитских. Быстрое бегство под резкие свистки и крики начавших преследование жандармов, многоголосый шум взволнованно-шокированной толпы, небольшой безлюдный закоулок, где он избавился от револьвера, и запоздалое понимание - все пошло совсем не так, как предполагалось. В голове была всего одна мысль: бежать, бежать немедленно и не оглядываясь!..

Тем временем пожилой румынский аристократ закончил обтирать руки душистой водой, уложил в небольшой дорожный кофр туалетные принадлежности, после чего подхватил штуцер-двустволку и закинул ее на самый верх большого, массивного и изрядно рассохшегося от старости платяного шкафа.

- Ну как-то так.

Успокоенно хмыкнув, он со всем пристрастием осмотрел свой пусть и не новый, но вполне приличный выходной костюм, а через пять минут уже был на улице, где довольно ловко присоединился к небольшой толпе любопытствующих зевак. К его сожалению, жертву злодейского покушения уже унесли внутрь «Империаля». А так как толком никто ничего не рассмотрел, то версии произошедшего цвели, что называется, на любой вкус: от террористического акта до апоплексического удара.

- Да-да, вы правы, это просто ужасно!

- Представляете, так и не поймали! Зачем тогда вообще нужны эти жандармы, если посреди города...

- Во времена моей молодости о таком даже и помыслить не могли!...

Покинув головой и согласившись с тем, что нравы день ото дня падают все ниже и ниже и недалеко уже то время, когда повсеместно воцарится анархия, господин потихонечку отделился от начавшей расходиться толпы и дошел до скучающего извозчика:

- Болье-сюр-Мер.

Вальяжно развалившись на сиденье покачивающегося на ходу экипажа и время от времени поглядывая по сторонам, пассажир едва заметно улыбался.

«Надо же, какой шевалье шустрый оказался! Не ожидал, не ожидал... Впрочем, это ничего не меняет – вернется к себе и будет сидеть как мышь под веником, тихо и не отсвечивая... М-да. Был я в Ницце и ни разу не искупался на ее знаменитых пляжах, а к тому же так и не посетил ее не менее знаменитых ресторанов и казино... Зато спокойно отстрелялся с помощью шевалье по одному из великих князей империи, потратив на это чуть менее десяти тысяч рублей. Кому как – а на мой взгляд, я прекрасно отдохнул и развеялся».

Покинув экипаж рядом с небольшим отелем «Ль'Авр Бле», бывший граф Дракула окинул его окрестности безразличным взглядом, после чего зашагал к вокзалу: поезд на Монако ждать не будет!...

Ровно через трое суток этот же мужчина, странным образом помолодевший и постройневший, к тому же еще и обзаведшийся щегольской бородкой и тоненькими рыжеватыми усами, зашел в купе поезда Париж – Санкт-Петербург. Где первым же делом бросил на столик трость и саквояж и с явным вздохом облегчения завалился на широкий диван. Когда картинка за окном дернулась, он устроился поудобнее, поправил что-то неприметное на левой руке и замурлыкал тихую мелодию. И если бы только кто-то исхитрился подобраться близко и ее услышать (а еще в совершенстве знал бы русский язык), то этот невероятно ловкий некто вполне мог бы разобрать довольно странные слова:

- Не кочегары мы, не плотники – но сожалений горьких нет...

Глава 10

Пятнадцатого октября одна тысяча восемьсот девяносто второго года на главном (потому что единственном) перроне Сестрорецкого вокзала собралась интересная группа мужчин. Одинаково рослые, мощные,двигающиеся с какой-то кошачьей грацией, они провожали своего товарища в дальнюю дорогу. Очень дальнюю – и в весьма суровые края. Вот только Сошников, которого суд приговорил за неумышленное убийство железнодорожного вора к двухлетнему поселению в Сибири, подавленным или хотя бы мало-мальски расстроенным не выглядел – потому как уезжал не отбывать наказание, а всего лишь в командировку.

– Ну что, брат, до встречи?

По очереди обнявшись с каждым из тринадцати провожающих, Демид глубоко вздохнул, прощаясь с привычной обстановкой и кругом общения. Еще раз огляделся, со значением всем подмигнул и пропал за фигурой кондуктора, зайдя в зеленый вагон. Нашел свое место, успокаивающе улыбнулся жене, шикнул на старшенького, чтобы тот сидел спокойно, и пошел проверить – как там устроился десяток его новых подчиненных, до недавнего времени работавших в фабричной охране. Все, как и он, были семейными мужиками, все отслужили свое в пограничной страже, много знали и еще больше умели, вот только, в отличие от него, ехали на Дальний Восток не в долгую командировку, а навсегда. Чтобы осесть там на земле и спокойно жить и работать... амурскими егерями. И то, что их только десять, никого не смущало – ранней весной следующего года из Сестрорецка отправятся по их следу новые десятки. И будут они выезжать до тех пор, пока дальневосточные владения князя Агренева не станут полностью защищены от разных там браконьеров и воров, а его работники – от любых посягательств на их жизнь и здоровье.

– Двинулись, что ли?

Словно навсегда прощаясь с городом, тоскливо завыл паровозный гудок...

Ту-у!..

Оставшиеся на перроне экспедиторы терпеливо дождались отправления состава, молча переглянулись и зашагали в поселок, проигнорировав все зазывания и вопросы привокзальной извозчицкой братии. Еще недавно их было пятнадцать, и все было хорошо – а теперь командир ими недоволен, вдобавок один из них уехал, а второй... Второй навеки упокоился в закрытом, и очень добротно заколоченном гробу: тело Глеба, скинутое в канализационный коллектор и вынесенное Неглинкой в спокойные струи Москвы-реки (где его и увидели мальчишки-рыбаки), успело основательно испортиться и разбухнуть. Так основательно, что опознать его еще можно было, а вот нормально попрощаться не получилось. О том же самом думал и их непосредственный начальник, направляющийся от проходной на третий этаж управы, – а еще невольно вспомнил, как тяжело было говорить его жене и детям о том, что их отец и муж никогда больше не вернется. Его ведь вина, он всем экспедиторам прямой начальник!.. Грузно усевшись за свой стол и оглядев сразу пять папок с важными бумагами, уже неделю ждавшими его внимания, господин главный инспектор Русской оружейной компании обреченно вздохнул и подтянул к себе первую укладку:

– И как только ты, командир, умудряешься не потонуть в этой бумажной трясине?..

В это же время, примерно в сорока верстах от Сестрорецка, стоя на утоптанной земле Ораниенбаумской офицерской стрелковой школы, князь Агренов повел глазами по сторонам – на какое-то мгновение ему вдруг показалось... Впрочем, нет, все было так, как и должно. Работники компании давно уже заняли свои места, оборудование (в том числе и стреляющее)

было трижды проверено, а зрители, поблескивающие золотом погон, а также лысинами и моноклями, приготовились полной мерой наслаждаться очередным «пикничком для избранных», устроенным известным оружейным магнатом.

- Господа! С вашего разрешения, я позволю себе пренебречь долгими вступительными речами, ведь краткость, присущая всем военным, является еще и сестрой таланта.

Одновременно с этим словами на дальнем конце полигона стали появляться мишени, раскрашенные весьма интересным образом - в цвета русской пехоты.

- Предположим, что вон там готовится к атаке рота. А там...

Рука в серой перчатке плавно указала на недлинный окоп полного профиля, в коем сидели шестеро мужчин в пятнистой форме, вооруженных новыми винтовками, и пулеметный расчет - последний как раз сноровисто заправлял ленту-«двухсотку» в свое тупорылое «орудие производства».

- ...пехотное отделение при поддержке пулемета. Расстояние между ними - что-то около ста сажень. Скорость передвижения мишеней соответствует таковой у бегущего во весь рост солдата, построение - согласно действующему уставу.

Многочисленные гости оживленно загудели: наконец-то получили свое объяснение несколько десятков рельсовых «ниток», проложенных прямо по полигону, пытящая в большой яме паровая лебедка и прочие непонятные конструкции.

- Итак, начнем, господа.

Пахффыр!

Хлопнула ракетница, посылая в небо яркий зеленый огонек, - и деревянные пехотинцы двинулись вперед, постепенно набирая довольно высокую скорость.

Та-та-та-та-та...

Пулеметная очередь казалась бесконечной, немного оглушая своим басовитым треском. Пауза в несколько секунд, заполненная слитным хлопком шести винтовочных выстрелов, - и БАС опять заговорил, выбивая множество щепок из последних целых мишеней.

- Все! Рота, по сути, перестала существовать как воинская сила, ценою всего лишь примерно трехсот - четырехсот ружейных патронов. Это даже со всеми сопутствующими столь интенсивной стрельбе тратами - всего пятнадцать - двадцать рублей. В то время как на должную подготовку, содержание и вооружение ОДНОГО солдата Русской императорской армии казна тратит не меньше двухсот пятидесяти рублей. В год. Довольно выгодный размен для противников империи, не правда ли, господа?

Генералы, среди которых на сей раз присутствовал и признанный авторитет военного дела, командующий войсками Киевского военного округа, автор довольно популярного (особенно среди генштабистов) труда «Учебник тактики» генерал-адъютант Драгомиров, печально известный своим неприятием любого скорострельного оружия и военных игр, начали оживленно обмениваться мнениями. А неприметный человек, во время всего действия размеренно крутивший ручку кинокамеры, поймал разрешающий кивок молодого аристократа, подхватил треногу и заторопился в сторону «героически погибших солдат», дабы отснять несколько крупных планов.

- Через несколько минут мишенное поле приведут в порядок, и если будут желающие лично проверить мое, признаюсь, довольно дерзкое утверждение... Что же. Тогда давайте предположим, что, раз атака пехотой провалилась, в дело пойдет кавалерия.

Кинорепортер быстро убрался прочь, на дальнем конце полигона разом поднялись высокие мишени, раскрашенные в цвета русских драгун, и многие заметили, что расстояние атаки увеличилось до двухсот саженьей.

Пахффыр!

Стоило ярко-зеленому огоньку подняться в небо на свой первый десяток метров, как эскадрон «драгун» очень резко двинулся вперед, моментально набрав высокую скорость.

Последняя мишень упала в трех саженьях от окопа - с двумя дырками от пуль в груди «всадника» и тремя не менее аккуратными отверстиями в силуэте его «коня».

- Эскадрон рассеян и по большей части уничтожен, ценою все тех же трехсот - четырехсот патронов. Размен, как вы понимаете, господа, еще более не в нашу пользу.

Гости оживленно загудели, а несколько офицеров решительно поднялись со своих мест, дабы лично проверить все утверждения магната.

- Недурное представление, князь. Но позвольте узнать, что же будет делать ваше воинство, когда противник выкатит пушки на прямую наводку?

Офицеры, переглянувшись, уселись обратно, а генерал-адъютант свиты его императорского величества скептически хмыкнул и подвел черту:

- Понадобится самое большее два снаряда, чтобы перемешать с землей это ваше отделение.

- Совершенно верно, ваше превосходительство. Именно поэтому я считаю, что для более прочной и устойчивой обороны пулеметный расчет должен находиться не посреди чистого поля, а в дерево-земляной огневой точке - дзоте.

После очередной команды пулеметчики сноровисто разобрали БАС на две части, подхватили коробки с лентами, канистры с водой и довольно шустро (причем еще и пригибаясь!) припустили в сторону небольшого земляного холмика. Забежали за него, как-то разом пропали из виду - а спустя несколько секунд на склоне холмика отвалился в сторону кусок дерна, обнажая аккуратную бойницу. Подождав с пяток минут, пока кинооператор завершит свою работу, организатор пикника обратился к одному из своих гостей:

- Сергей Иванович, не будете ли вы так любезны оказать небольшую помощь?

Полковник гвардейской конной артиллерии, мельком глянув в бинокль, тут же во всеуслышание объявил одного из участников предстоящего действия:

- Легкая полевая пушка образца тысяча восемьсот семьдесят седьмого года, калибр восемьдесят семь миллиметров.

- Благодарю. Итак, для начала имитация серии из десяти выстрелов гранатами.

Подозвав работника компании с небольшой коробкой в руках, князь поднял крышку, подхватил самую обычную телефонную трубку и, лаконично (и непонятно) пояснив почтенной публике

свои действия:

- Полевая телефония, господа, - так же коротко распорядился в телефонную трубку: -
Начинайте.

Бум!

Далекая пушка рывкнула холостым выстрелом, а вокруг дзота начали подрываться заложенные заряды, полностью соответствующие по силе упомянутым гранатам. Издали взлетавшие фонтаны земли казались жидкими и какими-то даже игрушечными, но присутствующие (в большинстве своем) этим совсем не обманывались - не дай бог попасть под обстрел такими вот «плюшками».

Та-та-та-та-та...

Разрывы «снарядов» так и не смогли заглушить звонкий голос БАСа - сквозь пыль, удары, мелкие комья земли и лохматые куски дерна он продолжал исправно дырявить мишени и завершил свою работу даже чуть раньше последнего подрыва.

- Как мы видим, господа, в данном случае артиллерия наступающей пехоте не помогла. Но на всякий случай давайте все же проверим, как быстровозводимое укрепление переживет реальный обстрел.

Вновь подняв телефонную трубку, князь скомандовал:

- Покинуть дзот.

Через пару минут последовала новая команда, на сей раз для артиллерийского расчета:

- Начинайте.

Бум! Бум! Бум!

В хорошем темпе отстреляв десять гранат, пушка перешла на шрапнель.

Чпуф! Чпуф! Чпуф!

Увы, все старания артиллеристов оказались тщетными: и дзот устоял, и пулемет, специально оставленный в амбразуре, остался целехонек, и даже связь не пострадала - о чем, собственно, и доложил по телефону старший пулеметного расчета.

- Ну а теперь - окончание этой небольшой дуэли.

Как только пушка закончила обстрел, нижние чины сняли прицел, расставили вместо себя все тех же деревянных болванчиков и быстро попрыгали в отрытый рядом с позицией окопчик.

Та-та-та-та-та!..

Господа военные, внимательно наблюдающие за противостоянием полевой артиллерии и пулемета, в свои бинокли прекрасно различили, как свинцовая струя нащупала отстоявшее на расстоянии чуть больше версты орудие. Результатом были едва заметные искры на стали, вскипевшая мелкими фонтанчиками земля - и отлетающие прочь мишени.

- К тому времени, когда на позицию подтянут что-то более подходящее для подавления дерево-

земляного укрепления, пулеметный расчет или дождется подмоги, или спокойно отступит на следующую позицию.

Пользуясь тем, что он стоял очень близко к магнату, полковник Мосин тихо поинтересовался:

- А если в снарядах вместо черного пороха будет ваш грени́т или мели́нит? На крайний случай, пирокси́лин?

Князь так же тихо ответил:

- Значит, пулеметчикам не повезет. Или повезет – если командование загодя подготовит для них долговременную огневую точку. Там противнику понадобятся «открывашки» дюймов на восемь [52], не меньше... Господа!

Вновь замолчавшие гости обратили свое внимание на хозяина.

вернуться

52

То есть орудия калибром 150 мм.

- Еще одна новинка. Довольно ограниченного действия, но все же в некоторых моментах ее использование довольно перспективно.

По жесту княжеской руки один из мужчин в пятнистой форме начал быстро надевать довольно странные одежды, напоминающие легкий водолазный скафандр. Массивный ранец, легший на его плечи, только усилил сходство – а вот непонятный кусок трубы с пистолетной рукояткой, соединенный гибким металлическим шлангом с ранцем, привел публику в некоторое недоумение. Не дожидаясь новых приказов, «водолаз» что-то сделал, и на конце его трубы появился маленький огонек. Десяток довольно бодрых шагов, приблизивших его к троице деревянных «болванчиков», ради разнообразия раскрашенных под пехотинцев Австро-Венгерской империи...

Тсию-ффу!!!

Яркая струя пламени, всего за секунду охватившая несчастные мишени целиком, для многих стала большой неожиданностью.

Тсию-ффу!

Огненный язык, опять вытянувшись на добрые двадцать метров, жадно облизал внутренности того самого окопа, из которого в самом начале представления работал пулеметный расчет. Подскочившие помощники «водолаза» сноровисто заменили ранец на новый.

Тсию-ффуууу!

Огнеметчик, явно рисуясь, описал своим оружием длинную дугу, оставив на земле полигона чадающий пламенем след.

- Позвольте представить вам ранцевый огнемет «Змей Горыныч»!

Выждав солидную паузу, заполненную невнятным гулом обсуждающих маленькое представление генералов и военных инженеров, молодой аристократ вскинул руку, прося тишины:

- Благодарю. Кхм!.. Как мы все знаем, современное военное дело предполагает энергичное маневрирование частями, решительную атаку в удобном для того месте и упорную оборону – где бы то ни пришлось. Именно для последнего моя компания разработала быстровозводимое препятствие, способное, несмотря на свою простоту и скорость установки, существенно замедлить любую атаку. Итак, прошу – спираль Гreve!..

Шестерка «пятнистых» мужчин притащила две катушки колючей проволоки и ОЧЕНЬ быстро ее растянула перед все тем же многострадальным окопчиком, закрепив на земле десятком вбитых колышков, – и спустя всего две минуты от начала перед заинтересованной публикой под лучами осеннего солнца блестели сталью тугие кольца колючей проволоки полусаженной высоты. Первая «нитка», за ней с небольшим промежутком вторая – так, чтобы попытка перепрыгнуть ни к чему хорошему не привела.

- Господа, я готов ответить на ваши вопросы.

Наблюдая за тем, как гостеприимного хозяина обступают со всех сторон (а еще часть офицеров рванула к «водолазу»), скромный полковник гвардейской конной артиллерии решил прогуляться до спиралей колючей проволоки. Подошел, осмотрел, удивляясь про себя неподдельной простоте идеи...

- А ну-ка!..

Оглянувшись, Сергей Иванович увидел двух смутно знакомых чиновников из Главного инженерного управления (завсегдатаи «пикничков», коим теперь считался и он, поневоле стали узнавать друг друга в лицо), один из которых как раз принимал из рук «пятнистого» хорошенько отточенную драгунскую шашку.

Ссших-цонг, ссших-цзинн!

Освидетельствовав глубокие зарубки, военный инженер впал в глубокую задумчивость. По всей видимости, соображая, каково это – рубить такое препятствие, стоя в полный рост под вражеским огнем. Его товарищ в это время с явным сомнением протянул:

- Идея, конечно, интересная, но... есть же преграды из рогаток и кольев. Разумеется, так быстро, как эти спирали, их не установить – так зато и в обозе места не занимают, да и Военному ведомству ничего не стоят. Деревя ведь везде полно, а с топором любой пехотинец обращаться умеет.

- Хм. А в Туркестане? Горах Кавказа? Казахских степях? Да и других местностей, где только песок да голый камень, в империи предостаточно.

- М-да.

Ковырнув пальцем одну из зарубок, все тот же «сомневающийся» предложил:

- Возможно, небольшая артиллерийская подготовка? Хотя тут парой снарядов явно не отделаешься.

- Или кинуть шинели поверх этих спиралей и спокойно перебраться. Однако же темп атаки

будет изрядно замедлен, а это значит...

Неожиданно для самого себя Мосин не выдержал и включился в негромкое обсуждение:

- А если вон там поставить пулемет или пару орудий, любая задержка станет смертельной.

Военные инженеры поглядели на указанное место, на нечаянного собеседника, опять на возможную огневую позицию – и согласились, что доля правды (довольно большая!) в его словах есть. Обсудив с чиновниками ГИУ некоторые перспективы использования колючей проволоки в военной фортификации, Сергей Иванович отправился назад, находясь в весьма приподнятом настроении – хорошие собеседники, общность мыслей и некоторые весьма занимательные идеи очень способствовали общему поднятию духа и сближению двух инженеров и одного оружейника. Поглядев на князя, занятого беседой с Драгомировым, на знакомых полковников, один из которых как раз под руководством «пятнистого» надевал на себя огнеупорные доспехи, и на остальной генералитет, часть из которого обреталась у фуршетных столов, заметных издали благодаря белоснежным скатертям и сиянию благородных напитков... Любопытство оказалось сильнее. Вообще, в последнее время Агренов интересовал его в первую очередь как очень талантливый организатор – и зародился этот интерес по прибытии Мосина на новое место службы. В отличие от Тулы, где к нему долгое время присматривались, в Сестрорецке товарища начальника казенного оружейного завода приняли очень тепло. Причем до такой степени, будто бы он всего лишь ненадолго уезжал и наконец-то вернулся: всеобщее дружелюбие, приветливость, постоянные визиты фабричной верхушки и лучших людей города были столь непривычны, что поначалу вызвали у него даже некоторую опаску. Но, глядя на то, как расцвела и ожила милая Варенька, как быстро обзавелись многочисленными друзьями (и подружками) его пасынки, он все же потихоньку оттаял душой. Тем более дела на новом месте заворачивались такие, что просто дух захватывало!.. Всего на третий день после вступления в должность к нему явились представители «Строительной конторы Бари», затем с фабрики пожаловал начальник станкостроительного производства господин Герт – а еще через два дня на испытательном полигоне завода вырос настоящий палаточный городок, который довольно организованно заселила целая армия рабочих. Боже, как они работали!.. Бывало, совершая утренний обход завода, Сергей Иванович проходил мимо старенького, слегка осевшего в землю цеха – а вечером на его месте находил лишь поддоны с аккуратно уложенными стопками нового кирпича. Ничего старого: ни стен с фундаментами, ни станков, даже строительный мусор исчезал в неизвестном направлении. Неделя-другая – и цех начинал стремительно прирастать новыми стенами, заметно расширившись или удлинившись. Или все сразу, так как некоторые производства зачастую объединяли под одной крышей. Стали вполне привычны громогласные ночные уханья грузчиков, длинная вереница новых станков, начинающаяся на проходной оружейной фабрики князя, а заканчивающаяся на только-только затвердевших основаниях внутри недостроенных цехов. Круглосуточное мельтешение строителей, треск и вой пневматического инструмента, обилие света и вечные ямы в земле... Что было удивительным, так это полное отсутствие жалоб от горожан – впрочем, многие из них приходили и долгими часами глазели на стройку, наслаждаясь непривычным зрелищем. Кстати, пока завод стоял, его рабочие ДОБРОВОЛЬНО проходили переобучение на фабричных курсах, а часть из них по вечерам еще и гнула спину на строительстве четырехэтажек для мастеровщины, заранее отрабатывая плату за аренду своего будущего жилья. Жены мастеровых тоже через одну пропадали в остекленных и ОТАПЛИВАЕМЫХ теплицах, чернозем для которых пришлось завозить аж с соседней губернии, круглогодично выращивая разнообразнейшую зелень как для фабричной столовой, так и себе на стол. Их дети повально записывались в Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту при поселковом клубе, где их весь день заставляли учиться арифметике и письму, бегать-прыгать, стрелять

из мелкокалиберного оружия, возиться с какими-то несложными механизмами, ползать в грязи и... И много чего еще. При этом они постоянно соревновались за какой-то там переходящий флажок. Сумасшедший дом!.. А детям нравилось. К своему собственному стыду, он тоже сильно пристрастился проводить время в опытном цехе на фабрике князя. Тем более что кроме текущего заказа оружейный магнат предложил ему еще несколько очень перспективных тем. Да и с Иваном Браунингом оказалось весьма интересно общаться...

- Вы мне эти ваши огнепоклонские штучки бросьте, Александр Яковлевич! Представление, не спорю, вышло весьма!.. Гм. Да, весьма. Но в жизни, увы, все иначе, и этот ваш агрегат, пожирающий патроны просто в неприличных количествах, всего за час своей работы оставит целый полк без месячного запаса...

Спохватившись, генерал-адъютант Драгомиров понизил голос, но уже было поздно - инспектор оружейных и патронных заводов генерал-лейтенант артиллерии Бестужев-Рюмин его уже услышал. А вслед за ним начали медленно подтягиваться к беседующим и еще двое генералов. Меж тем на полигоне появилось еще одно развлечение: сразу трое «пятнистых» притащили приземистый агрегат и короб, полный небольших тарелочек из обожженной керамики, установили длинный высокий стол и разложили на нем несколько ружей - от обычной курковой одностволки до уже ставшей широко знаменитой в охотничьих кругах «Авто-пять».

- Позвольте, Михаил Иванович, но это и не моя недоработка!.. К примеру, я с немалым интересом прочитал все ваши труды, по которым, напоминаю, изучают военную науку наши генштабисты. И обнаружил, что вопросы снабжения войск там почти не рассматриваются. Это при наших-то просторах и крайне слабой промышленности!.. А между прочим, в том же генштабе Второго рейха вопросам тылового обеспечения и транспорта придается наиважнейшее значение! У нас же все отдано на откуп интендантам, в кои, как мы все знаем, идут далеко не самые светлые умы. Так что вместо того чтобы упираться на слабость патронных производств империи и прочие «узкие места», следовало бы подумать, как усилить первое и расширить второе...

Дтах-дтах!

Заслушавшись все набирающим обороты спором видного военного теоретика и известного своими крайне точными суждениями оружейного магната, Мосин совсем позабыл о столике-стойке с ружьями у себя за спиной, непроизвольно вздрогнув от близких выстрелов.

- М-да, смазал.

Развернувшись, Сергей Иванович увидел бывшего соперника по конкурсу, так же, как и он, подросток в чинах, - полковник Захаров недовольно поморщился, провожая взглядом уцелевшую тарелочку, затем переломил вертикальную двустволку и выбросил опустевшие латунные цилиндрики в пустой патронный ящик. Перезарядился, застыл, настраиваясь на точный выстрел...

- Дай!

Тут же с едва слышным лязгом распрямился рычаг, посылая в воздух новую мишень.

Дтах-дтах!

- Вот таким вот образом, господа.

Оглядев полигон стрелковой школы, полковник конной артиллерии констатировал, что все

разбились по интересам. Троица офицеров-«измайловцев» активно занималась стендовой стрельбой, набивая руку перед дружескими состязаниями в «Колизеуме». Чиновники ГИУ буквально разрывались между полевым телефоном, дзотом и «Змеем Горынычем» – а часть гостей в погонах плотно надела с расспросами на пулеметный расчет. Хе-хе, пока другие «отдыхающие» проводили тщательную ревизию напитков, стоящих на фуршетном столике... Полноватая фигура военного инженера удалялась по направлению к одинокому орудию, успев перед этим несколько раз собрать-разобрать сигнальную ракетницу. Четверка генералов и устроитель «пикника» углубились в такие дебри снабжения и военной промышленности, что их слова звучали сущей тарабарщиной, – одним словом, все было при деле. И одновременно все приглашенные откровенно наслаждались последними теплыми деньками, чуть расстегнув кителя и сняв фуражки, время от времени полной грудью вдыхая удивительно сладкий запах середины осени...

– Э нет, Михаил Иванович, тут вы не вполне! Это в прошлую большую войну тесные шеренги были необходимы – ныне же, с появлением скорострельной артиллерии, многозарядных винтовок малого калибра и пулеметов, подобные боевые порядки есть прямой путь к неоправданным потерям, а вместе с ними и к поражению!

– Позвольте, Василий Николаевич, а как вы без шеренг добьетесь должной плотности залпа? Или, пардон, вы и залпирование предлагаете отменить?!...

Четверка генералов, ненадолго позабыв об оружейном магнате, вступила в споры между собой. Каждый из них успел поучаствовать в русско-турецкой войне, имел боевой опыт и собственную точку зрения, причем на все сразу. И надо сказать, совершенно не стеснялся ее отстаивать – так не стеснялся, что приглашенный на «пикничок» корреспондент «Военного обозревателя» едва успевал записывать отдельные, особенно хлесткие фразы.

– Господа, господа! Не будем горячиться. Предлагаю отобедать чем бог послал.

Аристократ-промышленник легонько кивнул куда-то в сторону, и замолчавшие генералы имели удовольствие пронаблюдать, как на их глазах всего за три минуты организовался превосходнейший обеденный стол. Слегка парила покрытая тонкой золотистой корочкой нежнейшая свинина, поблескивали жидким рубином бутылки вина, тускло сияло изящное столовое серебро, а по углам длинного стола застыли в неподвижности самые настоящие официанты. Можно было поклясться, что у всех присутствующих хоть раз, да мелькнула мысль о том, как же хорошо быть богатым...

– А потом вашему вниманию будет представлена еще одна новинка, последняя – на сегодня. Дабы внести некую интригу, позволю себе заметить, что она имеет как сугубо мирное, так и вполне военное применение. Прошу, господа.

Накрытый стол и стоящая рядом с ним обслуга выделялись на фоне жухлой травы и темных мундиров ярким белым пятном – поэтому совсем неудивительно, что господа офицеры подтянулись к нему без каких-либо дополнительных сигналов или приглашений. Плеск воды в широкогорлой чаше, выставленной для омовения рук, густой аромат запеченного на углях мяса, легкий перезвон хрусталя... Спустя некоторое время, когда гости разделались со второй переменной блюд, отдали должное превосходному вину, а затем и ароматному табаку, коего им предложили на любой вкус, цвет и размер (последним особенно выделялись сигары из Гаванны), утихнувший было спор продолжился вновь. Но – уже без прежнего напора, тем более что некоторая «упертость» почтенного генерал-адъютанта Драгомирова ни для кого из присутствующих не являлась особым секретом.

- Для русского солдата, милостивые вы мои государи, главным является выучка и воинский дух, а уж всякие там... гхм, новомодные штучки есть дело второстепенное. Эвон, в Средней Азии один полк три-четыре туземные дивизии по пескам гоняет. А почему?

- Да потому, драгоценнейший вы мой Михаил Иванович, что ваши азиаты вооружены древними фитильными ружьями - и то они разве что у каждого десятого! У остальных же пики, сабли да луки, ну и тактика соответствующая. Против ружейного да артиллерийского огня - укусь да отскочить. Думаете, австрияки да германцы из того же теста слеплены? Вот уж сомневаюсь.

- Русские прусских завсегда бивали! А те же австрийцы куда как пожиже германца будут, прости господи.

Не выдержав, в глубоко интеллектуальный спор вмешался доселе молчавший главный редактор «Артиллерийского журнала», по совместительству занимающий должность помощника начальника Главного артиллерийского управления, а заодно инспектор учебных классов военных училищ, инспектор крепостной артиллерии и член Комиссии по вооружению крепостей генерал-лейтенант Крыжановский. Очень заинтересовавшийся пулеметом БАС, приятно удивленный как его маневренностью, так и надежностью, а также весьма одобрительно воспринявший наличие у него броневого щита - не поленившись дойти до оголенных прямыми накрытиями бревен дзота ради осмотра повреждений, Павел Андреевич самолично выковырял из щитка застрявшую в нем шрапнелину.

- Пуле совершенно безразлично, кого убивать: австрияка, русского или прусского... Обстрел орудия показал это нам со всей очевидной наглядностью. Меж тем, будь расчет защищен хоть мало-мальским бронецитком, он бы и дальше продолжил свою работу - и я уверен, в результате все же подавил бы это земляное укрепление, добившись прямого попадания в амбразуру.

- А дополнительный вес? Это ведь, самое малое, двадцать пудов прибавится, а то и все тридцать. Толку от той защиты, если она вместе с расчетом и самой пушкой застрянет в грязи...

Обильное застолье, бокалы с рейнским и теплая погода постепенно привели к тому, что дискуссия сама по себе заглохла. Выждав для пущей верности еще с полчаса, князь Агренов вновь воспользовался услугами полевого телефона. Кстати, в отношении конкретно этой новинки, продемонстрированной еще на прошлом «пикничке», генералитет проявил самый горячий интерес - стоило только аристократу небрежным тоном обронить, что она позволяет ему контролировать подчиненных прямо из своего кабинета, как доблестные военачальники сразу же примерили это на себя. Возможность хорошенько снять стружку с нерадивого подчиненного, не отрывая при этом своей широкой... хе-хе, спины от удобнейшего стула в рабочем кабинете. Или, не теряя времени на разъезды и посылку вестовых, молниеносно отдать распоряжение либо приказ - такое генералы оценили сразу, и сугубо положительно.

- Господа, как я и обещал...

Одновременно с этими словами вдали показалась колонна из шести самобеглых колясок довольно странного вида. Очень быстро приблизилась, обдав присутствующих тонкой, но довольно приятной смесью запахов нагретой кожи и машинного масла, а также слабого «привкуса» бензина, и с ровным гудением моторов выстроилась в ряд.

- ...позвольте вам представить серию перспективных разработок Русской торгово-промышленной компании под общим названием «автомобиль»!..

Рука в перчатке широким взмахом обвела все экипажи, которые тут же послушно заглушили свои двигатели. Приблизившись к правому ряду полевой автовыставки, промышленник провел ладонью по вытянутому капоту машины – и словно по команде ее тут же обступили со всех сторон самые активные из гостей.

– Это, господа, автомобиль «Волга» модели «Ф», то есть фаэтон.

Господа офицеры, буквально очарованные преподнесенным им сюрпризом, благоговейно внимали.

– Мощность двигателя – пятнадцать лошадиных сил, одной заправки жидким топливом вполне хватает на триста верст пробега. Правда, скорость фаэтона пока невелика – никак не больше шестидесяти верст в час по хорошей городской дороге.

Слушатели дружно засмеялись, в полной мере оценив притворные сетования князя – надо же, «не больше»!.. Тут до тридцати бы разогнаться без того, чтобы голова не закружилась от такой сумасшедшей скорости...

– Конструкция достаточно надежна и легка в управлении. Хотя, конечно, для уверенного пользования и обслуживания водитель должен будет пройти соответствующее обучение.

Оценив изящество линий, удобство и практичность кожаной отделки салона, упругость непривычно широких пневматических шин, а также быстроту, с которой складывалась и раскладывалась матерчатая крыша авто, возбужденные гости перешли к следующему «экспонату» выставки.

– «Волга» модели «К», то бишь кабриолет. Почти все то же самое, господа, только скромнее размерами, и вместо задних сидений устроено вместительное багажное отделение. Очень хороший вариант для состоятельных молодых людей, особенно тех, кто любит выезжать на природу со своими... гхм, друзьями.

Офицеры лейб-гвардии Измайловского и Семеновского полков дружно заулыбались, причем с таким видом, будто бы только что уличили молодого аристократа в чем-то условно-неприличном. Как же, друзей... Вдвоем на природу ездят только с дамой сердца!..

– Гхм. Господа, ну право же!..

– Продолжайте, князь, мы само внимание.

– Благодарю. «Волга» модели «люкс» для людей с достатком и известным положением в обществе. Чуть более мощный мотор, несколько приятных дополнений вроде небольшого встроенного бара...

В этот раз заметно больший интерес проявили господа генералы, вполне оценив предполагаемую стоимость, а вместе с ней и статусность самобеглого экипажа. Собственно, на представительский класс намекало уже одно только место водителя, отделенное от салона стеклянной перегородкой, наличие небольших занавесок на окнах и откидной столик для работы с документами. Консервативно-угловатые линии кузова, напоминающего своей формой дорожную карету для выезда в присутственные места, отполированная сталь (разумеется, нержавеющая) ручек на дверях и спиц в колесах, буквально исходящий от машины запах настоящей – неброской, но элегантной роскоши...

– Железо?

Помощник начальника канцелярии Военного министерства, а по совместительству профессор Николаевской академии Генерального штаба полковник Редигер с большим любопытством постучал по окрашенной в насыщенно-черный цвет крыше автомобиля.

- Специальным образом выделанный и обработанный арборит, покрытый черным лаком.

Выждав некоторое время, оружейный магнат подвел толпу «экскурсантов» к четвертому авто, довольно невзрачному на вид.

- Следующие три машины создавались с более утилитарными целями, господа. Прошу любить и жаловать: автомобили марки «Дон»!..

На фоне первых трех экипажей он смотрелся бедным родственником, выделяясь разве что удивительно рельефными пневмошинами.

- Представленная вашему вниманию модель «Вездеход» довольно схожа по основным техническим характеристикам с «Волгой», и хотя несколько уступает ей по своим эстетическим качествам, зато может похвастаться неприхотливостью и простотой конструкции – а также заметно большей дальностью езды на одной заправке. Большой дорожный просвет, прочная рама и общая простота управления делают ее прекрасным авто для разъездов по сельской глубинке.

Видя, как один из военных инженеров примеривается взглядом к водительскому месту, Агренов поощряюще кивнул:

- Прошу вас, без стеснений. Следующая модель, господа, очень удобна для перевозки небольших грузов...

Осмотрев багажник размером примерно в три четверти обычной телеги, господа офицеры согласились – много в таком не увезешь.

- Ну а последняя целиком и полностью предназначена для грузовых перевозок.

Дав все необходимые пояснения и ответив на целую кучу вопросов, скромный сестрорецкий, ярославский, выборгский, карельский, кыштымский, челябинский, пермский, московский, санкт-петербургский «и прочая, и прочая, и прочая» фабрикант отделился от своих гостей, с целью немного промочить горло вином.

- Уфф!..

Потеряв по дороге до вновь появившегося фуршетного стола свою обаятельную улыбку, молодой аристократ подхватил один из бокалов. Огляделся по сторонам, медленно отпил рубиновой влаги и присел на стул, мимоходом расстегнув пару пуговиц. Чуть-чуть расслабился, прикрывая глаза и подставляя лицо под теплые солнечные лучи. Для него день обещал быть долгим...

- Князь, так когда, вы говорите, можно будет приобрести сие чудо технического прогресса?..

Очень долгим!..

- Я богат...

Стоило тихому голосу Александра зазвучать, как все, кого позвали в зал поселкового клуба,

замерли и прекратили свои разговоры.

– ...но богатство свое измеряю не в деньгах, не в заводах и фабриках, шахтах или рудниках... Ваши золотые руки, ваши светлые головы, ваши трудолюбие и старательность – вот мое истинное богатство, вот мой настоящий капитал!

Среди элиты фабричной мастеровщины пролетел тихий шелест говорков.

– Вы лучшие!!! И мы вместе – вы и я делаем жизнь светлее, неуклонно добиваясь того, чтобы дети наши жили счастливее, чем их родители. Не голодали, были хорошо одеты, учились наукам и ремеслу... Радовались и жили, а не выживали.

Фабрикант замолчал и, казалось, о чем-то глубоко задумался – а слушатели, затаив дыхание и боясь даже сморгнуть лишний раз, ждали продолжения. Наконец со сцены опять полились тихие слова:

– Но об этом мы с вами поговорим в другой раз. А пока – есть среди вас те, кого я уважаю особенно. Те, кто делится светом и сердечным теплом с другими, помогает им расти в мастерстве и знаниях, не жалеет своего времени и сил на чужие заботы. Виктор Кузьмич Динов!

Мастеровой, поглядев по сторонам и убедившись, что Хозяин обращается именно к нему, неуверенно встал. А потом, повинувшись властно-приглашающему жесту, зашагал на сцену.

– Двое учеников, подтвердивших шестой разряд. Семеро – шагнувших с четвертого на пятый. За три года. Ничего не прося взамен, часто допоздна задерживаясь в цехе ради очередного урока...

Смущенный Динов стоял под взглядами сотни мастеровых и не знал, куда же ему деть руки, ставшие вдруг ужасно лишними.

– Виктор Кузьмич. Чтобы вам было проще следить за временем – примите вот этот скромный подарок. И месячный оклад в виде небольшого поощрения.

В намертво пропитанную маслом и запахом металла ладонь улеглась открытая коробочка, а зал одобрительно загудел, вгоняя наставника мастеровых в самый настоящий румянец. Пока чествуемый возвращался на свое место, все желающие смогли увидеть его награду – серебряные часы с цепочкой. А соседи, имевшие возможность полюбоваться на швейцарские «Павел Буре» вблизи, разглядели на верхней крышке и дарственную надпись-гравировку: «Наставник».

– Хорошо.

В актовом зале моментально воцарилась тишина и порядок. Оглядев ряды мастеровых, ловящих каждый его жест и каждую интонацию, Александр легонько улыбнулся:

– Есть некоторые дела, до которых ни у меня, ни у фабричного начальства никак не доходят руки. Зато могли бы прийти у вас. Например, в управу часто жалуются, что маловато журналов и газет в клубной библиотеке. Да, мало. Но если все присутствующие здесь скинутся по гривеннику, можно будет заказывать не один, а сразу по десять экземпляров и журналов, и газет. А если рублей этак по десять – пятнадцать, то можно было бы подумать о многом. Например, о жилье.

Шум поднялся – и стих, повинувшись всего лишь легкому движению руки.

– Да, я знаю, что многие из вас мечтают о своем жилье – но квартиры есть и будут в неотчуждаемой собственности фабрики. Исключений не будет ни для кого. Но можно ведь изначально строить жилье ЧАСТНОЕ... Что-то вроде небольшого поселка из отдельных двухэтажных домов. На одной из окраин Сестрорецка, и не дальше получаса ходьбы от работы.

В зале царила воистину мертвая тишина.

– Еще вы иногда подумываете и о том, чтобы дать хорошее образование ВСЕМ своим детям. Или, например, о том, чтобы съездить зимой на Черное море. Или – в паломничество по святым местам...

Мастерового, начавшего тихо-тихо хвалиться сыном, которого как раз наградили путешествием в Иерусалим (как и остальных его товарищей из клубной команды, блистательно победившей в Тактических играх), энергично заткнули тычком локтя. Причем сразу с двух сторон – ну достал уже своими постоянными похвальбами!

– Или я ошибаюсь и вы ни о чем таком даже и не думали?

В этот раз руку пришлось держать гораздо дольше – Александр и сам не ожидал, что сможет вот так просто «завести» слушателей.

– Тогда мы поступим следующим образом. Сейчас я уйду, вы же останетесь. А завтра ко мне в кабинет, к часу дня, придут три человека. Самых честных, самых уважаемых из вас. Тех, кому вы все доверяете. Одним словом, таких, как Виктор Кузьмич!

Динов беспокойно заерзал на месте.

– Мы поговорим. Да, и насчет жилья тоже.

Пожилой мастеровой из первого ряда, в глазах которого так и сверкал этот вопрос, довольно улыбнулся.

– И беседы эти станут регулярными, ведь на них мы будем обсуждать все ваши ОБЩИЕ просьбы и пожелания. А я, через выбранных вами, буду доводить до вас всех уже свои. Просьбы. И пожелания.

Фабрикант шагнул к краю возвышения-сцены и оглядел всех внимательным взглядом. Помолчал, затем слегка наклонил голову, показывая, что разговор закончен. После чего, провожаемый сотней внимательных взглядов, ушел.

Ррдоум-ррдоум! Ррдоум-ррдоум-ррдоум!..

Господин главный инспектор компании, пожаловавший на стрельбище вместе со своим двоюродным братом Петром, прямо на входе столкнулся с измазанными в грязи и насквозь пропотевшими работниками отдела экспедирования, как раз закончившими свои пятичасовые «практические занятия». Ответив на приветствия, начальство скомандовало продолжать движение к душевым – всем, кроме Антипа, всего месяц как заменившего Демида Сошникова на должности старшего экспедитора.

– Ну как оно?

Покосившись на начальственную родню, мужчина ответил на довольно непонятный вопрос также до крайности обтекаемо:

- Последнее время полегче.
- Что сегодня делали?
- С телохранителями работали.

Ррдоум-ррдоум-ррдоум-ррдоум!..

Петр из короткого разговора так ничего и не понял, а Григорий задумчиво покивал, отпуская подчиненного: полностью занятый подготовкой большого заграничного турне отдела экспедирования, он как-то подзапустил процесс тренировок и теперь размышлял, пытаясь понять. То ли Александр Яковлевич уже малость притомился экспедиторов гонять, то ли уже они стали показывать лучшие результаты?.. Сделав себе мысленную пометочку обязательно поприсутствовать на следующей тренировке, где экспедиторы будут пытаться «отработать» охраняемое лицо, а их противники – этого не допустить, Долгин зашел на полигон.

Ррдуом-ррдоум, ррдоум-ррдоум!

Долго искать хозяина оружейной фабрики не пришлось. Достаточно было проследовать на гулкий голос «Рокота», зайти за стенки, сложенные из туго набитых землей мешков, и остановиться рядом с длинной стойкой открытого тира, на которой недлинным рядом были разложены пистолеты и коробки с патронами.

- Вечер добрый, командир.
- Н-да? А по мне – та?к себе вечерок, Гриша.

Приставив обойму к направляющим, князь надавил на верхний патрон большим пальцем.

Тр-рр!..

С легким лязгом сняв затворную задержку, стрелок в хорошем темпе отстрелял семь «двоек» по дальней мишени. Подхватил новую обойму с четырнадцатью латунными «толстячками», вставил в пазы, надавил большим пальцем, и очередные патроны наполнили встроенный в рукоятку пистолета магазин.

- Случилось что, командир?

Ррдуом-ррдоум, ррдоум-ррдоум!..

- Как сказать. В Англии Хайрем Максим подал в суд за нарушение его патентных прав, в САСШ мистер Томас Эдисон резко озаботился схожестью наших кинокамер со своим кинетоскопом, в Австрии герр Манлихер пытается обойти наши патенты, в Германии этим же занимаются братья Маузеры, в Испании уже пытаются клепать копии «Кнута» и «Орла».

Ррдоум-ррдоум-ррдоум-ррдоум!..

- В Кыштыме, из-за ошибок планирования, причем как моих, так и Тиссена, срочно требуется строительство железной дороги в сто верст длиной, иначе половина домен встанет без угля. У Герта застопорилась работа по станкам нового поколения, Луцкой вновь просит увеличить ему сроки и финансирование, директора? по электротехнике и телефонии никак не могут

поделить рабочих подходящей им квалификации... Одним словом, все как обычно.

Отложив массивный «Рокот» в сторону, Александр взял какой-то несуразный револьвер, оттянул у него затвор (судя по наличию последнего, револьвер все же оказался пистолетом) и пояснил слегка удивленному Григорию свои действия:

– Некоторым офицерам, как оказалось, привычнее использовать обоймы, а не магазины. Дескать, и вес у них меньше, и удобнее в обращении. Приходится идти навстречу их пожеланиям.

Тр-рр!..

Тдум, тдум-тдум, тдум-тдум!..

– Что-то новенькое?

– Поделка чешского оружейника Сильвестра Крнка. Что у тебя?

Без малейших трудов сообразив, что вопрос касается готовности к большой командировке, Долгин коротко отрапортовал:

– В сроки укладываемся.

– Это хорошо... Полюбуйся на вот этого красавца.

Повертев в руках еще один незнакомый пистолет, выгодно отличавшийся от первого некоторой изящностью и заметно меньшим весом, мужчина вопросительно вскинул брови.

– Один из помощников Фердинанда Манлихера совершенно случайно сделал все детали в двух экземплярах. К тому же еще и завернул их в копии всех рабочих чертежей.

Цдаунг, цдаунг-цдаунг!..

– Это он удачно.

Вернув на стойку творение австрийского оружейника, главный инспектор потянулся за следующим:

– А этот чей? Хм. Чем-то пистолет Борхарда напоминает. Помнишь того уродца?

– Он был Борхарда, а теперь целиком и полностью наш. Выкупили у Гуго все права вместе с документацией, и всего за двенадцать тысяч марок.

Взвесив «агрегат» на ладони и припомнив кое-какие подробности прошлого осмотра, Долгин понял, что держит в руках нечто иное: покороче, полегче и заметно совершеннее. Вроде бы. Получается, мастера опытного участка фабрики уже успели над ним поработать?

– Зачем он здесь?

Моментально забыв о новинках от оружейников-конкурентов, Григорий чуть развернулся, встав так, чтобы видеть и командира, и двоюродного брата.

– Ну?.. Как бы это... Кхе!..

- Гони в шею своего учителя риторики.

- Кха. Командир, тут такое дело...

- Да понял я уже все, не старайся. Двоюродный брат, дружите с детства, трудно отказать, и так далее. Мне это зачем?

Ррдуом-ррдуом, ррдуом-ррдуом!..

Переждав гибель очередной мишени, Долгин попытался еще раз, немного поменяв подход (и не забыв недовольно поглядеть на как бы невозмутимую рожу брательника):

- Петро с шашкой очень хорош. Лучше меня.

- Передай ему, что я очень рад. За него.

Ррдуом-ррдуом-ррдуом-ррдуом!..

Еще у одной мишени начисто вынесло центр.

- Дед Пахом его самолично бою учил. Хвалил за успехи.

- М-да?..

С некоторым сомнением положив обратно подхваченный было «Орел», молодой аристократ отвернулся от мишенного поля – и сразу стало заметно, что недавно закончившаяся тренировка экспедиторов не прошла бесследно и для него. Впрочем, полного изнеможения или даже слишком явной усталости все же не наблюдалось.

- Тот самый дед Пахом, о котором ты мне столько рассказывал?

- Он. Первый рубака в нашей станице, да и в округе тоже.

Легонько кивнув на родственника, Григорий окончательно все прояснил:

- Очень уж Петрухе запало в душу, что ты его как дите малое скрутил. Да и в экспедиторы по-прежнему рвется... Прямо как медом ему намазано!

Князь на мгновение задумался, затем утвердительно кивнул:

- Что же, это определенно будет интересный опыт...

Десять минут спустя, площадка для фехтования.

- Обойдусь!..

- Кому сказано?..

Поиграв желваками, младший Долгин отдал брату тренировочный (то есть абсолютно тупой) клинок и надел защитную маску.

- Теперь все?

Его противник медленно разогревал запястья, а перед этим зачем-то процарапал скругленным кончиком шашки небольшой круг на земле – примерно в половину сажени диаметром.

– Встали. Изготовились. Бой!

Обычно вслед за этими словами по площадке разносился характерный свист или лязг встречающихся в защите или нападении клинков. Азартные вскрики, резкие выдохи... Нет, шорох-свист пластаемого воздуха был. И выдохи тоже присутствовали, а вот с остальным было откровенно плохо: каждый удар лезвия или резкий тычок острием проваливались в пустоту, разминаясь с поджарым телом аристократа буквально на пару сантиметров. Все хитроумные финты и перебросы шашки из руки в руку так и не принесли Петру никакого результата...

– Ха!..

Дзанг!

Легкий и оттого очень слабый щелчок по чужому клинку выглядел скорее насмешкой над собственными способностями, чем каким-то значимым достижением. На него даже не нападали!..

– Закончили!

Отскочив от ненавистного аристократа, оренбургский казак сдавленно выругался, мешая русские слова с башкирским говором, отшвырнул прочь бесполезный кусок металла и размашисто зашагал прочь, буквально трясясь от переполняющей его злости. Его, потомственного казака, разделал как мальчишку какой-то там князек!..

– Молодой еще, горячий.

Насмешливо хмыкнув в ответ, Александр вернул на место тренировочный инвентарь, после чего вылил себе на голову все содержимое небольшого подвешного умывальника. Ненадолго замер, обтекая, с довольным фырканьем встряхнулся, подхватывая висевшее на гвоздике полотенце, а когда отнял его от усталого лица, сразу стало видно, что легкость, с коей он уворачивался от чужого клинка, была лишь кажущейся.

– Уф!.. Загонял меня твой родственник. Пять минут шашкой махал – и хоть бы раз замедлился или ошибся... У тебя в станице все такие? Кстати, насчет того, что он лучше тебя, – это ты его малость перехвалил.

– Ну!..

Подбоченившись, Григорий горделиво подкрутил кончики усов.

– Знаешь что... а возьми-ка ты его с собой в командировку!.. Такой горячий парень явно найдет общий язык с «дикими» старателями Клондайка. Как у него со стрелковой подготовкой? Ну вот и славно.

Князь небрежно кивнул, отвечая на дружное приветствие проходивших мимо полигона мастеровых.

– Кстати, что выбрали остальные твои родственники? Или они все еще в размышлениях?

– Да нет, определились. Василь просится остаться в Сестрорецке.

Вновь ответив на приветствия, только уже тройки охранников, главный инспектор легонько улыбнулся:

- Беда у него приключилась - очень уж швея одна, черноглазая да смешливая, ему в сердце запала.

- Не уберется, значит?.. Ну почему бы и нет. Что предлагаешь?

- Так инструктором его, в ДОСААФ. Сперва мальчишек поселковых погоняет, затем переселенцев будет натаскивать. Или все разом, и еще что-нибудь.

- Согласен. Третий брат?

- Дмитро? Этот спит и видит себя десятником амурских егерей... для начала.

- Все в его руках.

- Ну я так ему и сказал.

Остановившись, хозяин фабрики поглядел на стрелки больших часов, подвешенных в аккурат над главной проходной, мимолетно поколебался, после чего направил свои стопы к входу в управу. Дела, чтоб их!..

- Я чуть позже зайду, командир.

Примерно полтора часа спустя в дверь небольшого кабинета на третьем этаже фабричного управления тихонько постучались.

- Войдите...

Сидевший за столом Александр удивленно воззрился на господина главного инспектора.

- Гриша, что с тобой, уж не заболел ли ты, часом?

- А?

Растерявшийся от такого приветствия Долгин машинально себя осмотрел.

- Да нет вроде. А что такое?

- С каких это пор ты стучаться начал?

- А!..

Вместо долгих объяснений просто махнув рукой (мол, с кем не бывает), отставной унтер-офицер Олькушского погранотряда легонько пнул большой холщовый мешок с накопившейся корреспонденцией, затем придвинул к нему стул. Мимоходом едва не опрокинув еще один такой же мешок, только уже наполовину опустевший. Снял запонки, чуть закатал рукава и приготовился было помогать, но...

- Это не к спеху. Помнишь, обсуждали мы с тобой план твоей командировки?

- Да уж раз пять, а то и более.

- Пришла мне тут весточка, от нашего аргентинского партнера, Лоренсо Агилара.

Как бы в доказательство, хозяин кабинета небрежно повертел в руках желтый конверт,

испытанный целой кучей марок и почтовых штемпелей.

– Пишет, что сильно обижают его всякие нехорошие люди, просит совета. Или обещанной ему защиты.

Письмо легло обратно, увенчав собой невысокую стопочку похожих конвертов.

– И официального ревизора к младшему из братьев Луневых пора отправлять. А то подумает еще, что мы про него забыли, обидится.

– Так.

Хандра Долгина пропала, словно ее вообще никогда и не было.

– По пути в САСШ было бы неплохо заглянуть в Англию и познакомиться с сэром Чарльзом Парсонсом. Я думаю, в его лаборатории и домашнем кабинете найдется немало полезных сувениров, особенно по части производства и проектирования турбин. Согласись, будет очень жалко, если они бесследно сгинут в каком-нибудь пожаре.

– А самого??

– Небольшой отдых, на полгода или даже год, пойдет ему только на пользу. Подлечится, восстановит душевное равновесие и примется за работу с новыми силами. Если, конечно, с ним опять чего-нибудь не приключится.

Григорий деловито кивнул.

– Ну и последнее. Мне надо знать, кто есть кто среди главных богатеев Америки. Вот тут мои наметки по всем заданиям.

Плюх!

Перед начальником отдела экспедирования лег настоящий исполин среди укладок и папок, буквально трещавший от напора содержимого.

– По последнему делу – крайняя осторожность. Среди той публики, чей список я тебе дал, нет ни дураков, ни беспечных. Точнее, они когда-то были, но их уже давно или отстреляли, или разорили, или все сразу. Так что если только заметят хотя бы тень нашего интереса, будут копать до тех пор, пока не найдут. Опыта в делах подобного рода им не занимать, особенно Рокфеллеру.

– Понял, командир.

Григорий подумал, поглаживая толстенные «наметки», затем качнул головой:

– Придется увеличить группу.

В руках князя зашелестело очередное письмо.

– Севостьян как раз подтянул свой французский, а английский особенно хорош у Олега. На выбор, с двумя акцентами может говорить: ирландским или испанским!

Мусорная корзина пополнилась очередным смятым комком бумаги.

- Пока в Англию, пока в Аргентину, в Америке сколько-то... Ничего себе командировочка получается! Да еще плыть зимой!..

- Ну ты же сам хотел мир повидать?

Говоря это, фабрикант задумчиво потер подбородок, затем отложил конверт к уже солидной стопке писем аналогичного содержания.

- Когда?

- Сейчас прикинем.

Громко прошелестели странички ежедневника:

- На третье ноября назначено открытие второго «Империиума» в Москве – аж три кинозала умудрились организовать в одном здании, представляешь? Затем у нас еще одно открытие, только «Колизеума», на Ходынском поле...

Встреппенувшийся Долгин уточнил:

- А что, уже?

- Арены точно готовы, осталось закончить стрелковый лабиринт и отделать рестораник для посетителей... Так, о чем это я? А, точно. После «Колизеума» надо в Кыштым, там запускают производство вискозного волокна [53] и целлофана, и я обещал присутствовать при сем историческом моменте. Затем меня ждут в Коврове – Лазорев сманил с Балтийского судостроительного завода какого-то уникального специалиста по турбинам и явно собирается вымогать с меня дополнительное финансирование. Видимо, уже есть что показывать... Так. Потом отчетное собрание товарищества Мальцевских заводов и оглашение результатов конкурса в ГАУ.

Еще раз шелестнули страницы, а затем князь резюмировал:

- Январь или февраль.

Долгин согласно хмыкнул и сменил тему разговора, поинтересовавшись с отчетливым намеком:

- Интересно, кого объявят победителем конкурса?..

- А есть сомнения?

Главный инспектор коротко хохотнул и отрицательно помотал головой:

- После того, как ты отказался от вознаграждения? Нет.

- Не в этом дело, Гриша. Ты же знаешь, наш образец специально создавался под этот конкурс, под все требования комиссии. К тому же я обязался абсолютно бесплатно наладить выделку револьвера-победителя на казенных оружейных производствах. У других участников нет и тени шанса.

- Ну!.. Ну тогда интересно, как тебя наградят.

Александр отмахнулся зажатым в руке конвертом:

- Тоже никакой тайны. Чин мне повышать нельзя, так как должной выслуги нет, орден – то же самое, а от призовых я и сам отказался. Остается одно – награждение кабинетским подарком: золотым перстнем с гербом из алмазов или чем-то подобным. Часы, портсигар, медальон... Ну и на один из императорских балов пригласят, это уж обязательно.

- Гм. Тож немало, как ни крути.

Проводив взглядом сразу два письма, пополнивших собой уже и так немаленькую стопку корреспонденции, Гриша нейтральным тоном осведомился, давно ли командир виделся со своей воспитанницей.

- А что?

- Да навещал ее дней пять назад. Какая-то она слишком серьезная стала, что ли... Что ни спросишь – «не извольте беспокоиться, дядя Гриша». Кормят хорошо, учится отлично, спит спокойно... Каким бесенком была и какой примерной вдруг стала!.. И на воспитательницу свою слишком часто поглядывала. Уж не обижают ли ее там?

- М-да?..

Посмотрев, как по ковру скачет очередной «колобок» из бумаги, Долгин привычными движениями разжег камин, вывалил рядом с ним мусорную корзину и принялся методично скармливать огню чужие надежды и мечты.

- Кстати, командир. На место Глеба имеются сразу три кандидатуры. Проверенные, надежные ребята, я тебе их показывал. Кого берем?

- Всех троих и берем.

Отвернувшись от камина, начальник отдела экспедирования увидел, как его друг в раздражении откидывает прочь лист бумаги, густо исписанный весьма мелким и к тому же затейливым каллиграфическим почерком.

- Мало того что ерунду всякую присылают, так еще и глаза приходится ломать, пытаюсь понять – что же конкретно им от меня надобно!

- Лучший отдых, командир, – это смена деятельности. Сам ведь это говорил! А в столовой сегодня куриная грудка под сыром, борщ с чесночными пампушками, медовые лепешки...

Живот миллионера тут же проснулся и радостно заурчал, однозначно поддерживая столь дельное и своевременное предложение.

- М-да. Ну пойдем, искустель, отдохнем.

Уже выходя из кабинета, Григорий приостановился, пропуская князя вперед, и вспомнил занятую несуразицу, не дававшую ему (вернее, его развитому любопытству) покоя:

- Я тут фабричный листок почитал, с новостями. И не понял: была у нас обычная касса взаимопомощи, стало аж целое «Общество взаимного кредита». И в актовом зале ты говорил одно, а напечатали совсем другое. Такого навертели!.. А смысл?

- Не навертели, а навертел – Купельников лично текст сочинял. Чтобы разные любопытствующие его прочитали и ничего толком не поняли. А вот те, кто в актовом зале был,

те все поняли прекрасно. Недаром же первой покупкой «Общества» стал бюст государя Александра Третьего, для установки в читальном зале библиотеки.

– В опасные игры играем, командир. Стоит кому-то дознаться, что у нас на фабрике завелся этот... как его?

– Профсоюз, Гриша.

– Вот-вот, он самый. Жандармов набежит!..

– Не начнем мы, начнут без нас. Предотвратить это нельзя, перенаправить тоже, остается возглавить. Сторонники, а еще лучше – соратники, нужны нам просто до зарезу, и лучше воспитать их самим, чем пустить такое важное дело на самотек. Нежно, бережно, не торопясь... Это будет НАШ профсоюз.

Рядом с входом в столовую и без того тихий разговор прервался сам собой – и ушей посторонних стало слишком много, и запахи... Ах какие запахи!.. Они просто валили с ног. Помыв руки и присев за особый, вечно свободный (потому что «хозяйский») столик, два друга плотоядными взорами следили за подносами, плывущими к ним в руках милых подавальщиц, ненадолго позабыв все проблемы и тревоги, все важные дела и неважные мелочи.

Жизнь прекрасна!..

Глава 11

Князь Николай Борисович Юсупов последнее время чувствовал себя откровенно плохо. Даже не так. Отвратительно плохо! Конечно, внешне это сказывалось мало, да и сам он старался не давать даже самомалейшего повода для слухов и пересудов в высшем свете – жизнь любого истинного аристократа все время на виду, а репутация, как известно, складывается из мелочей. Да и... честно говоря, приближающаяся смерть его нисколько не страшила – все-таки когда-нибудь приходит конец, и жизни тоже. Благо ему было что вспомнить и чем гордиться – пожил, и хорошо пожил, так что уходить на суд Божий было не страшно. Тревожило старого князя только одно – будущность его главных сокровищ, двух дочек, Зиночки и Надюши. Состояние потомков Юсуфа-мирзы велико, но если за ним не следить, не приумножать его рачительной рукой, то рано или поздно оно начнет уменьшаться, а потом и вовсе растает, как утренняя роса под жаркими лучами августовского солнца. На зятя же, графа Феликса Феликсовича, в этом плане надежды было мало – человек он военный и никаких талантов в области управления финансами не проявил...

– Ваше сиятельство!

Очнувшись, Николай Борисович понял, что уже довольно долгое время стоит перед одной из картин, украшавших родовой дворец. Стоит, смотрит, но ничего не видит, полностью погрузившись в свои невеселые мысли. Развернувшись, хозяин увидел лакея, держащего небольшой серебряный подносик с парой писем, – именно он его и позвал, по всей видимости отчаявшись как-то иначе привлечь внимание. Вскрыв вначале один конверт, а за ним и второй, князь разочарованно бросил их на поднос: какие там приемы и балы, коли даже подняться по лестнице – и то уже чуть ли не подвиг? Сердце заходится, испарина на висках, дышать трудно – где уж тут скользить по паркету!..

– Ступай, голубчик.

Еще раз взглянув на картину, старый аристократ неспешно зашагал дальше. Впрочем,

довольно скоро он опять остановился – напротив портрета кисти известного художника Серова, изображающего его младшенькую, княжну Надежду. Она не унаследует фамильное состояние, лишь только малую его часть, зато красота, и... хм, определенная твердость характера вкупе с некоторой сдержанностью чувств явно достались ей от матери – причем полной мерой. От отца она взяла ум и упорство в достижении своих целей – как бы ни странно было утверждать это в отношении маленькой девочки.

А вот от кого ей достался странный интерес к технике и ко всему новому, оставалось только гадать. Возможно, влияние далеких предков? Помнится, его родитель, покойный князь Борис Николаевич, тоже был весьма неравнодушен к новинкам технического прогресса.

вернуться

53

Из него изготавливают ряд тканей, в том числе искусственный шелк.

– М-да-м.

Решив более ни на что не отвлекаться, хозяин дворца (вообще-то пятидесяти семи по всей империи, но это уже мелочи) целеустремленно зашагал к Зеленой гостиной. Лакей, приоткрывший перед своим господином высокую дверь, ничем не выдал удивления – а вот сам Николай Борисович непроизвольно остановился и недоуменно вскинул брови. Чем это таким заняты его девочки и их гость? Давненько он не слышал столь явного веселья и азарта в их голосах!.. Пройдя наконец-то в гостиную, любящий отец почти сразу уперся взглядом в незнакомую ему настольную игру и разложенные вокруг нее стопки бумажек, напоминающих уменьшенные копии акционерных бумаг и долговых обязательств, а также целые россыпи разноцветных фишек – и трех игроков, целиком поглощенных незнакомой ему забавой.

– Покупаю!.. Ой, не хватает! Тогда продаю половину акций своего сталелитейного завода.

– Принимаю.

– Покупаю!.. Твоя очередь, сестра.

Короткая пауза, и:

– Всего три очка?!.. Гм, неудачно. Прошу, князь, моя арендная плата. Кстати, ходят слухи о некоем пари с вашим участием.

– Да?.. И каком же? Семь очков... Пожалуй, я куплю этот рудник.

– Говорят, что вы держали пари о том, что сможете разом получить три специальности в Московском Императорском техническом училище. Причем экстерном. Это правда?

Юная княжна, закинувшая было игральные кости в специальный стаканчик, замерла, превратившись в олицетворение любопытства.

– Как и всегда, от общества ничего не утаить! Признаю свою вину.

– Ну что вы, об этом знает исключительно узкий круг лиц. А почему вину?

Молодой мужчина в идеально сидящем на нем костюме-визитке [54] с притворным раскаянием слегка развел руками:

– Увы, ваш покорный слуга иногда бывает очень азартен. Такой вызов, такой шанс проверить себя... Я просто не смог отказаться.

– Интересно, кто это у нас такой великолепный знаток душ?

Вопросительная женская интонация наткнулась на сожалеющую гримасу князя, и Зинаида Николаевна тактично отступила – мужчины иногда как большие дети, любят разводить тайны буквально на пустом месте. С легким стуком ожили кости, прокатились по столу, и младшая Юсупова с разочарованным вздохом констатировала:

– Мне сегодня ужасно не везет. Всего два очка!

Зато ее старшей сестре повезло значительно больше: довольно улыбнувшись, первая красавица империи начала аккуратно перебирать игровые облигации и фишки.

– Покупаю! Прошу, Александр Яковлевич.

Наблюдая за тем, как после броска князя два кубика замедляют свой бег, Зинаида Николаевна вновь вернулась к интересующей ее теме:

– А чем вы рискуете в случае проигрыша?

– Пустяки, сто тысяч...

Отсчитав пару фишек за «аренду» игровой ячейки, он передал их вместе со стаканчиком и костями тринадцатилетней Надежде.

– Но все же – я склонен утверждать, что победа будет за мной.

В этот раз бросок княжны оказался вполне удачен, и она с довольным видом начала выстраивать перед собой стопочки тысячерублевых фишек:

– Покупаю! Князь, а на что вы потратите свой выигрыш?

– Как обычно, Надежда Николаевна, на благотворительность.

Приняв от сестры стаканчик, статная красавица мимоходом погладила любимую жемчужину «Пелегрину», с которой никогда не расставалась.

– Кстати, раз уж зашла об этом речь...

Милая хозяйка в один момент превратилась в графиню Сумарокову-Эльстон и наследницу львиной доли состояния своего отца:

– ...может ли и наше семейство поучаствовать в ваших начинаниях? Например, в обеспечении всем необходимым училищ для недостаточных детей и сирот? [55]

– Буду только рад.

Игровые кости, немного погремев своими гранями в стаканчике, вырвались на волю...

- Гхм!..

Внимание игроков, целиком и полностью прикованное к скачущим после броска игральным костям, тут же переместилось на него.

- Папа!

Первой из-за круглого стола вскочила Надежда, подбежав и прижавшись к отцу. Следом за ней его обняла и легко поцеловала Зинаида, попутно обдав тончайшим ароматом изысканных духов, ну и самым последним подошел для крепкого рукопожатия молодой князь Агреньев.

- Ну и чем же это таким вы здесь занимаетесь, позвольте узнать?

- Папочка, Александр Яковлевич придумал совершенно потрясающую игру! Называется она «Монополия» [56], а смысл ее состоит в том, чтобы...

Выслушав необычайно длинный и эмоциональный монолог и мало что в нем поняв, отец все равно остался весьма и весьма доволен: судя по виду дочек, новая забава пришлась им очень даже по вкусу. Что еще надо родителю? Впрочем, поняв его затруднения, на помощь пришел сам изобретатель, довольно быстро и очень понятно растолковав суть своей новой придумки.

- Как-как вы сказали? Экономическая стратегия? Гм-гм, довольно необычный термин.

Рассеянно покрутив в руках одну из фишек «номиналом» в тысячу рублей и так и не определив, из чего именно она отлита (больно уж легка она была для металла), последний мужчина в роду Юсуповых обратил внимание на соседний столик, на коем лежал лист большой и чем-то неуловимо странной карты. Приблизившись, старый князь взгляделся, заинтересованно хмыкнул и ткнул один из уголков указательным пальцем. Уголок в ответ чуть сдвинулся, оставляя остальной «лист» абсолютно недвижимым, и распался на дюжину небольших квадратиков с краями весьма затейливой формы.

- Папа!

Всплеснув руками, Надежда тут же бросилась восстанавливать порушенную красоту, а гость поспешил дать пояснения:

- Игра-головоломка «Осколки», смысл которой в составлении мозаики из множества кусочков самой разной формы. Помимо несомненного эстетического удовольствия, она развивает усидчивость, внимание, логическое и образное мышление, а также мелкие движения руки.

- О?! Тогда это довольно дельная вещь. Гхм, да.

Подметив на соседнем со столом кресле большую стопку коробок с несобранными мозаиками, хозяин дворца покосился на младшенькую, затем на старшую, вернувшуюся к игре, и обратился к фабриканту:

- Князь, не могли бы вы уделить мне немного времени для разговора?

Тут же утвердительно кивнув, аристократ-промышленник легко поклонился:

- Мои грозные противницы, я признаю свою полную и безоговорочную капитуляцию.

В ответ две сестры чуть ли не в унисон заявили, что никаких отговорок не приемлют и будут ждать партнера по игре – для ее достойного завершения. И точка! Шествуя впереди гостя

по направлению к Турецкой гостиной, их отец время от времени непроизвольно улыбался – короткая сценка напомнила ему те светлые года, когда дочери были всего лишь маленькими проказницами. Все три – старшая Зинаида, просто обожавшая сказки на ночь. Средняя Татьяна, умершая всего пять лет назад от тифа. Не уберег он ее. Помнится, она была большая любительница свежих ягод и цветов...

– Прошу.

...и младшенькая, Надежда, вечно пугавшаяся грозы и по сию пору иногда отказывающаяся засыпать без родительского поцелуя на ночь. Как же быстро выросли его ангелочки!.. Более того, старшая уже успела родить ему внуков – радующего своей сообразительностью Николашу и непоседу Феликса. Жаль, что они сейчас с отцом, а не с дедом...

– Вина? Кстати, как ваше здоровье? Я слышал, что вы слегка простыли на парижских сквозняках.

– Благодарю. Легкое недомогание было, но, к счастью, довольно быстро прошло – французские лекарства просто превосходны.

– Как же, наслышан.

Усевшись по обе стороны небольшого столика, удивительно красиво украшенного мозаикой из полудрагоценных камней, они почти одинаковыми жестами пригубили терпкое вино и улыбнулись. Агрнев сделал это полностью открыто, успешно делая вид, что ну совсем не понял намеков на дорогих парижских куртизанок, лечивших его от «тяжелой ангины» в снятом на неделю особняке. Причем недуг был столь тяжел, что первые три дня целительницам приходилось работать парой, в которой одна обязательно была блондинкой, а вторая – жгучей брюнеткой. Юсупов же на это ответил понимающей улыбкой умудренного опытом и долгой жизнью аристократа. Чего уж там! Помнится, еще его покойный батюшка в молодые свои годы собрал в имении Архангельском натуральный гарем из самых красивых девиц. Крепостных, разумеется, – и некоторые его забавы с ними вспоминают по сию пору. Да и сам Николай Борисович, хе-хе, в свое время тоже был хорош...

вернуться

54

Визитка – принадлежность мужского костюма, род сюртука. В отличие от него, у визитки полы расходятся спереди, образуя конусообразный вырез (но не по прямой линии, а закругляясь сзади); визитка застегивается на одну пуговицу, сзади на уровне пояса пришиты две пуговицы.

вернуться

55

В конце XIX и начале XX века так обозначали детей из малоимущих слоев населения и сирот.

вернуться

56

Очень популярная в XX веке настольная игра в жанре экономической стратегии, рассчитана на 2-8 человек.

- Князь, мне было бы интересно ваше мнение по одному финансовому вопросу.

Еще раз отпив благородной влаги, Николай Борисович поставил бокал перед собой.

- Обстоятельства сложились таким образом, что в данный момент у меня образовался некоторый избыток свободных средств. Кой, по зрелому размышлению, я решил вложить в какое-нибудь надежное стороннее дело. Можно даже под умеренный процент, лишь бы прибыль была стабильной и поступала в течение длительного времени.

К удовольствию хозяина дворца, его молодой собеседник ответил сразу, не беря даже и малейшей паузы на обдумывание вариантов:

- Учитывая хороший спрос в Англии и Германии на русский лес, ближайшие двадцать лет любые инвестиции в лесоторговлю будут весьма прибыльным и надежным делом. Лесопереработка же еще более выгодна, но уже несет в себе некую долю риска... хотя и не очень большого.

- Гм. Возможно, что-то еще?

- Разумеется. Цветные металлы, такие как цинк, медь, свинец, - спрос на них в империи даже сейчас заметно обгоняет предложение, со временем же этот разрыв только увеличится.

Видя, что старый аристократ все еще не утолил своего любопытства, промышленник перечислил еще полдюжины направлений, в коих на один вложенный рубль можно было без особых забот получить самое малое полтора рубля чистой прибыли.

- Изрядно, Александр Яковлевич, весьма изрядно. М-да. Скажите, а ВЫ интересуетесь инвестициями в СВОИ производства?

Маскируя возникшую в разговоре паузу, молодой Агренов по примеру хозяина пригубил вина и отставил бокал в сторону.

- Видите ли, в чем дело, Николай Борисович... Человек, пожелавший вложить свои деньги в мое дело, получит с них только ренту - довольно неплохую, конечно, но и все. Ни возможности проследить за тем, как они работают, ни посетить какие-либо интересующие его предприятия, ни хоть как-то повлиять на политику компании. Вернее - компаний. Вы уверены, что ВАС устроят такие условия?

- А как же ваша затея?

Юсупов пощелкал пальцами, делая вид, что с трудом припоминает название.

- Если не ошибаюсь, «Кинема»? Или «Колизеум»?.. Насколько я знаю, среди дольщиков этих компаний сразу трое молодых великих князей, а член августейшей семьи, Михаил Александрович, даже входит в правление первой. Да и помимо них титулованных компаньонов хватает.

- Эти компании изначально задумывались мной как открытые для всех желающих проекты.

Понимающе покачав головой, а заодно проигнорировав откровенный намек-предложение

прикупить некоторое количество паев, старый дипломат решил, что прошупал собеседника в достаточной мере, чтобы наконец перейти уже к предметному разговору.

– Я как-то больше доверяю заводам и фабрикам, выделяющим что-то материальное, а не делу, чей продукт – развлечение и удовольствие толпы зрителей. Так что, с вашего на то позволения, я бы хотел вернуться к вопросу инвестиций. Как все это будет оформлено документально?

– Долговые обязательства, мои либо компании, вас устроят? С выплатой накопившейся прибыли раз в год.

– Вполне устроят. Скажите, Александр Яковлевич. Несколько моих добрых приятелей имеют схожие с моими заботы. Вы бы не согласились помочь и им в инвестициях? Разумеется, на озвученных вами условиях...

– Вы за них ручаетесь?

– Определенно.

– Ваше слово для меня лучшая рекомендация, Николай Борисович.

Закрепив все соглашения звоном бокалов, аристократы откинулись на высокие спинки стульев.

– Александр Яковлевич, а не могли бы вы в порядке исключения один раз приоткрыть плотную завесу коммерческих тайн? Не поймите меня превратно, но если бы я в разговоре с остальными вашими инвесторами смог упомянуть несколько интересных подробностей... думаю, это хорошо скажется на общей сумме. В большую сторону, разумеется.

– Вы, как и всегда, правы. Что же... В одной из моих компаний разработан способ выделки искусственного шелка – так называемой вискозы. Первые товарные количества ткани начнут поступать на рынок ближе к лету.

Почтенный отец семейства вновь покивал головой, причем явно одобрительно: шелк всегда был в моде и цене. Искусственная ткань будет дешевле, а значит, многие тысячи модниц среднего и малого достатка захотят себе не одно платье на выход, а несколько. Обивка стен и мебели, чулки, белье и прочие женские радости... Кстати!

– А эта ваша вискоза пригодна для артиллерийских картузов?

– Думаю, да, но со всей точностью смогу сказать лишь после завершения ее испытаний в ГАУ.

Юсупов вновь кивнул, радуясь деловой хватке оружейного магната. У такого не только свои, но и чужие деньги всегда будут в полном порядке.

– Инженерам той же компании удалось получить сплав совершенно удивительных свойств, названный победитом. Его твердость и жаропрочность приближаются к показателям алмаза, то есть он исключительно хорош для горнорудной, инструментальной и металлообрабатывающей отраслей. Прибыль от его производства, даже по самым скромным оценкам, превысит триста процентов вложенного капитала. А если сплав немного придержать – на то время, пока устраиваются несколько заводов по выделке инструмента, в коем используется победит, – и продавать уже готовые буры, резцы, пилы и так далее...

Агренов очень выразительно повел глазами вверх, показывая, сколь велика будет конечная

прибыль.

– Метод производства долгое время будет тайной, и есть все шансы монополизировать кое-какие рынки.

– Монополия – это хорошо.

Самолично пополнив бокалы вином, несколько даже помолодевший от столь интересного разговора хозяин решительно сменил тему:

– Сколько средств вы готовы принять?

– У меня хватает проектов и вечно не хватает денег на их реализацию.

– Прекрасно! То есть я хотел сказать – это весьма прискорбное обстоятельство. Что же... обсудим конкретные суммы?

Как-то так получилось, что одна тысяча восемьсот девяносто третий год сиятельный князь Агренов встретил в пути. И не просто в пути, а находясь «на борту» желтого вагона первого класса, прицепленного в середине скорого поезда Санкт-Петербург – Москва. В комфортабельном купе вместе с ним путешествовали вместительный дорожный саквояж, высокая стопка газет и журналов – и маленькая чашечка довольно среднего по своим вкусовым качествам бразильского кофе. Зато он был не молотым, а совсем даже растворимым, и употреблять подобную экзотику во всем мире пока мог только сестрорецкий фабрикант!.. Ну и неизвестные широкой общественности труженики лаборатории номер двадцать три.

– Н-да. Россия в январе – это вам не Ницца в августе.

Выдав это удивительное в своей новизне заключение, Александр достал из саквояжа толстые вязанные носки. Нет, в его купе было тепло, а временами становилось даже и жарковато – вот только вся эта благодать начиналась (или заканчивалась, это уж как считать) сантиметрах в двадцати от поверхности тоненького ковра, устилающего пол. Конечно, можно было бы просто надеть обратно зимние ботинки или забраться с ногами на широкий диван... Но хотелось именно так. Опрокинув в себя остатки заметно остывшего кофейного напитка, оружейный магнат с удовольствием потянулся и придвинул к себе первую из иностранных газет: «И что у нас тут? Гражданская война в Бразилии практически закончилась, небольшая пограничная стычка между Чили и Аргентиной, знаменитый строитель Суэцкого канала Фердинанд Лессепс со своим сыном Шарлем готовится предстать перед судом по обвинению в мошенничестве при сооружении Панамского канала... Надо же, на пять лет может «присесть». Не поделился уворованным, что ли?»

Пробежавшись по ровным строчкам еще одной заинтересовавшей его статьи, путешественник невнятно хмыкнул и отложил печатное слово прочь. В Новой Зеландии всего-то ввели всеобщее избирательное право, распространив оное и на женщин, – а редактор уделил этому событию аж целый разворот. Ну да, как же, покушение на устои привычного миропорядка!.. Подхватив «Wiener Zeitung» недельной давности, молодой мужчина почти сразу фыркнул: на первой странице «Венской газеты» с невероятным трагизмом и тревогой сообщалось, что Российская империя и Сербия вот-вот подпишут торговое соглашение. Новость эта преподносилась так, что даже самому тупому австро-венгерскому читателю сразу же становилось понятно – русские и сербы давно уже сговорились и явно замышляют что-то злое против двуединой монархии вообще и обожаемого императора Франца-Иосифа Первого в частности! И договор – лишь первая ступенька, ведущая... Ну вы понимаете, да?..

«Тоже мне, раскрыли тайну. На Балканах все против всех хоть что-то, да замышляют. Хотя кое в чем этот писака и прав, опасаясь братушек-сербов. Избави бог от таких друзей, а от врагов мы уж как-нибудь и сами отобьемся!»

На взгляд промышленника-аристократа, в роли балканского союзника гораздо лучше (и надежнее) смотрелась бы Болгария. Тем более у нее с Россией есть кое-какие совместные интересы. Да и враг общий имеется. Даже два! Первый – это изрядно одряхлевшая, но все еще большая Османская империя, а второе место стабильно удерживает двуединая монархия. Опять же если оказать болгарам сравнительно небольшую помощь, появится реальная возможность контролировать Проливы. Что еще надо для долгой, – и очень плодотворной дружбы?

– М-да. Мечты-мечты, где ваша сладость! Реальность же, блин, – сплошная гадость...

Пододвинув к себе блокнот, Александр покрыл записями два белоснежных листа. Ничего особенного – так, мысли и некоторые наметки будущих действий. Проглядев оставшиеся развороты, он с большим интересом прочитал о волнениях в самых крупных промышленных городах империи Габсбургов – верные подданные оных непонятно с чего возжелали себе всеобщего избирательного права.

«Никак с Новой Зеландии поветрие занесло?»

«Северогерманская общая газета» больше чем на треть копировала содержание «Венской газеты» – а оставшиеся две трети были заняты рассуждениями о том, насколько же неудержимо Российская империя и Французская республика падают в объятия друг друга, и толстыми намеками на некомпетентность самого первого канцлера Германской империи, герцога Лауэнбургского, Отто Эдуарда Леопольда фон Бисмарка-Шенхаузена. Если бы тот в свое время сам не оттолкнул своих восточных соседей излишне агрессивной политикой и отказом в столь нужных им кредитах... Самое малое – французские петушки надолго перестали бы кукарекать о возвращении Эльзаса и Лотарингии. Кстати, изначально принадлежащих именно германским княжествам.

– Ну-ну. Чем плакаться, лучше войну акцизов прекратите – а то мы с Круппом и Тиссенем каждый месяц по тонне бумаги изводим, оформляя взаимные поставки сквозь все таможи и границы.

В качестве курьеза «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» предлагала своим верным читателям историю некоего изобретателя Гансвиндта, вынесшего на суд научной общественности смелый проект межпланетного корабля, в ракетном двигателе которого в качестве топлива были предусмотрены динамитные шашки.

«Наглый плагиат! Любой историк скажет, что это всего лишь развитие идей царя Ивана Грозного – с пороховой бочкой и изобретателем, привязанным к ней».

– Ладно, о чем там у нас стонет французская пресса?

Весь первый разворот «Le Petit Parisien» был посвящен опять-таки грядущему подписанию дополнительной торговой конвенции с Российской империей, на втором смаковали тот факт, что русская эскадра собирается посетить с дружеским визитом Тулон, а вот на третьем все же удалось прочитать кое-что новенькое – правда, из политической жизни Туманного Альбиона.

– Палатой общин принят второй закон о самоуправлении Ирландии. О как!

Пробежав взглядом чуть ниже заголовка, Александр усмехнулся и продолжил читать текст: «...но он отклонен палатой лордов». – Узнаю старую добрую Англию...

Бегло проглядев последние листки «Пти Паризьен», аристократ встал, немного размял шею и с некоторым сомнением покосился на свой багаж. Затем перевел взгляд на плафоны, на пустую чашку из-под кофе и с легким вздохом преодолел мелкий приступ лени. Из недр саквояжа последовательно появились полдюжины небольших бумажных пакетиков, литровая серебряная фляжка с водой и двухсотграммовый стаканчик из нержавеющей стали, а напоследок – непонятно что, довольно быстро разложившееся в проволочную подставку. Размерами ну прямо в аккурат под донышко стакана.

– Так: какао не хочу, какао с молоком тоже не хочу, простой кофе уже попробовал, а вот кофе со сливками и сахаром – еще нет.

Побросав остальные пакетики обратно, опытный путешественник первым делом достал свою «Бензу» (правда, вместо собственно бензина в ней был чистейший спирт). Затем расположил зажигалку в самой середине подставки, налил в кружку воды, поставил ее на синеватый язычок огня...

«Что у нас осталось? Вести из-за океана и три русских газеты. Что же, самое вкусное – напоследок».

«Дейли ньюс» с первых же своих страниц бодро извещала читателей о том, что акции железнодорожных компаний по-прежнему растут в цене и количестве, – и она же, только на четвертом развороте, робко предупреждала, что такой мыльный пузырь из ценных бумаг ни к чему хорошему не приведет. «Вашингтон пост» таких мелочей не замечала – потому что конгрессмены открыли всем гражданам Северо-Американских Соединенных Штатов свободный доступ на новые земли в Оклахоме. Предварительно отправив всех чероки в выделенную специально для их проживания резервацию. Ну то есть всех тех из некогда большого племени, кто все же умудрился выжить после очередного раунда «мирных переговоров».

«Готовятся к старту Земельные гонки [57]... О, Томас Алва Эдисон удачно отбрыкался от всех обвинений касательно своей помощи изобретателю Тесле в его прижизненной кремации. Ну да, раз свидетелей нет, значит, имел место быть несчастный случай. Хм, он же готовит к открытию первый в мире кинотеатр под названием «Кинетоскоп Парлор». То есть как это первый в мире?!...»

Довольно качественная черно-белая фотография отображала десять шкафоподобных агрегатов, оборудованных глазком-окуляр, – и довольного жизнью изобретателя на переднем плане. Кстати, начинающий киносценарист собирался организовать еще и первую в мире киностудию, заранее обозвав свое начинание «Черной Марией».

«Американцы такие американцы! Весь их мир заключается в их же континенте. Впрочем, насчет кинетоскопов [58] Томас все же прав – такую феерическую хрень до него действительно никто не пытался кому-то впарить».

– Послать ему, что ли, рекламный буклетик «Кинема»?

Отпив несколько глотков кофе, Александр внезапно замер. Медленно поставил кружку на столик, дотянулся до «Пти Паризьен» и пролистал несколько страниц, разыскивая коротенькую заметку, на которую он почти что и не обратил внимания.

«Благодаря усилиям наших дипломатов окончательно установлены границы между Либерией

и Кот-д'Ивуаром».

– Хм, Берег Слоновой Кости...

Взгляд князя на несколько минут остекленел, затем его рука словно сама по себе вывела на бумаге блокнота четыре слова: «Кровавые алмазы Берега Скелетов».

Когда-то очень давно, в прошлой жизни, когда Страна Советов только-только начала распадаться на национальные куски, он часто ходил в видеосалон. И просмотрел там, помимо прочих творений Голливуда, и крепкий приключенческий боевичок – причем именно с таким скромным названием. Да и потом, по мере своего взросления, пару раз читал что-то этакое про всячески угнетаемых западными капиталистами негров Намибии, а также про тамошние алмазы, золото, вольфрам и прочие очень даже полезные ископаемые.

«Вот так номер!»

Где-то с пару минут посидев в полной неподвижности, Александр яростно застрочил в блокноте, едва не прорывая пером «Паркера» прочную конопляную бумагу. Собственно, вариантов действий у него было ровно два: или попытаться хапнуть хоть что-то самому, или продать информацию тому, кто сможет ее реализовать.

«Три! Можно еще устроить совместное предприятие. Вот только с кем? Крупп по самые гланды заглотив наживку с золотом Трансвааля. Значит, Август Тиссен?»

Написав короткое: «Варианты!!!» – князь дважды его подчеркнул. Подумав, добавил еще одно: «Горенин». И заключил оба этих слова в круг. Потянулся было отложить ручку – и его взгляд вновь остановился.

«Помнится, совсем незадолго до той охоты, на которой меня столь удачно шваркнуло молнией, я просмотрел один занимательный фильм – каким же было его название? Вроде бы что-то связанное с археологией?.. Не важно».

вернуться

57

Распределение (или продажа) земли во Французской Луизиане и Оклахоме путем массовой гонки или заезда. Счастливым владельцем участка становился тот, кто первым успевал его достичь. Мнением индейцев при этом, разумеется, никто не интересовался...

вернуться

58

Кинетоскоп имел габариты среднего по размерам шкафа и один окуляр, позволяющий насладиться пятиминутным кинороликом только одному зрителю зараз.

Зато важным было то, что он смог этот фильм вспомнить. Не весь, к сожалению, но кое-что – очень ясно. К примеру, то, что во втором тысячелетии от рождества Христова в Индии найдут удивительно большой клад... Как бишь там название того храма?..

«Прямо вечер приятных сюрпризов!»

Написать что-то еще он попросту не успел – помешал едва слышный стук в дверь.

– Александр Яковлевич?

Впустив старшего звена собственной охраны, скромный путешественник перебросился с ним несколькими фразами, затем посетил то самое место, куда даже императоры ходят в одиночестве, и вновь вернулся в свое купе, не забыв намертво заблокировать дверь при помощи очередной штучки из саквояжа. Затем достал из внутреннего кармана блокнот и в течение получаса усердно его заполнял – с такой самоотдачей, что пришлось даже заправлять ручку новой порцией чернил.

«Только-только решил, что вытряс из памяти все, что мог, – и на тебе, такой подарок!»

Пребывая просто в отличнейшем настроении, фабрикант вернул блокнот обратно. Ненадолго замер, затем с легким вздохом и довольной улыбкой зашуршал дешевой бумагой – бегло, но вместе с тем достаточно внимательно просматривая все оставшиеся газеты.

«И здесь про подписание дополнительной торговой конвенции с лягушатниками! И про сербов не забыли. Планируется ответное дружеское посещение русской эскадрой французского Тулона...»

Отбросив прочь первую газету, Александр не глядя запустил руку в саквояж, чуть-чуть пошуршал чем-то в его глубинах – и вынул небольшой кулечек с грецкими орехами. Мимоходом заглянув в кружку с остатками давно остывшего кофе, он разложил перед собой новое во всех смыслах печатное издание (всего месяц как появилось!) и негромко огласил его название:

– «Аргументы и факты».

Ненадолго перевернул, выискивая данные тиража, после чего одобрительно кивнул – молодец, Сытин, старается!

«Ну-с, приступим к дегустации... Слияние министерств земледелия и государственных имуществ... Угу, все к тому и шло. Высочайше утвержден закон об отмене права крестьянина выйти из общины без ее на то согласия?»

Гладкое, без малейшего намека на усы или бородку лицо путешественника заметно омрачилось, и дальнейшие развороты газеты читались им без прежнего интереса – разве что мелькнули какие-то эмоции в глазах на статье, извещающей всех верноподданных его императорского величества Александра Третьего об основании нового города, именем Новониколаевск [59]. Впрочем, все проходит, и дурное настроение тоже прошло, тем более что российский предприниматель, книгоиздатель и меценат Иван Дмитриевич Сытин смог еще раз порадовать своего компаньона.

– «Российские известия».

Повторив все манипуляции с просмотром выходных данных, совладелец уже второй по счету новой газеты внимательно ее пролистал.

«Интересно, сколько губернских и общеимперских газет уже поменяли своих хозяев? Надо бы навестить светоча русского печатного слова... Опять Франция?!»

Пропустив мимо глаз уже не раз читанные вести, Александр честно «домучил» предпоследний разворот, споткнувшись лишь на репортаже из Лувра – корреспондент описывал сокровища культуры, выставленные в залах и картинных галереях музея-дворца, с таким знанием, будто бы лично выкапывал из земли Венеру Милосскую или стоял за плечом Леонардо да Винчи, когда тот творил свою «Джоконду».

«Кстати, не очень-то пока и знаменитую... О! А это идея!»

Дотянувшись до саквояжа, князь достал ежедневник (в блокноте уже попросту не осталось свободных страниц) и недолго поскрипел золотым пером.

«Однако, сколько подарков на Новый год!...»

Желтый вагон мерно покачивался, постукивая колесами на стыках рельс, а путешествующий в его теплом нутре аристократ Российской империи лежал на диване, закинув руки за голову, и обдумывал небольшую, но очень даже занятную аферу...

– Добрый день, Аристарх Петрович.

Расположившись за столом, глава Русской промышленно-торговой компании первым делом отщелкнул замочки своей скромной папки крокодиловой кожи, выложив у правой руки уже раскрытый на нужной странице блокнот. Затем достал тонкую стопочку листов, разделенных между собой на три части разноцветными скрепками, – и только после этого всем своим видом показал, что готов приступить.

– Начну с самого важного, Александр Яковлевич.

Три листа, скрепленных красной скрепкой, пошли вперед.

– Обнаружены убедительные доказательства нелояльности одной из служанок в вашем сестрецеком особняке.

Быстро проглядев оформленный по всем правилам имперского делопроизводства доклад, хозяин кабинета остановился на нескольких особо заинтересовавших его строчках.

– Хм, старoverы, а конкретно – Рогожская община. Вы уверены, Аристарх Петрович? Не припомню, чтобы у нас с ними были какие-то разногласия.

– Так точно, не было. Думаю, что с их стороны это, так сказать, работа на перспективу.

Помолчав, князь словно бы в раздумье произнес:

– Как вы считаете, тут вопрос денег или же что-то иное? Есть непроверенные сведения, что девушка испытывает ко мне некоторую приязнь.

Вспомнив обстоятельства, при которых он это узнал, Александр с трудом подавил усмешку: шелковые простыни, изогнувшаяся в томной неге Наталья, пара бокалов легкого вина и ее тихий шепот...

– Если это имеет значение, то...

– Нет, пустое. Дальше?

К его удивлению, вечно деловитый Горенин отчего-то замялся.

- Александр Яковлевич, имеются схожие подозрения и насчет вашей... гм, столичной камелии [60]. Прошу дозволения на известные вам мероприятия.

- Это лишнее, Аристарх Петрович, - ее связь с Третьим отделением уже давно не вызывает у меня никаких сомнений.

Услышав подобное откровение, главный аудитор непритворно удивился. Затем удивление перешло в искреннюю досаду, а в памяти всплыли последние встречи с заместителем главного инспектора Купельниковым. Вот какова, значит, подлинная причина его довольных улыбок! Моментально подавив легкую неприязнь к отставному жандарму, бывший чиновник Налогового департамента Варшавы сделал себе мысленную пометочку на память - с тем, чтобы обязательно ответить Ивану Ивановичу подобной же любезностью. На постоянной, так сказать, основе.

- Далее. Операция с господином Радзевским близка к своему успеху. Сей господин не без нашей помощи влез в весьма солидные долги и в данный момент выписал расписок и векселей уже более чем на восемьдесят тысяч серебром. Плюс мы выкупили у сторонних лиц другие его обязательства... за треть цены.

Позволив себе намек на горделивую улыбку, Горенин уверенно предсказал:

- Думаю, вопрос с приобретением акций Коломенского машиностроительного завода будет решен в ближайшие две недели.

- Что же, это определенно радует.

Выйдя из-за стола, аристократ с тигриными глазами самолично налил в два бокала французского коньяка. Небольшой жест доверия и признательности, ничего не стоящий ему самому и очень много значащий для любого из его подчиненных...

- Прошу, Аристарх Петрович. Что там у нас с отделом статистики?

Вдохнув в себя аромат настоящего мартеля, бывший, но ничуть о том не жалеющий титулярный советник бодро отрапортовал:

- Количество служащих довели до штатного, теперь налаживаем рабочий процесс - в частности, ждем прибытия заказанных через Арчибальда Лунева табуляторов Холлерита [61].

Увидев на лице председателя совета директоров молчаливый вопрос, его заместитель-три тут же пояснил:

- Электромеханическое счетное устройство для работы со статистическими данными. С его помощью в Северо-Американских Соединенных Штатах за каких-то пять месяцев обработали все результаты переписи населения!..

Легким кивком дав понять, что объяснения приняты, князь перевел взор на папку, намекая на продолжение доклада по работе аналитического центра.

вернуться

В настоящее время – Новосибирск, третий по численности жителей город РФ.

вернуться

60

Так в конце XX века называли дорогих содержанок.

вернуться

61

Табулятор – электромеханическая машина, предназначенная для автоматической обработки (суммирования и категоризации) числовой и буквенной информации, записанной на перфокартах, с выдачей результатов на бумажную ленту или специальные бланки.

– Суммы на установление дружеских связей с чиновниками трех министерств и Центрального статистического комитета освоены полностью, результат сугубо положительный.

Листки, соединенные зеленой скрепкой, двинулись вперед.

– Работа с окружением членов директората ведется, четверо из них уже достаточно плотно охвачены вниманием.

Не удержавшись, Горенин осторожно заметил:

– Замечены признаки подобной работы и со стороны господина Купельникова.

Получив в ответ небрежный кивок, он послушно продолжил, более не касаясь прозвучавшей темы:

– По внешним делам: агент «Американец» подобран и в настоящее время проходит усиленную подготовку. Александр Яковлевич, необходимо ваше решение – в чем именно будет заключаться его коммерция.

– Смазочные материалы, а также немного абразивов и измерительного инструмента. Со временем возможны поставки текстолитовых подшипников скольжения и ацетиленовых горелок с «Электрогепестом» – для флота.

– Гм. Не слишком ли?

– Япония печально известна своими успехами в копировании и открытом воровстве чужих изобретений и технологий. Предотвратить это мы не в силах, следовательно...

– Надо возглавить и упорядочить этот процесс. С тем, чтобы в нужный нам момент мы могли влиять на поставки?

– Именно.

Быстро записав памятку в блокноте, главный аудитор продолжил:

– По Швеции: есть определенные успехи – негласное наблюдение за ведущими специалистами

и инженерами дает свои плоды, но пока они слишком незначительны, чтобы можно было докладывать о чем-либо конкретном.

Вновь зашуршали блокнотные листы.

- По Германии: проникновение в интересующие нас компании займет, по весьма приблизительным оценкам, от двух до пяти лет, процесс в самом начале. Во Франции дела обстоят гораздо лучше - не в последнюю очередь потому, что объем работ там гораздо меньше.

Последние листы, собранные вместе синей скрепкой, покинули свое место перед Горениным, присоединившись к первой и второй частям доклада.

- На этом у меня пока все. Разве что... возможно, встречи с вами скоро попросит глава компании «Кинема», милейший Константин Эдуардович.

- Вот как... И с какой же целью?

- Сразу несколько великих князей весьма настойчиво желают видеть своих протеже из числа молодых актрис в роли примадонны киностудии. Если он отдаст все главные роли одной, покровители всех остальных дарований весьма этим огорчатся.

Опережая вопрос, главный аудитор произнес с явными нотками сожаления:

- Денег ему пока не предлагали.

Задумчиво хмыкнув, князь не стал ничего говорить - вместо этого он убрал доклад, достал из недр своего стола пару исписанных листов веленовой бумаги и сложенную вчетверо карту Юго-Западной Африки.

- Недавно мне стало известно, что вот от этой отметки и до этой имеются богатейшие россыпи алмазного сырья высокого качества. В связи с этим у меня появились кое-какие мысли, и я просил бы вас, Аристарх Петрович, их оценить.

Всунув листки в карту, оружейный магнат передал ее своему подчиненному - и тут же достал новую.

- Из другого, не менее надежного источника я выяснил примерное месторасположение потерянной казны одного из древних княжеств Индии. ПОКА примерное.

Никаких особых сведений на карте отображено не было - всего лишь небольшой кружок, оставленный грифелем красного карандаша.

- Проработайте вопрос тихого изъятия этой казны. Возможно, вам будут полезны мои наброски...

Сложенный вчетверо лист обычной писчей бумаги лег поверх карты.

- На этом у меня, пожалуй, все.

Аристарх Петрович тут же бережно упрятал невероятно ценные бумаги в свою папку, прижал ее к груди и с нескрываемым почтением удалился, провожаемый хозяином почти до самой двери - масштаб исполняемых и только предстоящих ему дел, да и сам уровень оказываемого доверия дарил такие ощущения, что... Что перед ними постепенно блекли почти все привычные человеческие удовольствия. Вино, изысканные сигары, тонкий флирт

с таинственной (или не очень) красавицей, карты и многое другое пытались и никак не могли сравниться с тем, чем ежедневно занимался бывший титулярный советник. Как же скучно, как же серо и уныло он раньше жил!..

- Ваше сиятельство.

На смену Горенину в кабинет проскользнул один из делопроизводителей московского отделения Русской оружейной компании, чьей почетной обязанностью была доставка свежей прессы на стол любимого начальства. И не важно, присутствует оное в конторе или нет. Вслед за тружеником пера и чернильницы в скромную хозяйскую обитель пожаловала и дородная женщина с подносом в руках - не одной лишь пищей духовной жив человек, приходится и о телесном заботиться!..

В этот раз «подкормкой» выступили сибирские пельмени, зернистая каспийская белужья икра, салат из помидоров и огурцов, выросших в теплицах Сестрорецка, густая сметана из Вологды, китайский чай с ломтиком цейлонского лимона и кусочком тульского свекольного сахара, а также два ломтика наисвежайшего, духмянистого пшеничного хлеба. Последний был безродным сиротой, так как зерно, из коего он и появился на свет, проделало путь столь сложный и многообразный, что проследить его происхождение не было ну никакой возможности. Впрочем, через десять минут это стало абсолютно не важно, по причине полного исчезновения как пельменей, так и хлеба.

- Благодарю, было вкусно.

Устроив животу небольшой праздник, Александр подождал, пока за поварихой закроется дверь, после чего с большим наслаждением зевнул, едва не вывихнув челюсть. Встал, походил и уселся обратно, устроив напоследок самому себе небольшую диверсию путем открытия форточки. Потянулся, широко раскинув руки, и обратным движением зацепил верхнюю из доставленных газет. Что там? «Российские известия»?..

- Ой мороз-мороз, поморозь меня... а то прямо за столом усну. Опа!

Разложив первый разворот перед собой, аристократ со странным удовлетворением огласил текст из передовицы:

- Высочайше удовлетворено прошение его императорского высочества Алексея Александровича о полной его отставке со всех занимаемых им постов.

Довольно улыбнувшись, таинственный и неуловимый венгерский граф Дракула, он же русский князь Агренов, тихо пробормотал себе под нос:

- Так и знал, что такой туше и две пули нипочем!.. Пусть без «хозяйства», зато жив.

Внимательно взглядевшись в фотографию бывшего члена Государственного совета, бывшего Главного начальника флота и Морского ведомства, полного адмирала и прочее и прочее и прочее... Единственное звание, которое не успел получить великий князь Алексей Александрович, младший брат ныне правящего императора, - это прозвище «Семь пудов августейшего мяса».

- Правда, особого счастья по этому поводу на мужественной морде его лица что-то не наблюдается.

«Зато теперь у него должен кардинально улучшиться голос. Да и танцором станет

наипервейшим, хе-хе-хе...»

Еще немного позлорадствовав, удачливый охотник на крупную дичь перекинул с десятков страниц ежедневника и сделал пометочку – о том, что надо бы навестить дорогого (правда, последнее в меру) Сергея Юльевича Витте. Молодой государственный деятель Российской империи в последнее время вызывал в нем одни только положительные эмоции – например, своей нестигаемо твердой позицией патриота. Только появился слух о желании его императорского величества выделить из Таможенного управления пограничную стражу, с одновременным преобразованием оной уже в Отдельный корпус, – как вокруг минфина сразу стали увиваться разные личности, желающие погреть руки на поставках амуниции и всего остального. Но министр, как подлинный радетель о благе Отечества, об этом и слышать ничего не хотел. Потому как уже проверил некий номерной счет, открытый в одном из... Собственно, это ведь абсолютно не важно, в каком именно банке?.. Главное, что через неделю после этого Русской оружейной компании предложили обсудить возможность большого контракта. Новая, очень удобная и ноская форма, маскбалахоны и плащ-палатки, фляжки-котелки из алюминия и карабины «Агрень» – для нижних чинов. Пистолеты-карабины «Кнут», бинокли и полевая телефония для господ офицеров. Ну и колючая проволока: простая «Егоза» и в виде спиралей Гreve – «на радость» контрабандистам. А через полгода у владельца все той же самой компании, вполне возможно, появится и зародыш собственного банка – в виде сберегательных касс взаимного кредита.

«Надеюсь, мое скромное участие поможет Витте продать свой вариант с местом размещения новой военно-морской базы флота. Если Либава пролетит, а Мурманск появится на картах империи раньше на двадцать три года – знакомая мне история наконец-то начнет изменяться».

Оскалившись на мгновение в свирепой ухмылке, князь сплел пальцы в замок.

– Заодно и я, многогрешный, немного погрею руки на строительстве железной дороги и самой базы.

А уж какие откроются возможности! Еще со школьной поры Александр помнил, что Кольский полуостров – просто-таки уникальное образование по части всяких полезных ископаемых. Никель, платиновая группа металлов, железо, редкозем вроде бериллия или титана, сырье для фосфатных удобрений и алюминия, месторождения ювелирных и полудрагоценных камней...

– М-да. Вот только где бы взять батальон, а лучше сразу полк геологов?

Немного помечтав о грядущих славных временах, хозяин кабинета внезапно встрепенулся. Раз уж он так дружит с Витте, то надо бы позаботиться и о том, чтобы в будущем Китайско-Восточную железную дорогу строили не на казенные средства с добавлением французских денег, а совсем даже наоборот. Процентом десять участия казны, а остальное пусть добавят Ротшильды и банкиры помельче – самое оно будет!.. Насколько он помнил, во время возведения дороги строителям регулярно приходилось отбиваться от хунхузов, затем во время восстания ихэтуаней в тысяча девятисотом году brave китайские крестьяне растащили и разломали семьсот верст готового пути, мимоходом перебив часть строителей. А через пять лет, после поражения в русско-японской войне, большая часть КВЖД и вовсе перешла под контроль островной империи. Спрашивается – и зачем тогда все затевалось?

«По всей видимости, чтобы помочь бедному и технически отсталому Китаю обустроить одну из своих самых малолюдных и бедных окраин. Дело, кстати, очень хорошее – если затем отжать эту провинцию под себя. Но что-то как-то оно сомнительно... Значит – строить будем,

но на французское золото, русскими строителями и техникой, а в документах не забыть предусмотреть пункт об обстоятельствах непреодолимой силы – и пусть китайцы потом рельсы крадут и шпалы жгут себе на здоровье!.. Хм. Или лучше вообще ничего не строить, а сначала решить вопрос с принадлежностью Южной Маньчжурии? Надо все хорошенько обдумать».

Отложив газету в сторонку, Александр вытянул из жилеточного кармашка золотую луковицу часов, щелкнул крышкой и тут же начал собираться: подходило время немного повращаться в светском обществе, путем участия в устраиваемом графом Сумароковым-Эльстоном небольшом приеме. Всего-то тридцать – сорок гостей! «Можно сказать, посидим тесным уютным кружком».

Уже на выходе из конторы он вспомнил, что на прием может пожаловать великий князь Сергей Александрович, официальный покровитель художников и скульпторов, а неофициально – предводитель секс-меньшевиков древней столицы. Не зря же после его становления московским генерал-губернатором некоторые записные остряки начали печально шутить, что, мол, раньше Москва стояла на семи холмах, а теперь вот на одном бугре [62]...

«Опять будет вымогать пожертвования на свой Музей изящных искусств!»

Остановившись и немного поразмыслив, аристократ печально вздохнул. Слишком много интересных ему людей будет на этом приеме, так что тут не до чистоплюйства – личные знакомства на пустом месте не появляются. Но как же неохота идти! Поймав экипаж и усевшись на чуть припорошенный снежинками диванчик, Александр вспомнил про оставленную в кабинете газету, затем мысли его перескочили на его императорское высочество Алексея Александровича, его стараниями потерявшего небольшую, но очень важную для любого мужчины часть организма. Настроение вновь повысилось до отметки «отлично», а в голове сами по себе стали появляться идеи насчет ущерба уже для тушки знатнейшего и именитейшего мужеложца Российской империи.

«Впрочем, его и без меня вполне прекрасно взорвут эсеры. Карета вдребезги, самого на клочки, голова на одной крыше, ноги на другой, кишки на третьей...»

– И чего это я так на него взъелся? Милейший же, в сущности, человек!

Но оглянувшийся на его тихие слова извозчик услышал совсем другое:

– Большой Харитоньевский переулок, голубчик, да побыстрей.

Довольно поздним утром воскресного дня напротив трехэтажной громадины Московского Александровского женского института остановился потертый фаэтон.

– Благодарствуем, вашсиясво!..

Упрятав серебряную монетку куда-то в недра своего темно-синего извозчицкого кафтана, «водитель» рыжего мерина замер в ожидании нового клиента – а его недавний пассажир, поддернув рукава своего дорогого пальто и мельком оглядевшись по сторонам, направился к входу в учебное заведение.

– Господин?..

– Князь Агрениев с визитом к воспитаннице Ульяне Вожиной.

- Извольте немного обождать, ваше сиятельство.

Впрочем, ожидания как такового почти что и не было – две минуты спустя пожилой швейцар принял на руки верхнюю одежду аристократа, а подошедшая классная дама легким жестом пригласила попечителя одной из ее учениц следовать за собой.

- Bonjour, oncle Sacha [63].

- Bonjour, Ouliana [64].

После обмена приветствиями молодой аристократ повернулся к и не подумавшей оставить их наедине классной даме, с легким недоумением вздернув правую бровь:

- Мадам?..

После чего та все же соизволила отойти на несколько шагов в сторону.

- Держи, красавица.

Вручив девочке небольшое письмо от Савватая и дюжину фотокарточек, на которых счастливый отец то крепко обнимал любимую супругу, то неловко, но очень бережно держал на руках трехмесячного сына, крещенного Александром (командир, вы не думайте чего, это в честь дедушки Марыси!), попечитель тактично отвернулся, рассматривая зал для свиданий с посетителями.

«Ну что сказать, миленько. Вроде бы в прошлый раз шторы были темно-зелеными? И горшки с цветами располагались как-то по-иному. Ох уж эти женские забавы с вечными перестановками и изменениями в интерьере!»

Впрочем, разглядывания довольно скоро пришлось прекратить: услышав влажные похлупывания покрасневшего носика, попечитель тут же присел рядом, бросив предостерегающий взгляд на встрепенувшуюся классную даму. Слегка прижал к себе юную Вожину, ловким жестом вытянул из кармашка белоснежный платок...

- Возьми.

- Благодарю вас, у меня свой.

Спрятав платок обратно, князь нахмурился в искреннем недоумении.

- Как учеба?

Покосившись на классную даму, ученица с готовностью призналась:

- Юлия Сергеевна мною довольна, а один раз похвалила и сама мадам инспектриса.

- Это радует. Успокоилась? Вот и хорошо. Как твои соученицы, подружилась ли ты с кем из них?

- Пока еще нет.

Недоумение аристократа медленно переходило в недовольство.

- Тебе здесь нравится? Нет ли каких жалоб?

- Благодарю, нет. Разве что... А почему меня перестал навещать дядя Гриша?

Наблюдая за тем, как тонкие девичьи пальчики нервно теребят набравшийся слез платок, оружейный магнат медленно, словно бы в раздумье, ответил:

- Ему пришлось уехать в деловую поездку. Надолго.

- Вот как...

Немного помолчав, мужчина с легким интересом спросил, чем же заполняет свободное время его подопечная.

- Мы рисуем, вышиваем, вяжем, читаем, иногда занимаемся хоровым пением, разучиваем песни, романсы и стихи.

«А побегать-попрыгать, побеситься вдоволь?..»

- Не обижают ли тебя другие воспитанницы?

- Нет, что вы!..

«Опять ложь».

- Хорошо. Теперь, пожалуйста, посмотри прямо на меня.

Мягко забрав письмо и фотокарточки, Александр едва заметно улыбнулся:

- Я рад, что ты такая способная ученица. По крайней мере, лгать тебя уже научили.

Уложив фотокарточки в конверт, а уже его надежно устроив во внутреннем кармане, князь, по-прежнему улыбаясь, признался:

вернуться

62

Бугор - русское сленговое название мужчин нетрадиционной ориентации в конце XX века.

вернуться

63

Здравствуйтесь, дядя Саша.

вернуться

64

Здравствуйтесь, Ульяна.

- Похоже, я сделал ошибку, поместив тебя в стены этого заведения. К счастью, это можно

довольно быстро исправить, переведя тебя на домашнее обучение. Ты этого хочешь?

Покосившись на скучающую классную даму, Ульяна истово закивала.

- Тогда перечисли мне причины, по которым это надо сделать.

Вновь скосив глаза на Юлию Сергеевну, ее ученица тихо-тихо призналась:

- Другие девочки меня постоянно дразнят и обижают. Говорят, что я нищевродка и деревенщина. А мадам Эльза Францевна сильно ругает меня, когда я плохо решаю задачи по геометрии!..

- Довольно. Насчет твоей так называемой нищеты они сильно ошибаются - ты моя воспитанница, и по достижении должных лет твое ЛИЧНОЕ состояние будет исчисляться миллионами. Кроме того, твой отец уже сейчас вполне богат, а со временем наверняка многократно приумножит свой капитал и получит личное дворянство. Впрочем... это не важно. Ступай, собери свои вещи и немедленно возвращайся.

- Да, дядя Саша!!!

- Mademoiselle Ouliana!.. [65]

Шагнув наперерез резко взволновавшейся классной даме (как же, ее ученица продемонстрировала удивительно дурные манеры, сначала бросившись на шею своему попечителю, а потом убежав прочь с громким и счастливым смехом!), Александр вежливо поинтересовался:

- Мадам, не могли бы вы проводить меня к госпоже инспектрисе?

- К сожалению, сейчас она находится вне пределов института. Возможно, ваше дело могу разрешить и я?

- Возможно. Изменившиеся обстоятельства не позволяют Ульяне Вожиной продолжить обучение в вашем, не побоюсь этого слова, великолепном заведении. Разумеется, годовая плата остается за вами.

- Но как же?..

- Взамен мне бы хотелось приискать для моей подопечной хорошую гувернантку. Условий всего два: она должна быть умной и красивой.

- Но это совершенно невозможно - столь внезапно забрать воспитанницу, и... Князь! Нет, вам совершенно необходимо дожидаться возвращения госпожи инспектрисы!..

- Увы, те же самые обстоятельства стесняют и меня. Но я могу направить к вам своих юристов и уладить наше небольшое дело официальным порядком. Или все же ограничимся моим поверенным?

Приглушенный коврами дорожками топот юных ног поставил окончательную точку в их коротком споре.

- Мадам, прошу вас распорядиться о верхней одежде для девочки.

Впрочем, буквально невменяемая от счастья ученица была готова выбежать

на позднефевральский снег в одном только платье и легких туфельках – так ей не хотелось задерживаться в «любимом» институте.

– Спасибо, спасибо, спасибо!!!

Показав язык видневшимся в одном из окон второго этажа девичьим личикам, довольная Ульяна отвернулась, всем своим видом выражая презрение. Затем отцепилась от руки обожаемого дяди Саши и чинно поднялась в подкативший санный экипаж – а за ней и сам князь, чувствующий некоторые смущение и вину.

«Можно подумать, что у меня не хватило бы денег заплатить за ее обучение на дому! Полезные связи и знакомства... Откуда они возьмутся, если Улька почти не выходит за пределы гимназии? Дур-рак! Оставив все как есть, получил бы на выходе кого-то вроде выпускницы Екатерининского института благородных девиц: жеманную кокетку с томным взглядом и вечным голодом по части великосветских развлечений и удовольствий плоти».

– Уля.

Активно вертевшая головой по сторонам девочка тут же присмирела, непроизвольно выпрямив спинку.

– За твоё терпение и успехи в изучении французского тебе полагается награда.

«Заодно она хоть немного успокоит мою совесть».

– Чего бы ты хотела?

Серые глазки стрельнули по сторонам, затем юная воспитанница что-то тихо прошептала.

– Прости, я не расслышал?

– Я хочу съездить к маме и увидеть братика!..

Припомнив свое расписание на ближайшие две недели, Александр с сожалеющим вздохом признался:

– Сам я с тобой поехать не смогу. Как насчет путешествия с сопровождающим?

– У-у-у!..

– Тогда надо будет немного обождать, пока я не освобожусь от дел. Примерно через две недели.

– Ага.

Слегка успокоив совесть, аристократ довольно улыбнулся. Впрочем, его хорошее настроение довольно скоро уступило место привычной внимательной собранности – потому что в московской конторе Русской оружейной компании ее владельца встретил его превосходительство тайный советник Российской империи. Кавалер орденов Святого Станислава первой степени, Святой Анны первой степени и Святого Владимира второй степени – а также сербского ордена Белого Орла, черногорского имени князя Даниила второй степени, и даже австрийского Командорского Креста Франца-Иосифа. Первый почетный гражданин города Царицына, член правления Волжско-Камского банка и Северного страхового общества, казначей товарищества Мальцевских заводов и общества «Нефть»... Короче,

навстречу сестрорецкому фабриканту из весьма удобного кресла неторопливо поднялся сам коммерции советник Петр Ионович Губонин.

– Добрый день, Александр Яковлевич. Вижу, что я не совсем вовремя, но все же надеюсь, выделите мне время для важного разговора.

– У меня всегда найдется время для своих компаньонов, Петр Ионович. Прошу, располагайтесь, я присоединюсь к вам буквально через пару минут.

Прикрыв дверь за влиятельным членом московской купеческой общины, Александр слегка развел руками и состроил на лице выражение легкой досады:

– Те самые дела. Впрочем... пойдем со мной.

На счастье и удачу князя, его личный порученец нашелся в своем кабинете. Причем был он там не один, а в обществе своей невесты Шарлотты – будущая семейная пара довольно мило ворковала, попутно обсуждая очередной заказ оптических линз для нужд Ковровского завода кино- и фотоаппаратов.

– Добрый день, Валентин Иванович. Фройляйн Розенвальд, вы, как всегда, неотразимы!..

Повторяя его приветствие, в аккуратном книксене присела Ульяна.

– Вы сейчас заняты?

Вопрос был скорее риторическим, и все присутствующие это ясно понимали.

– Прекрасно. Вот этой юной мадемуазель требуется полностью обновить свой гардероб...

Скромная приказчица первого класса моментально поняла все перспективы «небольшой» просьбы аристократа, и надо сказать, что возможность провести день (а то и два) в увлекательнейшем путешествии по московским пассажам и дорогим портнихам ее совершенно очаровала. Тем более что со стороны собственного начальства никаких нареканий на подобную праздность и быть не могло – они ведь сами постоянно напоминали ей, чтобы она всячески налаживала и укрепляла хорошие отношения со столь крупным клиентом, как князь Агренов!..

– Какие-то ограничения или пожелания?

– Никаких, Валентин Иванович.

Увидев мечтательную улыбку, заигравшую на коралловых губах его обожаемой Лотты, оживился и сам Греве – благодаря князю у него появлялся прекрасный шанс подобрать будущей супруге пару небольших безделушек. Воспитанная в очень строгих правилах, девушка не принимала его подарки просто так – зато вполне благосклонно относилась к вещицам, предлагаемым ей с серьезным обоснованием. Например, небольшой гарнитур из цепочки, серег и брошки белого золота с рубинами прекрасно дополнил бриллиантовое колечко, надетое на тонкий пальчик в честь их помолвки. Или вот внешне вполне обычный, но на самом деле очень дорогой ежедневник в «женском» исполнении, в коем одна только ручка тянула как минимум на полсотни рублей – нельзя же допустить, чтобы девушка забыла что-то важное?.. А довольно невзрачные наручные часики в скромном корпусе червонного золота позволяли госпоже приказчице первого класса никогда не опаздывать на деловые (три раза «ха-ха»!) встречи.

- Все будет в лучшем виде, Александр Яковлевич!..

- Вот и славно.

Приложившись с легчайшим намеком на поцелуй к ручке Шарлотты и легонько дернув за косичку свою воспитанницу, мужчина ободряюще ей улыбнулся:

- Увидимся позже.

Шагая по направлению к своему кабинету, «владелец заводов, газет и пароходов» пытался угадать, о чем же таком срочном возжелал поговорить с ним коммерции советник Губонин – и по всему выходило, что обсуждать они будут плохое здоровье отставного генерал-майора Сергея Ивановича Мальцева. Или – князя Николая Борисовича Юсупова. Их скорый (к большому, очень большому сожалению!) уход из коммерческих дел и из самой жизни не вызывал уже никаких сомнений, хотя оба ветерана и бодрились изо всех сил, изображая из себя обладателей железного здоровья.

вернуться

65

Мадемуазель Ульяна!

- Вина? Кофе или чаю? Быть может, сигару?

- Вынужден отказаться – я недавно отобедал. Да-с!

Пожилой промышленник и меценат легонько потер набалдашник массивной трости, собираясь с мыслями.

- Зная, как вы не любите долгих вступлений, Александр Яковлевич, сразу перейду к главному.

Оставив трость в покое, Петр Ионович мимоходом огладил свои ухоженные усы и бороду.

- Правление Волжско-Камского банка, чьи интересы в данный момент я представляю, предлагает князю Агреневу стать пайщиком банка на весьма выгодных условиях и на равных войти в правление.

Повисшая в кабинете тишина длилась до неприличия долго, а затем последовал вполне ожидаемый вопрос об условиях подобной благодати.

- Необходимое количество паев вам продадут по их номинальной стоимости – это примерно триста – четыреста тысяч на ассигнации. Взамен вы допускаете банк в ваши проекты.

Увидев, как недоуменно изогнулись брови аристократа-промышленника, его собеседник добродушно уточнил:

- Например, в ваши Оружейную, Аграрную и Торгово-промышленную компании.

- Лестное предложение. Даже – невероятно лестное. Но, увы, вынужден его отклонить.

- Почему же?

- Зная некоторых моих инвесторов...

Хозяин кабинета весьма выразительно поглядел вверх, отчетливо намекая на августейшую семью и некоторых великих князей.

- ...вы должны понимать, что я связан определенными условиями и ограничениями. Впрочем...

Александр в неподдельной задумчивости потер подбородок.

- Скажите, а участие в ОТДЕЛЬНЫХ направлениях деятельности Аграрной компании, Торгово-промышленной и Лесоторговой не устроят ваших доверителей? Уверю вас, на каждый вложенный рубль они получат самое малое два.

- А как же ваши дела на Дальнем Востоке?

- С превеликим нашим удовольствием!

- Кыштымский промышленный район и Ковров?

- Увы, тут я связан по рукам и ногам.

- «Кинема» и «Колизеумы»?

- Буду только рад.

Пожилой промышленник понимающе улынулся: собственно, он и не надеялся на то, что Агренев допустит кого-то к своим высокотехнологичным производствам. Но попытка не пытка, не правда ли?

- Что же, думаю, главное уже прозвучало. А мелкие подробности утрясут наши помощники – вы согласны?

- Более чем, Петр Иванович.

Проводив дорогого (в пределах двадцати миллионов рублей личного состояния) гостя и компаньона до нижней ступеньки конторского крыльца, Александр в самом превосходнейшем состоянии духа отправился было обратно, мурлыкая себе под нос что-то вроде:

- Дела идут, контора пашет...

Но на полпути резко остановился и развернулся на каблуках. Прислушался, затем привалился плечом к дверному косяку и замер в недолгом ожидании.

- Прямо и не спрятаться мне от тебя, не скрыться, Евграфий Иванович. Служба?

Дюжий фельдъегерь с роскошными усами, тронутыми легкой сединой, стряхнул с плеч последние следы снега и с почтительным поклоном пожал протянутую ему руку.

- Она самая, ваше сиятельство!

Протягивая отягощенный всего тремя сургучными печатями конверт, государственный курьер четко щелкнул каблуками и проинформировал аристократа:

- Приказано дожидаться ответа.

Расписавшись на внешней оболочке и отдав ее старому знакомцу, князь с легким треском сломал маленькую капельку сургуча и вчитался.

- Хм, довольно неожиданно. Прошу за мной.

Добравшись наконец до своего кабинета, Александр быстро набросал пару строк в самой что ни на есть почтительной манере. Вложил листок в конверт веленовой бумаги, заклеил его, после чего положил на самый уголок стола и подошел к бару, лаконичными движениями наплескав курьеру польской зубровки, а себя удостоив тягучего испанского вина.

- Здоровье его императорского величества!..

Глава 12

За пять минут до полудня первого марта одна тысяча восемьсот девяносто третьего года к проходной Сестрорецкой оружейной фабрики подъехали разом два экипажа. Слишком близко подъехали, фактически перегородив весь проезд, поэтому возмущенные сторожа совсем было собирались высказать извозчикам и их пассажирам пару ласковых слов – но, увидев в руках одного из них «вездеход», а в нем – тройную сине-зелено-красную полосу и штрих-пунктир черной, сразу же поостыли. Освидетельствовав же удостоверение-пропуск поближе, охрана и вовсе утратила прежнее рвение. И то сказать – стоит ли высокому начальству и его охранителям пачкать свою обувь в весенней грязи, когда есть все возможности этого избежать?

- Ба, кого я вижу! Уж не Аркадий ли Никитич решил почтить нас своим присутствием?

- Иммануил Викторович!..

Двое добрых приятелей и некоторым образом даже соратников от всей души обнялись.

- Когда же мы в последний раз с вами виделись?

- Да уж не меньше чем с полгода тому назад.

- Изрядно!..

Внутри фабрики охрана членов директората особо не усердствовала, ограничиваясь ненавязчивым сопровождением на удалении, поэтому два маньяка от станкостроения без каких-либо помех разговаривали на общие для них темы, мимоходом родив пару довольно интересных идей, – и продолжали бы говорить и дальше, если бы гостеприимный хозяин вовремя не спохватился. Не просто так ведь к нему пожаловал Лазорев? Его сиятельство нагружал своих директоров так, что времени на праздные поездки вообще не оставалось!..

- О, поводов хоть отбавляй, друг мой: во-первых, начальник Сестрорецкого казенного оружейного завода попросил укомплектовать свое инструментальное производство несколькими высокоточными станками. Во-вторых, я надеялся немного пограбить этого достойного господина на предмет одного-двух высококласных мастеров...

- Опоздали.

- В смысле?

- Так я уже ограбил этот несчастный завод на всех более-менее приличных мастеровых - теперь вот в качестве компенсации приходится обучать для господина Мосина некоторое количество токарей и слесарей.

- М-да. А где берете учеников?

- Да где и обычно - разорившиеся или ищущие лучшей доли крестьяне и рабочая молодежь.

- Печально, очень печально.

- Вам ли жаловаться, Аркадий Никитич?

- Ну как сказать... Не так давно я, на свою голову, уговорил Александра Яковлевича заняться еще одним направлением - турбинами и двигательными установками на их основе. Вот только использовать иностранных рабочих и специалистов мне запрещено - а русские мастера сравнимой с ними квалификации все поголовно заняты на других проектах.

Откровенно намекающий взгляд и интонации скрытой надежды Герт самым наглым образом проигнорировал. Вот еще чего! Ему самому мастеровых пятого или шестого разряда не хватает!..

- Действительно, печально. А третья причина вашего появления?

- Небольшой заказ на ваше производство.

Приняв оформленную по всем правилам заявку и быстро пробежавшись по ней глазами, Иммануил Викторович на пару секунд задумался, после чего утвердительно кивнул:

- Через месяц начнем отгружать.

Довольный Лазорев (ну хоть что-то быстро уладилось!) хотел было уточнить мелкие детали заказа, как заметил вдалеке идущих быстрым шагом Луцкого и Бенца - причем эти во всех смыслах достойные господа едва ли не бежали, а вдобавок к этому еще и бурно жестикулировали. Стоило им скрыться за углом одного из цехов, как по их следу пробежала дюжина мастеровых, тащивших какие-то непонятные детали, затем в обратную сторону прошел-промчался явный гонец...

- Я смотрю, у вас тут оживленно?..

- Где? Ах это!..

Как-то неопределенно хмыкнув, Герт увлек своего гостя в другую сторону, подальше от явно чем-то взбудораженных директоров автомобильного и моторостроительного направлений.

- Это у них, как выражаются на флоте, настоящий аврал. Где-то с неделю назад стало известно, что его императорское величество изволил проявить интерес к некоторым техническим новинкам Русской оружейной компании - тем, которые сами передвигаются на колесах. Выставка-демонстрация состоится через две недели, вот Борис Григорьевич с Карлом Фридриховичем и готовятся изо всех сил. Да и мне от этого переполоха тоже досталось - все их заказы делаем в ущерб остальным, часть мастеровых пришлось отрядить им в помощь...

Недовольно нахмурившись, станкостроитель пошевелил усами:

- Безобразие, одним словом!..

Явно желая отвлечься от неприятных размышлений, он же первый и сменил тему:

- Не желаете ли освидетельствовать опытное производство? Там как раз готовят к серийному производству токарный станок нового типа.

Окунувшись в родную стихию, приятели довольно быстро позабыли обо всем, вдобавок заговорив фразами, чуть ли не целиком состоящими из одних технических терминов: шпиндель, опорная бабка, зенкерование и фасонная расточка, суппорт, токарно-револьверный и лоботокарный станки... Самое же интересное, что мастеровые опытного производства отвечали на их вопросы в такой же непонятной манере - да и вообще, не стеснялись и самостоятельно подойти с какой-нибудь проблемой к двум членам директората, устроившим себе небольшую экскурсию по станкостроительному раю.

- Знаете, Иммануил Викторович, я вам определенно завидую - куда ни глянь, везде работа кипит, дела движутся. Не то что у меня: стоит одну проблему разрешить, как тут же три новых появляется. М-да!..

- Это вы меня перехваливаете, батенька.

Прямо на ходу что-то обдумав, Герт повел дорогого гостя за собой.

- Узнаете?

- Как же! Помнится, именно сюда меня и не пустили при первом моем визите на фабрику.

- Надеюсь, ваш интерес не пропал?

- Обижаете, Иммануил Викторович, когда это я отказывался узнать что-то новое?

- Тогда прошу.

Предъявив свои «вездеходы» в развернутом виде и подождав, пока охрана их внимательно освидетельствует и сделает записи в журнале посещений, два станкостроителя прошли в закрытые «красные» цеха. В принципе изнутри они ничем от обычных не отличались, разве что окна были расположены так, что, сколько в них ни заглядывай, все одно ничего не увидишь, да мастеровые выглядели слишком... представительно, что ли. А у некоторых, самых молодых, просто-таки на лицах было написано, что они учились в Императорском Московском техническом училище. Узнав, что так оно и есть, гость только и смог, что покачать головой в непритворном изумлении:

- Однако вы большой оригинал, Иммануил Викторович, - использовать инженеров в качестве рабочего персонала! Кхм. Александр Яковлевич в курсе?

- Разумеется. Более того, это есть прямое развитие его идей с отслеживанием перспективных выпускников ИМТУ, а также написания ими дипломных проектов на интересующие компанию темы.

- В каком смысле?

- Если эти молодые люди смогут добиться убедительного успеха на выбранной стезе, их ждет «золотой контракт» - и смею вас заверить, подобная перспектива недавних выпускников более чем устраивает. Вон та тройца выбрала для себя гидравлику, те двое - пневмосистемы, следующая тройка работает над проблемами холодной и горячей штамповки...

- Прошу прощения, что перебиваю, штамповки чего?
- Ну в основном снаряжных и патронных гильз из стали.
- И что, уже есть какие-то успехи?
- По снарядам да - общий процесс разработали, теперь подбираем материалы и режимы обработки. С патронными гильзами сложнее, но и тут есть определенные подвижки...

Прикинув, какая экономия выйдет для Военного ведомства в том случае, если вместо дорогих латунных снаряжных гильз получится использовать дешевые стальные, Лазорев едва удержался от вульгарного посвистывания. Потому что счет-то шел, господа, на миллионы! Поделившись своими выводами, Аркадий Никитич был жестоко разочарован: оказалось, что подобное производство высокорентабельно лишь в военное время, когда боеприпасы на складах подолгу не залеживаются.

- Насколько я знаю, Грум-Гржимайло в числе прочего работает над высокопрочной пластичной сталью для тонкостенных снарядов - вот там действительно успех многое сулит.

Вновь все хорошенько обдумав, мужчина молча согласился: действительно, какой же артиллерист откажется от возможности запихать побольше взрывчатки в снаряд? Особенно же обрадуются подобной новинке в Морском ведомстве - в отличие от сухопутных воителей, у них ограничений на вес боеприпасов нет, да и калибры куда как солиднее.

- А над чем у вас работают за той перегородкой?

Миновав внутренний пост охраны и направляясь к группе из десятка довольно странных на вид станков, Герт негромко ответил:

- Общее название этого проекта - «Роторно-конвейерные линии» [66]. Одна из самых, не побоюсь этого слова, интереснейших идей Александра Яковлевича! Смысл же ее в том, чтобы разбить технологические операции на отдельные элементы, с невероятной быстротой выполняемые специальными роторами-каруселями, на которых закреплен весь необходимый инструмент...

За пару минут объяснив всю суть нового начинания, маньяк-станкостроитель ласково, даже можно сказать - нежно погладил окрашенную серой краской поверхность:

- Проект весьма сложный, но вместе с тем очень важный для будущности империи...

Иммануил Викторович на мгновение запнулся, но все же нашел в себе силы признать:

- ...и хотя по части его реализации уже довольно много сделано - боюсь, завершать его все же буду не я.
- Отчего же такой пессимизм?
- Потому что на одну решенную проблему в этом проекте сразу появляются десять новых.

Пару мгновений постояв рядом со своим детищем, управляющий сестрорецким станкостроительным производством решительно отвернулся.

- Кстати, вы уже знаете о весьма остроумном изобретении господина Лодыгина?

- Каком именно? У него их, насколько я помню, довольно много.

- Самом последнем. Александр Николаевич разработал довольно оригинальный способ проверять отливки для артиллерийских стволов на скрытые раковины и трещины – а я его приспособил для контроля станин и прочего массивного литья. Не желаете взглянуть?

Разумеется, Лазорев желал. Больше того, узнав, что установка магнитной дефектоскопии уже полгода как проходит испытания, работая на благо его коллеги – а ему про нее так до сих пор никто и не рассказал, – он впал в глубокую задумчивость. Как же это он пропустил такую новинку?

- Помилуйте, Аркадий Никитич, а разве вам не дают время от времени на ознакомление синенькую такую брошюрку с довольно неприятным грифом секретности?

Фанатик прецизионного станкостроения порылся в памяти, после чего самокритично признал – сам дурак. Но кто же знал, что среди сухих отчетов, разнообразных планов и длинных перечислений всего того, что выпускают компании его сиятельства, попадаются такие жемчужины?

- Друг мой, заведите себе привычку обязательно просматривать три последних странички – и уверяю вас, вы откроете для себя немало интересного.

Наблюдая за тем, как крупную заготовку для станины посыпают ярко-желтым магнитным порошком, директор Ковровского промышленного района вздохнул:

- Н-да, опередили вы меня с этим магнитоскопом.

- В смысле?

- Да вот, хотел похвалиться, что в моем хозяйстве вполне успешно ведутся работы по созданию большой установки схожего назначения, только на базе икс-лучей Пильчикова. Думал – удивлю, а получилось совсем наоборот.

- Отчего же, вы меня вполне удивили. А что, икс-лучи не только тело человеческое, но и металлы свободно пронизывают?

- Точно так. А что, в информационном бюллетене этого не упоминалось?

- Увы. Да и вообще, в нем пишут далеко не все. Вот, к примеру, освоили мы недавно производство многослойных пружин для нужд наших оружейников. Это в брошюрке есть. А как именно произошло это довольно важное изобретение – нигде не упомянуто. А ведь случай-то курьезнейший! Прошу вас.

Выйдя из цеха на свежий воздух, Герт щелкнул крышкой часов и, вызвав к жизни тонкие звуки музыки, радушно предложил гостю выбирать между отдельным кабинетом фабричной столовой и своим кабинетом в управе, после чего продолжил раскрывать тонкости изобретательской науки:

- Есть у меня мастер на опытном производстве по фамилии Бусыгин. Светлая голова, – думаю, со временем и до начальника цеха дорастет. Вот он эти пружины и изобрел – и знаете как? Дома чай пил, а у дочки коса немного расплелась. Посмотрел он, как она ее в порядок приводила, а на следующий день пришел на работу, да и сделал то же самое прутками стали разных характеристик. Проковал их, растянул, обработал как следует, пару месяцев испытывал

по-всякому... Вот так и появились у компании многослойные пружины.

вернуться

66

Роторные и роторно-конвейерные линии – комплекс оборудования, в работе которого используется принцип ротора, позволяющий в десятки раз увеличивать производительность труда.

– Да, занятно.

Дальнейшую беседу пришлось резко оборвать, потому что мимо двух директоров со звонким тарактением моторов проехала целая колонна самобеглых повозок и экипажей: первыми пяток мотоциклеток, за ними три мотоколяски производства завода Яковлева, и замыкающими шли трицикл с квадроциклом [67]. Не успел Лазорев задать буквально повисший на языке вопрос, как в том же направлении проследовали «тяжеловесы» автотранспорта – мотоколяски, закрытые и открытые экипажи и даже широкая громадина тентованного грузовика.

– И вот так, почитай, каждый день, да не по разу!..

Завывая мотором, из-за дальнего цеха вылетел и промчался мимо опасливо отшатнувшихся мужчин какой-то несуразный уродец, у которого вместо задних колес было что-то вроде трех роликов с растянутой между ними транспортерной лентой.

– Представляете, Аркадий Никитич?!

Тот, оторвав взгляд от летящего на опасно высокой скорости (верст десять в час, поди, будет?) механического «кентавра», обратил свое внимание на кусочки подтаявшего снега, обляпавшие его ботинки и нижнюю часть брюк, после чего искренне разделил негодование друга:

– Безобразие!..

Гатчинский дворец, отстроенный еще в «век золотой Екатерины» ее нежным другом и фаворитом Григорием Орловым, а потом кардинально перестроенный по всемилостивейшему повелению его императорского величества Павла Петровича, на своем веку пережил и запомнил немало. Шепот утонченного флирта с томными фрейлинами, звонкую поступь гвардейских сапог, звуки армейской муштры-шагистики, сияние штыков – и скорбную тишину вдовьего траура, когда законного государя предали и убили те, кто клялся ему в верности. Затем были редкие приезды его потомков, Николая Первого и Александра Второго, унылая суэта прислуги и вечный холод в переходах и множестве комнат резиденции... По-настоящему же расцвел и преисполнился человеческого тепла он только после того, как в нем стал постоянно жить правнук преданного всеми императора, Александр Третий. Начинаясь полнеть великан с лопатообразной бородой, его жена и их дети наполнили гулкую пустоту своим смехом и улыбками, тихим семейным счастьем и частыми проказами детей. Старший из мальчиков вечно стрелял по воронам и галкам, средний любил тихую рыбалку, а младший... Дворец помнил, как он как-то раз затащил ведро с водой на самый верхний этаж и уже оттуда вылил ее на ничего не подозревающего отца. Нет, вообще-то он целился в родительскую сигару, но, увы, промахнулся. Впрочем, все окончилось вполне благополучно. Дочери августейшей четы так не озорничали, но недаром же говорят, что в тихом омуте черти водятся... Одним словом, каменная громада как-то незаметно для себя привыкла к тихой

и размеренной жизни с редкими всплесками звонкого веселья – отчего и была чуть ли не шокирована, когда в одно прекрасное утро под ее окнами раздалось незнакомое доселе рычание и тархтение множества бензиновых моторов.

– Ха!.. Глядите все, как я умею!..

Четырнадцатилетний наездник, лихо гонявший на мотоцикле по отсыпанным гравием дорожкам, слегка откинулся назад и выжал ручку газа так, что его стальной конь норовисто взбрыкнул и выбросил из-под заднего колеса десяток каменных «картечин», вывесив переднее на пару мгновений в воздухе.

– Мишкин, а ну прекрати свои выкрутасы!

Мгновенно присмиревший от грозного родительского окрика подросток резко сбросил скорость и направил свой «Урал» к старшим братьям, довольно успешно осваивающим невероятно сложное искусство управления мотоколяской. Впрочем, этим занимался скорее склонный к новинкам техники Георгий, а вот цесаревич Николай после нескольких вполне удачных попыток самостоятельной езды к новой забаве охладел. Точнее будет сказать – он предпочел уделить свое внимание новейшей фотокамере «Зенит», в невиданной доселе компоновке «Фоторужье» – эта диковинка была презентована ему лично князем Агрневым, и двадцатичетырехлетний фотолюбитель теперь увлеченно «брал на мушку» видеоискателя свою семью, а также фигурки невеликого количества свитских, охранников конвоя и дворцовой прислуги.

– Внимание!..

Два лакея послушно замерли, непроизвольно заморгав.

– Готово!

Между прочим, женской половине августейшей семьи в качестве презента тоже достался невиданный доселе эксклюзив: три переносных граммофона, выполненных в виде небольших чемоданчиков изящного вида. Кроме самого музыкального агрегата со встроенным рупором в кожаном вместилище можно было найти и пяток двусторонних грампластинок с наиболее популярными романсами. А еще пять десятков эбонитовых «блинов» ждали своего часа в специальной коробке – но, глядя на задумчиво-довольное лицо недавней именинницы, семнадцатилетней Ксении Александровны, и быстрые взгляды ее матушки, Марии Федоровны, любому становилось понятно, что пластинки там надолго не залежатся.

– Как, вы говорите, называется ваша компания, что их производит?

– С позволения вашего императорского величества – «Мелодия».

– Гм, пожалуй, я о ней ничего не слышала. Вы не находите это странным, князь?

– Она образовалась всего две недели назад, ваше императорское величество, – сразу, как только закончились все подготовительные работы.

– Вижу, вы по-прежнему способны нас приятно удивлять. Надеюсь, вы продолжите делать это и в дальнейшем?

Аристократ коротко и почтительно, но вместе с тем без малейшего следа раболепства поклонился и заверил августейшую собеседницу:

- Приложу к этому все свои силы, ваше императорское величество.

Предпочитавший до этого мгновения больше молчать или задавать короткие вопросы, император Всероссийский, царь Польский и великий князь Финляндский (и так далее и тому подобное – как раз на страницу убористого текста) переглянулся с супругой, после чего Дагмара направилась к дочкам, дабы вместе с ними полюбопытствовать содержимым коробки с грампластинками.

- Князь. Я благодарю вас за великолепную демонстрацию ваших...

Александр Третий покатал непривычное слово на языке, пробуя его словно глоток неизвестного доселе вина:

- ...автомобилей. Какими вы видите перспективы подобных механизмов?

Рядом с массивной фигурой царя-миротворца его широкоплечий и подтянутый тезка смотрелся хрупким юношей.

- Весьма блестящими, ваше императорское величество.

- Вот как? Тогда опишите своими словами все достоинства ваших, гм, самобеглых аппаратов.

- Слушаюсь, ваше императорское...

- Можете именовать меня по-простому, государем.

- Слушаюсь. С вашего позволения, государь, я использую в качестве примера автомобиль «Дон» грузовой модели. Итак, данный образец собирается в условиях серийной выделки за один день. По вместительности и грузоподъемности он превосходит обычную телегу в два с половиной – три раза. Стоимость перевозок с его помощью дешевле примерно в четыре раза. С полным запасом топлива в баке он может доставить сто пудов груза за двести верст, выгрузить его там и вернуться – и все это в пределах одного дня.

По-прежнему внимательно вслушиваясь в четкие слова, хозяин Гатчинского дворца легким жестом пригласил оружейного магната следовать за собой в небольшой прогулке по дорожкам.

- Для армии наличие такого автомобиля означает: возможность быстрого маневра пехотными частями – при достаточном парке машин скорость переброски стрелкового полка сравняется с таковой у линейных кавалерийских частей. Хорошее и своевременное снабжение, тем более что при наличии сменного водителя грузовик вполне успешно может перевозить грузы и в ночное время; эвакуацию раненых и больных с повышенным удобством и скоростью, что несомненно послужит спасению немалого количества жизней. Также на основе грузовой модели легко устроить передвижной штаб, ремонтную мастерскую, электростанцию с несколькими прожекторами, хлебопекарню и банно-прачечный пункт. В случае успешного обстрела неприятелем с нанесением сильных повреждений из двух-трех разрушенных машинных остовов вполне можно собрать прекрасно действующий автомобиль – аналогичный образ действий по отношению к убитым лошадям, разумеется, невозможен.

вернуться

Транспортное средство на основе мотоцикла с тремя (трицикл) и четырьмя (квадроцикл) колесами.

С трескучим ревом двухтактного мотора мимо двух Александров пронесся оседлавший квадроцикл Михаил.

– Примененный в коммерческих целях, «Дон» самое малое в два раза сократит время доставки товаров и разного сырья, станет хорошим подспорьем для пожарных частей и медицинских заведений, также на его основе можно устроить регулярное транспортное сообщение там, где невозможно устройство путей для конки или трамваев. Ну и напоследок: когда грузовик стоит в холодном гараже или на открытом месте хранения, он не потребляет какого-либо фуража или воды, а также не требует постоянного присмотра конюхов. И тем не менее может быть приведен в полную готовность к использованию в весьма короткие сроки...

Жестом обозначив паузу в разговоре, самодержец заступил дорогу своему младшенькому, заставляя того экстренно тормозить:

– Довольно, Мишкин!..

Его императорское высочество Михаил Александрович тут же превратился в образцового сына, медленно направив квадрант к остальной технике, стоящей перед резиденцией двумя идеально ровными рядами.

– Хорошо, князь, я вас понял. Что вы можете сказать о недостатках? Или их нет?

– Осмелюсь заметить, государь, они все же есть. Лошади превосходят автомобили в проходимости по бездорожью, в болотистой или гористой местности. Также их содержание и использование является вполне привычным и давно известным делом, в то время как для управления и содержания в исправности нового вида транспорта придется учить специальных водителей-механиков. Тем самым повышая образовательный уровень в империи.

– Хм!

– Фураж для конного поголовья повсеместно распространен, и даже в местность, где он полностью отсутствует, достаточно легко подвезти необходимые запасы. Для автомобилей же требуется большое количество жидкого топлива, разветвленная сеть его хранилищ и заправочных станций – однако позволю себе заметить, что в отличие от овса и ячменя в нефтедобыче не бывает «неурожаев», а бензин, которым питаются мои моторы, повсеместно считается за малоценные отходы от керосинового производства. Также неоспоримое достоинство лошадей в том, что они воспроизводятся естественным путем, а для выделки любой модели самобеглых экипажей требуется определенное количество станков, опытных мастеровых и довольно большой перечень самого разного сырья.

На последний пассаж император невольно усмехнулся, представляя во всех красках завод, на котором специально обученные конюхи собирают из почти одинаковых деталей жеребцов самых разных масти и достоинств.

– Фактически подобное производство заставляет всех поставщиков непрерывно повышать свой уровень и качество выделки – а это мало кого устраивает. В случае же с лошадьми все гораздо... проще и легче.

– Вы весьма оригинально излагаете свою точку зрения, князь. Хорошо. Скажите, а возможна ли

транспортировка артиллерии силами ваших автомобилей?

– Благодаря содействию военного министра Ванновского и лично профессора Чебышева, был устроен ряд испытаний, которые показали следующее: по летней, зимней и весенне-осенней проселочной дороге легкую полевую пушку образца тысяча восемьсот семьдесят седьмого года и ее расчет грузовик «Дон» перевозит без малейших затруднений. При замене обычных для этого орудия оббитых полосами железа деревянных колес на резиновые скорость перемещения увеличивается до двенадцати верст в час при очень хорошей проходимости.

Впервые за весь разговор самодержец земли Русской явственно оживился:

– Так!..

– К моему глубочайшему сожалению, испытания грузовика в связке с более тяжелыми орудиями показали его полную несостоятельность. А мощные тягачи, изначально спроектированные как транспортеры средних и тяжелых артсистем, появятся только через три года – когда в Челябинске будет запущено их производство.

Александр Третий резко остановился, буквально впившись глазами в безмятежно-спокойное лицо своего подданного.

– Даже так?.. Позвольте спросить, князь, а кто уполномочил вас вести подобные работы?

– Никто, государь. Упомянутые мной тягачи сами по себе есть продукция двойного назначения: в мирной жизни трактора будут таскать плуги и прочую сельхозтехнику и облегчать разного рода земляные и строительные работы. А при наступлении военного времени они будут мобилизованы вместе с водителями и станут уже упомянутыми мной транспортерами артсистем большого калибра. Разумеется, дополнив уже имеющиеся в распоряжении Военного ведомства тягачи.

– Даже так.

Судя по тому, что взгляд императора утратил свою остроту, а из голоса полностью исчезли сухие нотки, объяснение его более чем устроило.

– Ваш образ мыслей, князь, скорее пристал начальнику Главного артиллерийского управления или члену Кабинета министров, нежели промышленнику.

– Благодарю за столь высокую оценку, государь.

– Она вполне заслужена. Однако вернемся к вашим... автомобилям.

Слегка поморщившись (что получилось незаметно благодаря густой бороде), царственный тезка аристократа-промышленника поинтересовался, откуда взялось такое странное название? И вообще, что за нездоровая страсть к уснащению родного языка разными иностранными словечками?

– Согласитесь, государь, что самобеглая телега звучит сущим анахронизмом, использовать же английское или германское название в данном случае просто неприемлемо. Так что после некоторого размышления я просто скрестил древнегреческий язык с латынью, получив вполне устроивший всех результат [68].

Судя по едва заметному недовольству, Миротворца в качестве названия устроила бы именно

самобеглая телега или даже просто самоход, но развивать эту тему он более не стал.

- И когда же эти ваши «Волги», «Доны» и «Уралы» появятся на улицах городов?

- Надеюсь, не позже чем через пять лет, государь. Пока же всем желающим придется довольствоваться мотоциклетами и мотоколясками производства моего компаньона Яковлева.

Заложив руки за спиной, император с демонстративным недоумением поглядел в сторону вполне хорошо проявивших себя автомобилей и гуляющих между ними свитских.

- Поясните.

- Для организации серийного производства в ближайшие два года у меня не будет свободных средств и подходящего места рядом с Москвой, государь. Но смею надеяться, что по выполнении контракта с Военным ведомством у меня все же появится все необходимое, и я успешно претворю в жизнь и этот свой проект.

Задумчиво хмыкнув при намеке на работы по модернизации казенных оружейных заводов, Александр Третий довольно скупой похвалил фабриканта:

- Насколько я знаю, Ванновский очень доволен тем, как продвигается переустройство Сестрорецкого завода. Кстати, когда вы рассчитываете его закончить?

- Еще месяц, государь, затем придет очередь Ижевского оружейного.

- Вы имеете твердое намерение выполнить свой контракт досрочно?

- Если обстоятельства и дальше будут мне благоприятствовать, государь.

Вновь хмыкнув, царь продолжил движение по дорожке.

- Будут. Непременно будут, князь.

Прошагав некоторое время в полнейшем молчании, августейший собеседник с неподдельным интересом осведомился у молодого промышленника, отчего же он не желает привлечь к производству автомобилей своих компаньонов?

- Кстати, а о какой сумме идет речь?

- От трех с половиной до пяти миллионов рублей серебром, государь.

- Однако!..

- Так точно. Что касается компаньонов... Проект новый, тема доселе неизвестная, вложения требуются более чем солидные - а давать твердые гарантии в виде паев моих компаний банкирам или иным деятелям от финансов я не желаю. Потому что это означает обязательную утечку важных сведений и технологий моим иностранным коллегам и происходящий из этого прямой ущерб российской промышленности.

- Да, мне говорили о вашей неуступчивости в некоторых вопросах...

Правильно поняв повисшую в воздухе фразу, оружейный магнат ее подхватил и продолжил - самым почтительным образом конечно же:

- И скорее всего, государь, делали это на французском или английском языке?

вернуться

68

Термин «автомобиль» получился из сложения двух слов: др.-греч. *auto* – «сам» и лат. *mobilis* – «движущийся».

Едва заметный кивок подтвердил предположения князя.

- Если мне будет позволено высказаться по этому вопросу, государь...

- Я слушаю.

- Несмотря на то что некоторые страны считаются как бы союзными, они категорически не желают допускать русских инженеров и ученых на некоторые свои заводы и фабрики – например, химической, оптической и электромеханической направленности. И тем более им не по нраву появление таких предприятий в России, потому что это лишает их промышленность гарантированных заказов и рынка сбыта, а вместе с ним – и самого влияния на империю. В их представлении, наилучший образ дел – это когда мы поставляем на запад различное сырье, а они его перерабатывают в станки, приборы и прочую технологичную продукцию, которую и продают русским дикарям за высокую цену.

Поглядев на своего собеседника с искорками веселого изумления в глазах, хозяин Гатчинской резиденции и всей страны спокойно с виду заметил:

- Вы еще и политик? Однако же, сколько в вас скрыто талантов!..

- Нет, государь, я прежде всего прагматик. И считаю, что у империи нет, да и не может быть союзников вне ее границ – лишь временные... попутчики.

- Оставим это.

Сказано было тихо и спокойно – но так, что послушаться было совершенно невозможно. Тем временем Александр Третий повернул назад, возвращаясь к семье и поглядывающим на него свитским, и казалось, полностью позабыл о своем сопровождении. Лишь только на подходе к автомобилям, с легкой иронией разглядывая среднего сына, пытающегося стронуть с места глохнущую раз за разом «Волгу-Ф», а также младшего, весьма ехидно комментирующего ошибки брата, император слегка отстраненно заметил:

- Мне говорили правду, и вы действительно очень интересный собеседник. Князь...

С легким поклоном пожав протянутую ему руку, аристократ вложил максимум почтительности в голос:

- Государь!..

Оставшись в одиночестве, Агреев прошелся вдоль автомобилей – и все, на этом его недолгое одиночество и закончилось. Хотя самодержец Всероссийский вместе с супругой и ушел со свежего воздуха в глубины Гатчинского дворца, его сыновья остались, а свитских – так даже и добавилось.

– Князь?..

– Ваше высокопревосходительство...

Улыбнувшись так, будто встретила старого знакомого (что, в сущности, так и было), статс-дама Марии Федоровны довольно интимным тоном поведала, что государыня желала бы наградить своего подданного личной аудиенцией. Скажем, через две недели в Аничковом дворце. В десять часов утра. И желательно, чтобы у князя были с собой некие бумаги. Статс-дама на мгновение запнулась, старательно припоминая полученные инструкции:

– Ее императорское величество просила передать свою признательность за музыкальные подарки и демонстрацию автомобилей.

Было видно, что сама она так и не поняла, о чем только что намекнула.

– Это было честью для меня.

Ответив еще одним поклоном на легкий прощальный книксен, Александр незаметно осмотрелся по сторонам и тихо-тихо пробормотал:

– Похоже, у меня резко прибавится компаньонов из августейшей семьи.

Зима, уступившая было натиску весны в марте одна тысяча восемьсот девяносто третьего года, сполна проявила свой коварный характер в первых числах апреля – в одну ночь дыхание ледяной красавицы превратило раскисшую грязь сестрорецких дорог в твердый камень, а частые лужи – в один большой каток. Вновь нахохлились воробьи, недовольно глядело из-за оконных стекол теплолюбивое кошачье племя, и только дети радовались, глядя на то, как ветки деревьев и пожухлую прошлогоднюю траву повсеместно изукрасило серебристой изморозью...

– Прошу.

Немного притормозив перед столиком и расположенным по обе стороны от него двум кожаным креслам нежно-кремового цвета, полтавский дворянин Николай Дмитриевич Пильчиков решительно уселся в левое.

– Прежде чем у нас начнется разговор о делах, я бы хотел передать вам, Николай Дмитрич, кое-какую корреспонденцию.

– Мне? От кого же?

– Боюсь, вы их не знаете.

Приняв от работодателя пухлую стопку конвертов, перевязанную тонкой синенькой лентой с кокетливым бантиком, профессор слегка озадаченно вытянул из кармана пенсне [69].

– Зато эти люди очень вам благодарны, ведь вы спасли им жизнь и здоровье.

– Я?!

Едва не выронив конверты из рук, пожилой мужчина положил их на колени и достал платок, дабы протереть и без того чистые стеклышки.

- Помилуй бог, да когда же это?..

- Виноват, я не совсем верно выразился. Жизнь им спасли при помощи некой установки исключений, позволившей медикам уберечь девятнадцать своих пациентов от неминуемой смерти, а девяносто четырех человек избавить от вполне реальных перспектив остаться на всю жизнь калеками.

Во взгляде ученого наконец-то мелькнуло понимание.

- Совершенно точно. Больницы, в коих мы устраиваем кабинеты для просвечивания человеческого тела, регулярно присылают нам статистику использования - а вместе с ней и благодарность, как свою, так и пациентов. Так что вы теперь с полным на то основанием можете считать себя первопричиной спасения одиннадцати мужчин, семи женщин и одного пятилетнего мальчика.

Александр коротко позвонил в колокольчик, и в кабинет немедленно принесли поднос с двумя бокалами вина.

- За ваш талант, профессор!..

Слегка порозовевший от неожиданной, но вполне заслуженной похвалы и более чем приятных известий, Пильчиков с удовольствием пригубил рейнского.

- Александр Яковлевич, но вы же понимаете, я работал над этим не один?..

- Разумеется, вклад ваших ассистентов Рыбкина и Троицкого тоже не будет забыт. Кстати, как обстоят дела с работой над основным проектом?

- На сегодняшнее число можно с уверенностью констатировать, что рубеж в три версты приема-передачи радиоволн взят!

В доказательство талантливый физик протянул руку к своему бронированному чемоданчику, явив на свет божий плотно набитую самыми разными документами папку.

- Вот-с, прошу.

Быстро просмотрев отчет (хотя и без того прекрасно зная, чем и как дышит сам Пильчиков и все его помощники и ассистенты), Александр довольно кивнул, резюмируя:

- Прекрасно. По остальным задачам все планово, не так ли?

- Совершенно верно.

На стол лег многостраничный отчет, тут же перекочевавший под руку хозяина дома.

- Но... для ускорения работ было бы желательно привлечение некоторых специалистов. И крайне желательно начать работу по нескольким новым темам - например, изготовлению радиоламп.

- Н-да?

Приняв прекрасно оформленное обоснование в виде плана исследовательских работ, аристократ-промышленник внимательно его прочитал. Затем подумал, легкими касаниями пальцев массируя переносицу, и внезапно спросил:

- Николай Дмитриевич, а вы понимаете, что этим вашим специалистам потребуются отдельные лаборатории, свои ассистенты, свое финансирование?

- Понимаю.

- А вы понимаете, что это уже получается исследовательский центр, схожий с Менделеевским?

Подумав и решив, что лучшее – враг хорошего, ученый довольно осторожно произнес:

- Александр Яковлевич, если мои предложения несколько несвоевременны, то я могу обойтись и имеющимися возможностями...

- Почему же, вполне своевременны. Вы не против, если мы с вами пройдемся по списку?.. Хорошо. Зачем нам этот господин?

- Для работ над получением глубокого вакуума. Имеющиеся ртутно-масляные насосы необходимого разрежения не дают, а без этого невозможно...

Увидев вскинутую ладонь, дворянин тут же остановился.

- Этот?

- С его помощью я надеюсь получить ряд сверхчистых материалов. Титан, вольфрам и так далее.

- Хм. Этот?

Пройдясь по коротенькому списку, Александр указал на последнюю в нем фамилию, пытаясь угадать, в какой из областей науки талантлив седьмой кандидат.

- Вы знаете, как ученый он не состоялся, причем более чем полностью. Да-с! И по природе своей несколько инфантилен. Зато в любых действиях с цифрами – удивительнейший талант, вместо головы у него счетная машинка невиданной точности и производительности. Представляете, он перемножает шестизначные цифры только лишь в уме – причем дольше выговаривает ответ, чем собственно решает задачу!..

вернуться

69

Очки без заушных дужек, держащиеся на носу посредством зажимающей переносицу пружины.

Отпив в неподдельном энтузиазме половину бокала, Пильчиков откинулся на спинку кресла.

- То есть Николай Дмитрич, вы предполагаете использовать его в качестве живого арифмометра?.. [70]

- Абсолютно верно!

Подумав о том, что в аналитическом центре подобная личность, а то и две-три, тоже были бы совсем не лишними, князь уточнил несколько деталей, после чего отложил листок в сторону:

- Служба безопасности незамедлительно займется проверкой рекомендованных вами людей.

Профессор физики внимательно поглядел на промышленника-аристократа и нейтральным тоном осведомился - а нужны ли вообще такие экстраординарные меры сохранения коммерческой тайны? Непременная охрана лабораторий, пропускная система, телохранители, все остальные режимные строгости? Ведь Кыштым и сам по себе весьма далекая провинция, а в то место, где построены лаборатории, и вовсе проложена всего одна-единственная дорога...

- Нужна ли? Хм, действительно...

Хозяин явно о чем-то задумался, невольно придавив гостя взглядом тигриных глаз.

- А давайте мы поступим следующим образом: вы ознакомитесь с кое-чем, а потом сами же и ответите на свой вопрос.

Не дожидаясь согласия, фабрикант покинул кабинет и отсутствовал достаточно долго - не менее четверти часа. Вернувшись, в полном молчании раскрыл невзрачную с виду укладку, достал из нее верхний листок и положил его на стол:

- Учитывая уровень вашего допуска, думаю, будет вполне позволительно дать вам на ознакомление три любых пункта по вашему выбору.

Приняв листок, оказавшийся банальным оглавлением, профессор физики с некоторым скептицизмом вчитался:

- Так-с. Получение сверхчистых веществ методом зонной перекристаллизации [71]... Гм?..

По мере того как профессор физики вникал в смысл отпечатанных на машинке строчек, он становился все серьезнее и серьезнее. Понятие инфразвука и ультразвука, с примерными схемами генерации звуковых колебаний сверхвысокой и сверхнизкой частоты; общие понятия и принципиальная схема радарной установки и сонара; описание эффекта микроволнового излучения; принципиальная схема получения технических алмазов... Добравшись до атомарной теории строения материи, Пильчиков аккуратно положил драгоценный листок на стол и потер виски.

- Это какая-то мистификация. Я прав?..

- Вы выбрали?

- Ну?.. Первая, седьмая и одиннадцатая темы.

- Прошу.

Десяток минут тишины, прерываемой лишь редким шелестом бумаги, затем профессор растерянно снял пенсне и с нотками неуверенности спросил:

- Простите, но откуда ЭТО у вас? Ведь подобные разработки решительно невозможно сохранить в полнейшей тайне... Любое изобретение базируется на каких-то предыдущих работах, схожих исследованиях, попутных открытиях - но я не припомню ни единой статьи в серьезных научных изданиях, ни одного обсуждения. А ведь судя по...

Николай Дмитриевич беспомощно покрутил в воздухе пальцами, припоминая только что прочитанный текст.

- Сведениям, изложенным о том же ультразвуке, кто-то достаточно плотно и плодотворно исследовал этот вопрос. Кристалл-резонатор из кварца, применение в медицинских целях, в металлообработке, эхолокации, дефектоскопии, гальванотехнике, выяснена даже возможность ультразвуковой сварки!.. Это гигантский объем работ. Почему же об этом никто совершенно ничего не слышал?

Забрав листки обратно в укладку, вместо них Александр выложил два украшенных почтовыми марками конверта.

- Прошу.

С некоторой опаской достав первое письмо, гость начал его медленно читать, иногда проговаривая отдельные фразы вслух:

«Дорогой друг, спешу тебя удивить... Наконец-то я нащупал верное решение!.. Эксперименты показали неизменную повторяемость результата, что несомненно... Еще несколько недель, и мое пребывание в Америке подойдет к своему завершению».

Посмотрев на подпись, ученый положил листок и взял в руки первую из трех фотокарточек, бывших вместе с письмом в конверте. На первой некто, очень сильно похожий на покойного Николу Теслу, нежно держал в руках какую-то коробку с проводами. На второй американский изобретатель сербского происхождения укладывал эту самую коробку в центр пустого пространства. Ну а на третьей невероятно воодушевленный мужчина, улыбаясь, показывал рукой все на ту же коробку, спокойно зависшую в воздухе без какой-либо видимой опоры. Перевернув фотокарточку обратной стороной и увидев проставленную там дату, Пильчиков стал усиленно припоминать, когда же гениальный серб покинул мир живых.

- Снимки сделаны за два дня до пожара в его лаборатории. По утверждению официальных властей САСШ, это был заурядный несчастный случай.

Второе письмо было написано на немецком - некто Фриц писал, что исследования привели его к неожиданному и очень страшному результату. Что он имел неосторожность поделиться кое-какими выкладками со своими знакомыми, после чего заметил за собой слежку. Чуть ниже основного текста послания была приписка, сделанная в явной спешке: - «Лабораторный журнал и самые важные записи укрыты в известном вам месте».

Уже подозревая что-то нехорошее, Николай Дмитриевич очень аккуратно вернул письмо в конверт и посмотрел на князя с молчаливым вопросом.

- Примерно три месяца назад германский химик Фриц Габер умер во сне, в результате отравления угарным газом. Несчастный случай - печная труба, понимаете ли, засорилась.

- А над чем именно он работал?

- Темой его работ были азотистые, фосфорные и калийные удобрения, вернее, их получение из легкодоступного сырья. Российского сырья. В ходе одного из экспериментов Фриц получил то, чего совсем не ожидал, - полноценное БОВ, и именно после этого с ним и приключился «несчастный случай». К счастью, он успел уничтожить все записи и готовые образцы до того, как уснул вечным сном.

- Простите, что такое бэ-о-вэ?

Светловолосый аристократ недовольно поджал губы, явно досадуя за допущенную оговорку.

Немного помолчал, но все же соизволил расшифровать непонятное сокращение:

– Специфический термин, означающий боевые отравляющие вещества. Николай Дмитрич, это не та тема, которой вам следует интересоваться.

– Разумеется. А над чем работал...

– Тесла? Над беспроводной передачей электрической энергии на дальние расстояния. Правда, вместо этого у него вышла управляемая левитация.

Увидев, как в глазах профессора вспыхнуло пламя жгучего интереса, Александр криво усмехнулся:

– Меня кто-то опередил. Тайник, в котором хранились копии лабораторных журналов, оказался пуст, в его квартире неизвестные провели тщательный обыск – увы, мне не досталось ничего. Однако не думайте, что подобные страсти бушуют лишь за границей империи. Не так давно одного из курьеров компании убили, когда он вез мне отчет о работе над очень перспективным лекарством против тифа и холеры. К счастью, документы удалось вернуть – но вот жизнь моего человека...

В глазах хозяина дома промелькнуло неподдельное сожаление об этой утрате.

– Но... кому это надо? зачем?!

– Ответ на первый вопрос – не знаю. А на второй...

Князь закрутил в своем бокале остатки вина, любясь переливами света.

– Беспроводная передача электрической энергии на расстояние сделает прежние виды транспорта ненужными. Резко упадет значимость нефти и угля, соответственно тысячи коммерсантов и промышленников разорятся. Очень влиятельных коммерсантов. Например, английских и французских. Мощь Соединенного Королевства – в его флоте, военном и торговом; а теперь представьте, что появляется возможность строительства летающих аппаратов большой грузоподъемности и дальности. Да все броненосцы Ройял Нэви разом обесценятся!.. Насчет боевых отравляющих веществ – думаю, вы сами догадаетесь, кому они интересны. Ну и так далее и тому подобное... Некоторые направления проще задавить в зародыше, чем терпеть многомиллионные убытки или полное разорение. Чтобы не быть голословным, приведу в пример ту же радиосвязь – она рано или поздно сильно потеснит телеграф. А ведь услуги по передаче разного рода сведений – это всегда деньги, и немалые.

вернуться

70

Настольная (или портативная) механическая вычислительная машина, предназначенная для точного умножения и деления, а также для сложения и вычитания.

вернуться

71

Метод очистки твердых веществ, основанный на различной растворимости примесей в твердой

и жидкой фазе. В частности, с его помощью получают полупроводники для радиопромышленности и монокристаллы высокой чистоты (99,9 %).

Скромному профессору физики вдруг стало весьма неудобно жить во внезапно ставшем очень сложным и опасным мире.

– Так что, Николай Дмитрич, нужны ли все эти строгости с охраной, режимные мероприятия, телохранители и все прочее?

Всем своим видом Пильчиков показал, что понял, принял и вообще глубоко раскаивается в своем прежнем невежестве.

– Вот и прекрасно. Разумеется, все, что вы слышали и прочитали, проходит под грифом «строго конфиденциально».

– Я понимаю.

– И я очень признателен вам за это понимание, Николай Дмитрич. Надеюсь, вы сможете поделиться им с вашими ассистентами и новыми специалистами в случае необходимости? Не раскрывая лишних подробностей, разумеется.

Заметив, как его собеседник буквально ласкает глазами невзрачную папку с бесценным для любого ученого содержимым, аристократ вновь достал листок-оглавление, прибавив к нему красный карандаш с собственного стола.

– Подчеркните номера тем, которые вы бы желали взять в работу, а кружочком отметьте те из них, с которыми просто желаете ознакомиться. Материалы придут в Кыштым с надежным курьером. Также, в связи с предстоящим расширением, я думаю, вам не помешает заместитель по административно-хозяйственной деятельности.

– Да-да, конечно!..

Энергично работающий карандашом профессор всей душой поддержал последнее начинание – будет на кого скинуть составление заявок и прочую канцелярскую работу.

Проводив дорогого (причем во всех смыслах) гостя, Александр вернулся в кабинет и весело хмыкнул, расплываясь в веселой усмешке. Подошел к зеркалу, поправил шейный платок и состроил на лице самое печальное из возможных выражений:

– Нас убивают тайные враги, мы все умрем... Бу!!!

Расхохотавшись в полный голос, князь едва не пропустил мимо ушей короткий стук в дверь, знаменующий приход последнего в этот день посетителя.

– Добрый день, Иван Иванович. Прошу!..

Вопреки своей привычке основательно раскладывать на столе самыми разными документами, на сей раз заместитель главного инспектора господин Купельников обошелся всего лишь одной тоненькой служебной запиской и блокнотом – нынешняя встреча с начальством предполагалась короткой и не сулила никаких сложных тем.

– С вашего позволения, я начну? Слушаюсь.

Кинув быстрый взгляд на блокнотную страничку, бывший жандарм деловито отрапортовал о том, что розыски девицы Марии Саломеи Склодовской увенчались успехом – она как раз изучает химию и физику в Сорбонне, проживая на полном обеспечении своей сестры Брониславы. Впрочем, Мари никак нельзя было упрекнуть в лени и желании жить за счет родных – просто в свое время сестры договорились, что, пока одна из них учится, вторая зарабатывает деньги на проживание и еду, и соответственно наоборот. Первой столь желанное образование получила старшая Бронислава...

– Энергичная, целеустремленная, умная и весьма амбициозная в плане науки девушка.

– Ее отношения с Пьером Кюри?

– Она безусловно с ним знакома, но не более того.

Сделав заметную паузу, Купельников поинтересовался дальнейшими инструкциями касательно члена французской Академии наук и его талантливой студентки.

– Свернуть наблюдение, закрыть это дело. В самое ближайшее время к мадемуазель Склодовской отправится рекрутер компании – столь перспективные кадры нам нужны.

О том, что мсье Кюри посетит один из работников отдела экспедирования, он говорить не стал: во-первых, зачем нагружать подчиненного лишними знаниями? А во-вторых, он и сам еще ничего не решил. С одной стороны, только такой энтузиаст, как Пьер, мог исследовать явление радиоактивности годами и почти полностью за свой счет, и если его тем или иным образом притормозить – кто знает, насколько это отодвинет работы по созданию ядерного оружия? С другой же стороны, у этого фанатика явно были какие-то коллеги и единомышленники, способные подхватить выпавшее знамя научных исследований, так что одним Кюри дело могло и не ограничиться.

– Будет исполнено. Следующее: к увольнению известной вам особы все готово, прошу назначить точный срок.

Идея предстоящего действия была в том, чтобы «разоблачить» горничную Дарью с последующим позорным изгнанием из тесных рядов прислуги – и внимательно проследить всю цепочку деятелей староверческой общины, по которой пройдет информация о случившемся с девушкой «несчастье».

– Полдень следующего дня?

– Вполне.

Услышав все, что хотел, главный контрразведчик компании быстро собрался и ушел – а его начальник, скользнув взглядом по кабинету, отчего-то задержал взгляд на небольшой акварели, украшающей собой простенок между окнами. Маленькая, зато авторская копия знаменитого «Девятого вала» художника Айвазовского (с которым князь Агренин уже год как свел весьма близкое знакомство) очень наглядно иллюстрировала превратности судьбы, поджидающие моряков, а также... совсем внезапно, натолкнула владельца на совершенно неожиданные мысли.

– Хм!

Пододвинув к себе ежедневник, князь словно бы в сомнении покрутил свой «Паркер» между пальцев, а затем медленно написал:

«Испанские золотые галеоны?»

Пару минут поразмышляв, приписал снизу:

«Архивы по утонувшим испанским кораблям!»

Отложив ручку, он уставился на свежие записи так, словно старался их загипнотизировать, затем вновь подхватил «Паркер» и начертал два слова, трижды их подчеркнув:

«Скопировать и сжечь!!!»

– Или лучше исказить координаты затонувших кораблей, и пускай их ищут себе на здоровье?..

Хмыкнув с неопределенной интонацией, аристократ закрыл ежедневник со своими злодейскими замыслами, переместив его затем в сейф. Скинул пиджак, шейный платок и жилетку, закатал рукава и расстегнул пару верхних пуговиц белоснежной сорочки, после чего совсем было приготовился плодотворно поработать с отчетом из заведения Ганса Хоттингера – как до его ушей донесся панически-пронзительный женский визг, исполняемый на два голоса. Резко дернувшись из-за стола, Александр непонятным для себя образом уронил набок стул, ударился коленом о край тумбы с шкафчиками и напоследок умудрился споткнуться на ровном месте.

– Да что за хрень творится в этом доме?!

Глава 13

Поздним утром четвертого апреля на вокзал Сестрорецка втягивалась разноцветная змея пассажирского поезда. Замедляющийся перестук колес, лязг сцепки и толчки торможения, мощное дыхание паровоза – и все это вызывало оживление среди редкой толпы встречающих и дюжины носильщиков, выкатывающих свои тележки на стратегически важные для заработка места. Основную прибыль им приносили пассажиры желтых вагонов – путешествующие первым классом очень ценили комфорт и всегда были обременены довольно солидным количеством багажа. Впрочем, некоторые путешественники, выходящие из темно-синих вагонов второго класса, ничуть им не уступали – в отличие от тех, у кого хватало денег только на жесткое сиденье в зеленых вагонах. Вот эти всегда тащили свой багаж сами, а если случалось немыслимое и они все же раскошеливались на грузовую тележку, то дожидаться от них чаевых... В общем, мороки на рубль, а прибыли на копейку. Да и чего взять с этой бедноты?

– Вам помочь?

– Нет, благодарю.

Девушка, шагнувшая из пропахшего смазкой и железом тамбура на чисто выметенный перрон, как раз была пассажиркой третьего класса – чистая и опрятная, но вместе с тем недорогая одежда и скромного вида саквояж не оставляли носильщикам абсолютно никакой надежды хоть чуть-чуть подзаработать.

– Садитесь, барышня, доставим куда надо в наилучшем виде!

С некоторым сомнением поглядев на бойкого извозчика, семнадцатилетняя путешественница назвала адрес и предусмотрительно поинтересовалась стоимостью поездки – после чего удивленно наблюдала за тем, как его бородатое лицо слегка перекосилось в непонятных

сомнениях.

– Вы уж простите, барышня, прямо до места никак не можно – фабричные сторожа не пустят. Может, вас к управе? Оттуда до поселка всего с полверсты. А?..

Подумав и нерешительно кивнув, она забралась в слегка поскрипывающий экипаж, откинулась на спинку сиденья и незаметно поморщилась, закусив краешек губ, – новые полусапожки, купленные совсем недавно, были откровенно тесноваты. Или все дело было в том, что она соблазнилась низкой ценой, понадеявшись на то, что со временем обувь разносится? Упрямо вскинув русоволосую голову, недавняя выпускница Московского Александровского женского института постаралась отрезвиться от неприятных ощущений, заранее готовясь к очень важному для нее собеседованию. Надо сказать, шансы на успех были достаточно велики: она отменно образованна, умна и весьма исполнительна во всех делах... Правда, был у Гликерии Орловой один недостаток, чуть ли не полностью перечеркивающий ее будущность. Даже два. Во-первых, она была рождена вне брака – отец был состоятельным купцом в Саратове, а мать служила у него в доме, днем по хозяйству, ну а ночью – в постели. Обыкновенная в принципе история... Тем более что ее папенька по-своему позаботился о забеременевшей от него прислуге, устроив ей скорый брак с одним из своих приказчиков, – а после того как любовница умерла родами, он щедрой рукой оплатил для девочки обучение с полным пансионом.

– Па-аберегись, мил-человек!

Явный мастеровой в странной серо-синей одежде-форме, обходивший разлившуюся на обочине лужу, поспешно уступил дорогу – а скользнувшая по нему мимолетным взглядом девица вновь вернулась к своим невеселым мыслям. Невеселым, потому что вторым, и самым крупным, недостатком, препятствующим получению места гувернантки или учительницы в хорошем доме (или каком ином месте), была ее яркая внешность – Гликерия полностью унаследовала от матушки стать и красоту. Отменно воспитанная сирота, знающая три иностранных языка, умеющая музицировать и правильно держаться в приличном обществе, но притом совершенно без каких-либо средств к существованию... Стоило ли удивляться, что ей так часто предлагали пойти в содержанки?

– Прибыли, барышня.

Приняв невеликую плату, извозчик привычно ее спрятал и напоследок дал добрый совет:

– Вам, значит, вон тот особняк нужен!..

Оглядевшись по сторонам и проводив долгим взглядом удаляющийся экипаж, девушка тихонечко вздохнула и зашагала к указанному дому, по пути собираясь с мыслями и силами: на предстоящем собеседовании ей надо было проявить себя с самой лучшей стороны, потому что... Потому что ей до смерти надоело ее нынешнее полуголодное существование!.. Эта вечная экономия буквально во всем, открытая зависть и скрытая неприязнь в глазах женщин, но более всего – сальные взгляды мужчин, рассматривающих ее словно кусок сочного мяса, только и ждущий своего едока. Постоянные намеки, неприличные касания во время как бы «случайных» столкновений, недвусмысленные предложения жарким шепотом и в полный голос. Кто бы знал, как ей все это надоело! Иногда, в минуты сильной душевной слабости и полного упадка сил, Гликерия даже подумывала о том, чтобы наложить на себя руки – но ее жизнерадостная натура раз за разом помогала выбраться из черной ямы меланхолии. Не может же быть так, чтобы все время было плохо? Должно, обязательно должно случиться и что-то хорошее в ее жизни!..

- Проход закрыт.

Фабричные сторожа, охраняющие поселок высокого начальства, оказались удивительно негостеприимными, без лишних разговоров разворачивая ее назад.

- Я по приглашению его сиятельства!

ОЧЕНЬ внимательно оглядев ее с головы до ног, один из сторожей требовательно протянул руку - в которую девушка тут же и вложила небольшое письмо, полученное всего неделю назад от самой госпожи инспектрисы Московского Александровского женского института. Вместе с добрыми словами напутствия и некоторой суммой на проезд до Сестрорецка и обратно.

- Гм?.. Позвольте вас проводить, барышня.

Мягко и вместе с тем как-то даже элегантно избавив девушку от тяжести саквояжа, мужчина в черной форме довел ее до самого дома, где и передал, что называется, с рук на руки не старой еще экономке. Затем было недолгое ожидание, во время которого она успела привести себя в порядок и даже чуть-чуть подготовиться к скорой беседе, так что когда ее пригласили пройти в кабинет хозяина дома, она была полностью спокойна, собрана и намеревалась произвести на возможного работодателя самое лучшее впечатление.

- Bonjour, mademoiselle Orlova. Asseyez vous, je vous prie [72].

Старательно держа идеально ровную осанку, девушка присела на указанный ей стул и поблагодарила - разумеется, тоже на французском.

- Haben Sie Empfehlungen auch? [73]

Немецкий тоже не стал для нее препятствием, и вместе с письмом от начальницы женского института Гликерия положила на стол несколько сторонних рекомендаций - после чего воспользовалась тем, что его сиятельство погрузился в их чтение, и стала его старательно разглядывать из-под опущенных ресниц. Что сказать, молодой князь был весьма хорош собой: аккуратная прическа, подтянутая фигура (более приличествующая какому-нибудь офицеру), отменный вкус в одежде. Из общего ряда немного выбивалось полное отсутствие бородки или хотя бы усов, но гладко выбритое и слегка загорелое лицо лишь придавало двадцатипятилетнему аристократу дополнительный шарм. Самое же главное заключалось в том, что он смотрел ей прямо в глаза - а не скользил похотливым взглядом по изгибам фигуры. Да и вообще, не проявил к ней определенного интереса, что само по себе было довольно необычно. Хотя... наверняка ведь у него есть камелия? А может, даже и не одна...

- Your recommendations suit me well [74].

Перейдя с английского на русский язык, хозяин кабинета продолжил многообещающую фразу дальше:

- Сейчас вы познакомитесь со своей возможной подопечной, и если у нее не будет никаких возражений - место ваше.

После соответствующего приглашения в кабинет пожаловала весьма ухоженная и красиво одетая черноволосая девочка примерно двенадцати лет. Представив их друг другу, оружейный магнат попросил свою воспитанницу проявить должное гостеприимство - что та немедленно и сделала, вначале уведя претендентку из кабинета в одну из гостиных, а потом с детской непосредственностью забросав чуть ли не тысячей самых разных вопросов.

- А кто у вас был классной дамой?

- Елизавета Константиновна.

- Повезло. Я ее помню, она нам часто улыбалась! А вот Эльза Францевна, наоборот, всегда всем недовольна, а еще так губы поджимала, что они у нее тоненькие-тоненькие становились. У-у-у, злюка!..

- Это да...

В общем, две бывшие ученицы Александровского института довольно быстро нашли общий язык. Тем более что и по возрасту у них разница была всего в пять лет - и стоило ли после этого удивляться, что непоседливая Ульяна решила показать гувернантке вначале свою комнату, а потом и весь дом?

- Здесь у нас гимнастический зал. Я когда хочу побегать или просто побеситься, всегда сюда прихожу.

Оглядев большое помещение и найдя лишь самое малое сходство с привычной по институту залой для гимнастических занятий - потому что в обычном зале не бывает запертых шкафов-стоек с холодным оружием, непонятных станков и прочих приспособлений весьма неясного назначения, - девушка с опасливым сомнением осмотрела со всех сторон поясной бюст мужчины, отлитый из темной и довольно твердой гуттаперчи, и осторожно потыкала его пальчиком. Как выяснилось, статуя крепилась к полу не намертво, а на чем-то вроде большой пружины, потому что рельефный торс «неваляшки» под нажимом пальца едва заметно подался назад. Очередная странность...

- А тут библиотека. Запах такой!.. Особенный, да?

Затем была столовая, где ее угостили ароматным чаем и свежей выпечкой удивительной нежности и вкуса, гостиная, где ей устроили просмотр коллекции самых разных открыток, подаренных маленькой хозяйке каким-то «дядей Гришей», и небольшая прогулка по оранжерее - но окончательно добил семнадцатилетнюю сироту домашний кинотеатр. В котором ей показали рисованный фильм о приключениях отважного мышонка Фомы и неловкого кота Еремея - первый убежал и прятался, а второй, как это ему и полагалось, ловил. И был при этом так смешон и неловок! Боже, как она хохотала!.. Старалась быть сдержанней, с ужасом понимая, что ведет себя совершенно неприлично, но так и не смогла ничего поделать, заливаясь на пару с Ульяной звонкоголосыми колокольчиками и полностью растворяясь в волшебном мире кинематографа...

- Кхм!

Все еще находясь под властью увиденного, Гликерия медленно повернула голову к женщине средних лет - и тут же вспомнила, где она. Впрочем, домоправительница пришла совсем не для того, чтобы как-то выражать свое недовольство - которого, кстати, вовсе и не было.

- Обед - через четверть часа.

Величественно развернувшись, Глафира Несторовна покинула домашний кинозал - а две девушки, юная и молодая, разом захотели посетить туалетную комнату, дабы немного освежиться и привести себя в порядок. Новое помещение семнадцатилетнюю сироту... ну не то чтобы очаровало - но уж впечатлило точно. Настоящее царство белоснежного фаянса, разноцветного мрамора и полированной бронзы!.. Вообще, только попав в дом князя Агренева,

статная красавица осознала подлинное значение двух простых слов: неброская роскошь.

вернуться

72

Добрый день, мадемуазель. Прошу вас, присаживайтесь (*фр.*).

вернуться

73

Есть ли у вас рекомендации? (*нем.*).

вернуться

74

Что же, ваши рекомендации меня вполне устраивают (*англ.*).

Почти все, что она видела, с удивительной точностью подходило под это определение. С виду простое и очень удобное – но если хотя бы немного взглянуть в материал или отделку, то еще и безумно дорогое. А некоторые вещи она вообще видела в первый раз. Вроде настенной мыльницы – поискав оную на раковине, а потом и в других местах (и ничего не найдя, кроме прямоугольной коробочки, неведь зачем намертво прикрепленной к стене), девушка сначала растерялась, а потом почувствовала себя необразованной деревенщиной. Когда двенадцатилетняя Ульяна надела на едва заметный выступ на той самой коробочке, и ей на ладонку вылилось немного жидкого мыла. Впрочем, Гликерии удалось показать себя за обеденным столом, продемонстрировав поистине безукоризненные манеры – жаль только, что оценить их смогла только ее будущая подопечная, потому что сам князь обедом отчего-то пренебрег. Зато в первый раз за все время она удостоилась откровенно неприязненного взгляда – от горничной, осуществлявшей перемену блюд. Интересно, чем это она успела так ей не угодить? Неужели тем, что претендует на место гувернантки?..

– Чем бы нам теперь заняться? А, знаю!

Отобедав, воспитанница аристократа совсем не утратила прежней резвости, энергично направившись в какой-то «демонстрационный кабинет», желая поразить свою гостью моделями дирижаблей – коих там было аж целых три! А потом в планах черноволосой непоседы была настольная игра «Пираты» [75]. Между прочим, придуманная дядей Сашей специально для нее!..

– Ульяна, а почему...

– Тсс!

Слабо удивившись, девушка понятиливо замолчала – потому что сразу вспомнила о том, что кабинет его сиятельства расположен неподалеку. И наверняка он будет недоволен, если его отвлекут от его важных дел... Да, определенно. Меж тем, оказавшись в искомом помещении, юная девица первым же делом подошла к длинному узкому столу и нежно погладила одну

из расположенных на нем моделей воздухоплавательного аппарата. Самую маленькую.

- Вот. Мне «Чайка» нравится, а тебе?

Приблизившись, Гликерия осмотрела среднюю и самую большую по размерам модели, затем таблички с их названием, после чего честно и ответила:

- «Альбатрос».

Тихонечко хихикнув, Ульяна с пренебрежением посмотрела на «Кондора» и надула щеки, тем самым намекая на его «пузатость».

- Вот никому эта сосиска не нравится!

Поджав губы ради того, чтобы не рассмеяться в полный голос, гостя согласно кивнула и - все же отвернувшись, не в силах удержать улыбку. Скользя взглядом по маленьким моделям самоходных карет и речных пароходов, она опустила глаза чуть ниже, невольно заинтересовавшись железным (или стальным?) бочонком. Поставленным на три колесика и снабженным чем-то вроде длинного хобота - наверное, чтобы его было удобнее возить за собой? Три черных рычажка-кнопочки, явная рукоятка, два маленьких стеклянных окошечка, сильно напоминающих своей формой и расположением обычные очки...

- А это будет ездить, плавать или летать?

Поставив на место «Чайку», маленькая хозяйка подошла и осмотрела темно-зеленый бочонок с видом опытного инженера. Задумчиво хмыкнула, затем щелкнула одним рычажком. Потом вторым и напоследок с видимым разочарованием - третьим.

У-оу!!!

Родившись из ничего, в кабинете начал нарастать какой-то inferнальный звук вроде низкого утробного гула, смешанного с сатанински-злым ревом. На ожившем бочонке загорелся красный глаз, сам он пару раз мелко дернулся и вроде бы двинулся вперед, явно намереваясь до них добраться - отчего попятившаяся назад Ульяна была быстро (и больно) задвинута за спину Гликерией, зажмурилась там от страха и оглушительно завизжала, тут же поддержанная своей гостьей.

Гу-оу!!!

С треском распахнувшаяся дверь пропустила полуодетого князя, тут же страдальчески поморщившегося от пронзительного дуэта оцепеневших от ужаса девиц. Сделав ровно три шага до опытного экземпляра пылесоса, он перекинул тумблер в позицию «выключено», подождал, пока стихнет не такой уж и громкий гул электромотора, и с явными искорками раздражения осмотрел примолкших «экскурсанток». Причем младшая глядела на него из-за старшей, и обе они стремительно наливались густым румянцем смущения.

- Ульяна. Я ведь просил НЕ ЗАХОДИТЬ в этот кабинет?..

В ответ на это девочка бросилась на шею к дяде Саше, уткнувшись лицом в его сорочку, где и разрыдалась, невнятно оправдываясь и обещая никогда-никогда более не ходить туда, куда ей запретили.

- Честно-пречестно!!!

- Ну-ну.

Легко подхватив на руки совсем не хрупкую воспитанницу, хозяин особняка легким наклоном головы пригласил замершую в полнейшей растерянности Гликерию на выход. Довел ее до гостиной, где и оставил в полном одиночестве переживать полнейший провал своего собеседования – ясно ведь, что после такого конфуза ей откажут от места. И горничная, еще недавно смотревшая на нее с неприязнью, чуть ли не лучится от удовольствия... Зато экономка, совсем наоборот, смотрела на неудавшуюся гувернантку с явным сожалением. Так же, как и вторая горничная, удивительно похожая на Глафиру Несторовну лицом.

- Госпожа Орлова.

Стоило только аристократу появиться, как его прислуга удивительным образом исчезла, оставляя их наедине. Невольно встав, поименованная госпожой девушка приготовилась с честью встретить очередной удар судьбы – но, против ее ожидания, ей не указали на дверь, а вручили какой-то документ.

- Потрудитесь ознакомиться и поставить свою подпись. Вы приняты!..

Десятый день апреля одна тысяча восемьсот девяносто третьего года «сестрорецкий затворник» Агренин встретил на «на борту» канареечно-желтого вагона первого класса, и в знакомом до последней мелочи купе. Все тот же дорожный кофр, стопка газет на столике... Разве что вместо экзотического (пока) растворимого кофе в чашке исходил тонким ароматом свежесваренный чай с тоненьким ломтиком лимона. Между прочим, напиток, также представлявший собой редкостный эксклюзив – ввиду того что плантации чайного куста, разбитые в полусотне верст от Екатеринодара по правому берегу реки Кубань, только-только начали расти вверх и вширь. И в ближайшее время урожая с них можно было не ожидать. Поэтому екатеринодарский чай был представлен всего дюжиной «взрослых» кустов (с которых, собственно, его история и начиналась), урожая с коих едва-едва хватало на то, чтобы побаловать новым вкусом старого напитка членов совета директоров и его двадцатипятилетнего председателя.

Дамц!..

Легкий рывок вагона и свист паровозного гудка, на краткое мгновение возвысившийся над Ярославским вокзалом, ознаменовал долгожданное отправление поезда Москва – Вологда. Появился и начал нарастать ритмичный перестук колес, добавилось легкое покачивание вагона... Который, кстати, чуть ли не полностью занял скромный путешественник князь Агренин. В одном купе (в том, что посередине) он ехал сам. Во втором – его охрана. В третьем опять-таки его воспитанница Ульяна, в компании со своей статной гувернанткой Гликерией Орловой. Четвертое же заселила горничная Маша и девушка Ольга, выполнявшая довольно непонятные для прислуги обязанности. Потому что – ну не бывает же девушек-телохранительниц, верно?

- Так, что у нас здесь?

Раскрыв папку с отчетом, прибывшим довольно сложными (зато надежными) путями аж из самого Цюриха, аристократ-промышленник на добрых два часа выпал из реальности, знакомясь с трудовыми подвигами (вернее, с результатами оных) клерков кредитного заведения Хоттингера. Что сказать – те уже в который раз подтвердили свою высокую квалификацию, прикупив за смешные деньги вольфрамовые рудники в Галисии и в провинциях Кордова и Саламанка. А на сдачу умудрившись взять парочку месторождений молибдена –

бывшие хозяева не видели в них ну абсолютно никакой ценности. Вот если бы цинковые или даже медные!.. Тогда да, такое продавать – дураков нету.

«Учитывая, сколько сейчас в Испании безработных, за шахтерами дело не станет. А станет оно за переработкой руды в металл... Строить на месте металлургический комбинат? Благодарю покорно, он и в России будет неплохо смотреться. Значит, тратимся на транспортировку руды? Которую, в случае любых осложнений, разом обрежут. М-да».

вернуться

75

Действие игры происходит на необитаемом острове, где участникам предстоит найти сокровища и погрузить их на свой корабль. В игре могут принимать участие до четырех команд.

Александр немного поломал голову, выбирая наилучший вариант – потому что кроме «швейцарского инвестора, пожелавшего остаться неизвестным» в испанский вольфрам неплохо вложился и Вениамин Ильич Лунев, вполне официально прикупивший своему работодателю (и примкнувшему к нему в качестве компаньона Вестингаузу) рудники в Санта-Барбаре, а также в провинциях Леон и Сьерра. Более того, почтенный юрист и сам заинтересовался этим делом, став полновластным хозяином трех небольших месторождений.

«Да чего я мучаюсь? Уговорить Тиссена на совместное предприятие, разбавить нашу компанию Вестингаузом и банком Хоттингера – да и отстроить в Испании на акционерных началах горно-обогатительный комбинат, а в России соответственно завод по производству вольфрамового и молибденового концентрата и металлургическое производство. Пусть только попробуют отжать бизнес, с таким-то набором учредителей и промышленной географией! А если по каким-то причинам поставки руды все же прервутся, завод и металлургический комбинат прекрасно обойдутся и сырьем с Тырнаузского месторождения. Кстати! Надо бы поторопить геологов, чего они медлят с его открытием?»

По зрелом размышлении князь решил заменить кандидатуру Тиссена на Круппа. Во-первых, чтобы тот охотнее помогал ему с реконструкцией Пермских пушечных заводов. А во-вторых, Август Сильный подложил своему российскому коллеге изрядную свинью (вернее, владелец Кыштымского горнозаводского округа ошибся сам, понадеявшись на отчет германских геологов), отстроив домны и мартены там, где заканчивается железная руда и отсутствует нормальный уголь. В результате аристократу пришлось неплохо растряссти свою мощну для строительства двух веток полноценной железной дороги и трех узкоколеек, а также полудюжины новых рудников.

– Определенно, это будет Крупп!.. Опять же можно будет поговорить с ним насчет небольшого кредита...

Потому что «сестрорецкому затворнику» относительно недавно пришлось потратиться на неустойку по контракту Доливо-Добровольского, а также переслать на Дальний Восток немалую сумму бывшему пограничнику Дымкову, на поддержку энтузиазма геологов и новых партий переселенцев. Триста тысяч рублей успешно освоил Аристарх Петрович Горенин (промышленный шпионаж – это святое!), и почти столько же выклянчил Лазорев. С обычной уже формулировкой – на развитие производства.

- Вот уж утроба ненасытная!

Плюс «вступительный взнос», за право уместить свое седалище в кресло одного из членов правления Вожско-Камского банка, и удовлетворение разыгравшегося аппетита профессора Пильчикова – и все, поступления от продажи лицензий на «Электрогефест» и ацетиленовую горелку растаяли, как тонкий ледок под жарким солнцем. И как будто этого было мало – сразу двухмесячный лимит «карманных денег» ушел на представительские расходы, в виде добровольно-обязательных пьянок с доблестными гвардейцами и намеренных проигрышей в карты перспективным министерским чиновникам. Плюс благотворительность – кстати, что-то просители слишком уж зачастили... В последний раз пожаловал аж целый председатель Московского комитета помощи голодающим, архитектор Франц-Альберт Шехтель. Заинтересовавший оружейного магната не своими достижениями на поприще архитектуры (которых, кстати, пока и не было), а в первую очередь тесной дружбой с врачом и литератором Антоном Палычем Чеховым, журналистом Гиляровским и основателем художественной галереи имени себя любимого, купцом и меценатом Третьяковым.

- Н-да.

Плановая прибыль с предприятий... Целиком и полностью ушла на их же плановое развитие. На поднакопившиеся за последние полгода рентные отчисления куплен испанский вольфрам.

- Прямо дурдом какой-то получается!.. Ведь случись резкая нужда в десятке-другом тысяч – так и взять неоткуда будет. Не занимать же у самого себя? Эх-ха, бедный я несчастный мультимиллионер!..

Допив чай, Александр в благородной задумчивости слегка позвякал ложечкой по фарфору, гоняя в опустевшей чашке одинокий ломтик лимона, тяжело вздохнул – и вернулся к отчету. В котором один из клерков Хоттингера предлагал уважаемому клиенту интересный проект:

«Учитывая несовершенство золотодобычи в Российской империи, очень привлекательным видится аренда отвалов золотых приисков, с целью последующего выделения имеющегося в них металла методом кучного выщелачивания [76]...»

Проглядев пять страниц расчетов и графиков, наглядно показывающих, что поданная идея просто-таки обречена на успех, аристократ-промышленник ненадолго задумался. Затем хмыкнул, представляя, сколько отвалов накопилось рядом с его испанскими вольфрамово-оловянными рудниками, и с тяжелым вздохом (ближайшие полгода, а то и год, рентных отчислений ему не видать!) изложил прямо на проекте свою глубоко положительную резолюцию. А также пожелание – насчет того, что выщелачивать можно и нужно не только золото, но и прочие, весьма интересные для любого промышленника металлы.

- Грабят бедного меня все, кому не лень. М-да, ближайший месяц мне в офицерских собраниях и столичных салонах делать нечего – ибо финансы поют тоскливые романсы!.. Ничего, в Вологде да Кыштыме отсижусь. Или Лазорева своим визитом порадую – пускай ублажает начальство достигнутыми успехами.

Впрочем, не все было так печально. Например, не далее как неделю назад у Русской оружейной компании появились заказчики из далекой Абиссинии. И не просто появились, но и чуть ли не с порога возжелали «быстро-быстро!» прикупить тридцать пять тысяч винтовок МАг с тройным боекомплектом. Правда, денег им хватало только на половину желаемого, так что гостеприимный фабрикант с легкой душой направил жителей солнечной Африки в Волжско-Камский банк, просить кредитного вспомоществования. Также интересные новости

приходили и из Испании, где в оружейном конкурсе вышли в финал сразу две системы. Винтовка «Агрень» калибра семь миллиметров и винтовка Мосина – Агренева. Калибром все в те же семь миллиметров.

«Свирепая и бескомпромиссная борьба правой руки с левой, хе-хе».

Гордые, но очень бедные кабальерос уже несколько раз вполне отчетливо намекнули о своем желании заказать триста винтовок Мосина – Агренева – для войсковых испытаний.

С последующим вполне возможным большим контрактом – особенно если русский князь согласится на какой-нибудь бартер в качестве оплаты. Хотя бы на половину стоимости контракта, в который, между прочим, будет входить и модернизация патронного завода под выпуск боеприпасов на бездымном порохе.

«Ну и что с этой нищеты можно взять? Оставшиеся вольфрамовые рудники, немного оловянных, ртуть, еще вино у них хорошее. Все вроде? Да уж, негусто!.. Эх, где бы взять миллионов десять – двадцать? А лучше тридцать – сорок. Опять кого-нибудь пограбить, что ли?»

Закончив читать отчет из Цюриха, Александр вернул его в саквояж и пододвинул поближе газеты – с тем чтобы через довольно короткое время отбросить их прочь. Просто удивительно, сколь много событий проходит мимо представителей второй из древнейших профессий!.. Вот скромный промышленник князь Агреньев ни разу не журналист (упаси боже от такой участи!), зато знает, что... Что в одном из монастырей близ Антверпена не так давно разразился тихий и вместе с тем весьма неприятный скандал, с лишением одного из монастырских обитателей духовного сана. За то, что тот поддался козням Маммоны и продал неустановленным личностям полную технологию производства жаропрочной и удароустойчивой керамики.

«Кому-то скандал, а кому-то нормальные свечи зажигания для двигателей!»

В немецком городе Штутгарте сильно захворал мало кому известный промышленник, инженер и изобретатель Роберт Бош. Болезнь его была нервного свойства – проще говоря, иногда у него приключались такие видения, что окружающие прямо даже и не знали, что думать – то ли он душевнобольной, то ли пророк.

«Потому что не всякие грибы можно кушать – даже если и не знаешь об их наличии в еде».

В другом городе объединенной Германии, славном своим университетом и компанией по производству оптического стекла, один из технологов этой самой «Schott & Genossen Glass Works of Jena» – по зрелом размышлении все-таки решил обеспечить будущность своих детей. Надо сказать, что обхаживали его нежно и очень осторожно, и это обстоятельство сыграло далеко не последнюю роль в положительном решении вопроса о сотрудничестве... все с теми же «неустановленными лицами».

вернуться

76

Кучное выщелачивание – процесс получения металлов растворением подготовленного и уложенного в специальный штабель минерального сырья, с последующим их выделением (осаждением) из циркулирующих растворов.

- А вот в Англии неудобно получилось.

Действительно, здоровье английского физика Оливера Лоджа оказалось слишком слабым для ударной дозы спорыньи [77]. Наверняка сказалось и отсутствие должного опыта и сноровки у германских студентов, навестивших известного профессора... Впрочем, от ошибок никто не застрахован. Наверное, именно по этой причине Чарльз Алджернон Парсонс, довольно известный инженер и изобретатель, избежал разного рода видений и душевных расстройств. Зато среди бела дня подвергся нападению каких-то ирландских бандитов, в бессознательном состоянии попал на больничную койку, где вполне благополучно и пришел в себя – только лишь для того, чтобы узнать о большом пожаре в своей лаборатории и квартире. Наглые и возмутительные происки нечистоплотных конкурентов!!! Изобретатель уже даже знал, на кого именно думать – конечно же на тех, с кем он судился касательно патентных прав. Ничего, они еще пожалеют о своей грязной игре! Потому что его разум остался чист, да и здоровье обещало поправиться. Со временем. И вообще, сгорели только материальные ценности, а близкие люди не пострадали – и значит, он все восстановит. Опять же со временем.

Чарльз Парсонс еще не знал, как сильно ему повезло. Потому что примерно в это же время прямо на пороге своего дома какими-то люмпенами [78] был убит немецкий философ, ближайший друг, единомышленник и соавтор самого Карла Маркса, по имени Фридрих Энгельс. Клинок, оборвавший его жизнь, был обычным кухонным ножом, вдобавок убийцы основательно пограбили его имущество – и вдвое больше просто испортили. Вот эта смерть наделала много шума в узких партийных кругах – главным образом потому, что все недоумевали, как мог угнетаемый пролетариат поднять руку на своего просветителя, благодетеля и некоторым образом даже вождя. Склоки, избыточные статьи, недоумение полиции, требования всенепременно найти и покарать – и, разумеется, клятвенные обещания подхватить упавшее знамя единственно верного учения.

Кто бы знал, как расстроился в свое время отставной унтер пограничной стражи Долгин, поняв, что ему ну никак не светит навестить автора «Капитала» по причине его отсутствия среди живых! И как радовался, узнав, что хотя бы Энгельс дождется его визита. Более того, он буквально выцыганил у своего друга твердое обещание – в том, что по «вождям мирового пролетариата» будет работать только и исключительно он. Потому что уж очень близко к сердцу принял Григорий перспективу проигрыша в двух войнах, с последующей революцией и Гражданской войной – с особенной болезненностью переживая судьбу оренбургского казачества. И будь его воля, всех пламенных и не очень революционеров ждала бы нелегкая и ОЧЕНЬ долгая смерть...

- Ничего, подстрелит пару-тройку аргентинских олигархов, немного успокоится. М-да. Как страшно жить!

За пределами Российской империи. А вот в ней – совсем наоборот, обстановка потихонечку улучшалась. Появлялись новые заводы-фабрики, музеи и библиотеки – а в последнее время ее императорское величество Мария Федоровна, всемерно заботясь о досуге своих верноподданных, потихонечку продавливала идею открытия на крымском побережье особой курортной зоны. В самом-то деле, доколе дворянскому и купеческому сословию терпеть дорожные неудобства и лишения, чуть ли не неделю добираясь до казино Ниццы и Монте-Карло!.. Пора, давно уже пора устроить нечто подобное в самой империи – разумеется, с тем, чтобы вся прибыль с особого курорта шла на нужды Ведомства учреждений императрицы Марии [79]. Если прибыль с продажи карт может быть употреблена на благотворительность, то почему доход с казино и всяких там кабаре не сможет послужить делу ликвидации безграмотности в империи? Или устройству лазаретов по волостям?.. Ремесленных училищ,

странноприимных и сиротских домов...

- Надеюсь, Дагмара никому не скажет о том, кто именно подал ей такую эпохальную идею.

Тихонечко вздохнув, скромный путешественник и оружейный магнат запустил руку в саквояж, немного там порылся и вытащил солидной толщины укладку с разнообразными сводками, отчетами и докладами – из самых недр Центрального статистического комитета Российской империи. Что характерно, в оной укладке наличествовали исключительно оригиналы документов, копии же как раз остались в архиве комитета. Почему? Да потому, что архивариусы – тоже люди, и ничто человеческое им не чуждо. Как, впрочем, и некоторым начальникам департаментов самых разных министерств...

- Что-то сегодня у меня душа к статистике не лежит. Может, ну ее?..

Повертев укладку перед глазами, он с внутренним облегчением убрал ее обратно в саквояж. Подумал. И вновь полез в нутро своего дорожного «друга», выложив на поверхность стола сразу три папки. Статистику князь читать откровенно не хотел (не самое полезное занятие для сохранения душевного равновесия) и вполне мог отложить знакомство с ней на некоторое время. Жаль только, что недолгое. А вот просмотреть черновые наброски сразу трех дипломных проектов, кои он скоро будет защищать в Императорском Московском техническом училище, надо было даже через «не могу».

- Чертов гранит науки!

Честно говоря, Александр уже не раз пожалел об этой своей затее. А также о том, что защита будет словами, а не с помощью верного «Рокота». Вот было бы здорово – зайти, за пару минут отстреляться, причем с минимумом предварительной подготовки, затем проконтролировать особо вредных оппонентов...

- Ха, я бы тогда и на звание академика рискнул замахнуться!..

Положив перед собой первый из дипломных проектов, студент-аристократ с чувством продекламировал его название:

- «Система управления направлением движения транспортных средств «Рулевое колесо».

Учитывая тот факт, что мотоколяски пока управлялись чем-то вроде лодейного кормила, которое кое-где уже успели обозвать «коровьим хвостом», или при помощи сразу двух-трех рычагов, тема была актуальнейшая. Накрыв его вторым проектом, князь вновь прочитал название вслух:

- «Применение железобетонных конструкций в гражданском и железнодорожном строительстве».

Сразу несколько известных архитекторов и строителей (среди которых был сам Шухов), а также крупных чиновников министерства путей сообщения выразили желание присутствовать на защите столь передовой темы. Да и нынешний министр финансов, драгоценнейший Витте, тоже проявил заметный интерес – сразу, как только узнал, что новый метод может сильно удешевить почти любое строительство. Что ни говори, а экономить на всем, на чем только можно, Сергею Юльевичу полагалось просто по должности!

- «Очистные сооружения на предприятиях химической и металлургической промышленности».

С последним дипломным проектом было хуже всего – в том плане, что имеющийся в ИМТУ зал категорически не вмещал всех желающих. Часть мест зарезервировали уважаемые профессора, другую часть – еще более уважаемый Дмитрий Иванович Менделеев. Да не один, а с целым выводком своих учеников! За оставшиеся же (весьма немногочисленные) места соперничали промышленники, желающие как можно быстрее узнать – как превратить бесполезные отходы своего предприятия в стабильный ручеек прибыли.

– Эх-ха, начнем грызть гранит науки.

Поглядев на три папки, Александр вдруг решительнейшим образом восхотел чуть-чуть подремать. Никак не больше ста восьмидесяти минут... На каждое ухо.

– Да ну его к черту, попозже догрызу!..

Начав служить на новом месте, Гликерия Орлова уже к вечеру поняла, что ни много ни мало – обрела работу своей мечты. Потому что первым же делом его сиятельство отправил гувернантку в один из особняков Сестрорецка, приводить свой внешний вид в полное соответствие с положениями контракта. Мало того – еще и за его счет! Как он там выразился (довольно непонятно при этом улыбнувшись):

– Обеспечение вас рабочей одеждой есть моя прямая обязанность как работодателя.

вернуться

77

Спорынья – род грибов семейства спорыньевых, употребление внутрь вызывает пищевой токсикоз и стойкие расстройства психики.

вернуться

78

Люмпен (-пролетариат) (от нем. Lumpen – «лохмотья») – термин, введенный Карлом Марксом для обозначения низших слоев пролетариата.

вернуться

79

Также – Четвертое отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии, иначе – государственный орган по управлению благотворительностью в Российской империи. Ведет свою историю от Канцелярии императрицы Марии Федоровны, супруги Павла Первого.

Особняк же оказался не просто каким-то там строением, а салоном дамской одежды, и встретили в нем девушку так, словно уже давно жаждали: непрерывный хоровод полудюжины хорошеньких закройщиц и портних, короткие распоряжения властной женщины, представившейся Зинаидой Меркуловной, – и настоящие водопады ткани. Да какой! Блестящий холод гладкого шелка, тончайшая английская шерсть, мягкое тепло хлопчатобумажных

отрезов... А еще были черные и белые кружева, альбом с фотографиями шляпок, обуви, перчаток, нижнего белья и прочих, самых разных женских мелочей, постоянные примерки и мимолетные вопросы – отвечая на которые она неожиданно рассказала чуть ли не всю свою немудреную биографию. Впрочем, и сама Гликерия тоже немало узнала. Например, откуда в Сестрорецке завелись на диво хорошие портнихи: как оказалось, начало их появлению положил управляющий Сестрорецкой оружейной фабрикой господин Герт, у которого во всей его многочисленной семье был только один мужчина. Он сам. И по магазинам Иммануил Викторович ходить крайне не любил, а еще больше ему не нравилось отрываться от любимой работы, уезжая куда-то из Сестрорецка. Зато на фабрике как раз был швейный цех, денег же у любимого мужа и обожаемого отца хватало, так что... А после первых же результатов этот почин подхватили и начальники цехов. За ними восторженно потянулись городские модницы, проявили интерес дамы, приезжающие с супругами отдохнуть в курортный городок, – и как-то уж так получилось, что городское отделение швейного цеха потихоньку превратилось в полноценное ателье-салон дамской одежды и аксессуаров «Модница». Причем салон этот был далеко не рядовой, ибо за количеством клиентов не гнался, тем самым невольно создавая атмосферу некоей элитарности.

– Утром все будет готово.

Гликерия, с некоторым сожалением надевая обратно свое довольно неказистое платье, радостно поблагодарила. После чего, находясь целиком и полностью в плену сладостного предвкушения ТАКИХ обновок, едва не прошла мимо поджидавшего ее экипажа. Легкий ужин в компании пришедшей в себя подопечной и самого князя, усилившееся недовольство со стороны горничной по имени Дарья, крепкий сон – а утром целое море восторга. Потому что семнадцатилетней сироте никогда еще не дарили таких дорогих и красивых подарков!!! Причем без каких-либо условий. Вернее, условие как раз было, и даже не одно, ведь ее внешний вид определял именно ее работодатель. А ему почему-то захотелось видеть рядом со своей воспитанницей не скромно одетую гувернантку, а молодую барышню весьма состоятельного вида – против чего Гликерия совсем не протестовала, впервые в жизни покорно подчиняясь хозяйской (более того, мужской!) причуде. Кстати, странное дело – но вид горничной, увидевшей гувернантку в одном из ее новых платьев, доставил девушке просто удивительное наслаждение. Растерянность, чуть ли не ярость, жгучая ревность, переходящая в жаркую неприязнь... Воистину некоторые мгновения просто бесценны! Правда, потом ей было очень стыдно за такую низменность чувств.

– Вас просят в Бежевую гостиную.

Думая, что знает, о чем будет разговор, она прихватила с собой наброски учебного расписания и перечень предметов, которым будет учить свою милую подопечную, – но вместо этого с удивлением увидела в гостиной явно взволнованную чем-то Глафиру Несторовну, ее дочь-горничную и... И еще одну дочь? Присмотревшись внимательней, семнадцатилетняя учительница в этом полностью уверилась. Тем временем в комнату вошла вторая горничная, затем какая-то стройная девица довольно невзрачного вида в компании с одним из сторожей, а затем пожаловал и сам Александр Яковлевич, тут же доставший из внутреннего кармана пиджака сложенный вдвое документ, который он развернул и протянул горничной:

– Дарья, вы можете дать объяснение изложенным здесь фактам?..

Поглядев на побледневшую служанку, а затем и на лист, выпавший из ее ослабевших пальцев и спланировавший на пол, хозяин дома выдержал небольшую паузу. После чего негромко, но как-то внушительно резюмировал:

- Вы уволены за нелояльность работодателю.

Бледность лица немедля дополнилась яркими красными пятнами на щеках, после чего горничная слегка пошатнулась и закрыла глаза.

- Глафира Несторовна?..

Время от времени поглядывая на свою теперь уже бывшую подчиненную, экономка-домоправительница познакомила всех с новой горничной по имени Устинья, после чего старая и новая прислуга вышла прочь, как-то незаметно прихватив с собой и вздумавшую зарыдать во весь голос Дарью.

- Гликерия Ильинична.

Встрепенувшись, гувернантка тут же подошла поближе, всем своим видом показывая готовность внимать.

- Позвольте представить вам госпожу Данилину, Ольгу Сергеевну.

Быстро и вместе с тем очень внимательно оглядев друг друга вблизи, девушки почти одновременно обозначили легкое приветствие.

- В то время как вы будете преподавать вашей подопечной общеобразовательные предметы и иностранные языки, Ольга Сергеевна будет заниматься с Ульяной гимнастикой, верховой ездой и рядом других... предметов. Также она будет присутствовать на некоторых ваших занятиях - надеюсь, вы не откажетесь поделиться своими знаниями с еще одной ученицей?

- Разумеется, ваше сиятельство.

Появившееся было у статной красавицы недоумение и даже обида быстро прошли - потому что хотя она в свое время и была в числе самых успевающих учениц Александровского женского института, некоторые предметы давались ей с большим трудом. Потому что некоторые особенности ее фигуры и совсем не воздушное телосложение отнюдь не способствовали выдающимся успехам в гимнастике - а иногда даже откровенно мешали оным... Вот как прикажете встать на тот же мостик, когда грудь сразу начинает выпирать самым неприличным образом?!.. Разумеется, она не была совсем уж неуклюжей неумехой и спокойно выполняла все упражнения институтского гимнастического курса (от матушки ей досталась не только красота, но и неплохая гибкость) - тем не менее мысль передоверить подобное кому-то еще ей весьма понравилась. Тем более даже на беглый взгляд было видно, что эта Данилина обладает идеальной фигурой для разного рода активных игр и упражнений. Стройная (но совсем не тощая), с почти незаметной грудью и сквозящей буквально в каждом движении уверенной грацией.

- Тогда не буду стеснять вас своим присутствием.

Увы, но толком познакомиться со своей помощницей-ученицей и наладить учебный процесс у Гликерии не получилось - потому что ровно через пять дней князь Агренив решил навестить родителей своей воспитанницы. Честно говоря, до этого гувернантка думала, что Ульяна, некоторым образом, полная сирота, но ее подопечная с вполне понятным возмущением опровергла эти домыслы - с жаром рассказав, какая у нее красивая и добрая мама и какой хороший отчим.

- У меня еще и брат есть!

Само путешествие вышло относительно недолгим, и она откровенно наслаждалась каждым часом, проведенным в пути. Купе в вагонах первого класса были наполнены удивительным комфортом, еда и напитки – выше всяческих похвал, кондукторы и вокзальная прислуга очень предупредительны... Еще она с удивлением поняла, что ее почти перестали задевать сальные мужские взгляды. Нет, сами-то взгляды никуда не исчезли, просто в них добавилось непонятное ей сожаление и какая-то опаска. Наверное, сказывалось то, что семнадцатилетняя гувернантка теперь почти всегда была в компании молчаливых и очень серьезных мужчин – чьи внимательные взгляды лучше всяких слов отпугивали любителей уличных знакомств и двусмысленных шуток. Или то обстоятельство, что она в своем новом платье более всего походила на благовоспитанную и весьма обеспеченную девицу дворянского сословия. А у таких (тем более столь привлекательных) всегда и везде находились защитники. Попробуешь чего предложить, так ведь и перчатками по щекам не постесняются отхлестать или тростью приложиться! А то и офицерским сапогом по филейной части!..

– Куда прикажете, вашсиятельство?

Вокзал славного города Вологды своими размерами или красотой строения отнюдь не поражал, поэтому пассажиры желтого вагона прямо с дощатого перрона пересели в лихо подкатившие экипажи.

– На Кирилловскую улицу, особняк купца Вожина.

Окинув путешественников каким-то непонятным взглядом, «водитель» саврасого мерина кивнул:

– Доставим в лучшем виде, вашсиятельство.

Надо сказать, что возвращение Ульяны в отчий дом должно было стать небольшим сюрпризом – двенадцатилетняя непоседа долго уговаривала своего попечителя не извещать родителей о скором приезде. Загодя озаботилась подарками, смастерив довольно милые открытки и самостоятельно (ну почти...) сшив для маленького братика весьма красивые ползунки и шапочку, а также везла с собой небольшой фотоаппарат с целой дюжиной фотопленок, намереваясь поразить родителей мастерством в обращении с «Зенитом». В общем, девочка была преисполнена самых светлых ожиданий и едва не ерзала от нетерпения...

– Прибыли, вашсиятельство!

Не торопясь покидать экипаж, титулованный аристократ осмотрелся по сторонам – и почти сразу же едва заметно нахмурился. Да и самой Гликерии на какое-то мгновение вдруг показалось, что новехонькое трехэтажное строение выглядит как-то блекло – так, словно бы в его стенах приключилось что-то нехорошее. Все окна занавешены темными шторами, у входа стоят несколько женщин в откровенно траурных одеждах... Пока они выгружались, один из охранников подошел к насторожившимся горожанкам и коротко переговорил, почти сразу заторопившись назад. Что именно он шепнул аристократу, гувернантка не расслышала, но после этого все они немедленно остановились.

– Когда?

– Сегодняшней ночью.

Абсолютно не понимающая причины задержки Ульяна шагнула было вперед – и тут же была остановлена рукой князя. Поглядев на замерших в любопытном ожидании женщин у входа, Александр Яковлевич как-то непонятно замялся, явно подбирая слова. Присел, упиравсь

коленом прямо в уличную пыль – так, чтобы их глаза были на одном уровне. Вздыхнул, собираясь сказать явно что-то неприятное...

– Ваше сиятельство!

Выскочивший непонятно откуда мужчина попытался было приблизиться к оружейному магнату, но был моментально остановлен его охраной. Невнятно чертыхнулся, доставая из кармана удостоверение, сунул его в руки живого препятствия – которое уже отошло в сторону, услышав короткое:

– Пропустить.

Встав на ноги и на секунду прижав к себе девочку, уже начинающую подозревать что-то нехорошее, князь тихонечко попросил:

– Подождешь меня в гостинице?

– Дядя Саша... Что-то с мамой, да? Или с братиком?

Попытавшись хоть немного отстраниться и потерпев в этом полную неудачу (слишком уж сильно вцепились в него девичьи пальчики), работодатель Гликерии тяжело вздохнул и положил обе руки на тонкие плечики Ульяны, вновь прижимая ее к себе.

– Случилось, Уля.

После чего перевел взгляд на так торопившегося к нему мужчину и неохотно распорядился:

– Подробности!

– Марыся Адамовна нищим да разным голодающим попечительствовала – с год уже кормила-поила их и... привечала всяко, одним словом. От кого-то из этой братии холерой и заразилась.

Двенадцатилетняя девочка замерла, оцепенев.

– В общем... позавчера она заболела, а вчерашним полднем и на младенчика перекинулось. Врачи помочь не смогли.

Поглядев на мертвенно-бледную Ульяну, мужчина явно проглотил несколько фраз с излишними подробностями – она же, тоненько вскрикнув, отчаянно рванулась к дому, еще раз, еще – и обмякла, потеряв сознание. Князь, который эту потерю и обеспечил, отнял пальцы от ее сонной артерии и подхватил девочку на руки. Передал свой груз подскочившему телохранителю и жестом приказал продолжать печальный рассказ:

– Савватей Елпифидорович тоже заболел – но как-то полегче вроде. Сам до последнего с ними был. А как один остался, сына поцеловал в лобик, да к Марысе Адамовне потянулся – только в един момент на лицо почернел и за грудь схватился... Доктор сказал – сердце не выдержало. Царствие им небесное!..

Вслед за охранником представившегося купца второй гильдии Вожина перекрестились и все присутствующие при разговоре.

– Простите, ваше сиятельство, не уберегли.

Бешено полыхнув глазами, князь набрал в грудь воздуха и – разом потух. Что толку теперь

говорить, что эти нищие не должны были даже и приближаться к охраняемым лицам? Наверняка ведь телохранители уступили настоятельным просьбам Марыси!..

- Служебное расследование покажет, прощать вас или нет. Что в доме?

- Заканчиваем санобработку, а носильные вещи и постельное белье уже сожгли - одним словом, все по инструкции.

Помолчав, отставной ротмистр пограничной стражи оглядел особняк своего соратника. Затем обратил внимание на начавших скапливаться невдалеке зевак, тут же недовольно поморщившись и распорядившись о заселении в лучшую гостиницу Вологды.

- Гликерия Ильинична.

Подавленная случившимся горем девушка немедленно приблизилась к князю.

- Когда она придет в себя, окажите ей всю необходимую поддержку и передайте - я приду к ней сразу, как только освобожусь.

Остаток дня запомнился гувернантке какими-то отрывочными кусками: вот телохранитель бережно укладывает девочку на небольшую софу [80] в гостиничном номере. Затем она прижимает Ульяну к себе, успокаивая голосом и прикосновениями, а та рыдает. Равнодушная предупредительность приглашенного врача, легкий запах валериановых капель, сжавшаяся в клубочек фигурка девочки под тоненьким одеялом, тяжелое молчание и ощущение собственной беспомощности... Когда пришел Александр Яковлевич, были новые слезы и (наконец-то!) благословенный сон - Уля все же уснула, крепко-накрепко вцепившись в мужскую руку. Следующие два дня были для Гликерии тоскливо-тягучими: замкнувшаяся в своем горе двенадцатилетняя сирота оживала только в присутствии попечителя, в остальное время предпочитая отмалчиваться или тихо лежать, закрыв глаза. Прибывшие на похороны родственники Савватаея попытались было ее хоть чуть-чуть разговорить во время поминальной трапезы, но так ничего и не добились. Ни слов, ни хотя бы прямого взгляда. Впрочем, возможно, они и сами сглупили, начав в ее присутствии обсуждать вопросы наследства покойного отчима и попеременно называя ее то «бедной сироткой», то «богатой невестой»... На следующее утро после похорон Ульяна встретила зашедшего в их номер князя тенью под глазами и тихим вопросом:

- Дядя Саша, а... ты меня не бросишь?..

Не знаящая, как реагировать на услышанное, Гликерия только и могла наблюдать, как аристократ вдруг шлепнул свою воспитанницу по задку (довольно сильно, между прочим) и что-то недовольно сказал - что-то, от чего девочка явно ожила и согласно закивала:

- Не буду дурой. Никогда!..

- Вот и хорошо. Мы уезжаем сегодня, вечерним поездом. Но перед этим - мне будет необходима твоя помощь, Уля.

Большой купеческий особняк встретил их гулкой пустотой, занавешенными зеркалами и резко-едким запахом какой-то медицинской химии.

- Когда проводили санобработку, немного перестарались. Мне он в руки не дается, остальным тоже... Хм, раз в доме его нет, стоит поискать на улице.

- Ой, Васька... Васенька?!

Ошалевший от резких жизненных перемен и купания с хлоркой, дворový кот буквально слетел с высокого карниза над одним из боковых окон и в три длинных прыжка добрался до пришедшей за ним хозяйки. Одним махом взлетел по платью на грудь, протяжно и жалобно замявkal – а потом и жалобно пискнул, когда девочка слишком сильно прижала его к себе.

- Уля.

Направившаяся было на выход, спасительница кота послушно остановилась, едва слышно хлюпая покрасневшим носиком, – вот только это были слезы радости, а не горя.

- Пойдем.

При их появлении на заднем дворе особняка едва слышно брякнула цепь, одним своим концом намертво закрепленная на кирпичном заборе, а вторым концом уходящая глубоко в собачью конуру.

- Шарик?..

Медленно, очень медленно из темноты появился большой пес. Поднял лобастую голову, принюхиваясь, махнул пару раз обвисшим хвостом и разочарованно опустил стоявшие торчком уши.

- Шарик, это же я!..

вернуться

80

Софа – широкий диван, в котором спинка и подлокотники имеют одну высоту.

Вновь насторожив уши, пес неожиданно скакнул вперед, принюхиваясь. Легонько заскулил, чуть ли не повисая на натянувшейся в полную длину цепи, бешено замотал хвостом, сипло взлаял...

- Сидеть.

От властности команды едва не присела как сама Ульяна, так и сопровождавшая ее Гликерия. Тем временем князь без малейшей опаски подошел к зубастому охраннику и спокойно надел на него глухой намордник и короткий поводок с ошейником-«удавкой». Затем оттянул старый ошейник из толстой кожи и одним движением его срезал – правда, откуда в его руках взялся нож, гувернантка так и не поняла. Как и то, куда он затем делся.

- Нам пора.

Подождав, пока девочка и девушка покинут задний двор, Александр погладил привставшего (хозяйка уходит!) пса по голове:

- Такие вот дела, брат.

Осмотрелся напоследок, вздохнул и легонько потянул поводок:

- Пойдем, что ли, Шаробанище?..

Глава 14

В сумерках, когда моросящий дождь усилился до затяжного ливня, к вокзалу Воронежа подъехала тройка всадников, тут же приковавшая к себе взгляды множества ломовых [81], буквально запрудивших привокзальную площадь. Они стояли тут с утра, мокли вместе со своими мохнатыми низкорослыми лошадьми на пронизывающем ветру и терпели уже давно ставший привычным голод. Ждали – потому что такие же вот гладкие и важные господа пообещали, что именно сегодня прибудет зерно для хлебных ссуд [82]. Неужели дождалось?..

Когда же новоприбывшие спешились, оставив своих жеребцов на попечение еще одного, непонятно откуда выскочившего *господинчика*, и прошли в привокзальный ресторан, по толпе возчиков поплыла, расходясь словно бы волнами, тягучая неприязнь и недоумение. А еще тихие матерки, скрашивающие долгое и тоскливое ожидание. Стоять было все труднее, вернуться же обратно по своим общинам, да еще с пустыми телегами... И так уже половина изб с голыми крышами стоит – солома, бывшая на них, пошла на корм домашней скотине и четвероногим товарищам. А их хозяева все запасы желудей и лебеды съели, кое-кто же и семенное зерно в котел спустил, причем подчистую. А эти!.. Воистину сытый голодного не понимает...

- Добрый вечер, Александр Яковлевич.

Геннадий Лунев появление работодателя пропустил, занятый разглядыванием веселящейся компании в центре зала, – зато двое его телохранителей оказались на высоте, вовремя заметив самое главное начальство.

- Добрый. Докладывайте.

Слегка осунувшееся лицо и легкие тени под глазами молчаливо свидетельствовали о том, что последние неделю-две князь Агренов спал очень мало. А нейтрально-сухой тон, вкупе с властными манерами, отчетливо намекал на то, что его сиятельство не в духе. Причем давно и сильно.

- К настоящему времени организовано семьдесят пять столовых, всех приписанных к ним кормим два раза в день. Еще сорок – шестьдесят будет развернуто в самое ближайшее время. Кхм, если только выправится ситуация с зерном.

Хватило одного взгляда, чтобы Лунев-младший заторопился с пояснениями:

- На станциях неразбериха и затор, все стараются протолкнуть свои грузы вперед остальных – особенно представители земства и частные благотворительные организации. Вдобавок хлебные барышники позволяют себе подсыпать в зерно разные пустые добавки, подсовывать гниль, завышать цену, и приходится постоянно проверять...

Взрыв смеха, донесшийся из центра зала, ненадолго отвлек внимание оружейного магната от собеседника – чему последний был только рад. До чего же давящий и пронизывающий взгляд! Весь оставшийся доклад он был вынужден постоянно себя одергивать – потому что его тело словно бы само по себе стремилось встать и вытянуться по стойке «смирно». Что было весьма странно и нелепо, так как молодой юрист и управленец к военной службе питал полнейшее равнодушие – если только не сказать больше.

- Что ж, я вас понял. Скоро должны прийти первые вагоны с консервами и мукой,

постарайтесь...

– Господа, тише!

Не обращая внимания на этот неожиданно громкий возглас из центра зала, оружейный магнат продолжил:

– ...продержаться до их прихода. Что касается денег на зерно...

– Господа, слово – Альфреду Альфредовичу!..

Лицо князя как-то непонятно дрогнуло, и он медленно повернул голову в сторону банкетного стола. Внимательно осмотрел весьма представительную компанию, в которой кроме городского чиновничества и губернского предводителя дворянства (все, как один, были в сопровождении своих вторых половинок) поблескивали золотыми эполетами лейб-гвардии Преображенского – смутно знакомый штабс-капитан и ни разу не знакомый поручик. А во главе стола присутствовал некто, одетый в вицмундир чиновника министерства путей сообщения. Довольный и даже радостный, с полнехоньким бокалом в руке.

– Что касается денег на зерно, Геннадий Арчибальдович, то они будут. Из расчета на триста столовых. Пока триста. Справитесь?

– Несомненно. Но если мне будет позволено заметить...

– Я слушаю.

– Александр Яковлевич. Гхм!

Директор Русской аграрной компании кашлянул и посмотрел по сторонам, словно надеясь увидеть что-то новое. Не увидел. Эх, ну до чего же ему не хотелось поднимать эту тему!

– Александр Яковлевич, даже тысяча столовых, при сложившихся обстоятельствах, будет всего лишь каплей в море. ВСЕХ мы накормить не в состоянии.

Тяжелый взгляд жег не хуже огня, заставляя виски и лоб покрываться холодной и противной испариной.

– Попытаться можем, но это гарантированно вас разорит. А вместе с вами – и нас.

Звериные глаза вспыхнули особенно яростно и странно замерцали. А затем в единый миг погасли. Превратившись всего лишь во взгляд неимоверно уставшего человека.

Тинь-тинь-тинь!

Со стороны долетел тонкий перезвон хрусталя – это очередной желающий произнести тост (ну или просто без помех высказаться) привлекал всеобщее внимание. Путем легкого постукивания вилкой по бокалу. Привлек, причем у всех в ресторане, от метрдотеля до последнего официанта, и звучным баритоном начал:

– Господа, я думаю, что выражу общее мнение!..

На этом фоне почти неразличимо прозвучало совсем другое:

– Я знаю, что всех не спасти. Но, боже мой, как бы мне этого хотелось...

Князь словно потух, отрешенно уставившись куда-то в центр стола. Спустя всего каких-то пять минут Лунев-младший даже забеспокоился. А еще через пять решил чуть-чуть покашлять – и тем самым напомнить любимому и крайне уважаемому начальству о своем скромном существовании. Но не успел. Тот внезапно «ожил» сам, без посторонней помощи:

– Всех не накормить – это верно. Но кое-что мы все же сделать можем.

Агрнев еще раз над чем-то задумался.

– Первое: больше никаких новых столовых. Второе: на основе уже имеющихся срочно разворачиваем первые временные приюты-лагеря для детей, одновременно наращивая их общее количество. Принимаем в них ВСЕХ, не забывая записать имя-фамилию и место проживания. Сестер и братьев не разлучать, ни под каким видом. Родителям и прочим взрослым родственникам разъяснить, что они смогут забрать детей сразу после нового урожая.

Давящее золото взора сменилось на теплый янтарь.

– Геннадий Арчибальдович, я надеюсь на вас. Всех не спасти, но детей все же надо. Люди, продовольствие, медикаменты, одежда – это все будет. Я обещаю. Вашей же заботой должно стать только одно...

– Шампанского!!!

Глаза оружейного магната вновь странно замерцали:

– Вы не знаете, кто это так весело гуляет?

– Поневоле узнал, Александр Яковлевич, пока вас дожидался. Это, изволите ли видеть, чествуют Альфреда Альфредовича фон Вендриха, совсем недавно высочайшим повелением назначенного главным инспектором железных дорог. Прибыл господин главный инспектор утром, первым же делом устроил грандиозный разнос местным путейцам и заявил, что наведет среди них должный порядок. Говорят, что при этом допускал достаточно резкие высказывания и был очень категоричен. М-да. Господа гвардейцы его вроде как сопровождают, а может, им просто было по пути? Остальные, все, как один, – встречающие лица.

вернуться

81

Возчик со своей лошадью и телегой, нанимавшийся на перевозку какого-либо груза.

вернуться

82

Государственная продовольственная помощь, заключающаяся в выдаче зерна пшеницы или ржи. С обязательным возвратом, разумеется, в течение следующих трех лет.

– То есть приехал, отдал приказы и со спокойной душой отправился в ресторан. А там...

Легкий кивок обозначил нечто зыбко-эфемерное. Вроде полутысячи мерзнущих, голодных,

но при том упорно не разъезжающихся по домам возчиков на привокзальной площади.

- ...ждут результатов его работы. И насколько я понимаю, ждут достаточно давно. Занятно!..

Тем временем штабс-капитан гвардии вполне закономерно подметил интерес одного из посетителей ресторации и проявил ответный. После чего немедленно пошел на сближение:

- Князь! Вы - и здесь? В этой глуши?.. Когда я оставлял столицу, в ней только и было разговоров о первом турнире дружеских поединков, проводимом в этом вашем, хе-хе, «Колизеуме»! Но что же вы сидите здесь, давайте в наше общество!..

- Благодарю за столь лестное для меня приглашение, капитан, но все же вынужден отказаться. У меня здесь... деловая встреча.

Всем своим видом выражая неприкрытый скептицизм (что за дела могут быть у известного даже за пределами империи оружейного магната в этой забытой богом воронежской глуши?), штабс-капитан тем не менее отошел. И не увидел, как во взгляде недавнего собеседника коротко полыхнуло ничем не прикрытое бешенство. Впрочем, оно очень быстро прошло, почти не оставив следа:

- Геннадий Арчибальдович, у вас есть ко мне какие-либо вопросы? Просьбы?

- С вашего позволения, Александр Яковлевич, одно небольшое уточнение. В детских лагерях будет крайне необходим женский персонал. Могу ли я, хотя бы на первое время, привлечь молодых родительниц?

- Мне кажется, что это можно сделать и на постоянной основе. К тому же детям будет явно проще привыкнуть к незнакомому окружению и порядкам, если рядом с ними будет...

- Князь!

Будь Александр в более уравновешенном состоянии, то наверняка перетерпел бы и это. А так, закаменев лицом, он медленно поднялся и развернулся к возвращающемуся офицеру. И тому, кто шел за ним.

- Позвольте мне представить Альфреда Альфредовича фон Вендриха, главного инспектора министерства путей сообщения.

Сам чиновник за время этого короткого монолога успел пройтись глазами по фигуре молодого аристократа. И остался вполне доволен увиденным. Слухи оказались правдивы! Для своих двадцати пяти лет сестрорецкий фабрикант держал себя очень серьезно. Более того, рядом с ним непроизвольно появлялось ощущение по-настоящему больших денег и прилагающихся к ним высоких связей - а посему такое знакомство определенно стоило всемерно укреплять и развивать. Вот только...

- Я вынужден еще раз повторить свой отказ, господа.

Раздосадованный, причем уже второй раз подряд, гвардеец не удержался:

- Право же, князь, в Петербурге вы были более общительны!

Вендрих молчаливо поддержал это утверждение соответствующим выражением лица. Мало того что они подошли сами, так их предложение еще и проигнорировали!

- Дело в том, капитан...

Аристократ, слегка опустивший голову, сделал крохотный шагоч навстречу офицеру и чиновнику, остановившись на расстоянии вытянутой руки.

- ...что я не понимаю, *что именно* вы с таким шумом и задором отмечаете. Голод и крайнюю нужду, постигшие вот уже девять губерний? Или же то...

Тяжелый взгляд холодно и равнодушно скользнул по оторопевшему от таких слов чиновнику. Вернее даже - сквозь него, словно бы по пустому месту.

- ...что этот господин, прибывший навести порядок с перевозками зерна, отдав приказы, так и не удосужился проверить их исполнение?

- Да как вы смеете! Сударь, вам не место в приличном обществе, и я...

Плюх!

Резкая пощечина, с невероятной легкостью сбившая фон Вендриха на колени, помешала ему закончить свою мысль.

- Князь, что вы себе позволяете!..

Находящийся под легким хмельком (все же «заседали» они уже довольно долго) капитан нахмурился и грозно лязгнул шашкой, стискивая ее рукоять. А потом и вовсе - слегка вытянул узкое и безнадежно тупое (по причине мирного времени) лезвие из черных лакированных ножен. Набрал в грудь воздуха и...

Плюх!

Почти все, кто присутствовал в зале, словно окаменели. Редкие посетители ресторана жадно ловили каждое движение и даже вдох, а за банкетным столом кое-кто еще улыбался, только-только начиная понимать, что именно увидели его глаза. И только два спутника Агренева уже были на ногах и плавно расходились в разные стороны, одновременно расстегивая сюртуки.

Тишина уходила почти осязаемо, крупными каплями секунд - зашевелился капитан, вогнанный невероятно быстрой и мощной пощечиной в сумеречное состояние, а рядом с ним засопел Вендрих, неловко вздымающий себя с колен. Как оказалось, зря.

Плюх!

- Это, сударь, для лучшей памяти - государь вам поручал не за столами сиживать.

Чиновник прилег на спину, чтобы без помех насладиться неведомым доселе чувством легкого нокаута.

- А такие, как вы, капитан, бесчестят своих сослуживцев. Создавая им сомнительную репутацию воинов, проявляющих свою доблесть и отвагу исключительно за банкетным столом.

Оружейный магнат медленно отвел взгляд от лежащих перед ним «собеседников», внимательно оглядел зал ресторации и в полнейшем молчании вернулся за свой столик. С тем чтобы с легкой иронией наблюдать досрочное завершение банкета и сопутствующий этому делу «великий исход» городского чиновничества и вождя всех воронежских дворян - вначале в гардероб (ох и тяжело же одновременно торопиться и проявлять уважение к начальству!),

а потом и на вечернюю майскую слякоть.

– Геннадий Арчибальдович, если у вас нет ко мне никаких вопросов... тогда я вас более не задерживаю.

Слегка побледневший от пережитых эмоций и, наверное, единственный, кто вполне отчетливо понимал, чем все могло закончиться в САМОМ плохом варианте, Лунев-младший встал. Слегка скованно откланялся, сделал знак своим помощникам (отчего те заторопились вперед него) и с крайне задумчивым видом отправился забирать свой плащ. Сегодня он узнал работодателя немного поближе, и нельзя сказать, что обретенное знание так уж сильно ему понравилось...

Александр же, покосившись на опустевший стол, звучно щелкнул пальцами. И вполголоса распорядился, почти не глядя в сторону подскочившего официанта:

– Голубчик, на площади перед ресторацией люди стоят. Ты уж организуй им по порции горячего, но без излишеств. Надеюсь, у вас найдется что-нибудь подходящее?

– Как-с не быть! Бульон куриный, говяжий и свиной-с, щи с гусятинкой, кашка гречневая с салом...

– Вот и отлично. Арсений, проследи.

На поверхность стола упала пара сотенных банкнот.

Уже у гардероба (место встречи не изменить, ага) троицу мужчин догнал поручик лейб-гвардии Преображенского. Подошел, чеканя шаг, и «казенным» голосом уведомил:

– Князь, как вы понимаете, так дело не окончится.

Не обращая никакого внимания на переглядывания своих спутников, оружейный магнат улыбнулся и вполне серьезно ответил:

– Понимаю.

Так славно начавшийся одна тысяча восемьсот девяносто третий год – чем дальше, тем больше не радовал его сиятельство князя Агренева. Началось все со смерти Савватая Вожина. Пусть тот и не играл какой-либо заметной роли в княжеских планах, но все же был верным соратником – а таких никогда не бывает слишком много. Вернее, их всегда очень мало... Затем аристократ-промышленник узнал, что в девяти губерниях империи имеет место быть сильный голод – такой, что терпеливые к нему крестьяне подьели даже семенное зерно и дворовую живность, включая кошек и собак. А также о том, что всего год назад он умудрился вообще не заметить сильнейший неурожай за последние двадцать лет, произошедший в семнадцати губерниях разом и ставший причиной настоящей голодной чумы, осложненной эпидемиями холеры и брюшного тифа. Оценочные потери от таких «радостей жизни» по всем губерниям составили не меньше полумиллиона крестьянских душ!

«А я ведь еще и сетовал на зачавших просителей, считая их скорее вымогателями от благотворительности. И ведь ни строчки в газетах про неурожай и голод!.. Впрочем, сам дурак – нашел, кому верить...»

Пока Александр, забросив все текущие дела (да пошло оно все!), организовывал помощь для голодающих, из Санкт-Петербурга пришло известие о кончине князя Юсупова.

По прибытии в столицу его «порадовали» известием о том, что один из цехов в Кыштымском пороховом заводе решил немного полетать – пусть невысоко, зато во все стороны разом. А вместе с ним в небытие улетели три инженера и семь слесарей-наладчиков – то есть все, кто присутствовал при пробном запуске оборудования. Первым же его порывом было немедленно выехать на место, но желания разбились о реальность в виде срочного вызова в Гатчину, где нездорово выглядевший император Александр Третий довольно жестко (но в рамках, да) выразил свое недовольство манерами аристократа-промышленника. Мало того, он буквально вынудил князя дать обещание – не устраивать более никаких глупостей. Напоследок же государь еще и настоятельно порекомендовал принести свои извинения Альфреду Вендриху.

– Да пошел он!

А по возвращении из резиденции императорской семьи в хмурую Северную Пальмиру и так не шибко веселое настроение добила еще одна новость из Кыштыма – с первого химкомбината. Слава богу, там никаких взрывов не приключилось, а всего лишь лопнула труба высокого давления, выпустив наружу аммиак. Да, люди сильно отравились, а некоторых пришлось возвращать буквально с того света – но все же погибших нет. Чудом, не иначе...

– Ваше сиятельство?

«Интересно, что покажет расследование – и по Савватею с Марысей, и по неприятностям на заводе и химкомбинате. Все само по себе или же помогли?»

– Ваше сиятельство?..

По-прежнему погруженный в свои мысли, оружейный магнат отвернулся от окна, перед которым стоял уже долгое время.

– Н-да?..

Увидев в руках горничной серебряный поднос с одинокой визиткой по центру, Александр прямо с места глянул на вензель ее владельца. После чего хмыкнул и распорядился:

– Проси.

Пару минут спустя, когда незванный гость в форме лейб-гвардии Преображенского полка перешагнул порог кабинета, гостеприимный хозяин вместо обычного приветствия дружелюбно заметил:

– Признаться, я уже порядком заждался вас, граф.

Штабс-капитан Татищев, слегка поколебавшись с тем, какую именно манеру общения ему выбрать, чуть дрогнув лицом в намеке на улыбку и вернул упрек:

– Попробуй вас найди, коли вы с места на место разъезжаете!

– И то верно. Позвольте предложить вам вина? Или, быть может, чего покрепче?

– Кхм. С вашего позволения, я сразу к делу.

Помолчав и в некотором затруднении потеряв подбородок, гость все же не стал разводить долгих церемоний, выложив перед собой два белоснежных конверта – и сообщив затем хозяину дома о том, что имеет честь передать ему двойной вызов на дуэль. Первый – от штабс-капитана

второй роты первого батальона лейб-гвардии Преображенского полка по фамилии Навроцкий, того самого, что так неудачно схватился за шашку в привокзальном ресторанчике. А второй – от всех офицеров первого, «царского» батальона. Разом.

– Оригинальный вызов – вы не находите?

– Кхм?.. Во втором случае вашего противника определит жребий.

– А вот это уже лишнее, Сергей Николаевич.

– Э-э?

Встав, граф Татищев поинтересовался насквозь официальным тоном:

– Князь, следует ли понимать ваши слова как отказ принимать картель?.. [83]

Медленно и как-то очень внушительно встав на ноги, Александр холодно улыбнулся:

– Мои слова следует понимать так, дорогой граф, что я дам удовлетворение всем желающим.

Кивнув с видом «я в вас и не сомневался», аристократ деловито поинтересовался личностью тех, кто будет представлять интересы князя, – с тем, чтобы секунданты офицеров-«преображенцев» могли как можно скорее их увидеть.

– Я еще не определился в этом вопросе, дорогой граф.

Придвинув незапечатанные конверты к себе, оружейный магнат придавил их ладонью.

– Думаю, на этом ваше дело можно считать исполненным? Прекрасно. Не желаете ли отужинать?

От такого плавного перехода «преображенец» немного охренел. То есть – на пару мгновений впал в глубокую задумчивость. Затем в самых вежливых выражениях отказался от предложения, выразил сожаление, намекнул на свою невероятную загруженность делами и поспешил откланяться. Оставшись в одиночестве, аристократ-промышленник прошелся по кабинету, остановившись напротив стеллажей с книгами. Медленно, словно бы в нерешительности, провел кончиками пальцев по корешкам переплетов и задумчиво протянул:

– Действительно, забавный вызов.

Вернувшись за стол, Александр плодотворно поработал: для начала еще раз перечитал свое новое завещание, затем написал десяток распоряжений для совета директоров, оставив напоследок самое трудное. Полдюжины писем тем, кто был ему особенно близок и дорог. Оренбургский казак Григорий Долгин, купеческая дочка Ульяна Вожина, царский сын Михаил Александрович, обрусевший немец Валентин Греве, собственная тетя Татьяна Львовна и конечно же – любимая дочка Саша. Натуральная блондинка четырех лет от роду, взявшая от матери всю ее красоту, а от отца – редкий цвет глаз...

«А если принять во внимание кое-какие доклады от внедренной в дом милой Софи агентуры, то дочка у меня еще и большая умница!»

Конечно, он вовсе не собирался умирать – но предусмотреть все, что можно и нужно, был просто обязан. Закинув всю свою писанину в сейф, князь привычными движениями разжег

камин и основательно устроился напротив. Вернее, хотел это сделать – но отвлекся от созерцания изменчивого танца огня, услышав за окном глухое ворчание приближающейся грозы и первые удары тяжелых дождевых капель. Прямо на глазах свинцовые небеса разорвала изломанная линия ослепительно-яркой молнии, спустя всего пяток секунд стекла задрожали от раскатистого грома – а вдали уже полыхал новый разряд, на краткое мгновение осветивший чуть ли не все небо разом.

– Прямо как тогда...

Позабыв обо всем, Александр покинул кабинет, спустился на первый этаж и вышел на крыльцо. Постоял, вдыхая влажный воздух, затем шагнул под косые струи теплого майского ливня, запрокинув к плачущему небу лицо.

«А может, вся моя жизнь за последние семь лет – это всего лишь горячечный бред умирающего? И лежу я после удара молнии на земле, а вокруг беспомощно прыгают и суетятся приятели, с которыми приехал на злополучную охоту».

Против воли тряхнув головой от капель, попавших сразу в глаза, нос и уши, он направился в поле, расстилающееся за высокой поселковой оградой. Мутные струйки воды на мощеной дороге, прямо на глазах складывающиеся в настоящие ручейки, удивленные лица охранников при входе в поселок, моментально потяжелевшая от влаги одежда – и четкое ощущение двух внимательных взглядов за спиной. Телохранители...

Грр-дах!..

Когда всего в какой-то сотне метров от их подопечного саданул сине-белый ветвистый разряд, беспокойство охранителей его брэнного тела подошло к высшей точке – но в ответ на обращение-предложение вернуться под крышу они получили лаконичный приказ:

– Не мешать.

Впрочем, короткое путешествие уже закончилось. Его сиятельство князь Агреньев, фабрикант, промышленник, изобретатель и меценат, владелец заводов, газет и пароходов, – вновь замер под секущими нитями дождя. Стоял, ожидая непонятно чего, надеялся и боялся, чувствуя, как в глубине души просыпается нечто, порядком уже позабытое за время мирной жизни, – а небесная влага, что струилась по его лицу и телу, потихонечку смывала все его многочисленные маски и облики.

Тр-дах!!!

Первым пропал лохотенный аристократ – словно его никогда и не было. Вслед за ним последовал рачительный управленец, циничный предприниматель, щедрый меценат, хитроумный мошенник. Ушли, словно бы их никогда и не было, – светские условности, постоянные уступки общественному мнению, вечная осторожность в действиях и словах...

Гр-рум!..

Под свинцовыми тучами, промокший насквозь, но ничуть этим не опечаленный, – стоял и довольно улыбался прагматичный убийца, готовый окунуться в кровь не то что по шею – с головой, если только в этом возникнет нужда. Для безопасности тех, кого он любит и ценит, или для того, чтобы его мечта претворилась в жизнь.

вернуться

Письменный вызов на дуэль, который доставлял картельщик-секундант.

Грр-дах!!!

Необычайно толстая и ветвистая молния на долгое мгновение соединила близкие тучи и раскисшую землю, полыхнув так близко, что телохранители невольно присели, зажмурив глаза, – а их подопечный свирепо оскалился, ощутив дуновение близкой смерти. А затем вдруг удивительно четко вспомнил. Как он плыл в потоке черного света и смотрел на пролетающие мимо него разноцветные искры новых жизней. Или миров, укутанных в серебристо-синюю вуаль нереальности?.. Как давно это было – и как недавно!

«Когда-нибудь я туда вернусь...»

Грр!..

Медленно открыв глаза, Александр без какого-либо удивления констатировал, что гроза ушла. Нет, со стороны моря еще доносилось недовольное бурчание грома и падали последние капли поредевшего дождя – но в разрывах туч уже проглянуло яркое солнце, под лучами которого прежде унылое поле расцвело множеством разных оттенков зеленого и золотистого цвета. А еще... Похоже, влага с небес смыла не только все наносное, обнажив истинное нутро. Она еще забрала с собой и все накопившиеся страхи, переживания и сомнения. Как же легко стало вдруг мыслить и дышать!..

– Когда-нибудь я уйду, да. Но уйду победителем!..

Три дня спустя офицерское собрание лейб-гвардии Преображенского полка.

– Merde! [84]

Увидев, что он привлек несколько вопросительных и вполне понимающих взглядов, взбешенный штабс-капитан Навроцкий оставил в покое смятый газетный лист, за малым не выданный из свежей «Пти Паризьен».

– Вижу, вы тоже приобщились французской прессы, Сергей Сергеевич?

– Приобщился, ваше императорское высочество.

Увидев, как по лицу подчиненного гуляют желваки, командир первого батальона старейшего из гвардейских полков Российской империи сочувственно кивнул – статейка и в самом деле была... не комильфо, да. Ведь если верить ее автору, то служебные будни офицеров-«преображенцев» чуть ли не целиком состояли из веселых кутежей, флирта, разнообразных азартных игр и участия во всевозможных балах и приемах. Более того, этот гнусный писака на полном серьезе осмелился утверждать, что иные офицеры полка весьма своеобразно толкуют понимание суровой мужской дружбы – перечислив затем несколько довольно известных фамилий. Наглец чуть ли не в открытую назвал цвет лейб-гвардии содомитами!!!

– С-союзники!..

Пригубив из узкогорлого бокала превосходного редерера (а иного в собрании и не водилось), штабс-капитан окончательно успокоился. Впрочем, ради справедливости – он вышел из себя

совсем не из-за гнусных пасквилей французского журналиста – просто в последнее время ему было довольно-таки нелегко. Нелепая ссора с известным промышленником и меценатом породила в обществе целый вал совершенно противоречивых слухов – в большинстве своем отнюдь не лестных именно для Навроцкого и Вендриха. «Пир во время голодной чумы» и «отсутствие малейшего сострадания к умирающим сиротам» – самое малое, чего они удостаивались.

Нет, хамское и совершенно непозволительное поведение князя Агренева тоже нашло свое отражение в довольно-таки хлестком прозвище «торговец смертью», вот только прозвище это звучало крайне редко. Особенно после того, как чуть ли не вся империя узнала об этих его палаточных лагерях-приютах для крестьянских детей и участии в их организации и работе сразу дюжины старых и очень уважаемых аристократических фамилий. Голицыны, Оболенские, Юсуповы, Игнатьевы, Нарышкины... Кто бы мог подумать, что у Агренева такие связи?!..

– Пожалуй, тут я с вами соглашусь, Сергей Сергеевич.

Слегка рассеянно выразив подчиненному свою поддержку, цесаревич Российской империи вернулся к своим невеселым размышлениям. Его августейший родитель уже после второй статейки этого низменного писаки Луи Дюпрена... или все же третьей? Впрочем, какая разница – едва ознакомившись с ними, император тут же указал сыну навести порядок в своем батальоне. Мало того, он сделал это в таких выражениях, что переспрашивать и уточнять августейший комбат попросту не рискнул. Честно говоря, свежее испеченного полковника (и четырех месяцев не прошло, как всем собранием отмечали его новые чин и должность) больше всего тяготили не сами репрессалии – а тот факт, что их пришлось проводить именно ему. Как же он не любил такие вот моменты! Слава богу, матушка и Георгий оказали ему сочувствие и тактичную поддержку...

– Н-да.

В отличие от Мишкина, устроившего нежданный скандал прямо во время воскресного обеда. По завершении которого Николай как раз собирался в очередной раз поговорить с родителями о серьезности своих чувств к обожаемой Аликс – но после того, как младший брат открыто спросил, насколько правдивы слухи и статейки в иностранной прессе касательно Преображенского полка... К счастью, отец вовремя погасил нарождающийся конфликт – но при этом явственно был на стороне Михаила, держащегося на диво серьезно и даже требовательно. Какие уж тут разговоры о делах сердечных, после столь некрасивой сцены? Поэтому вместо того чтобы попытаться как-то переломить нежелание родителей видеть в Аликс будущую невестку, ему пришлось выслушивать наставления батюшки в скучных державных делах. А потом еще и обсудить будущее заседание Государственного совета, на коем он должен был председательствовать как цесаревич. Господи, ну зачем ему все это?!

Батюшка выглядит по-прежнему крепким как скала, и на покой в ближайшие лет двадцать точно не собирается – а значит, у Николая полным-полно времени для того, чтобы подготовиться к самостоятельному правлению. Все эти нудные лекции, вечные наставления, учения-мучения... Черт возьми, ну ведь это все может и подождать! В конце концов, молодость мужчине дается один раз, и прожить ее надо как можно насыщеннее!..

– Николай Александрович.

Вынырнув из размышлений о нелегких тяготах жизни наследника, великий князь поглядел в сторону обратившегося к нему штабс-капитана Татищева.

- Да?

Впрочем, вопрос был излишен – он и сам уже увидел новые лица в офицерском собрании. Более того, ему пришлось вставать и лично их приветствовать, потому что командиров Измайловского и Семеновского лейб-гвардии полков рядовыми гостями ну никак не назовешь.

- Рад вас видеть, Александр Александрович.

Генерал-майор Евреинов звучно щелкнул каблуками сапог, почтительно склоняя голову.

- Владимир Васильевич.

Второе приветствие прозвучало уже не так радушно (но все же вполне вежливо) – сказалось извечное соперничество между двумя старейшими гвардейскими полками. Впрочем, генерал-майор Пенский ничуть тому не обиделся, коротко кивнув и повторив щелчок каблуками.

- Ваше императорское высочество. Позвольте представить вам поручика Шиллинга, Николая Николаевича.

Незамеченный поначалу, из-за Евреинова вышагнул его подчиненный с кожаной папкой в руках, образцово четко отдав честь... и опять-таки почтительно поклонившись.

- Могу я узнать, что именно привело вас в нашу скромную обитель?

Покосившись друг на друга, генералы разом поскущели, а у цесаревича появилось и окрепло предчувствие близких неприятностей:

- Дело чести, ваше императорское высочество.

Пока член августейшей семьи мучительно подбирал приличествующие случаю слова, к нему пришла нежданная помощь: штабс-капитан граф Татищев вполголоса предложил гостям пройти в отдельный кабинет. Во-первых, чтобы не мешать будущему самодержцу земли Русской вкушать заслуженный отдых после целого дня утомительной службы. А во-вторых, дабы уже там без каких-либо помех и лишних ушей обсудить условия будущего поединка...

- Итак, господа, начнем. Как я понимаю, любое примирение меж сторонами...

Граф Татищев приличия ради поглядел на остальных секундантов-«преображенцев»: командира четвертой роты штабс-капитана Кашеринина, затем и поручика второй роты Ожерова.

- Увы, но нет.

- Тогда наш доверитель определяет средством разрешения разногласий в первом случае офицерскую драгунскую шашку образца одна тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года, а во втором – шестизарядный револьвер Смита и Вессона калибром в четыре и две линии.

вернуться

84

Дерьмо! (фр).

- То есть штатное оружие офицера Русской императорской армии?
- Совершенно точно, господа.
- Но...

Молчавший до этого генерал Пенский с едва заметным превосходством улыбнулся, глядя, как поручик Ожеров пытается аккуратно возразить.

- ...конечно, мы все помним, что кодекс ОБЫКНОВЕННО предписывает только три вида оружия: пистолеты, сабли и шпаги. Но согласитесь, господа, второй вызов ВЫХОДИТ за рамки обыденного, и наш доверитель имеет все возможности его не принимать. Однако же он пошел навстречу чаяниям ваших доверителей. А раз так, то мы имеем два поединка по особым условиям, кои и должны всемерно обсудить, а затем и утвердить. В противном случае... боюсь, картель может и не состояться.
- Даже так?..

Штабс-капитан Татищев принялся лихорадочно размышлять, ничуть не сомневаясь, что любой отказ выставит несостоявшихся дуэлянтов-«преображенцев» в самом невыгодном свете. Ах князь, хитрец этакий! Симпатии общества в этом вопросе явно будут на его стороне – ведь причиной ссоры является именно сомнение Агренева в воинских качествах как Навроцкого, так и его сослуживцев, поэтому выбор боевого оружия вместо однозарядного дуэльного пистоля имеет определенные основания...

И ведь как только и уговорил двух генералов на такое!.. Хотя командира «семеновцев», судя по всему, долго уговаривать и не пришлось.

- Не соблаговолите ли изложить и остальные ваши предложения?..

Через полтора часа секунданты оружейного магната покинули слегка притихшее собрание, оставив некоторую часть гостеприимных хозяев в весьма растрепанных чувствах. Штабс-капитаны Навроцкий и Кашерининов были нехарактерно молчаливы. Еще четыре офицера – совсем наоборот: немного возбуждены и самую малость смущены, узким кругом посвященных обсуждая довольно неожиданные условия картеля. Три поручика и один совсем юный подпоручик – еще недавно они буквально горели нетерпением и страстным желанием защитить честь своего полка... Собственно говоря, это желание так и не погасло, несмотря на крайне странные условия окончательно утвержденного картеля. Остальные гвардионцы, мучаясь от острого любопытства и не смея задать даже самый невинный вопрос, принялись искать утешения в привычных забавах:

- Господа, а не развеяться ли нам парой аршинов водки? [85]
- Надеюсь, на каждого?
- Именно, господа!..

Из общей палитры эмоций выделялся один лишь цесаревич Николай Александрович, который был попросту растерян. Во-первых, он еще ни единого разу не сталкивался с дуэльной «прозой жизни». А во-вторых, августейший полковник слишком поздно вспомнил просьбу-рекомендацию царственного отца – насчет того, чтобы спустить дело со ссорой Навроцкого и князя Агренева на тормозах, в идеале добившись от них полного примирения. Он же, пустив все на самотек и положившись на волю обстоятельств, об этом деле попросту... забыл.

Поглядев по сторонам и увидев повсеместное оживление, цесаревич тихонечко вздохнул:

– Рара будет крайне недоволен!..

Довольно поздним утром первого июля одна тысяча восемьсот девяносто третьего года рядом с небольшим леском, шелестевшим своими листьями всего в двух верстах от Санкт-Петербурга, собралось очень представительное общество. Первыми на место прибыла молчаливая компания офицеров: два штабс-капитана и поручик – все в мундирах Преображенского полка. Почти сразу к ним присоединился мужчина в сюртуке траурных тонов, в руке которого был пузатый медицинский саквояж. Ну а затем зелень пехотных мундиров разбавил генерал-майор в мундире лейб-гвардии Семеновского, поручик-«измайловец» и отставной ротмистр пограничной стражи. Надо сказать, последний в своей довольно невзрачной форме выглядел этаким бедным родственником среди окружающего его гвардейского великолепия.

– Позвольте поприветствовать вас, князь. Я рад бы пожелать вам доброго утра – но, увы, его таковым никак не назовешь... Вы позволите?

Проверив, чтобы под белоснежной сорочкой ротмистра не было ничего, могущего отклонить или даже задержать на славу отточенный клинок, граф Татищев учтиво кивнул. И, уже собравшись отойти, уловил странную несуразность и замер, пытаясь понять – что это такое с глазами светловолосого аристократа? Они как будто бы... мерцали?!

– Князь, позвольте поинтересоваться вашим...

Уже начав задавать вопрос, Сергей Николаевич вдруг остро осознал его полную неуместность. Какая, к черту, разница, как там себя чувствует дуэлянт? Да, Агренов вполне заслуженно снискал славу отличного стрелка, и в обычных обстоятельствах его шансы выглядели бы куда предпочтительней – но первая дуэль будет на клинках, а каких-либо талантов в искусстве фехтования за «сестрорецким затворником» доселе не замечено. В отличие от штабс-капитана Навроцкого, имеющего вполне заслуженную славу опытного рубаки. Но!.. даже если чудо и произойдет и князь сможет выйти на второй поединок – никто и ничто не сможет даровать ему, несомненно израненному и уставшему, победу. Не против четырех противников разом!.. Тем более что оружейный магнат ни единого раза не поучаствовал в «дружеских встречах» на аренах своего «Колизеума», а значит, даже и мало-мальски полезного опыта приобрести не мог.

– Сергей Николаевич?..

– Кхм. Я бы хотел узнать... а как обстоят дела с вашим пари.

С явным удивлением поглядев на графа, отставной ротмистр чистосердечно признался:

– Благодарю, оно окончилось вполне благополучно.

– То есть вы?.. Кхм. Не будет ли наглостью с моей стороны узнать, во что обошелся вашему приятелю его проигрыш?

– Пустяки, триста тысяч.

Услышав за спиной сдавленный кашель, секунд-«преображенец» натянул на лицо маску деловитой невозмутимости и только после этого развернулся, узрев изрядно удивленного (если не сказать больше!..) темой беседы поручика Шиллинга.

- Пора!

К дуэльному распорядителю генерал-майору Пенскому отставной ротмистр и вполне себе находящийся на действительной службе штабс-капитан подошли одновременно – и если первый был преисполнен всего лишь терпеливого ожидания, то второй отличался едва заметной бледностью, вдобавок был предельно серьезен и убийственно хмур.

- Господа. Я в последний раз предлагаю вам примириться.

Выждав приличествующую паузу, командир Семеновского лейб-гвардии полка негромко скомандовал:

- К оружию!

Первым неприятным сюрпризом для Навроцкого стала шашка в руках противника – с позолоченной рукояткой, анненской «клюквой» и георгиевским темляком. Золотое оружие, награда истинных храбрецов! Второй же неприятный сюрприз заключался в том, как именно его обидчик выполнил короткую разминку. Слишком уж привычно-выверенными были все его движения...

- Господа. Позвольте напомнить вам еще раз: парирование и отвод ударов свободной рукой недопустимы, и если только подобное произойдет, секунданты тотчас привяжут ее к поясу участника. Также, в том вполне вероятном случае, если чей-либо клинок придет в негодность, другому дуэлянту полагается немедленно прекратить поединок и отойти три шага назад – до замены противником своего оружия. Нарушителю сего правила – смерть.

Вновь сделав паузу, достаточную, чтобы дуэлянты в полной мере прониклись сказанным, генерал рявкнул отменно поставленным командирским голосом:

- Изготовиться к поединку! Бой!

Сшихх. Сших-сшии!..

Несколько пробных ударов окончательно подтвердили все догадки «преображенца» – его противник был далеко не новичком в искусстве фехтования на длинных клинках. Причем (и это было хуже всего!) стиль князя был явно далек от классического.

- Х-ха!

Сших-сшии-клац!..

Где-то с минуту секунданты наблюдали, как штабс-капитан пытается попасть по верткуму и на диво гибкому гражданскому штафирке, явственно начиная злиться от постоянных неудач. И наблюдали бы и дальше, но на выходе из очередного уклонения князь ударил сам – не по чужому клинку, а по руке, что его держала...

- А!..

С предвкушающим шипением рассекаемого воздуха стальной змей слегка зацепил-укусил выставленную вперед ногу, а затем, на мгновение буквально размазавшись от скорости, легко и невесомо коснулся беззащитной шеи. Долгие мгновения полного молчания, нарушенные вырывавшимся из узкой щели клокочущим сипением и фонтанчиками крови, – а затем обмякшее тело упало навзничь, еще не веря в свою скорую смерть.

Аршин водки – сленговое название гвардейской забавы, когда наполненные стограммовые рюмки выставляли одну за другой в линию длиной 71,12 см (аршин), после чего методично осушали. Еще была так называемая лесенка, когда рюмки с водкой или бокалы с шампанским выставляли вдоль какой-либо лестницы и так же старательно опустошали. Разумеется, счет в этом случае велся в «ступеньках».

Грлк!..

Слегка позеленевший поручик Волжин резко отвернулся, граф Татищев едва заметно сглотнул, а встрепенувшийся доктор бросился к побежденному.

– Дуэль окончена!

Многоопытный генерал, успевший повидать за свою жизнь и не такое (особенно во время последней русско-турецкой войны), на судорожные конвульсии быстро затухающей агонии смотрел совершенно спокойно. Да и вообще, чувствовал некое удовлетворение – его симпатии были целиком и полностью на стороне отставного ротмистра с мягкой полуулыбкой на губах и окровавленным Золотым оружием чуть на отлете. А вот «преображенец» и «измайловец», побледневшие от вида и запаха крови так, словно они были и не офицерами русской гвардии, а какими-то изнеженными девицами-институтками, вызвали в нем лишь глухое раздражение. Все же прав был его доверитель – обмельчала гвардейская порода, как есть обмельчала!..

– Доктор, что там?..

Отойдя в сторону от умирающего, князь резко крутнул шашкой, стряхивая на смятую траву тягучие капли густого багрянца. Затем прошелся по клинку извлеченным из-за голенища платком и внимательно осмотрел сталь на предмет возможных царапин и зазубрин.

– Князь, мои поздравления.

Светловолосый аристократ с учтивой признательностью склонил голову, возвращая наградное оружие в теснины ножен.

– Благодарю.

Проследив, как отставной ротмистр возвращает на свои плечи скинутый перед поединком мундир, Пенский перевел взгляд на служителя Асклепия – дабы увидеть, как тот встал и медленно перекрестился.

– Господа секунданты, прошу подойти ко мне, нас ждут печальные формальности.

Сорок минут спустя, когда к рощице подкатил экипаж с командиром лейб-гвардии Измайловского полка, все уже было окончено. Тело штабс-капитана Навроцкого перенесли в один из экипажей и накрыли плотной накидкой, вернувшие себе прежнее самообладание секунданты согласовали и подписали дуэльный протокол, и даже доктор успел отмыть-оттереть свои основательно испачканные руки. Собственно, о случившемся напоминало лишь бурое пятно с весьма характерным запахом и небольшой пяточек изрядно потоптанного разнотравья.

Но чтобы увидеть эти свидетельства, надо было четко знать, куда смотреть. Вернее, не так: для начала, требовалось отойти от рощицы примерно на сотню шагов, а вот потом уже и оглядываться...

- Добрый день, Владимир Васильевич.

Генерал-майор Евреинов, принявший на себя обязательства дуэльного распорядителя второго поединка, с интересом поглядел на князя Агренева, коий прилег недалеко от них в тенишке на клетчатый плед. И не просто прилег, а внимательно и с явным интересом читал свежую утреннюю газету, время от времени отпивая из небольшой походной кружечки свежезаваренный чай. Словно бы приехал не на дуэль, а на небольшой загородный пикничок в приятной компании... Газета – ладно, но как он умудрился раздобыть горячий чай?!

- Добрый, Александр Александрович.

- Могу я узнать, как все произошло?

Немного помолчав, командир лейб-гвардии Семеновского полка лаконично обрисовал коллеге по нелегкому секундантскому ремеслу недавний поединок:

- Наш доверитель уложился в минуту и пятнадцать секунд. Вначале прошел его удар в запястье оружейной руки, затем по правому колену и в завершение – шея.

Сняв фуражку, генерал-майор Евреинов благочестиво перекрестился:

- Царствие небесное штаб-ротмистру и вечный покой.

Вернул фуражку на место и деловито осведомился:

- Ранен ли князь?

- Нисколько. Собственно, он даже и запыхаться не успел.

- Прекрасно!

Понизив голос до интимного шепота, комполка с нотками раскаяния признался, что заключил небольшое пари на результат первой дуэли. Ничего серьезного, да и выигрыш принесет скорее моральное удовлетворение, нежели материальный результат – но все же, все же...

- Добрый день, ваше превосходительство!

На сияние генеральских регалий подтянулись и секунданты-«преображенцы», затем штабс-капитан Кашерининов и поручик Шиллинг почти одновременно шелкнули крышечками своих часов.

- М-да.

Покосившись на мирного сестрорецкого фабриканта, приступившего к чтению последнего разворота «Аргументов и фактов», граф Татищев с явным трудом удержался от соответствующего комментария. Вместо этого он глянул на дорогу, по которой вот-вот должны были прибыть его доверители, и поинтересовался вслух – обращаясь ко всем и ни к кому определенному разом:

- А мне вот интересно, господа... откуда это взялись такие необычные условия второй дуэли?..

Его надежды полностью оправдались, вот только ответили ему не генералы, а скромный поручик Измайловского полка:

– Из Нового Света. Там оскорбленный и его обидчик берут по винчестеру, небольшой запас патронов и заходят в лес – ну а там уж как Господь рассудит.

– Вот как? И от кого же вы подобную... подобное услышали, Николай Николаевич?

Пропустив мимо ушей отчетливый намек на слово «чушь», Шиллинг едва заметно улыбнулся:

– От его императорского высочества Михаила Александровича. Да и служители «Колизеума» об этом как-то упоминали. Мельком.

Все помолчали, признавая авторитет таких источников (вернее, источника, родившегося в августейшей семье), а затем Татищев вновь продолжил коротать время за небольшой беседой:

– Занятные обычаи в этой Америке, вы не находите? Вот, к слову...

– Господа...

Шестеро секундентов расступились перед князем Агрневым, умудрившимся подобраться к офицерам практически вплотную. Пара травинок на рукаве, в руках свернутая вдвое газета и выражение лица, более подходящее для какого-нибудь бала или приема – потому что в нем проглядывала явная скука.

– ...у меня есть небольшое предложение. Пока не прибыли ваши доверители...

Газета упала на землю, а в руках улыбнувшегося дуэлянта оказались небольшая серебряная фляжка и шесть маленьких стопочек из нержавеющей стали.

– Не выпить ли нам за здоровье государя императора?

Эпилог

Когда главе Военного ведомства Российской империи, генерал-адъютанту свиты его императорского величества Петру Семеновичу Ванновскому пришло высочайшее повеление-вызов в Гатчинскую резиденцию, он почти сразу понял. О чем, а вернее будет сказать – о ком именно ему придется держать отчет. И это понимание изрядно помогло ему выстоять во время державной грозы, под грозными раскатами монаршего гнева.

– Наглец!.. Он превратил дуэль в какой-то низкопробный фарс, в балаган!.. в этакий пленэр на свежем воздухе, где все дегустируют напитки и веселятся!..

С трудом удержавшись от того, чтобы не приложиться кулаком к крышке стола, массивный и изрядно располневший за последнее время царь Александр Третий перевел дух и... внезапно успокоился.

– Садитесь. Что вы можете предложить в сложившейся ситуации?

– Государь...

Присев на самый кончик стула, Ванновский тихонько кашлянул, аккуратно подбирая слова.

- ...касательно горячительных напитков, имевших быть место на дуэли...

- Да знаю я! Все знаю. Ваш князь Агренов угостил своих и чужих секундентов прихваченным с собой коньяком – и попробовали бы они отказаться выпить за мое здоровье! Я спрашивал вас об ином!..

Видя, что военный министр не вполне понимает, что от него требуется, самодержец Всероссийский милостиво уточнил:

- В Преображенском полку, а также и в некоторой части общества – как вы несомненно знаете, – царят определенные настроения...

Действительно, исход двойной дуэли, против ожидания, ничуть не утихомирил вражду между старейшим полком лейб-гвардии и единственным в империи оружейным магнатом, а лишь перевел ее на более высокий уровень. Слишком уж звонкая оплеуха получилась, слишком уж убедительной оказалась победа гражданского штафирки над блестящими офицерами – делая слова князя Агренова о боевых качествах «преображенцев» похожими на чистую правду. Как такое стерпеть наследникам и представителям знатнейших фамилий империи? Смешки и скрытые издевки офицеров других полков, шепотки прекрасных дам, участливые вопросы родни?.. Пока их от нового картеля останавливал только прямой запрет командиров и (в большей степени) та легкость, с которой «сестрорецкий затворник» отправил на тот свет далеко не худшего рубаку. Впрочем, получить пулю в правое плечо и запястье, по примеру оставшихся живыми дуэлянтов, – тоже прельщало мало. Потому как служить те офицеры более не смогут; чашку кофе или шляпу поднять еще получится, а вот револьвер или шашку...

- Государь, для остужения излишне горячих голов в полку осмелюсь предложить устроить интенсивные учения. С обязательным марш-броском на полсотни верст, ночными тревогами, практическими стрельбами и отражением внезапных атак.

- Хм.

Мысль немного погонять свою гвардию в поле императору вполне понравилась – особенно тем, что была созвучна его собственным мыслям. Заодно и его наследник хлебнет настоящих тягот воинской службы – и хоть ненадолго, да перестанет доставать родителей с этой своей Аликс!..

- Перед этим было бы желательно напомнить господам офицерам об истории, приключившейся с Семеновским полком в одна тысяча восемьсот двадцатом [86]. И выразить высочайшее неудовольствие столь низкой боевой подготовкой.

- Хм?..

Воодушевленный явными интонациями одобрения, военный министр энергично продолжил:

- Что касается князя Агренова...

Монарх откинулся на спинку стула (отчего тот жалобно скрипнул) и вполголоса определил вектор дальнейших предложений:

- Его надо убрать из столицы до тех пор, пока все страсти не улягутся. И так, чтобы новые вызовы ни ему, ни с его стороны были бы невозможны. Хватит и того, что он лишил меня пятерых хороших офицеров!

- Тогда запрет на проживание? [87]

Поняв, что он двигается в верном направлении, Петр Семенович предположил:

– Сроком как раз до окончания модернизации казенных оружейных заводов?.. Да, определенно. А чтобы с гарантией, его надо услатить на Дальний Восток. Заверяю вас, государь, переустройство казенных оружейных заводов от этого никак не пострадает.

Совершенно успокоившийся император невесело покачал головой:

– Услатить такого занозу было бы неплохо – вот только у вашего протеже оказалось на диво много заступников.

Вспомнив, какая вереница посетителей у него побывала, бородатый великан страдальчески поморщился: почти все молодое поколение великих князей, кое-какие командиры гвардейских полков, начальник Главного инженерного управления, министр финансов, товарищ министра внутренних дел, начальник Морского ведомства... Даже туда со своим гренигом и телефонами пролез, паршивец! Но хуже всего было слушать супругу и младшего сына – им ведь просто так не откажешь.

– Государь, я неправильно выразился. Ни в коем случае нельзя ПРОСТО высылать князя Агренева или еще как-то ущемлять его права, ибо промышленниками и изобретателями такого масштаба разбрасываться просто-таки непозволительно! Даже более того, преступно!!! Мы ведь знаем, что это человек особой породы. И, будучи правильно употреблен, он может и далее приносить немалую пользу, причем всей империи в целом. Но и обида его может немало навредить, а посему...

– Петр Семенович. Что. Вы. Предлагаете?

Оборвав высокий слог, генерал-адъютант начал говорить конкретнее и короче – как, собственно, и полагалось человеку военному:

– В нынешней его должности чиновника по особым поручениям прикомандировать к штабу Приамурского генерал-губернатора Духовского, с заданием устройства материальной части тамошней пограничной стражи. Строительство застав, дорог, налаживание надежной связи, ну и тому подобное. Попутно пусть проработает пути разрешения вопроса с браконьерством китайских и японских рыбаков в наших водах и проинспектирует тамошние арсеналы и мастерские.

– Гм!.. Звучит недурно.

– Более того. Зная князя Агренева так, как знаю его я, – можно с уверенностью говорить, что он и на Дальнем Востоке изрядно оживит местную коммерцию и промышленность.

Побарабанив пальцами-сосисками по лакированной поверхности стола, император парой фраз закруглил аудиенцию. Посидел недолго в полном одиночестве, а затем вытянул из ящика пустой лист орленой бумаги, украшенной многочисленными вензелями-завитушками, и вновь задумался.

– Значит, Дальний Восток...

Июнь 2013 – май 2014

вернуться

Тогдашний командир полка Ф. Шварц так замучил солдат и офицеров своей патологической жестокостью, рукоприкладством и строевой подготовкой во внеурочное время, что те подали на него жалобу вышестоящим чинам. Которые в результате короткого разбирательства разогнали солдат и офицеров по обычным пехотным полкам, а новый лейб-гвардии Семеновский полк набрали из армейских гренадер.

вернуться

87

Вид наказания для аристократов, когда им запрещалось жить в столице. Посещать ее было можно, но вот ночевать – только за пределами города...

mir-knigi.org